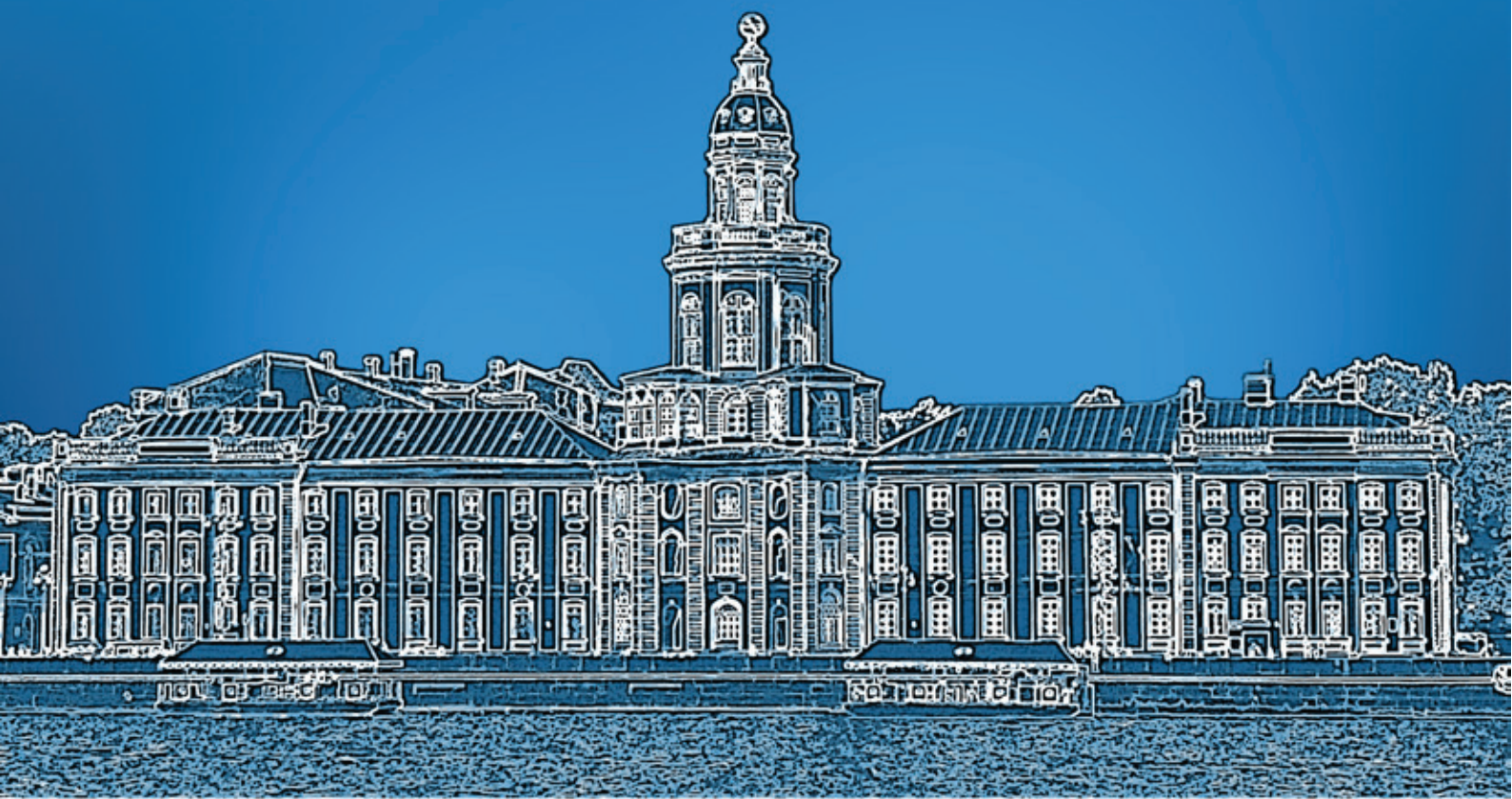

МОЛОДОЙ
учёный

III Международная научная конференция

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Санкт-Петербург

Главный редактор: *Г. Д. Ахметова*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, М. А. Игнатова, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, Н. С. Сенюшкин, И. Г. Ткаченко, А. С. Яхина

Ответственные редакторы:

Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. Т. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), В. А. Куташов (Россия), О. А. Козырева (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). — СПб.: Свое издательство, 2015. — vi, 154 с.

ISBN 978-5-4386-0808-0

В сборнике представлены материалы III Международной научной конференции «Филологические науки в России и за рубежом».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ**Саморокова Ю.А.**

Семантическое поле фамилий в пьесах А. Вампилова 1

Суровцева Е.В.

Демьян Бедный и Сталин. По материалам переписки. 2

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Курбанова С.Б., Исмаилов И.А.

О литературном наследии Агахи 14

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Бабаджанова У.Б.

Типология художественности тюркских версий дастана «Саёд и Хамро» 18

Бабаджанова У.Б.

Изображение героических мотивов в дастане «Саёд и Хамро» 21

Пирназарова М.М., Атаханова В.Р.

«Книга моего деда Коркуда» и хорезмский эпос 23

Сариев С.М.

Рукописный вариант узбекского героического эпоса «Гёроглы» и творчество узбекских народных бахши 27

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абугасанова В.А.

Тема Великой Отечественной войны в поэзии поэтов Сумгаита 32

Букатникова С.Д.

Позиционное распределение синтаксических редупликаций на внутритекстовом отрезке пространства-времени. 35

Кордас К.А.

Сны и сновидения в романе «Крестовые сестры» Алексея Ремизова 39

Кубышкина В.О.

Время и Вечность как категории гностического учения в романе А. Старобинец «Первый отряд. Истина». 43

Пашкевич О.И.

Художественное воплощение национального характера в творчестве В.С. Яковлева-Далана 46

Шумбасова Е.В.

Экзистенциализм и военная проза советского периода. 48

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**Абдувалиева Д.А.**

Статистический анализ самостоятельных слов в исторических трудах Алишера Навои 52

Абдуллаев Р.Ф.

Особенности реализации модальных значений в коммуникативной стратегии (гендерный аспект)..... 56

Аверкова О.В.

Как выглядит баба (женщина) в представлении современного носителя русского языка (по данным газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка) 59

Астраханцева М.В.

Своеобразие синтаксических конструкций в произведениях Л.Н. Толстого. 66

Белозерова Ю.В., Абрамова С.Ю.

Языковые клише как средство общения на иностранном языке 68

Беляева Е.В., Ли Юнь

Коммуникативные стратегии пользования языком (на материале речевых ошибок китайских студентов) 70

Бердыев Х.Х.

Некоторые вопросы употребления утовостроительных (юртастроительных) терминов в тюркских языках. 72

Блинова И.С., Красавский Н.А.

Функции эпитета в художественном тексте 75

Брагарник-Станкевич О.С.

Semantic Division of English Verbal Zoonyms. 79

Головнёва Ю.В., Чорната О.О.

Метафоры внутреннего мира человека в романе Герберта Уэллса «Машина времени». 81

Ережепова С.К.

О преподавании русского языка как неродного в техническом вузе 84

Занегина А.А.

Аксиологический потенциал устойчивых сравнений в лирике Н.С. Гумилёва 85

Конева Е.А.

Аттракторно-интерференционный механизм паронимического смешения 87

Кувыкова Д.С.

Многообразие письменностей мира 90

Куралева Т.В.

Функциональная вариативность дискурсивного сочинения в нарративе (на материале современного английского языка) 92

Майер П.А.

Особенности синонимии в фитонимах донских говоров 95

Махмутова Д.Ф.

Универсальное в оценочной природе оппозиции 'легкий – тяжелый' (легкий – тяжелый, light – heavy, жиңел – авыр) 97

Мусина Г.Ф.

Способы образования сложных физико-технических терминов в татарском языке 100

Семчук Е.В., Найданова Г.И.

Иностранный язык как предмет приобщения студентов к духовным ценностям 102

Сидорина Е.В.

Способы экспликации измененного состояния сознания в художественном произведении 105

Суханова А.С.

Языковые особенности дискурса политического движения «Пяти звезд» (на примере выступления Б. Грилло) 107

Сырцова М.В.

Феномен улыбки в русской и англоязычной культуре 109

Тиллаева М.Б., Уразбаев А.Д., Норбаева Ш.Х.

О составном анализе некоторых региональных названий одежд 112

Ханджани Л., Эбрагимпур З.

Семантические особенности предлога «в» в предложном падеже (на материале русского и персидского языков) 114

Щепотина Е.В.

Экспериментальное исследование концептов freedom, law, свобода, закон в английской и русской лингвокультурах 117

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ**Григорьева Н.Ю.**

Приёмы создания художественного образа в поликодовых текстах политической коммуникации (на примере антропоморфизма) 120

Журавлева Е.В., Каменский М.В.

Прагматический потенциал иронии в англоязычных средствах массовой информации 123

Лавошникова Э.К.

MS Word: Тестирование проверщика правописания и причины пропуска ошибок 125

Ревенко А.А.

Программы о страноведении на центральном телевидении: исторический аспект 127

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ**Аверкова О.В., Козикова Н.Ю.**

Проблемы перевода метафор и влияние индивидуальных особенностей переводчиков в романе Дж. Р.Р. Толкиена «Хоббит, или Туда и обратно» в переводах Королева К.М., Маториной В.А., Рахмановой Н.Л. 133

Айрян З.Г.

Армянская поэзия в творческом наследии Михаила Дудина. 136

Дроздова К.А.

Машинный перевод: история, классификация, методы. 139

Инасаридзе Т.П., Наскидашвили Н.Д.

Фраземы-афоризмы репрезентирующего концепта «Сердце» в англо-русско-грузинских лингвокультурах в вузе (на материале бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре») 141

Кузнецова Е.П., Титаренко В.И.

Словарь как предмет лексикографии 144

Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф.

О принципах перевода трудов французских историков эпохи Просвещения (на примере П. — Ш. Левека) 146

Пархомик В.В.

Модуляция и антонимический перевод как способы перевода контекстов с ФЕ невербального поведения человека из сказок братьев Гримм с немецкого языка на русский и белорусский языки. 149

Шустова Д.С.

Лингвистические особенности речевых оборотов, распространенных в различных культурах 151

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Семантическое поле фамилий в пьесах А. Вампилова

Саморокова Юлия Александровна; студент

Тюменский государственный университет, филиал в г. Тобольске

Для определения семантического поля фамилий было использовано шесть пьес А. Вампилова: «Прощание в июне», «Старший сын», «Утиная охота», «Провинциальные анекдоты», «Прошлым летом в Чулимске», «Кладбище слонов», «Несравненный Наконечников», «Дом окнами в поле» [1, с.778].

Во всех пьесах А. Вампилова все первостепенные герои названы по фамилии. Для анализа было выделено 37 единиц.

После исследования фамилий были структурированы три семантических поля:

- 1) Фамилии, раскрывающие характер персонажей;
- 2) Фамилии, раскрывающие внешний облик персонажей;
- 3) Фамилии, раскрывающие внутреннее состояние персонажей.

К фамилиям, раскрывающим характер персонажей, мы отнесли 26 антропонимов.

Букин — фамилия образована от прозвища. Чаще всего, Букой называли нелюдимо, неразговорчивого, угрюмого человека. Нельзя исключить и связь прозвища со сказочным страшилищем, Букой, которым путают детей. В пьесе мы его видим за торжеством, он женится на Маше, но по развязке сюжета все герои постепенно начинают расходиться из-за того, что Букин обособляется от людей, тем самым давая понять, что хочет остаться один (из пьесы «Прощание в июне»);

Колесов — фамилия образована от существительного «колесо». Колесо — движение по кругу. Так и события, связанные с Колесовым, в произведении идут по кругу. В начале произведения он встречает девушку Таню на остановке, после основных событий он опять встречает Таню на той же остановке, но уже она не желает с ним общаться. Так, в самой фамилии заложена метафора судьбы главного героя (из пьесы «Прощание в июне»);

Золотуев — в основе значения лежит сема «золотоискатель», герой прибывал длительное время в северных краях, где добывал полезные ископаемые, в том числе золото. В связи с этим, в нем развилось такое качество как корыстолюбие (из пьесы «Прощание в июне»);

Сарафанов — фамилия, как мы думаем, связанна с фразеологизмом «сарафанное радио». В фольклоре

вампиловского времени словосочетание «сарафанное радио» означало: «молва, слухи, летучие разговоры, устная информация, сплетни». Сарафанов в пьесе — любитель посплетничать, он разносит нежелательную молву о событии, которое происходит в его семье (из пьесы «Старший сын»);

Бусыгин — фамилия встречается в исследовании лингвиста — слависта Б. Унбегауна, где имеет толкование «хвастун». В ряде других словарей данная фамилия созвучна по произношению с Бузыгиным и Бузыкиным, восходящая «к прозвищам», каждое из которых могло быть дано либо любителю выпить, либо драчливому, буйному человеку. Герой Бусыгин содержит в себе все качества, присущие этой фамилии (из пьесы «Старший сын»);

Угаров — этимологию фамилии чаще всего возводят к существительному «угар». В говорах оно, в частности, имеет значение «лихой, отчаянный парень, удалой кутила и буйан», «угарить — вздорить, бестолково браниться, ссориться». Приведем цитату из описания персонажа: «... его гнетет похмелье после долгого пиршества... он проворен, суетлив, не лишен оптимизма.»... На протяжении всего сюжета он, экспедитор, чувствует во всех ссорах, пытается вывести других героев на эмоции (из пьесы «Провинциальные анекдоты»);

Анчугин — фамилия сходна с Анчутин — от прозвища «анчутка», что в ряде говоров означает «черт, бес», «леший», «неряха», «грязнуля». По одной из версий фамилия была подобрана лишь как антитеза герою — «ангелу» — Хомутову (из пьесы «Провинциальные анекдоты»);

Группа фамилий, которые раскрывают внешний облик персонажа включает 6 единиц.

Ступак — фамилия восходит к прозвищу «ступа», что означает неуклюжий, тяжелый, толстый, неповоротливый человек. Практически полное совпадение этого значения с ремаркой А. Вампилова: «упитанный молодой человек лет тридцати» (из пьесы «Провинциальные анекдоты»);

Астафьева — фамилия от производной формы христианского личного имени Евстафий (греч. «хорошо построенный, крепкий, здоровый»). В целом, толкование соответствует ремарке автора: «... это привлекательная женщина» (из пьесы «Дом окнами в поле»);

Дутов — фамилия директора театра восходит к прозвищам «дутьш, дутик». В говорах обозначает «человек полный в лице или вообще плотный коротыш, толстячок». А. Вампилов дает такую характеристику этому персонажу: «мужчина лет шестидесяти, тучный, лысеющий, вытирающий пот со лба и шеи» (из пьесы «Несравненный Наконечников»);

К семантическому полю фамилий, которые раскрывают внутреннее состояние героя, относятся 5 единиц.

Шаманов — фамилия образована от существительного «шаман». «Шаман занимался вызовом дождя, беседами с умершими и т.п. Шаманские действия и ритуалы осуществляются во время транса, при этом, как правило, используется бубен или барабан, или же особые танцы и заклинания. Считается, что во время камлания душа шамана покидает тело и путешествует по другим мирам — поднимается на небо, спускается под землю, входит в ад [5, с.289]. В начале пьесы герой описан, так «во всём у него наблюдается неряшливость, попустительство, непритворные небрежность и рассеянность. Иногда, слушая собеседника, он, как бы внезапно погружаясь в сон, опускает голову. Время от времени, правда, на него вдруг находит оживление, кратковременный прилив энергии, после которого, впрочем, он обычно делается особенно

апатичным». Значение фамилии полностью соотносится с внутренним состоянием персонажа (из пьесы «Прошлым летом в Чулимске»);

Веселый, Серьезный, Строгая — фамилии второго плана, это либо «маски», либо фигуры, несущие чисто функциональную характеристику. В пьесе по репликам этих героев можно проследить значение их фамилий:

Веселый: Минутку внимания! Давайте же мы выпьем за их здоровье, а Колесов тем временем пусть бежит по улицам. За вас, женщины!

Серьезный: Опять? Нет, так невозможно. Вы навязывает бешеный темп.

Строгая: Добрый вечер. Я не стала бы мешать вашей свадьбе, но, как член студсовета, я должна вас предупредить: в общегититии ректор (из пьесы «Прощание в июне»)[3, с.56];

Макаров — фамилия происходит от личного имени «Макар», что обозначает «блаженный, счастливый». Герой на протяжении всей пьесы радуется жизни, оптимистичен в любой ситуации (из пьесы «Прошлым летом в Чулимске»).

Многие фамилии из пьес не вошли ни в одну группу классификации, так как либо фамилия не несет за собой яркой семантической окраски, либо значение фамилии не играет важной роли.

Литература:

1. Вампилова, О. М. Вампилов А. В. Избранное. — М.: Согласие, 1999. — 778с.
2. Суперанская, А. В., Суслова А. В. Современные русские фамилии. — М., Наука, 1984. — 768с.
3. Сушков, Б. Александр Вампилов / Б. Сушков — М.: Писатели Советской России, 1989. — 168с.
4. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка/ М. Фасмер. — АСТ: Астрель, 2009 — т. 4. — 587с.
5. Федосюк, Ю. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь/ Ю. Федосюк/ — М.: Дет. Лит., 1981—397с.
6. Унбегаун, Б. Г. Русские фамилии//Пер с англ./Общ. ред. Б. А. Успенского. — М.: Прогресс, 1989. — 443 с.

Демьян Бедный и Сталин. По материалам переписки

Суровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Демьян Бедный [настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов; 1/13 апреля 1883, д. Губовка Александровского у. Херсонской губ. — 25 мая 1945, Москва] — поэт, публицист (основные факты биографии Демьяна Бедного взяты из [11]; см. также [4; 6; 28; 29]). Родился в крестьянской семье; в 1896 г. поступил в Киевскую военно-фельдшерскую школу. В это же время сам начал писать стихи. Как лучший ученик школы, проявлявший творческие способности, он был представлен инспектору-попечителю военно-учебных заведений великому князю Константину Константиновичу (К. Р.), который, оценив его способности, в виде исключения разрешил по окончании школы (1900) сдать экстерном экзамены за курс классической гимназии и продолжить образование — при условии обязательной службы в армии в течение 2 лет по окончании учёбы. Отбыв

воинскую повинность в качестве фельдшера в военном лазарете Елизаветграда, Бедный в 1904 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета; впрочем, университет он так и не окончил.

До 1908 г. его стихи и поэмы носили сугубо эпигонский характер; образцом для подражания первоначально были Лермонтов и Некрасов.

С весны 1911 г. Бедный стал активно сотрудничать с большевистскими изданиями «Звезда», «Правда», «Просвещение», весной 1912 г. вступил в РСДРП. Именно в большевистской печати появилось программное стихотворение «О Демьяне Бедном, мужике вредном» (1909; опубликовано: Звезда. 1911. 16 апреля).

Бедный сам с гордостью называл себя «присяжным фельетонистом большевистской прессы»; его рифмованная

публицистика превратилась в ответственную партийную работу — агитационно-массовую, пропагандистскую. Эстетство, художественная взыскательность отвергались Бедным как интеллигентская «литературщина» и стилиевая «буржуазность». Для большевиков «товарищ Демьян» был настоящей находкой; он брался за любую тему, становившейся актуальной и нужной для партии, «укладывая» её в сугубо традиционные, банальные формы. Как правило, сочинения Бедного на заданную тему носили иллюстративный и декларативный характер, однако это искупалось искренностью, героическим пафосом, остроумием.

Эпигонские тенденции поэтического творчества Бедного в дальнейшем не исчезли, но обрели новое стилевое русло и иную идейно-стилевую направленность.

Эффект воздействия поэзии Бедного на неподготовленных, малообразованных, не отягощённых культурой читателей превосходил все ожидания — как позитивные, так и негативные. Он целиком держался на популизме Бедного, совершенно сознательном и нередко весьма искусном. Среди читателей, разумеется, находились и те, кто критиковал Демьяна. Так, рядовой коммунист С. Г. Тер-Захаров, писавший Сталину (29 октября 1926 г.) о состоянии партии и в том числе о внутрипартийной демократии, полагал: «Необходимость дачи возможности высказаться в печати усугубляется тем, что методы идейной борьбы, применяемые большинством ЦК, подчас недопустимы. Весь тон партийной печати и стихи Демьяна Бедного, ей-богу, товарищ Сталин, похожи на “науськивание” кого-то на оппозицию» [20, с. 553].

В журнале «На литературном посту» за 1931 г. была опубликована статья Ю. Н. Либединского «Задача одемянивания» [14]. В связи с этим Луначарский в речи «О творчестве Демьяна Бедного» [15, с. 501–513], произнесённой в Коммунистической академии 27 июня 1931 г. на вечере, посвящённом творчеству Демьяна, говорит о «лозунге, который выставляет РАПП об “одемянивании” нашей литературы» [15, с. 502]. Луначарский имеет в виду партийность, массовость и художественность творчества поэта. «Надо не так ставить, чтобы Центральный комитет писал лозунги, а мы подыскивали иллюстрацию, а так, чтобы Сталин, Центральный комитет среди других информационных материалов, которые они получают со всех сторон, читали и писателей и получали импульсы для своих постановлений и лозунгов»; «... такие старатели писатели, такие искатели золотиносных жил нам особенно нужны <...> Если бы он на крестьянском языке говорил то, что Ключев и Клычков, которые тоже хорошо знают русский язык, — это одно. Если же он на крестьянском языке говорит то, что говорил Ленин, это уже другое дело» [15, с. 507]. «Сегодня не придёт в голову проводить “одемянивание литературы”, тогда же серьёзно обсуждался вопрос о сведении всего многообразия литературы к одному образцу: к поэзии Демьяна Бедного» [13, с. 430].

В 1925 г. город Спасск (ныне — в Пензенской области) был переименован в Беднодемьяновск.

В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что Ленин «замечательно чутко, близко и любовно ... относился к фигуре Демьяна Бедного. Он характеризовал его произведения как весьма остроумные, прекрасно написанные, меткие, бьющие в цель» (цит. по: [6, с. 77]).

«Товарищ Демьян» стал культовой фигурой молодой пролетарской литературы. Официозная большевистская критика всячески раздувала эталонный характер творчества Бедного как главного представителя пролетарской литературы, хотя для многих пролетарских писателей его фигура в этом качестве была неприемлема.

Поэт-агитатор усвоил стандартный набор большевистско-ленинских идеологических лозунгов и пропагандистских штампов. Так, он продолжал изображать царскую Россию исключительно в мрачных тонах даже тогда, когда сталинская политика с конца 1920-х гг. была направлена на формирование советского культа власти, апеллирующего к традициям русского самодержавия.

«В биографии Льва Троцкого есть одна малоизученная страница, а именно — его личные отношения с творческой интеллигенцией» [12, с. 72]. Автор цитируемого исследования имеет в виду не взгляды Троцкого на литературу, изложенные в его статьях, а именно личные контакты. Нам известно письмо Троцкого Демьяну от 7 июня 1923 г. [12, с. 74], в котором Троцкий даёт поэту небольшое «партийное задание»: «Сатире давно пора вмешаться и закрепить в памяти, по крайней мере, читателей “Крокодила”, как некий дипломат (итальянский представитель Амадори — Е. С.) за козни против Советской России вынужден был съездить в Ригу».

У Демьяна со Сталиным сложились прекрасные, почти дружеские отношения. Об этом свидетельствует целый ряд писем поэта вождю. Так, дружеское письмо Демьяна Сталину от 26 июня 1924 г. [2, с. 79–80] начинается обращением, необычным в разговоре с вождём: «Иосиф Виссарионович, родной!» и заканчивается подписями (после основного текста и после Р. С.): «Крепко Вас любящий Демьян» и «Легкомысленный Демьян». В письме приводится описание того, как Демьян отдыхает и лечится в Ессентуках (см. воспоминания Н. Н. Накорякова в [7]). «Пролетарский писатель» говорит, что «име [ет] намерение сагитировать вас (т. е. адресата — Е. С.) приехать сюда хоть на месяц» и что «очень рад возможности поделится ... (с вождём — Е. С.) радостным настроением», описывает курортную публику, свою встречу с чекистом Атарбековым, лечение, встречу, которую ему устроили местные работницы, о том, что в Ессентуках «шалют». Пишет Демьян и о делах общественных. Например, упоминает чтение газет — «Амнистционные нотки вашего “доклада секретарям укомов” не без лукавства» (речь идёт о докладе Сталина «Об итогах XIII съезда РКП (б). Доклад на курсах секретарей укомов при ЦК РКП (б) 17 июня 1924 г.». [25, с. 234–260], беспокоится, что «урожай подведёт» из-за засухи, вспоминает «разъяснения Раковского о прахе Маркса» (вопрос о переносе праха Маркса из Лондона в Москву при Сталину обсуждался несколько раз).

15 июля 1924 г. Сталин отвечает Демьяну [25, с. 273–276]. Вождь начинает письмо с извинений: «Пишу Вам с большим опозданием. Имеете право ругать меня. Но Вы должны принять во внимание, что я необыкновенный лентяй насчёт писем и вообще переписки». И дальше — отвечает по пунктам. Сталин выражает удовольствие от того, что у Демьяна «радостное настроение»; советует лечиться, а не заниматься посетителями; реагирует на фразу из Демьянова письма об «[а] мнистиионн [ых] нотк [ах] ... доклада секретарям укомов не без лукавства» (вождь разъясняет, что «... тут есть политика (курсив автора цитируемого письма — Е. С.), которая, вообще говоря, не исключает и некоторого лукавства» и которая направлена на то, чтобы «[о] ставить генералов без армии», то есть лидеров оппозиции без сторонников); отвечает на вопрос Демьяна, «[н] е подведет ли нас урожай» (ответ таков: «Он уже подвел нас немножечко», при этом «Мы решили использовать обострившуюся готовность крестьянства сделать все возможное для того, чтобы застраховать себя в будущем (курсив автора цитируемого письма — Е. С.) от случайностей засухи, и мы постараемся всемерно использовать эту готовность в целях проведения (совместно с крестьянством) решительных мер по мелиорации, улучшению культуры земледелия и пр.»); на предложение Демьяна тоже приехать в санаторий Сталин отвечает, что не может, и советует поэту посетить Баку — «Баку даст ... богатейший материал для таких жемчужинок, как “Тяга”» (имеется в виду стихотворение Демьяна). В самом конце письма Сталин рассказывает о «полосе съездов» в Москве, о встречах с зарубежными делегациями рабочих, мечтающих «устроить революцию по-русски» в своих странах и сильно любящих СССР.

27 августа 1924 г. датировано очередное письмо Демьяна Сталину [2, с. 84–85]. Оно начинается необычным обращением: «Родной!» Поэт называет вождя «“стержнев [ым]”, “осев [ым]” друг [ом]». Демьян говорит, что понравившуюся ему анонимную статью «К вопросу о диктатуре пролетариата» (автор — Г. Зиновьев) он приписал Сталину — «сомневался, но приписывал». И вот Демьяну стало ясно, что вовсе не вождь писал этот текст, и он «в полном одиночестве — занима [ется] второй день теорией, то есть сравнивает сталинские тексты — книгу «О Ленине и ленинизме» и доклад «Об итогах 13 съезда РКП (б)» со статьёй. Сталин и автор статьи цитируют взаимоисключающие Ленина — но «Ильич мог, например, сказать так и эдак...», в зависимости от интересов дела. Поэт задаётся вопросом: «кто гнёт и куда гнёт?» «Но так как я вам уже открыто сказал, что больше всего полагаюсь на ваше “чутьё” и подхожу к вам “обнажённо”, то и пишу сие. Потому что все-таки думаю: мужика мы на словах, но объедем, и он хорошо знает, чья диктатура, и ему, собственно, не так важно, кто диктатурит, а важно, как его убагловывают». Одна из последних фраз письма — «Если далеко заедете на Кавказ, то привезите мне кабардиночку».

Следующее письмо (также декларативно-оправдательное) было написано уже на следующий день, 28 ав-

густа 1924 г. [2, с. 86–88]: «Родной! Вместо кабардиночки Вы огрели меня трактатом». Сравнивая статью и письмо Сталина, Демьян теперь чётко видит правоту вождя («и согласен, и благодарен»).

Дружеское письмо Демьяна Сталину от 10 октября 1925 г. [2, с. 100–101] посвящено самым разным темам — приезду Демьяна в Москву, завершению очередного ремонта в Кремле, крестьянскому вопросу, своим писаниям, Истменскому делу, Троцкому. В тексте Демьян называет Россию «Расеей» — именно так озаглавил свою брошюру, выпущенную в 1922 г., Л. Сосновский, друг Демьяна, бывший руководитель Агитпропа ЦК, журналист. Его имя всплывает в знаменитом письме Сталина Демьяну от 12 декабря 1930 г. [5, с. 132–133], в котором вождь обвинит писателя в том, что он способен, «находясь с состоянием истерики, договориться до таких антипартийных гнусностей. Недаром, читая Ваше письмо, я вспомнил Сосновского».

Достаточно пространное обиженное письмо-просьба Демьяна от 4 декабря 1925 г. [2, с. 103–107] было вызвано тем, что на заседании президиума ЦК (23 ноября 1925 г.) рассматривали проблему протекционных вагонов и вопрос о пользовании таким вагоном самим Демьяном, в результате приняли решение, согласно которому Демьян имеет право пользоваться протекционным вагоном «исключительно для деловых поездок по разовым мандатам» (ранее даже на отдых и на лечение Демьян ездил в собственном вагоне — см. об этом в воспоминаниях Н. Н. Накорякова и А. Жарова в [7]). Аргументировать и объяснять необходимость иметь свой вагон Демьян отказывается — ведь в таком случае надо давать оценку самому себе и своему труду, а «[у] же самая необходимость в такого рода с моей стороны аргументации доказывала бы, что во мнении если не всей руководящей партии, то значительной её группы произошло явное снижение оценки моей работы». А это Демьян рассматривает как проявление недоверия. Он пытается доказать, что это недоверие не имеет под собой оснований. Кроме того, такое решение вынесено ЦК, в том числе, для того, чтобы поддержать престиж Демьяна — но Демьян уверен, что престиж его и при наличии вагона высок. Демьян просит оставить за ним прежний порядок пользования вагоном. В качестве P. S. к письму Демьян дал свою же басню «Конь и всадник» (1914), в которой описывалась опала и позднейшее возвращение коня в строй (так и сам автор басни был возвращён после опалы). Кампания по упорядочению пользования железнодорожными билетами не была направлена лично против Демьяна. Так, в письме от 31 мая 1926 г. Серафимович жаловался Сталину [27, с. 26–27] на то, что не может получить льготного билета.

В письме от 5 августа 1926 г. Демьян просит Сталина [2, с. 113–114] прочесть в журнале «30 дней» дневник рабочего, ругает «Правду» за то, что та этот дневник отклонила и даже выражает нежелание в «Правде» печататься (впрочем, уже 5 сентября именно там появилось очередное произведение Демьяна — «Легенда о мировом

Октябре»). В этом же письме Демьян выражает беспокойство нездоровьем вождя.

Вместе с письмом от 8 октября 1926 г. Демьян шлёт вождю эпиграмму на Троцкого [2, с. 115] — видимо, он был посвящён в планы Сталина вывести Троцкого, а также А. Г. Шляпникова и Медведева, из состава ПБ за «антипартийную деятельность».

Письмо-просьбу от 2 ноября 1926 г. Демьян адресовал Ворошилову [2, с. 116]. В этом письме поэт просил разрешить ему использовать результаты расследования инцидента на железной дороге, когда новобранцы «забавлялись» выбиванием стёкол у встречных поездов, в качестве материала для агитационного стихотворения против хулиганства.

В 1926 г. Демьян сочинил басню «Лесные звери», в которой содержалась пародия на события после смерти Ленина, на перманентную политическую борьбу, которая за ней последовала [2, с. 116—118]. Этот текст вызвал неоднозначную реакцию сталинского руководства.

К 19 июля 1928 г. относится записка Сталина и постановление ПБ «О состоянии здоровья тов. Демьяна Бедного» [2, с. 129], в котором выражалась директива отправить поэта лечиться в Германию (см. [4, с. 250—253]). 20 сентября 1928 г. Демьян написал вождю подробный отчёт о поездке [2, с. 129—132]. Обращение подчёркивает дружеские отношения адресата и адресанта: «Дорогой мой, хороший друг», а конец письма содержит признание: «Ясная Вы голова. Нежный человек. И я Вас крепко люблю». В письме описываются медицинские подробности лечения, изучение Демьяном немецкого языка (он даже употребляет немецкие слова, правда, в русской транслитерации), готовящаяся к изданию книга Троцкого «Нынешняя ситуация в России» (описание книги основано на рекламе приказчика книжного магазина), свои собственные творческие планы — Демьян хочет написать о своих немецких впечатлениях (впрочем, немецкий врач велел поэту через полгода вновь приехать к нему). Демьян полагает, что «в Европе старый порядок не идёт, а неудержимо летит к концу». Поэт описывает также страдания своей жены, желающей купить подарков детям, но не имеющей денег. Отдельная тема анализа — как Демьян в рассматриваемом письме имитирует стиль сталинской логики.

7 марта 1929 г. Демьян пишет о конфликтной ситуации в газете «Правда» [2, с. 140—141]. «Письмо сие, так сказать, официальное». Демьян недоволен тем, что принёс в газету фельетон «Спасительный сигнал» — а на будущий день в «Правде» был опубликован текст не Демьяна, а «какого-то Ляндау о какой-то обиженной учительнице». Демьян стал выяснять причины происшедшего у М. Савельева и Крумина — а те только удивляются и обещают разобраться. Демьян задаёт вождю вопрос — а кто же редактирует газету и каков адрес редакции? Сталин постоянно менял редакторов и принципы управления газетой, поэтому вопросы Демьяна были абсолютно обоснованными. Именно кутерьмой в «Правде» Демьян объясняет своё «вынужденное обращение» в «Известия».

8 января 1930 г. было написано заявление Демьяна в ЦК по итогам командировки в Вятку [2, с. 167—170]. Поэт жалуется на то, что он был проигнорирован местными властями, не показавшими ему новейших достижений города. Правда, Демьян побывал на кожевенном заводе примерно в 25 верстах от города (Ленинский район), но тот произвёл на него отрицательное впечатление. Единственными впечатлениями Демьяна были обида на местные власти, празднование местными жителями сочельника (поэт был в Вятке 6—7 января) и несколько выступлений. На письме сохранилась резолюция вождя: «Письмо нехорошее».

Одно время вождь даже пользовался с разрешения хозяина библиотекой Бедного. Демьян очень трепетно относился к книгам. На этой почве у него даже произошёл со Сталиным конфликт. «Однажды Сталин пригласил Бедного к себе обедать. “Он знал, что я не могу терпеть, когда разрезают книгу пальцем, — говорил Демьян Раскольникову. — Так, представьте себе, взял какую-то новую книгу и нарочно, чтобы подразнить меня, стал разрывать её пальцем. Я прошу его не делать этого, а он только смеётся и продолжает нарочно разрывать страницу”» [10, с. 95]. В писательских кругах ходил тогда слух, что Демьян имел неосторожность написать в дневнике, что не любит давать книги Сталину, так как он оставляет на белых страницах отпечатки своих жирных пальцев. Секретарь Демьяна решил выслужиться и переписал для Сталина эту выдержку из дневника [17, с. 29—30].

Негибкий и нечуткий к новым политическим и культурным веяниям, Бедный верил, что ленинское «благословение» навеки обеспечивает ему незыблемый авторитет первого поэта-большевика, лишь бы он писал на актуальные темы. Он оказался неповоротлив даже тогда, когда Сталин самолично указал поэту на его политические ошибки. Например, к 2 декабря 1921 г. относится письмо Троцкого в ПБ по поводу двустушия Демьяна о Стеклове в газете «Правда» [2, с. 33], в котором он назвал текст Демьяна недопустимым, а 3 декабря 1921 г. было принято постановление ПБ об этом двустушии [2, с. 34], в котором было выражено осуждение двустушия. 16 сентября 1926 г. Сталин пишет Молотову: «Демьяновское стихотворение не годится. Худосочная штука. Я ему написал об этом» [21, с. 90]. В другом письме, от 29 сентября 1926 г., вождь пишет своему приближённому: «Демьяну написал, что басня его “худосочная”, “не годна” (или что-то в этом роде) и её “не следует печатать”. Копии не осталось, а то немедленно послал бы тебе. Насчёт плохого “симптома” этой басни в смысле ухудшения позиции Демьяна — я сомневаюсь. Приеду — поговорим» [21, с. 94].

6 декабря 1930 г. было принято «Постановление секретариата ЦК ВКП (б) о фельетонах Демьяна Бедного «Слезай с печки», «Без пощады» [5, с. 131—132], где отмечалось, что в последнее время в произведениях поэта «постановлении, осудившем названные произведения Бедного, стали проявляться фальшивые нотки, выразившиеся в огульном охаивании “России” и “русского”...»

в объявлении “лени” и “сидения на печке” чуть ли не национальной чертой русских...; в непонимании того, что в прошлом существовало две России, Россия революционная и Россия антиреволюционная».

8 декабря 1930 г. Демьян Бедный пишет униженное письмо-оправдание Сталину [5, с. 132–133; 27, с. 85–87]. Всё письмо проникнуто сознанием того, что «пришёл час... катастрофы». Пролетарский поэт даже цитирует слова Священного Писания: «Отче мой, аще возможно есть, да мимо идёт мене чаша сия <...> обаче не якоже ан хошу, но якоже ты». Бедный рассказывает историю публикаций своих фельетонов, сетует на то, что просидев «20 лет... сверчком на большевистской печке», теперь ему надо с неё слезать.

12 декабря 1930 г. «придирчивый читатель» Сталин ответил Бедному [5, с. 134–137; 26, с. 156–157; 27, с. 88–93]. Он охарактеризовал реакцию поэта на решение ЦК как «неприятную болезнь, называемую зазнайством». Думается, здесь Иосиф Виссарионович не так уж далёк от истины. Вспомним хотя бы рассуждения «т. Демьяна» о том, что «поэты — народ особенный: их хлебом не корми, а хвали» и что он «уши растопырил, за которыми... ласково почешут» за «Слезай с печки». Одна фраза «Может быть, в самом деле, нельзя быть крупным русским поэтом, не оборвав свой путь катастрофически» чего стоит. Стало быть, Бедный считает себя «крупным русским поэтом»! У Сталина эта фраза всплывает в несколько другом контексте: «... существует, значит, какая-то особая политика по отношению к Демьяну Бедному... <которая> состоит, оказывается, в том, чтобы заставить “крупных русских поэтов” “оборвать свой путь катастрофически”». Генсек писал: «... критика недостатков жизни и быта СССР, критика обязательная и нужная, развитая Вами вначале довольно метко и умело, увлекла Вас сверх всякой меры и, увлѣкши Вас, стала перерастать в Ваших произведениях в клевету на СССР, на его прошлое, на его настоящее».

Письмо Сталина, впервые опубликованное со значительными купюрами лишь в его собрании сочинений [24, с. 23–26] вскоре стало известно в политических литературных кругах; очевидным стал факт сталинской опалы Бедного. Однако его творчество по-прежнему слыло образцом «политической поэзии»; его активно печатали.

15 марта 1931 г. было принято решение Секретариата ЦК ВКП (б) «О выписке, пользовании и хранении белоэмигрантской периодической литературы», в котором утверждался список лиц, получающих эти издания. Демьян согласно беспроTOCOLьному постановлению ЦК ВКП (б) от 6 января 1930 г. имел право выписывать на 1930 г. «Руль», «Последние новости», «Дни», «Возрождение», «Социалистический вестник», «Воля России». Теперь же после решения Секретариата ЦК последовало решение сектора печати, согласно которому Демьян включѣн в состав лиц, которым белогвардейские издания не нужны. Ведь в решении Секретариата сказано, что эмигрантские газеты и журналы приравниваются к се-

кретным документам ЦК. 21 марта 1931 г. Стецкий направил Гронскому письмо (и копию его — Демьяну) по поводу помещения в «Известиях» стихотворения Демьяна «Обречѣнный юбиляр» [2, с. 197–198]. Стецкий считает ошибкой публикацию этого стихотворения, в котором автор неверно изобразил НЭП. «Из стихотворения по случаю десятилетия провозглашения новой экономической политики: “НЭП выступал так горделиво. Смотрел так нагло и блудливо: Купец — политик — дипломат”. “Иль хватит НЭП параличом, иль он убьѣт себя наркомом”. “Что я скажу ему? Солгу? Ничем утешить не могу. Совсем иному сердце радо: В МАГНИТОГОРСК СЛЕТАТЬ БЫ НАДО”. Другое, менее резкое стихотворение Демьяна “Юбиляр” было опубликовано в “Комсомольской правде” 21 марта 1931 г. вместе с карикатурой художника Васильева, рисующей “унылую фигуру эппмана на торчащем из воды носу лодки”. О НЭПе: “Плыл на юг, а вышло Нордкап! Лѣд, заторы, погода свирепа. Одним словом — последний этап НЭПа!” “Последний этап — на пути в... Соловки!” Стихотворение из “Известий” в восьмитомник сочинений Д. Бедного не вошло» [2, с. 198]. 23 марта письмо Демьяна было разослано заведующим секретным отделом ЦК по поручению Сталина.

После вторжения японских войск в Манчжурию, в то время как Сталин требовал от Кагановича придерживаться твёрдой, но гибкой и осмотрительной тактики при решении вопросов, касающихся советско-японских отношений [23, с. 103–105], Бедный — вряд ли по собственной инициативе — в стихотворении «Что дальше?» позволил себе выразить недоумение по поводу «молчания Москвы». Каганович 26 сентября 1931 г. пишет Сталину: «О Китае мы никаких особенных постановлений не принимали, исходим из Вашей телеграммы. Прочтите, пожалуйста, в “Известиях” от 23-го стихотворение Демьяна Бедного, по-моему, там есть прямой выпад против нашей политики, он говорит там об английских событиях, о китайско-японском конфликте и заканчивает “Всегда готовая к отпору, молчит загадочно Москва” и т.д. Оказывается, что Литвинов (нарком иностранных дел — Е. С.), который в ПБ требовал нашего активного вмешательства, дал визу на напечатание этого стихотворения Демьяна» [23, с. 119–120].

29 сентября 1931 г. Сталин отвечает Кагановичу: «Стихотворение не читал и не собираюсь читать, так как уверен, что не стоит читать. Тоже фрукт: лезет в политику, а вихляет более всего именно в политике. Уверен, что он мог написать глупость про “Москву” — у него хватит на это наглости. Следовало бы привлечь к ответу, во-первых, редактора “Известий”, во-вторых, Демьяна (и Литвинова). Почему бы в самом деле не привлечь их к ответу?» [23, с. 122]. Секретариат ЦК принял решение, в котором главному редактору «Известий» И. М. Гронскому было указано, что он сделал ошибку, опубликовав стихотворение, «ложно характеризующее позицию советского правительства в манчжурских событиях», Демьяну Бедному — «на неправильность и политическую ошибоч-

ность», М. М. Литвинов получил замечание за то, что дал визу на публикацию стихотворения [23, с. 122].

Письмо от 14 июня 1931 г., сочетающее в себе оправдание и декларацию, адресовано Демьяном в Секретариат ЦК [2, с. 203–204]. Тема его — новые проблемы во взаимоотношениях с «Правдой». Демьян в составе делегации ГИХЛ принял участие в поездке в Магнитогорск, организованной «Известиями». Демьян расценивает свои «агитпоездки» очень высоко, так как их цель — «создать своим приездом (Демьян очень высоко оценивает сам факт своего приезда! — Е. С.) и выступлениями в рабочих рядах празднично-торжественное ... настроение, укрепить уверенность в наших силах», однако «Правда» ничего не пишет о нём, о Демьяне. Она «выбросила Магнитогорск даже из первомайской сводки, чтобы не отметить, что праздник вышел при моём участии». Видимо, Демьян выше оценивает себя, нежели праздник. И тут же ссылается на Панфёрова, который тоже входил в состав делегации и даже собирался написать о Демьяне особый очерк (см. также воспоминания Н. Каршатова и Е. Владимировна в [7]). Упоминание имени автора «Брусков» было абсолютно правильным шагом. Обычно Демьян не упоминал своих коллег по перу, предпочитая действовать в одиночку в качестве непререкаемого авторитета главного советского поэта. Демьян мог не знать, что 28 апреля в «Правде» была помещена статья с требованием сместить руководство райкома в Кузнецкстрое. В шифротелеграмме на имя Кагановича из Новосибирска председатель сибирского крайиспокома Р. Эйхе (9 мая) от имени крайкома счёл эту статью неверной и тенденциозной. Власти могли увидеть в нём шпиона из Москвы, собирающего компромат на местную верхушку, и поэтому запретить корреспонденту передавать информацию о Демьяне в Москву. В Москве же могли счесть восторги писателя неуместными. Сталин сперва поддержал Эйхе, но чуть позже изменил решение на противоположное. Таким образом, Демьян в данном случае оказался в неверном месте в неверное время, так что тут дело абсолютно не в том, что кто-то пытается замолчать заслуги Демьяна, как это ему померещилось, о нём даже и речи не было.

22 апреля 1932 г. Бедный пишет обиженное письмо-оправдание в Секретариат ЦК ВКП (б) [27, с. 117–118]. Он указывает на то, что использовал белогвардейскую прессу для борьбы с ней же, создавая «большие сводные фельетоны о белогвардейских делах-делишках, чаяниях и упованиях». А посему его не надо ограничивать в доступе к соответствующим изданиям, а, напротив, ему надо предоставить больший доступ к ним. Демьян, похоже, пишет с полной уверенностью в своей правоте, называет постановления ЦК «недоразумением».

30 апреля 1932 г. Секретариат ЦК разрешил Бедному выписывать «Возрождение», «Последние новости», «Социалистический вестник». Демьян добился желаемого, хотя очевидно, что теперь список разрешённых ему белогвардейских изданий меньше, чем предыдущий.

В дальнейшем отношения писателя и вождя испортились, и Сталин не только выселил Демьяна из Кремля, но и установил за ним слежку.

«После учредительного съезда Союза писателей СССР встал вопрос о награждении Демьяна Бедного ордена Ленина, однако Сталин внезапно выступил против. Мне это было удивительно, ибо генсек всегда поддерживал Демьяна. Во время беседы с глазу на глаз он объяснил, в чём дело. Достал из сейфа тетрадоочку. В ней были записаны довольно нелестные замечания об обитателях Кремля. Я заметил, что почерк не Демьяна. Сталин ответил, что высказывания подвыпившего поэта записаны неким журналистом ...» [9, с. 155]. Дело дошло до Комитета партийного контроля, где поэту сделали внушение [6, с. 78].

«Одно время Сталин приблизил к себе Демьяна, и тот сразу стал всюду в большой чести. В то же время в круг близких друзей Демьяна некий субъект, красный профессор по фамилии Презент. Эта личность была приставлена для слежки за Демьяном. Презент вёл дневник, где записывал все разговоры с Демьяном, беспощадно их перевирая... Возвратясь как-то из Кремля, Демьян рассказывал, какую чудесную землянику подавали у Сталина на десерт. Презент записал: “Демьян Бедный возмущался, что Сталин жрёт землянику, когда страна голодает”. Дневник был доставлен “куда следует”, и с этого началась опала Демьяна» [10, с. 95]. Впрочем, сыграли свою роль и семейные скандалы и дебоши пролетарского поэта.

3 сентября 1932 г. Демьян направил просительно-покаянное письмо Сталину о выселении из Кремля [2, с. 246]. Он пишет: «Моя жизнь, загаженная эгоистичным, жадным, злым, лживым, коварным и мстительным мещанством, была гнусна. Это — моё личное. ... Я умоляю ЦК, умоляю Вас: не смешивайте меня с личным, сохраните меня как испытанную и не отработанную ещё рабочую силу». Демьян просит «сохранить в Кремле <его> творческий “бест” (бест — персидское слово, обозначающее место, дающее убежище всякому преследуемому властью — Е. С.), оставив <ему> из покидаемой квартиры ровно столько помещения, сколько займут книги и кабинет». И тем, и другим Демьян чрезвычайно дорожит — без них он не сможет работать.

На следующий день, 4 сентября 1932 г., Сталин ответил Демьяну [2, с. 248]. Письмо составлено дипломатично — вождь ссылается на то, что выселение Демьяна никак не связано с необходимостью избегать в Кремле скандалов («вызываемых, конечно, не Вами» — оговаривается Иосиф Виссарионович), говорит, что библиотека и кабинет будут оставлены за Демьяном и что «сотни ответственных и уважаемых товарищей живут вне Кремля (в том числе М. Горький), что, однако, не вызывает ни у кого сомнения насчёт их близости к партии, к Кремлю». Видимо, речь шла о близости к самому Сталину.

После выселения Демьяна начинается история с поиском квартиры или дома — ничего подобного особняку упоминаемого в письме вождя Горького Бедному не предлагают.

5 сентября 1932 г. Демьян вновь написал письмо Сталину [2, с. 248] с изъяснением благодарности за сохранение его обстановки и за то, что Сталин не признаёт Демьяна «источником той мути, которая ... теперь уляжется».

С 1932 г. лишился партийно-политической поддержки недавно всесильный РАПП, поднимавший Демьяна на пьедестал.

Новое письмо «наверх» от 16 апреля 1932 г. Демьян вновь адресовал Сталину [2, с. 239–240]. Это письмо (просьба с элементами декларации) касается показа Демьяновой пьесы «Как 14-я дивизия в рай шла» в Московском мюзик-холле. Критикам не понравилась форма пьесы — постановка была выполнена в духе народных зрелищ. Демьян просит вождя защитить его пьесу от покушений цензуры. 17 апреля 1932 г. ПБ постановило: выездной комиссии в составе Ворошилова, Енукидзе, А.П. Смирнова, Шмидта присутствовать на спектакле и дать свою оценку [5, с. 172]. Назначение Ворошилова руководить комиссией и предопределило её положительное заключение (от 19 апреля 1932 г.) — Ворошилов благоволил к Демьяну. Делегирование же Енукидзе могло означать провал Демьяна — секретарю Президиума ЦИК был ближе академический театр. Поэтому он и оставил особое мнение при подаче разрешительного решения в ПБ [2, с. 240–241].

7 июня 1932 г. Сталин пишет Кагановичу: «Удалось, наконец, прочесть пьесу Демьяна Бедного “Как 14 дивизия в рай шла” (см. “Новый мир”). По-моему, пьеса вышла неважная, посредственная, грубоватая, отдаёт кабацким духом, изобилует трактирными остротами. Если она и имеет воспитательное значение, то скорее всего отрицательное.

Мы ошиблись, приложив к этой плоской и нехудожественной штуке печать ПБ. Это нам урок. Впредь будем осторожны, в особенности — в отношении произведений Демьяна Бедного» [23, с. 149]. Каганович 12 июня 1932 г. отвечает Сталину: «Насчёт оценки “Демьяновой ухи” я с Вами целиком согласен. Я прочитал и старую, и новую вещь, новую он сделал ещё более грубо и халтурно. Для того, чтобы быть народным, пролетарским писателем, вовсе не требуется приспособленчества к отрицательным сторонам наших масс, как это сделал Демьян Бедный. Я удивляюсь прямо, как Ворошилов мог быть в восторге от этой вещи, тем более что у Демьяна в пьесе много двусмысленностей» [23, с. 164].

3 октября 1932 г. Демьян пишет Ворошилову [2, с. 250] о той же пьесе. Письмо начинается фразой: «О моём больном письме ты забудь. Это к нему трезвая концовка». Возможно, речь идёт о выселении из Кремля. Письмо не найдено. Поэт высказывает желание, чтобы Ворошилов и Сталин пришли на представление переделанной пьесы; если вожди придут на спектакль, закупленный исключительно войсковыми частями, то смогут увидеть не только само представление, но и тех, кому оно адресовано. Скорее всего, Демьян не знал об отрицательной реакции Сталина на переработанный текст пьесы. Хотя вождь не запрещал представление, но о его посещении речи быть не могло.

Следующее письмо Демьяна от 19 ноября 1932 г. адресовано Енукидзе [2, с. 269] и связано с его новым жилищем, подобранным для него комендантом Кремля Петерсоном по адресу: Рождественский бульвар, дом 15, квартира 2 (здесь Демьян проживёт с 1932 по 1944 г., когда переедет в дом на улице Горького напротив Моссовета). Демьян крайне резко отзывался о своём новом жилище, именуя его «крысиным сараем с фанерными перегородками» и «загаженной задницей барского особняка». Тут Демьян жить будет, однако — «пока я не получу документа, которым будет аннулирована столь тронувшая меня сталинская записка (от 4 сентября 1932 г. [2, с. 248] — Е. С.) о ненарушимости моей библиотеки и кабинета, я ни одного листка бумаги в этот задник особняка не перенесу». «А если такая катастрофа приключилась, ... библиотека будет пущена мной с молотка». Демьян пишет, что «по личной линии» с ним можно делать всё, что угодно, но к своей работе он просит уважения.

В начале 1933 г. И.М. Гронский, ответственный секретарь Оргкомитета СП и редактор «Известий», и М. Савельев, руководящий работник в «Правде», посетили Демьяна накануне его 50-летия, и не ранее 3 апреля 1933 г. представили Сталину отчёт об этом посещении [2, с. 278–279]. Разговор шёл о новом фельетоне Демьяна «Утиль-богатырь», который Демьян переписывал, когда к нему пришли, о юбилее Демьяна, о выступлениях на ПБ, о стремлениях Демьяна изолироваться от партии (сам Демьян подчёркивал, что не отойдёт от партии), о дневниках Презента. В конце разговора Демьян решил написать покаянное письмо в ЦК и тут же составил его черновой вариант на имя Сталина, который Савельев и Гронский забраковали, указав, что он отделяется общими фразами вместо признания вины за конкретные проступки. Позже, уже после ухода гостей, Демьян составил беловой вариант письма, который зачитал Гронскому по телефону. Мы располагаем и черновым (датированным 4 апреля 1933 г. [2, с. 281–282]), и беловым (датированным 5 апреля 1933 г. [2, с. 283–285]) вариантами письма. Оба варианта письма содержат упоминания посещения Гронского и Савельева, своей вины во всём происходящем с ним; просьбы верить искренности письма и заверения, что вне литературной работы у него, Демьяна, иной жизни нет. Беловое письмо заметно объёмнее и подробнее черновика — за счёт «конкретики». Например, Демьян кается в уже упоминавшейся выше басне «Лесные звери», которую сам вождь назвал «худосочной»; в том, что не откликнулся на 15-летие Красной Армии (23 февраля 1933 г.) и пр. Упоминает Демьян и дневники Презента, называя их «стенгазетой и ватерклозета», ни в коей мере не отражающей его личность. Но в то же время Демьян «презентовские измышления» ставит себе в вину. Письмо Демьяна было разослано как официальный документ членам ПБ. Вскоре, 11 апреля 1933 г., Демьян был награждён орденом Ленина, учреждённом в 1930 г. и ставшим с тех пор высшей наградой. К апрелю 1933 г. этим орденом награждены считанные лица, среди деятелей культуры — только двое:

М. Горький и А. Серафимович. В указе о награждении Демьяна говорится, что «выдающийся пролетарский писатель» награждается «за его литературные заслуги перед рабочим классом и трудовым крестьянством» [2, с. 286]. Через месяц произведения Демьяна вновь после перерыва будут регулярно публиковаться в «Правде». Таким образом, можно сказать, что период опалы Демьяна был закончен и что награждение стало одним из атрибутов на пути его возможной (но, как известно, так и не состоявшейся) канонизации как главного поэта советской страны.

13 января 1934 г. Демьян написал Сталину очередное письмо-просьбу — по поводу публикации нового фельетона, а именно стихотворения «Осо-Богатырь. Баллада», посвящённого Осоавихиму [2, с. 304–305]. Сие произведение Демьян определяет как «героическую агитку» и жалуется, что она уже пятый день «валяется» в «Правде»; Эйдельман, заинтересованный в публикации, полагает, что надежды на публикацию текста мало, ответственный редактор «Правды» Л. З. Мехлис, загруженный подготовкой к XVII съезду ВКП (б) (26 января — 10 февраля 1934 г.), не может вникать ещё и в литературу. Демьян полагает, что это стихотворение — одна из лучших его агиток. Заодно Демьян прилагает к письму «агитпоэму» «Вклад», опубликованную в газете «Экономическая жизнь» (1934. 2 января. с. 3–4). Демьян считает, что в этой поэме «первосортный — и с художественной, и с агитационной стороны — материал пущен ... в оборот для того, чтобы агитация по наитруднейшему вопросу дошла до широкого читателя», что «[т] ему о вкладах ... перевёл на тему о доверии». Результатом этого письма стала публикация «Осо-Богатыря» в «Правде» уже через три дня, 16 января.

В письме Сталину от 30 августа 1934 г. Каганович и Жданов упоминают имя Бедного в списке членов Пленума ЦК [23, с. 463], а в письме 30 августа 1934 г. Кагановичу и Жданову Сталин предлагает включить Бедного в президиум СП [23, с. 465].

15 апреля 1935 г. Демьян пишет очередное письмо-просьбу Сталину [2, с. 368–370]. Суть письма сводится к тому, что Демьян просит дачу, на которой он мог бы отдыхать — отсутствие отдыха с осени 1931 г. негативно сказалось на здоровье поэта. Демьян берёт на себя смелость вновь обратиться к вождю потому, что убеждён — вождь не знает о плохом состоянии Демьяна. Поэт описывает свои поездки за город, «в кусты», чтобы там отдышаться в течение трёх часов и ехать обратно. Мотив поездки на природу и общения с ней — одна из повторяющихся тем в переписке Демьяна в течение десятилетий. Поэт описывает ситуацию, когда он снял пол-избы в деревне Баковке, однако вскоре сбежал оттуда из-за назойливого внимания к его известной особе и из-за появившихся слухов, будто он вовсе не Демьян, а самозванец. Потом Демьян повествует о том, что он обратился за помощью к Енукидзе, а тот ему не помог, умело стилизуя восточную форму и куртуазную манеру обращения подданного к вельможе, которую в советской поэзии культивировал иранский поэт Лахути и его переводчик Бану.

К моменту написания письма Енукидзе был снят с поста секретаря ЦИК и вообще со всех высших государственных постов, отправлен в Грузию в ссылку. Демьян довольно умело выбрал и объект, и время атаки. Упоминает Демьян и роскошную обстановку дачи Енукидзе. Чуть позже, 1 февраля 1932 г., ПБ по настоянию Сталина приняло постановление «О дачах ответственных работников», в котором предписывалось значительно уменьшить размеры «дач-дворцов», построенных для себя рядом высокопоставленных особ. Ещё одна попытка Демьяна получить дачу — это попытка отвоевать себе «место под солнцем» в строящемся Переделкино. Однако — и тут неудача: участок получить удалось, но вместо дома получилось построить лишь «уродину», в которой жить практически невозможно и к которой нет нормальной подъездной дороги. Изложив все свои «дачные злоключения», Демьян просит Сталина оказать ему содействие в получении дачи в 4–5 комнат. В самом конце письма Демьян уверяет вождя, что им движет отнюдь не «личный» интерес, а исключительно профессиональная потребность цитирует заключительные строки пушкинского «Поэта» (1827). В постскрипуме Демьян пишет, что к письму прилагает пробный экземпляр басен в курьезном оформлении и что «готовится особый переплётённый экземпляр подписанный автором и художниками».

3 июля 1935 г. Демьян пишет Сталину дружеское письмо о текущих литературных делах [2, с. 379–380]. Поэт пишет, что посылает вождю свой сборник «Сто басен»; что с Мехлисом у него установились дружеские отношения, но всё же не пускает в печать некоторые его вещи; что прилагает к письму свою сказку «Кисель и ложка», подоплёка которой — всё та же дача, точнее — уже третий месяц длящиеся поиски маляров для окраски домика на станции Мамонтовка, проживание «возле Будённого в сторожке» и ожидание обещанной Ежовым новой машины. В конце письма Демьян обращает внимание вождя на то, что «Кисель и ложка» — первый его прозаический опыт и что он уже пообещал «Красной нови» ещё одну прозаическую вещь — повесть «Влас» (этот текст в упомянутом журнале не публиковался).

16 июля 1935 г. датировано стихотворное письмо-благодарность Демьяна Сталину [2, с. 381]. Этот текст вписывается в определённую традицию стихотворных посланий вождю (см. также: [1; 22; 30]). Стихотворение озаглавлено «И. В. Сталину. За всё!» и выражает благодарность вождю за «тепло уюта».

К 2 июля 1936 г. относится письмо жены Демьяна, Веры Руфовны, Сталину о проблемах в семейной жизни с поэтом [2, с. 421], после которого состоялась встреча вождя с Демьяном — это произошло, согласно дневнику посещений, 13 августа 1936 г. [19, с. 191]. Это единственная зафиксированная в доступных на настоящий момент дневниках посещений кремлёвского кабинета Сталина официальная отметка о встречах поэта с вождём.

Стремясь, с одной стороны, зарекомендовать себя как сталинский верноподданный, послушно повторя-

ющий в стихах официальные версии партийной пропаганды, с другой — откеститься от любых возможных подозрений в связях с представителями старой «ленинской гвардии» и троцкистской «левой оппозиции», он пишет стихотворение «Пошады нет!», в котором в стиле псевдорусского лубка изображает попойку Каменева и Зиновьева после убийства Кирова. Заговорщики выражали надежду, что «скоро разоблачать уж нас не сможет Сталин» (Правда. 1936. 21 августа). Сочинителя вызвал в Кремль Каганович (Сталин в это время отдыхал на Кавказе) и резко отчитал.

В том же 1936 г. Бедный обратился к русским былинам как материалу для пародирования и написал либретто для оперы-фарса «Богатыри» А. П. Бородин. Больше не решаясь сатирически трактовать современность, Бедный выбрал сюжет из отдалённого прошлого Руси и решил в духе официально разрешённой антирелигиозной пропаганды высмеять обряд Крещения. Он даже написал и опубликовал в «Правде» (24 октября 1936 г.) хвастливый самоотчёт «“Богатыри” (к премьере в Камерном театре)». Однако и тут Бедного ждал провал. Молотов, посетивший спектакль, был разгневан произведением пролетарского писателя и 14 ноября 1936 г. было принято «Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о запрете пьесы Д. Бедного “Богатыри”» [5, с. 333]. В постановлении, в частности, говорилось, что опера-фарс чернит богатырей русского эпоса и антиисторически и издевательски изображает Крещение Руси. В том же духе, что и постановление, была написана статья П. М. Керженцева «Фальсификация народного прошлого (О “Богатырях” Демьяна Бедного)» (Правда. 1936. 15 ноября). В записи беседы И. В. Сталина, А. А. Жданова и В. М. Молотова с С. М. Эйзенштейном и Н. К. Черкасовым (28 февраля 1937 г.) [5, с. 612–619] зафиксирована следующая реплика Молотова: «Исторические события надо показывать в правильном осмыслении. Вот, например, был случай с пьесой Демьяна Бедного “Богатыри”. Демьян Бедный там издевался над крещением Руси, а дело в том, что принятие христианства для своего исторического этапа было явлением прогрессивным» [5, с. 613]. 16 ноября 1936 г. Демьян позвонил Ставскому с просьбой заехать к нему — поэт хотел рассказать, как произошла история с «Богатырями». В тот же день Ставский заехал к Демьяну и побеседовал с ним. Об этой встрече Ставский сообщил в письме Егорову от 17 ноября 1936 г. [2, с. 431], сообщив, что Демьян «был ... крайне взволнован, говорил бессвязно ... он выразил опасение, что его вышлют из Москвы, что он уже распорядился — как будет жить семья». К письму Ставский приложил стенографическую запись своей беседы с Демьяном, датированную тем же числом [2, с. 431–439]. Демьян рассказывает, как Таиров уговаривал его «освежить» уже имеющийся текст «Богатырей», как Демьян переделывал его, меняя сюжет и приукрашивая разбойников, как он изучал источники (например, летописи), как сказался в его работе «навык антирелигиозника», хотя «относительно крещения ... [он] не думал».

Демьян проводил параллель между ситуацией с «Слезай с печки!» и с теперешней ситуацией с «Богатырями», упоминает «Пошады нет!» и свою статью в «Правде» о «Богатырях» («Взял и изложил всю концепцию пьесы»), настаивает, что фарс — ошибка, а не сознательный обман. В справке «Об откликах литераторов и работников искусств на снятие с репертуара пьесы Д. Бедного “Богатыри”» [5, с. 333–341] говорится, что «... ясно, что Демьян Бедный, не решаясь лично обратиться к секретарям ЦК ВКП (б), желает воспользоваться Ставским для передачи его объяснений и оправданий» [5, с. 334].

Поэт решил обратиться к международной теме в испытанном жанре басни. На сей раз его басня «Борись или умирай», предложенная в июне 1937 г. для публикации в «Правде», была отправлена Мехлисом, скептически оценившем басню, на рецензуру самому Сталину. 20 июня 1937 г. Сталин направил Мехлису короткое, жёсткое письмо «на имя Демьяна»; в этом своём послании «новоявленному Данте, т. е. Конраду, то бишь... Демьяну Бедному» (потрясающее ехидство!) вождь назвал басню «литературным хламом» [2, с. 476–477; 5, с. 379; 16, с. 194–195].

21 июля 1931 Мехлис направил на имя Сталина записку о посещении Демьяном редакции «Правды» [2, с. 477], в которой сообщал, что зачитал поэту письмо вождя, и описал реакцию Демьяна: он «всячески пытался представить, что речь в “поэме” идёт о конине, хлебе и т. п. вещах, но отнюдь не о чём-либо другом». Это те части, которые вызвали недоумение Мехлиса. Отметим, что особое внимание к заголовку, началу и заключению текста отличало читательские принципы вождя при редактировании им чужих текстов. Мехлис, многие годы проработавший со Сталиным, безусловно, знал эти особенности. Мехлисом были сделаны пометы в тексте басни. Так, помечен фрагмент «Фашистский рай! Какая тема!» и почти весь заключительный аккорд, где особо очевидна «критика советского строя». Мехлис первоначально правил басню. Он поменял её название на «Фашистский ад», но потом вернулся к прежнему наименованию. Концовка в первоначальном варианте, на котором сохранился автограф Демьяна [2, с. 477], был купирован, но Сталину, похоже, был послан полный вариант.

Совсем скоро неодобрение верхов вызвали ещё два текста Демьяна — стихотворение «Неумирающий подвиг (Памяти Кирова)» (Мехлис в письме Сталину и Молотову от 20 октября 1937 г. [2, с. 481] обрушился на «увязку» в тексте выборов в Верховный Совет с образом Кирова и на заголовок) и стихотворение «Будем бить!» [2, с. 496–497], которое Демьян принёс в «Правду» 26 января 1938 г, Мехлис передал вождю, а тот собственноручно начертил: «Слабо. Это не удар по Троцкому, а царапина небольшая».

Санкции последовали немедленно: в июне 1938 г. Бедный был исключён из партии (восстановлен лишь посмертно, в 1956 г.), затем из СП. В справке ГУГБ НКВД СССР для И. В. Сталина о поэте Демьяне Бедном (9 сен-

тября 1938 г.) [5, с. 415–416] говорится, что поэт был исключён за «резко выраженное моральное разложение», которое выразилось в том, что он «имел тесную связь с лидерами правых и троцкистско-зиновьевской организации. Настроен Д. Бедный резко антисоветски и злобно по отношению к руководству ВКП (б)», что он считает репрессии необоснованными, конституцию фикцией, а самого Сталина якобы назвал «страшным человеком», который «часто руководствуется личными счётами». В течение четырёх лет ему запрещено печататься; он жил исключительно продажей книг из личной библиотеки. «Когда в 1938 г. Бедный вынужден был продать свою замечательную библиотеку, я тотчас же купил её для Государственного литературного музея, и она почти целиком и полностью сохранена до сих пор, кроме тех книг, которые он оставил у себя» [3, с. 184].

Опасаясь ареста, Демьян сжёг практически весь свой архив.

Последнее письмо-просьба Демьяна Сталину написано 5 августа 1944 г. [2, с. 545–547]. Предыстория этого письма такова. «В “Правде” 30 июля 1944 г. за подписью ТАСС было опубликовано сообщение “К столетию со дня смерти И. А. Крылова”. В нём сообщалось о том, что Совнарком СССР учредил Всесоюзный комитет по ознаменованию столетия со дня смерти “великого русского поэта-баснописца Ивана Андреевича Крылова”. В состав комитета вошли 35 человек (деятели советской науки, литературы и искусства). Возглавил комитет А. Н. Толстой. Это решение было первоначально принято Оргбюро ЦК ВКП (б) 10 июля и утверждено Политбюро ЦК 15 июля. Выход первого тома собрания сочинений баснописца был назначен на 21 ноября» (цит. по: [2, с. 547]). Таким образом, Бедный в комитет не вошёл, что и вызвало его негативную реакцию. Дабы восстановить справедливость (так, как он её понимает), Демьян и пишет своё последнее послание вождю. Начинает он своё письмо примерами доходчивости и действенности своего поэтического слова — четверостишие, написанное в 1914 г. и призывающее к продолжению борьбы рабочих после того, как на петербургских заводах прокатилась волна возмущений в связи с массовыми отравлениями (результат четверостишия — «баррикады, чем был изрядно испорчен аромат встречи Николая II с Пуанкаре», и «дружеское письмо» уральским заводам-поставщикам сырья на завод «Серп и молот» (см. воспоминания К. П. Черняева в [7]) (результат письма — мгновенное решение проблемы: было обещано поставить сырьё в большем, чем ожидалось, количестве). С присущей ему скромностью заслугу и в «организации» баррикад, испортивших встречу высокопоставленных особ, и в получении сырья от поставщиков, «туго отклика [вшихся] ... и на наркоматские понукания» (sic! — Е. С.) Демьян приписывает исключительно себе. Своё мастерство он объясняет тем, что он учился у классиков, в первую очередь — у Крылова; указывает, что сам он выдвинулся именно как баснописец, хотя в учебниках теории поэзии указывается, что «басня — вымершая ли-

тературная форма». Демьян ссылается на то, что он эту форму воскресил, за что одна из статей о нём получила название «Внук дедушки Крылова» (см. [18]). И вот теперь «внука» на «100-летние поминки» Крылова не пригласили. Мало того, это событие не прошло незамеченным, пошли кривотолки — «с Демьяном всё-таки дело обстоит неладно». Демьян жалуется, что в «Правде» ему вернули басню же, заранее одобренную, а когда этот текст был опубликован в «Труде», помощник Поспелова, главного редактора «Правды», сказал, что Демьян басню «пропихнул». Поэт возмущён подобной формулировкой — оказывается, он, 35 лет работавший в литературе и заслуживший одобрение самого Горького, должен свои тексты «пропихивать». Демьян говорит, что в поминальную комиссию включать его уже не надо по причине его нездоровья, но, так как пойдут предъюбилейные статьи о Крылове и о басне вообще, то надо упомянуть о том, что «мы басенную форму неплохо использовали» и что основная заслуга в этом — его, Демьяна. Поэт полагает, что всё происходящее с ним — следствие того положения, в котором он находится с 1938 г. и что своей работой он хочет заслужить себе обратную дорогу в партию. «В “Правде” 9 августа 1944 г. будет опубликовано краткое информационное сообщение под заголовком “К столетию со дня смерти И. А. Крылова”. В нём сообщалось, во-первых, Совнарком СССР утвердил “т. Демьяна Бедного заместителем председателя Всесоюзного комитета по ознаменованию столетия со дня смерти великого русского поэта-баснописца И. А. Крылова”. Во-вторых, СНК постановил издать полное собрание сочинений Крылова под редакцией Д. Бедного» [2, с. 547]. «В ноябре 1963 г. дочь поэта Людмила Придворова свидетельствовала о тех временах, отмечая, что это был конец 1944 г. Людмиле было стыдно и больно за то, что в списке членов комиссии по организации юбилея дедушки Крылова не было имени Демьяна. В тот день Демьян был “взъерошен, но бодр и уверен, что всякой несправедливости бывает предел и что на этот раз его ‘гробокопатели’ будут посрамлены”. Согласно этому свидетельству, Демьян якобы уже беседовал с Ворошиловым и тот обещал “напомнить кому надо о роли Демьяновской басни, о том, кто является у нас продолжателем Крылова...”. Через несколько дней поэт был назначен председателем комиссии (в действительности он был назначен заместителем). Письмо к Сталину не упоминается. 7 декабря 1963 г. Ворошилов собственноручно завизировал рассказ Л. Придворовой: “Всё сказанное выше соответствует истине, я сейчас хорошо помню всю эту ‘историю’ К. В.” (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 197. Л. 4–5). Людмила вспоминает о статье Демьяна в “Правде”, о председательствовании на торжественном собрании в Большом театре и о зачитанном там большом докладе: “Это было его последнее общественное выступление. Все переживания, связанные с культом личности Сталин: и военные невзгоды тяжело отразились на его здоровье. Через полгода Демьяна не стало” (там же). Ворошилов с подачи Придворовой приукрасил этот эпизод.

Он якобы приехал к поэту и сказал ему: “Не горюй”, “мы ещё не раз убедимся в том, кто является у нас подлинным продолжателем Крылова, Эзопа и Лафонтена”. Бедный успокоился, повеселел. Маршал в тот же день позвонил Сталину и по телефону “выразил своё возмущение ‘забвением’ Демьяна Бедного”. Маршал убавил тон воспоминаний, и исправил формулировку “возмущения” на “удивление несправедливостью”. Маршал напомнил вождю его собственный неоднократный восторг от творчества Демьяна. “Сталин ответил что-то невнятное и положил трубку” (там же, л. 22–23). Ворошиловские секретари подправили заготовку Людмилы, убрали председательство в комиссии, “доклад” стал “яркой вступительной речью”. “Одно время Демьян Бедный был оклеветан, оказался в опале. Ему грозил арест”. Ворошилов зачеркнул и об аресте» [2, с. 548].

Возможность публиковаться Бедный получил только во время Отечественной войны.

«Демьян умер от страха. У него в президиумах было постоянное место, куда он шёл привычно. И вдруг в сорок пятом что-то изменилось. Только, было, направился поэт на своё обычное место во время очередного торжества, как Молотов, недобро сверкнув стёклышками пенсне, спросил его ледяным голосом: “Куда?”. Демьян долго пятился, как гейша. Потом доплёлся до дома и умер. Об этом поведала его родная сестра» [8, с. 165].

9 сентября 1947 г. было принято постановление ПБ «Об упорядочении хранения и использования литературных архивов А.М. Горького, Демьяна Бедного и А.Н. Толстого» [5, с. 619], а 23 июля 1947 г. постановление секретариата ЦК ВКП (б) «Об архиве Д. Бедного» [5, с. 625], касающиеся наследия пролетарского писателя.

Однако последнее слово осталось всё же за Сталиным. 24 апреля 1952 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О фактах грубейших политических искажений текстов произведений Демьяна Бедного» [5, с. 674–675], где было подвергнуто сокрушительной критике посмертное издание двух сборников поэта — «Избранное» (1950) и «Родная армия» (1951). Речь шла лишь о политических мотивах, художественная сторона не обсуждалась. Составителям и редакторам инкриминировалась «либерально-буржуазная фальсификация текстов» Бедного, а именно включение «не последних вариантов произведений, а более ранних, забракованных самим поэтом». Особо в постановлении подчёркивалось, что «Д. Бедный улучшал свои произведения» и «вносил в них исправления под влиянием партийной критики». Госиздату было поручено подготовить собрание сочинений Бедного под контролем ЦК. Собрание сочинений вышло в 1953–1954 гг. в 5 томах.

Добровольный слуга ещё мог сослужить службу режиму, даже после смерти.

Литература:

1. Асеев, Н. Н. — Сталину И. В., 3 декабря 1942 года // Вопросы литературы. 1991. № 4. с. 146–152.
2. Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. Сост. Л. В. Максименков. М., 2005.
3. Бонч-Бруевич, В. Д. Воспоминания. М., 1962.
4. Бразуль, И. Демьян Бедный. Серия «Жизнь замечательных людей». М., 1967.
5. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) — ВКП (б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. Сост. А. Артизов и О. Наумов. М., 2002.
6. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. Авторы-составители В. А. Торчинов и А. М. Леонтьев. СПб., 2000. с. 77–80.
7. Воспоминания о Демьяне Бедном. М., 1966
8. Гордеева, В. Расстрел через повешение. Невыдуманный роман в четырёх повестях о любви, предательстве, смерти, написанный «благодаря» КГБ. М., 1995.
9. Гронский, И. М. Из прошлого. М., 1991.
10. Канивез, М. В. Моя жизнь с Раскольниковым // Минувшее. Исторический альманах. М., 1992.
11. Кондаков, И. В. Бедный Демьян // Русские писатели 20 века. Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П. А. Николаев. М., 2000. с. 74–77.
12. Константинов, С. В. В роли покровителя муз. Лев Троцкий и Фёдор Сологуб // Константинов С. В. «В неверном озаренье славы...»: Реформаторы и жертвы / Сост. О. В. Давыдов, А. Ч. Касаев, В. Э. Молодяков. М.: АИРО-XXI, 2008.
13. Коржихина, Т. П., Степанский А. Д. Из истории общественных организаций // Историки спорят. Тринадцать бесед / Под общ. ред. В. С. Лельчука. М., 1989.
14. Либединский, Ю. Н. Задачи одолевания // На литературном посту. 1931. № 1.
15. Луначарский, А. В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М., 1964.
16. Максименков, Л. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция. 1936–1938. М., 1997.
17. Мандельштам, Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970.
18. Мирецкий, П. Внук «дедушки Крылова» // Донская жизнь (Новочеркасск). 1913. № 110. 15 мая.
19. На приёме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник / Авт. — сост. А. В. Коротков, А. Д. Чернев, А. А. Чернобаев. М., 2008.

20. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998.
21. Письма, И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сб. док. М., 1995.
22. Подлубнова, Ю. Поэтические письма народов товарищу Сталину: советская интерпретация национального образа мира // Литература Урала: История и современность. Сборник статей. Выпуск 5: Национальные образы мира в региональной проекции. Екатеринбург, 2010. с. 108–119.
23. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.
24. Сталин, И. В. Сочинения в 13 томах. М., 1951. Т. 13.
25. Сталин, И. В. Полное собрание сочинений. В 18 томах. М., 1946–2006. Том 6.
26. Суходеев, В. В. Демьян Бедный // Суходеев В. В. Иосиф Виссарионович Сталин. М., 2008.
27. «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925–1938. М., 1997.
28. Эвентов, И. С. Демьян Бедный. Жизнь, поэзия, судьба. М., 1983.
29. Эвентов, И. С. Жизнь и творчество Демьяна Бедного. Л., 1967.
30. Ясенский, Б. Заявление Наркому внутренних дел СССР товарищу Ежову писателя Бруно Ясенского, подследственного из камеры 21 Бутырского изолятора (1938) // Кольцо А. 1988. № 7.

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

О литературном наследии Агахи

Курбанова Саида Бекчановна, кандидат филологических наук, старший преподаватель;
Исмаилов Исхакжан Атабаевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

В статье исследуется вопрос о литературном наследии Агахи на узбекском и персидском языках.

Ключевые слова: литературное наследие, исследование, классическая поэзия, тематика, лирика, диван.

Агахи Мухаммед Риза прославился как талантливый поэт, историк, переводчик. Он родился в 1809 году в селение Кият близ Хивы. Агахи был племянником поэта Муниса Хорезми, автора исторического труда «Райский сад счастья». Большую роль в формировании мировоззрения и выборе творческого пути Агахи сыграли Мунис и его окружение. Учился Агахи в медресе, с большой любовью изучал произведения классиков народов Востока — Наваи, Фузули, Бедия и других.

После смерти Муниса в 1829 г. Агахи унаследовал его пост мираба (распределитель воды), и занимал эту должность вплоть до своей смерти, с перерывом в 1851—1855 гг. Пост мираба был одним из 32 высших чинов в Хивинском ханстве и его обладатели входили в состав Государственного Совета.

Агахи в совершенстве владел персидским языком, а также арабским и турецким языками. Он был хорошо знаком с классической и современной ему литературой на персидском и тюркских языках. В его стихах на узбекском и таджикском языках звучат гражданские мотивы.

В возрасте 52–55 лет Агахи оставляет диван «Талисман влюблённых», куда он включает стихи из своих сборников баязов, тщательно редактируя свои первые произведения. В лирическом диване Агахи воспел высокие человеческие чувства. Написанные поэтом газели весьма разнообразны. В одних воспевается чистая любовь, в других — идеи суфизма, в третьих личные переживания. Большая искренность и высокая художественность — вот те качества, которыми в основном характеризуется лирика поэта. Его стихи, насыщенные большим смыслом, отличающиеся мелодичностью, затрагивающие самые нежные и сокровенные чувства души человека, до сих пор с любовью читаются и исполняются народом.

Наследие Агахи активно изучается учёными разных стран мира. Вышло несколько изданий его произведений на узбекском языке. Лучшие стихи переведены на русский язык. К отдельным конкретным аспектам творческого наследия Агахи обращались востоковеды и историки В. В. Бартольд, А. Л. Кун, П. Л. Иванов и другие [3]. Ори-

гинальный текст его исторического сочинения «Джами ал-вакиат-и султани» издан в Турции.

Множество монографических исследований посвящено переводческому мастерству Агахи. О персидском наследии Агахи писали многие, среди них такие выдающиеся учёные, как Е. Э. Бертельс, В. Й. Захидов, В. А. Абдуллаев, А. Х. Хайитметов, Г. К. Каримов и другие [4].

В. А. Абдуллаев, высоко ценивший персидскую лирику, писал: «Стихи поэта на таджикском языке, по своей тематике, художественному мастерству могут сравниться со стихами поэта на узбекском языке, в них изображена бытовая жизнь того времени» [1, с. 372].

М. Юлдашев в своей книге «Феодальное землепользование в Хивинском ханстве» широко использовал произведения Агахи в качестве исторического материала, а некоторые отрывки из рукописей Агахи дословно переведены на свой язык [2].

Из поэтического наследия Агахи до нас дошел диван «Таъвизул-ашикин» («Талисман влюблённых»), состоящий из 20000 полустиший. В настоящее время в рукописном фонде института Востоковедения имени Абу Рейхана Бируни АН РУз содержится два экземпляра рукописных диванов Агахи. Помимо этого, два рукописных экземпляра диванов Агахи наличествуют в Санкт-Петербургском отделении института Востоковедения АН России [5].

Поэт творил в 19 жанрах классической поэзии. Среди данных жанров предпочтение отдавалось таким видам поэзии, как газель, мухаммас, хронограмма.

Агахи — двуязычный поэт. Лирическое наследие поэта, одинаково мастерски творившего и на узбекском и на персидском языках, послужило основой для целого ряда исследований. Однако до сих пор наследие поэта на фарси не нашло своего глубокого и всестороннего исследования.

Персидские стихотворения Агахи не выстроены в виде отдельного дивана, а внутри сборника «Таъвизул-ашикин» приведены под названием «Ашъори фарси». Выяснено, что еще две газели из дивана «Мунтахабати ашъари фарси», составленного исследователями из Хорезма, принадлежат перу Агахи. Принимая во внимание

данные источники, можно отметить, что объем лирики Агахи на фарси составляет свыше 1400 полустиший. Стихотворные жанры в «Ашъори фарси» приведены в следующем порядке:

1. Газели. 2. Мухаммасы. 3. Мусамманы. 4. Муножот. 5. Хронограммы [6].

Газели. Известно, что газель, являясь весьма распространенным жанром классической литературы, в то же время считалась своеобразным критерием художественного мастерства поэта. И в действительности, хотя объем газелей в «Ашъори фарси» не занимает значительного места, они смогли отразить в себе мастерство двуязычного поэта.

Газели, входящие в этот диван, составляют 414 строк (полустиший).

Мухаммасы. В «Ашъорий фарси» всего содержится 5 мухаммасов. Это: 1) мухаммас к газели Мирзо Бедия, начинающейся полустишием «Ба авжи кибр ё к-аз пахлуйи ажз астр ох онжо», 60 полустиший; 2) мухаммас к газели Бедия «Эй, хама оёти кудрат зохир аз шони шумо», 35 полустиший; 3–4) мухаммасы к газелям Амири «Зи тоби бода то шамъи жамол равшан аст имшаб» (35 полустиший) и «Ба жон, эй гулбадан, хастам асири сарви бо-

лоят» (40 полустиший); 5) тахмес Агахи к своей газели «Дил боз хаёли рухи ту карду чаман шуд», 45 полустиший. Общий объем мухаммасов составляет 215 полустиший. Мухаммасы расположены на страницах 299–303 рукописи N 1529.

Мусамман батарикаи тазмин. Данный мусамман состоит из 56 полустиший, начальное «Харки, ба олам омада, бо гамии бегарона рафт», конечное «Харки, рамид з-ин саро, аз ситами замона рафт». Мусамман приведен на страницах 303–305 рукописи N 1529.

Муножот, будучи расположенным на страницах 305–306 рукописи N 1529, начинается с полустишия «Илохий, бандаи кам карда рохам», кончается — «Шавад осуда холлу шоду хуррам». Муножот написан в виде месневи, состоит из 54 полустиший.

Хронограммы. Агахи является автором 33 хронограмм, состоящих из 586 полустиший. Было бы уместным отметить, что в общем количестве хронограмм поэта нашли свое отражение 22 исторических события. В связи с тем, что большая часть хронограмм на персидском языке, две узбекские хронограммы включены в часть дивана «Ашъори фарси» под названием «Хронограммы».

№	Хронограмма	Таърих моддаси	Размер стиха (полустиший)	Хиджри	По новому календарю
	Таърихи вафоти Оллокулихон ва жулуси Рахимкулихон	Мах рафтаву офтоб омад مه رفته آفتاب آمد	40	1259	1843
	Таърихи жулуси Мухаммад Аминхон	Хони гардуншукух خان گردون شکوه	26	1262	1846
	Таърихи жулуси Абдуллахон	Шах ба маснад нишаст شاه به مسند نشست	14	1271 [7]	1855
	Таърихи жулуси Саййид Мухаммадхон	СохибкIRON Саййидмухаммадхон صاحبقران سيدمحمدخان	14	1272	1856
	Таърихи бинойи хисори беруни Хивак ¹	Хисори хушбино حصار خوش بنا	18	1256	1840
	Таърихи бинойи мадрасаи Мухаммад Аминхон ²	Хайру бехамто خيربي همتا	26	1268	1852
	Таърихи дуюм	Мадарасаи хисрави воложаноб مدرسه خسرو والجاناب	18	1268	1852
	Таърихи сайюм	Мадарасаи хушбино مدرسه خوش بنا	10	1268	1852
	Таърихи чахорум	Соний бихишт ثاني بهشت	8	1268	1852
0	Таърихи минори мадраса ³	Минори пуршукухи шохи олам منار پرشکوه شاه عالم	14	1268	1852
1	Таърихи дуюм	Сутуни кохи афлок ستون کاخ افلاك	18	1268	1852
2	Таърихи бинойи мадрасаи Рахмонберди бий	Маъдани толибони фазлу камол معادن طالبان فضل و کمال	16	1258	1842

¹ Примечание: данная хронограмма на узбекском языке.

² По этому поводу Агахи написал ещё 4 хронограммы, они составляют 80 строк.

³ По этому поводу Агахи написал ещё 2 хронограммы.

3	Таърихи бинойи Мусо тура ⁴	Маскани олимони фозил مسكن عالمان فاضل	14	1273	1856
4	Таърихи итмоми бинойи мадрасаи мазкур	Муҳибби ажри азим موجب اجر عظيم	12	1275	1858
5	Таърихи бинойи хавлийи Ангорики Саййид Муҳаммадхон ⁵	Жанноти аднин холидин جنات عدن خالدين	22	1273	1856
6	Таърихи бинойи хавлийи амир-ул-умаро Саййид Махмуд тура	Хавлийи олий бихиштнишон حولي عالي بهشتنشان	18	1273	1856
7	Таърихи вафоти кози Мусо эшон	Козийи фирдавс омад дар суруш قاضي فردوس آمد در سروش	14	1271	1854
8	Таърихи вафоти кози Иброҳим эшон	Доҳили ҳулд داخل خلد	8	1269	1853
9	Таърихи вафоти Саййид Муҳаммадхон (наввараллоху маркадаҳу)	Хони жаннатмаком خان جنت مقام	10	1281	1864
0	Таърихи жулуси Муҳаммад Раҳимхон (дома икболаҳу)	Шоҳи адолатсарир شاه عدالت سرير	18	1281	1864
1	Таърихи мадрасаи Муҳаммад Раҳимхон (халладаллоху мулкаҳу) ⁶	Омода, ёдгор Муҳаммад Раҳимхон آماده يادگار محمد رحيم خان	22	1288	1871
2	Таърихи дуюм	Хайри макбули шох خير مقبل شاه	18	1288	1871
3	Таърихи сайюм	Мадрасаи файзафзо مدرسه فيض افزا	26	1288	1871
4	Таърихи чаҳорум	Марғуби дилхо مرغوب دلها	30	1288	1871
5	Таърихи иморати масжиди Саййид Аҳмад тура (зида умраҳу)	Сабаби ажри азим سبب اجر عظيم	18	1288	1871
6	Таърихи бинойи мадрасаи Муҳаммад Нияз девонбеги ⁷	Хайрбокиву дилкушой خير باقى دلکشاي	18	1288	1871
7	Таърихи дуюм	Девонбеги сохт ин бино ديوان بيگي ساخت اين بنا	14	1288	1871
8	Таърихи бинойи мадрасаи Саййид Махмуд тура ⁸	Бихишти бемисл بهشت بي مثل	14	1289	1872
9	Таърихи дуюм	Вай маскани олимони фозил وي مسكن عالمان فاضل	14	1289	1872
0	Таърихи таъмири хавлийи Саййид Аҳмад тура	Хавлийи олий ҳужаста бино حولي عالي خجسته بنا	30	1285	1868
1	Таърихи иморати хавлийи Нуруллохбой ⁹	Манзили Хоразмшоҳ منزل خوارزم شاه	14	1287	1870
2	Таърихи дуюм	Қасри жаннатнишонаи воло قصر جنت نشانة والا	10	1287	1870
3	Таърихи вафоти Муҳаммад Яъқубхожа	Фавти Хожа Яъқуб فوت خواجه يعقوب	20	1287	1870

Если обратить внимание на стихотворения из «Ашъори фарси» с точки зрения тематики и жанрового объема, то оче-

видно, что наследие поэта на фарси, несмотря на свой в целом незначительный объем, отличается разнообразием тематики,

⁴ По этому поводу Агахи написал ещё 2 хронограммы.

⁵ Хронограмма на узбекском языке.

⁶ По этому поводу Агахи написал ещё 4 хронограммы, они составляют 96 строк.

⁷ По этому поводу Агахи написал ещё 2 хронограммы.

⁸ По этому поводу Агахи написал ещё 2 хронограммы.

⁹ По этому поводу Агахи написал ещё 2 хронограммы.

богатством философских размышлений, воплощает в себе самые лучшие черты литературы на персидском языке.

Следует особо отметить то обстоятельство, что в качестве талантливого двуязычного поэта Агахи осуще-

ствил пробу пера в таких жанрах персидской литературы, как газель, мухаммас, мусамман, хронограмма, и проявил свое дарование в их написании на уровне родного языка.

Литература:

1. Абдуллаев, В. История узбекской литературы. — Ташкент, 1967.
2. Юлдашев, М. Феодалное землепользование в Хивинском ханстве. — Ташкент, 1961.
3. Бартольд, В. В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. — Т. П(1). — Москва, 1963; Кун А. Л. Культурный оазис Хивинского ханства // Туркестанские ведомости. 1874, 8 ноября; Иванов П. Л. Очерки по истории Средней Азии. — Москва, 1953.
4. История узбекской литературы. Т. 1. — Ташкент, 1959; Абдуллаев В. История узбекской литературы. Книга 2. — Ташкент, 1967; Хайитметов А. Творческий метод литературы Востока. — Ташкент, 1970; Агахи. Избранные. Шеститомник. I том. — Ташкент, 1972.
5. Диван Агахи. Рукопись. Шифр I с. 1944, 2/С.19.
6. Таъвиз ул-ашикин. Диван Агахи. Рукопись. Институт рукописей АН РУз. Инв. № 938, 7443.
7. Хиджри 1271 г. (19 марта 1855 г.)

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Типология художественности тюркских версий дастана «Саёд и Хамро»

Бабаджанова Умида Баходировна, преподаватель, исследователь
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

В статье в типологическом плане изучается художественность тюркских версий дастана «Саёд и Хамро». Средства художественного изображения в произведении, странствующие формулы сопоставляются с различными изобразительными средствами из узбекских, тюркских, азербайджанских, туркменских и каракалпакских версий. В данном аспекте обращено внимание на вопросы генезиса дастана, ареала его распространения и формирования. Освещается проблема эволюции данных изобразительных средств.

Ключевые слова: Сайёд, Хамра, дастан, версия, вариант, Туркмен, Каракалпак, Азербайджан, странствующие формулы.

The article is devoted to studying the artistic value of turkic versions of dastan «Sayyoda Khamra» in typological manner. The artistic means of description and traveling formulas are compared with various means of expressions of Uzbek, Turkish, Azerbaijan, Turkmen and Karakalpak versions. In this process the attention is paid to the genesis, spreading areas, and formation of the dastan. The evolution of these means of expressions is brightened.

Key words: Sayyod, Khamra, dastan, version, variant, Turkmen, Karakalpak, Azerbaijan, traveling formulas.

В Хорезмском регионе получил широкое распространение, в основном, романтический эпос, исполнение данных дастанов осуществляется посредством трех групп людей — бахши, сказительниц-халфа и сказителей-киссаханов.

Если творчество бахши служило широким слоям населения, то сказительницы-халфа осуществляли свою деятельность в кругу женщин, имеющих отношение к аристократии. А киссаханы нараспев читали дастаны в аудитории грамотных, интеллигентных людей. (1)

Дастан «Саёдхон и Хамро» в равной степени служил для всех трех данных категорий исполнителей. По этой причине одинаково широко распространены устные и рукописные экземпляры произведения.

Каждый исполнитель, в особенности, бахши прилагал весь свой талант и мастерство в целях доведения до высочайшей степени художественно-эстетического воздействия произведения. В результате все варианты дастана приобрели с художественной точки зрения совершенную форму.

Следует уделить особое внимание вопросу о языке дастана «Саёд и Хамро». Если в его устных вариантах преобладают диалектные слова, то в рукописных и печатных экземплярах весьма широкий диапазон составляют заимствования из фарси и арабского языка.

Дастан «Саёд и Хамро» обладает своеобразной лексикой, общеупотребительной среди азербайджанского, турецкого, туркменского народов, узбеков Хорезма и, отчасти каракалпак, которые имеют отношение к огуз-

ским диалектам. Дастан в прежние времена зачитывался нараспев на основе единого текста киссаханами указанных народов. В этой связи в тексте дастана находит свое отражение общетюркская, общеогузская лексика.

Данное обстоятельство проявляется и в странствующих формулах из дастанов.

Первоначальные сведения о художественности дастанной школы тюркских народов, в частности, об использованных в них лексических единицах, наблюдаются в трудах В. М. Жирмунского и М. К. Хамраева. (2) Вопрос о художественности хорезмских дастанов получил обстоятельную разработку в исследованиях С. Рузимбаева. В его монографии «Дастаны Хорезма», наряду со множеством дастанов, упоминается и «Саёдхон и Хамро», напоминает основной сюжет произведения.

А в книге ученого «Идейно-художественные особенности дастанов цикла «Ашик»» данному дастану уделено место, занимающее десять страниц. Здесь, наряду с освещением композиционной структуры произведения, его образов, указывается на целый ряд недостатков данного варианта, изданного в 1964 году.

В последующие годы появилось исследование Н. Сабировой, посвященное дастанам «Ашик» Хорезма. (3) В данном исследовании, в основном, на примере дастанов «Ашик Гариб и Шахсенем», «Ашик Албанд», «Ашик Махмуд» анализируется мифологическая основа дастанов цикла «Ашик» Хорезма. В то же время уделяется внимание мотиву стрельбы в яблоко из дастана «Саёд и Хамро».

Данные труды обладают большой значимостью в аспекте выдвижения на первый план определенных теоретических суждений об эпосе, его разновидностях, образах, художественности. В настоящей статье мы, опираясь на данные исследования, выскажем отдельные суждения о языковых особенностях дастана «Саёд и Хамро», художественных изобразительных средствах и их типологии в общетюркском эпосе.

Сопоставительное изучение дастана с версиями тюркских народов, в частности узбекского, туркменского, каракалпакского и азербайджанского, имеет большую научно-практическую значимость в деле определения генезиса произведения. Традиционные уподобления в тексте дастана наиболее ярко проявляются, в особенности, при сопоставлении странствующих формул и изобразительных средств из структуры произведения.

Общий стиль, странствующие формулы и изобразительные средства в вариантах дастана, получивших распространение в Азербайджане, весьма сходны со своими эквивалентами из версий, распространенных в Средней Азии.

Данные уподобления наблюдаются, прежде всего, в странствующих формулах.

В варианте А. Ахундова:

Başına döndüyüm, ay Sayad Pəzi...

Ay həzərat gəlin sizə söyləyim...

Könül, sana vəsfihalim söyləyim...

Sallana-sallana geəən Sulutin...

Ey yaranlar, müsülmanlar...

В узбекской версии:

Сарим қурбон ўлсин сани кўрана...

Кел қўнглим, кетали узок йўллара...

Эй ёронлар, мусулмонлар...

Бир салотин бўйлим соллониб келди...

Арзимни эшитгил, давлатли хоним...

Ҳар саҳарлар ман саринга дўндигим...

В туркменской версии:

Серице дөнейин, гул йузли ярым...

Гел көңлүм, гидели узак ёллара...

Эй яранлар, мусулманлар...

Бир салотин бойлым салланып гелди...

Арзымны эшитгил, эй Саят ханым...

Хер сәхәрлер мен серице дөндугим...

В каракалпакской версии:

Әй яранлар, мусылманлар...

Бир сәрўи қәўметли салланып келди...

Қулоқ салып, арзымды есит, перзептим...

Хотя данные странствующие формулы по форме в определенной мере отличаются друг от друга, с точки зрения своей функции они приобретают общность и весьма близки по своему содержанию.

В каракалпакской версии этих общих черт поменьше. А в узбекской и туркменской версиях данная общность

составляет весьма широкий круг. Основная причина сходных моментов в азербайджанской, узбекской и туркменской версиях заключается в том, что дастан возник в огузской среде.

В дастане встречаются различные изобразительные средства в виде сравнений, эпитетов, а также множество аналогий:

В азербайджанской версии:

Dal gərdənə tőküb hőküb saçmağī...

Baş qoyub yataram ağ sinən üsta...

Aralıqda qızıl güldən arisan...

Doymadım ala gözündən...

Yorğun maral baxışlinin...

Qirmizi alma üzlünün

Şəkərdən şirin sözlünün...

Bir ayna qabaqlı, mah qələmqaşlı...

Tuti dilli, xoş avazi...

Çəkilib Səlbinin qar sinəsinə...

Ağiz südlü, dodaq qaymaq...

В узбекской версии:

Оқ билаклар дол гардандан ўтганди...

Сарғайибон қизил гулим сўлибдур...

Қўнглим истар ола қўзли лочинни...

Марал қўзли ёрим қолди...

Шакардин шириндир сўзи...

Қурбон ўлам ёрнинг қалам қошина...

Тўтизабон ўлон ширин тиллари...

Сийнаси доғларнинг қори...

Оғиз сутли, лаби қаймоқ...

В туркменской версии:

Ак билеклер дал герденден өтенде...

Саргарыбан гызыл мәңзим солупдыр...

Хумарланып ала гөзлер сузулмиш...

Марал гөзли ярым галды...

Өртеийир ашыгы, шириндир сөзи...

Галлам гашлары яй кимин...

Гурбан олам тоты ширин тиллере...

Сынасы дағларың гары

Агзы суйтдур, леби гаймак...

В каракалпакской версии:

Зия-зулпы дәл гәрдәнә солашқан...

Ўзсем қызыл гуллериңнен...

Қумар ала көзден төкпе жасынды...

Жанымда куйдирди шийрин сөзлери...

Сийнаси дағларның қары...

Все данные изобразительные средства используются в тюркской, азербайджанской и среднеазиатских версиях в одном и том же аспекте. Такие постоянные эпитеты, как «дол гардан», «ола қўз», «ширин сўз», «қалам қош», «қизил юз», «тўти забон», «қаймоқ лаб», использованные в эпосе, приобретают общность в творчестве народов, имеющих отношение к племени огузов. Хотя данные эпитеты встречаются и в каракалпакской версии,

но их гораздо меньше по сравнению с другими версиями. Ибо принцип подбора эпитетов в образцах классического эпоса каракалпакского народа в определенной степени отличается своеобразием. Дастаны цикла «Ашик» имеют отношение, в основном, к фольклору оседлых народов, здесь главное значение имеет воспевание красоты возлюбленной, место событий также изображается в большинстве случаев на фоне роскошных дворцов, прекрасных садов. Данное явление оказало свое воздействие и на изобразительные средства из произведения.

Таким образом, хотя сюжет дастана «Саёт и Хамро» сформировался в тюркско-азербайджанской среде, перебравшись в Среднюю Азию, подвергся серьезной переработке, поднявшись до уровня еще одного оригинального произведения.

К тюркской версии наиболее близка азербайджанская версия. Однако в азербайджанской версии события получили серьезную переработку. Объем дастана увеличился в три раза. В дастан включен образ второй возлюбленной главного героя Саёт пери и изображение основных событий направлено на раскрытие деятельности данного образа. Образ Салбиназ отодвинут на второй план.

В тюркской версии встречаются такие исторические личности, как падишах Аббас, который приведен под именем падишаха Махмуда в качестве художественного образа. В произведение включен целый ряд новых образов и персонажей.

По сравнению с версиями народов Средней Азии, азербайджанская версия весьма близка к тюркской, хотя в то же время обладает и существенными отличиями. Прежде всего, как отмечалось выше, есть изменения в сюжете и композиции. Увеличено количество образов, многие включены заново. Хотя в стихотворных отрывках наблюдается стилистическая близость, имеют место серьезные обновления. Например, при сопоставлении стихотворных

отрывков с трехстрочным редифом «йўк-йўк» наблюдается полное обновление вопросов и ответов в произведении, едином по форме.

Разумеется, встречаются и созвучные стихотворения. Сходные полустихия, а иногда и строфы можно наблюдать во всех тюркских версиях.

Дастан, известный в Азербайджане под названиями «Амрах», «Ашик Амрах», весьма соответствует среднеазиатским, в частности, с точки зрения сюжета, образов и созвучия стихотворений по сравнению с тюркской версией. В особенности, события, связанные с образом Саёт пери, приводятся одинаково с версиями, получившими распространение в Средней Азии. Отдельные стихотворения практически полностью соответствуют друг другу. В то же время в узбекской и туркменской версиях в дастан включена вторая часть, связанная с Саётхон, в ней ее образ подвергся значительным изменениям, отдавшись от азербайджанской версии и превратившись в оригинальный образ, характерный для дастанов героического содержания.

Сравнительное изучение данных тюркских версий способно в определенной степени помочь в определении генезиса дастана. Сопоставление турецкой, азербайджанской, узбекской, туркменской и каракалпакской версий раскрывает то обстоятельство, что данные тюркские версии, несмотря на определенные различия с точки зрения своего сюжета, образов, содержания и формы стихотворений, обладают неразрывной внутренней тесной связью.

В особенности, сходные мотивы из произведений являются основой для возникновения аналогичных изобразительных средств, приобретая взаимное созвучие.

Таким образом, данный дастан, сформировавшийся в качестве синтеза древнейших литературно-культурных связей тюркских народов, впоследствии превратился в отдельный эпос различных народностей.

Литература:

1. Рўзимбоев, С. Эпос хақида қайдлар. // Тафаккур зиёси. — Урганч: «Университет», 2009. — Б. 3.
2. См.: Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. — Л.: Наука, 1974. — с. 644—680; Хамраев М. К. Основы тюркского стихосложения. — Алма-Ата, 1963.
3. Собирова, Н. Хоразм «Ошиқ» туркуми дostonлари, — Т.: «Минҳож», 2005.
4. Ошиқнома, 1-китоб. — Урганч: «Хоразм», 2006. — Б. 348.
5. Саядлы —Хемра. — Ашгабат: Туркменистан, 1978. — с. 122.
6. Саятхан-Хамира. // Қарақалпақ фольклоры, том 14. — Нөкис: Қарақалпақстан, 1985. — с. 189—228.
7. Əliyeva, F. Əmrah dastaninin türkmen versiyasi: Genezisi və formalaşması. — Бақы, «Elm və təhsil», 2011. — S.130. (312)
8. Нəкимов, М. Азəрбај чан ашыг əгəбијјаты. (qədim və orta əsrlər). — Бақы «Yaziçi», 1983. — Б. 240
9. Azərbaycan xalq dastanları. 2 cildə, I c., / t rt. Ed. Ə. Axunbov, — B.: Azərbaycan Dövlət Nəşriyyatı, 1961, 315 s.
10. Aşiq Əmrah (Aşiq Qoca variantı) // Əliyeva F. Əmrah dastaninin türkmen versiyasi: Genezisi və formalaşması. — Бақы, «Elm və təhsil», 2011. — S. 136—157.
11. Aşiq Əmrah. (Toplayani: Əhliman Axundov) // Əliyeva F. Əmrah dastaninin türkmen versiyasi: Genezisi və formalaşması. — Бақы, «Elm və təhsil», 2011. — S. 158—189.

Изображение героических мотивов в дастане «Саёд и Хамро»

Бабаджанова Умида Баходировна, преподаватель, исследователь
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

В настоящей статье освещаются причины широкого распространения дастана «Саёд и Хамро» среди тюркских народов в устных, рукописных, литографических экземплярах, наличие в произведении героических мотивов, отличающихся от дастанов цикла «Ашик». Исследуется историческая основа данных мотивов. Раскрываются причины выпадения данного мотива в устных вариантах. Также ведется речь о сходстве данного мотива из дастана с событиями, получившими изображение в «Книге моего деда Коркуда».

Ключевые слова: Сайёд, Хамро, дастан, версия, мотив, литография, героический дядя Куркут.

The article is devoted to brightening the widespread copies of oral, manuscript and lithographic version among turkic people, the reasons for remaining heroic motives different from «Ashiq» (love) variants of dastans. The historical roots of this motive are explored. The reasons for omitting that motive in oral versions are velived. Also the similarity, of that motive with the events from sections six in the worh «Kitob: dadam Kurkut» is discussed.

Key words: Sayyod, Khamro, dastan, version, motive, lithography, heroic, father Kurkut.

Хотя дастан «Саёд и Хамро» относят к ряду произведений любовно-приключенческого типа, в его общем композиционном построении наблюдаются мотивы, отличающиеся от дастанов данного характера.

И в этой связи сюжет данного дастана видный фольклорист Х.Г. Короглы подразделяет на две части (1).

Действительно, в первой части сюжета дастана воспеваются любовные приключения Хамро и Саёдхон. Однако в заключительной части дастана приводятся боевые эпизоды, в которых Саёдхон демонстрирует свое высочайшее мужество и храбрость. Эти ее действия весьма напоминают деятельность Салжан хотун из шестой части «Книги моего деда Коркуда».

Туркменский ученый Б. Мамаджозов, написавший кандидатскую диссертацию о дастане, также определяет его в качестве произведения любовного и героического характера (2).

Саёдхон в дастане осуществляет деятельность, свойственную отважным девушкам-амазонкам. Видимо поэтому, подготовивший дастан к изданию Ж. Кабулнязов указывает ее в качестве ведущего персонажа в произведении, а Хамро считает второстепенным лицом (3).

И с точки зрения своего объема дастан превосходит такие произведения любовно-приключенческого типа, как «Асил и Карам», «Ашик Албанд» и др.

«Саёд и Хамро» получил распространение среди узбекского народа в устных, рукописных и литографических экземплярах. В прошлом веке данный дастан устно исполняли Ахмед бахши, Ходжамурад бахши, Эшнияз бахши, Бола бахши и др. А его рукописные экземпляры получили широкое распространение посредством репертуара сказителей-киссаханов и сказительниц-халфа.

Дастан первоначально был издан литографическим способом в 1914 году в Ташкенте. В 1964 году на основе этого печатного экземпляра было осуществлено его новое издание. В издании 1964 года допущено множество

ошибок при передаче арабского алфавита. В 2006 году вышло более совершенное издание дастана.

В издании 2006 года предприняты действия по устранению данных недочетов и ошибок, чего частичным образом удалось достигнуть. Данное издание по сравнению с предыдущими обрело определенную совершенность с точки зрения полнокровности объема, логичности изложения, обилия стихотворных отрывков, устранением нескладных полустий и оборотов.

Как уже отмечалось выше, издание 1964 года было практически вторым изданием печатного варианта 1914 года, осуществленным без значительных изменений. В свою очередь, по определению издателей, основой для издания 2006 года послужил книжный текст 1964 года. Изменения в данных изданиях наблюдаются, в основном, в объеме стихотворных отрывков, в устранении неуклюжих оборотов и ошибок логического характера. А сюжет дастана во всех трех изданиях сохранен практически одинаково. В этой связи придется вести речь о данном сюжете и его сущности в обобщенной форме.

Саёдхон особо выделяется среди образов дастана, что свидетельствует о сохранении ее облика, характерного для героев древнейшего эпоса.

В одной из частей «Книги моего деда Коркуда», которая носит название «Повеествование Кон Турали Кангли Хужа оглы», говорится об отважной и властной девушке. Ее имя Салжан хотун, перед своим замужеством она ставит ряд условий, состоящих из физических упражнений, многочисленным претендентам на ее руку и сердце. В то же время она предупреждает, что их неисполнение будет караться смертью. Многие юноши нашли здесь свою смерть, не в силах выполнить выдвигаемых условий.

Данный эпизод из «Книги моего деда Коркуда» весьма соответствует прологу дастана «Хирмондали» из эпоса «Гороглы».

В конце концов, условия удается выполнить Кон Турали, и Салжан хотун выходит за него замуж. После свадьбы в целях возвращения к своим родным и близким Кон Турали просит разрешения у отца девушки.

Далее, возвращаясь вместе с девушкой, герой, почувствовав по дороге смертельную усталость, крепко засыпает. В это время отец Салжан хотун отправляет большое войско в целях возвращения дочери. Салжан хотун старается пробудить Кон Турали, чтобы сообщить ему о приближающемся войске, однако тот не просыпается.

Тогда девушка облачается в одежду молодого человека. Вступает в единоборство с противником и побеждает его. Главное, что побудило ее к борьбе, — это доказательство своей верности возлюбленному. Кон Турали просыпается после завершения боя и только теперь узнает о происшедшем. Он пытается убить девушку, ибо, по его мнению, если об этих событиях узнают другие, его репутация будет подмочена. Тогда девушка ставит одно условие, которое заключалось в состязании в меткости. Юноша предоставляет очередь девушке. Она своей стрелой поразила муравья на голове Кон Турали. Тот воздаст должное ее мастерству, они мирятся и возвращаются в родные места (4).

Данный эпизод в дастане «Саёд и Хамро» переработан заново с небольшими изменениями.

В заключительной части дастана, когда Хамро увозит Саёдхон к себе на родину, правитель Маматхон в целях возвращения дочери снаряжает войско под предводительством Маматсуйин сардора. Когда они настигают молодых людей и стараются пленить их, двое всадников вступают с ними в бой и побеждают все войско. Затем оказывается, что это Саёдхон и Хамро.

Маматхон, оценив их мужество и отвагу, отступает от своего намерения. Отправление Маматхоном войска вслед за своей дочерью, участие и победа Саёдхон в бою с противником весьма соответствуют эпизоду из «Книги моего деда Коркуда». Помимо этого, в дастане приведен и эпизод, повествующий о том, как Салжан хотун поразила стрелой муравья на голове Кон Турали:

Маматсуйин сардор билан Саёдхон ёй отишда бахслашади.

Анда сардор:

— Эй Сайёдхон хар нечук бўлса ҳам, сандин бир иш кўриб кетармиз, — деди. Бир махрамни бир дарбанднинг устина чиқариб ўтириб, бошинда бир олмани кўйиб:

— Эй Сайёдхон, ўкчи бўлсанг бу олмани ургил, — деди. Сайёдхон сари ёйини олиб, «Ё шерди дарға, дастгири панох», — деб чекиб юборди. Шулар вақт Сайёдхоннинг ўқи олмани ўртасиннан ўтиб олмани ярми ўқ бирлан кетти, ярми жойинда қолди (5).

Данные события из жизни Сайёдхон вполне соответствуют деятельности Салжан хотун.

Разумеется, в дастане не повторяются конкретно все детали из «Книги моего деда Коркуда». Однако встречающиеся в данном эпосе отдельные мотивы, подвергшись определенной переработке, предстают в новой интерпретации. При сопоставлении событий становится

очевидным, что мотив, встречающийся в одной из частей «Книги моего деда Коркуда», перекочевал впоследствии в два дастана. В исследуемом нами дастане событие приводится в заключительной части произведения.

В «Книге моего деда Коркуда» Кон Турали не принимает участия в бою. В дастане «Сайёд и Хамро» девушка отважно вступает в бой. Хамро также участвует в бою вместе с нею. Если в древнейшем эпосе девушка сбивает стрелой муравья с головы юноши, то в дастане сбивается яблоко, находившееся на голове другого персонажа.

Таким образом, данные изменения не смогли оказать серьезного воздействия на древнейший мотив из произведения. Самое главное — это функционирование в дастанах отдельных мотивов из структуры древнейшего огузского эпоса.

Хотя образ Хамро поначалу изображен в форме, характерном для избалованных принцев, то в финале произведения под воздействием Сайёдхон он достигает степени отважного воина.

Разумеется, образ Сайёдхон не только связан с мотивами из древнейшего огузского эпоса. Боевитые огузские девушки, наподобие Сайёдхон, действительно осуществляли свою деятельность в истории народа.

Абулгази Бахадурхан приводит имена семи девушек из племени огузов в своем произведении «Родословное древо туркмен» (6). Эти девушки, оставившие существенный след в истории народа, по всей вероятности могли послужить прототипами в эпосе. В то же время не следует забывать, что образ Сайёдхон в определенной степени является художественным образом.

Образ Сайёдхон и Хамро в начале дастана и в его середине изображается в облике, характерном для сановитых персон, однако в заключительной части произведения данный облик резко меняется, приобретая иные черты, и на этом дастан завершается.

Устные варианты дастана подверглись значительной переработке, в особенности, прозаическая часть привлекает к себе внимание богатством народных оборотов, широким использованием элементов рифмованной прозы, приданием событиям юмористического оттенка и задействованием других красочных элементов художественной устной речи.

В устных вариантах в конце дастана пропущен эпизод возвращения Сайёдхон и Хамро в Азербайджан. По этой причине само по себе отпало изображение различных приключений и сцены боя при возвращении Хамро в родные места. Устные варианты в определенной степени подверглись сокращению и были направлены на выступления в течение 1,5–2 часов на свадьбах и гуляниях.

Следовательно, устные варианты в определенной мере получили любовно-романическое обрамление наподобие дастана «Ашиқ Гариб и Шахсенем».

Издание 2006 года дастана «Сайёд и Хамро» также не лишено определенных недостатков. В частности, наименование города «Хайбар» приведено в ошибочной форме «Харбар» (с. 67). Вместо слова «Нор» дано слово «Ёр»

(с. 48). Слово «Кетмай» использовано в виде «кетман» (с. 68). В слове «Ўғон» пропущен аффикс —ни (с. 29) и т.п.

При подготовке дастана к новому изданию необходимо принять во внимание эти ошибки. Кроме этого, существуют песни, не вошедшие и в данное издание дастана, но встречающиеся в репертуаре исполнителей, их также целесообразно включить в структуру нового издания. Выше было отмечено, что одна из этих песен была введена в XI том сборника «Фольклор Хорезма».

Относительно места возникновения дастана «Сайёд и Хамро», связи событий с историей огузских тюрок выдвинуто немало суждений азербайджанскими, турецкими, туркменскими учеными. Это достаточно спорный вопрос. В то же время есть определенные свидетельства о том, что события в дастане связаны и с отдельными топонимами Хорезма. Упомянутые в дастане наименования мест «Қизил олма», «Олма отишган» в настоящее время существуют в Янгиарыкском тумане. В Хивинском тумане есть кишлак Сайёд и сад Сайёдхон. Данные вопросы еще до конца не изучены.

Таким образом, дастан «Саёд и Хамро» появился среди народов огузского племени и исполнялся на протяжении веков. Когда люди кочевали с одной территории на другую, с одного региона в другой, дастан также переходил вместе со своими создателями и исполнителями. И по этой при-

чине его версии и варианты до сих пор живут в фольклоре таких, впоследствии сформировавшихся в качестве нации, народов, как турки, азербайджанцы, туркмены, узбеки.

Запись дастана «Саёд и Хамро» в первой половине XIX века обеспечила баркарор устойчивое сохранение мотивов из произведения, разговорной лексики, характерной для огузского диалекта.

А устные варианты были заново переработаны на основе современного устного разговорного языка. Однако и в лексике этих вариантов ощущается влияние языка письменных экземпляров.

Следует также отметить то обстоятельство, что героические мотивы в дастане сохранились, в основном, в их рукописных и печатных экземплярах, записанных в XIX веке.

В устных вариантах узбекской и каракалпакской версий дастана события, связанные с проявлением героизма, весьма сокращены. Данное положение, вероятно, связано с тем, что дастаны исполнялись бахши на свадьбах. Ибо дастаны, предназначенные для исполнения на свадьбах, были рассчитаны на два, два с половиною часов. В этой связи подверглись определенному сокращению дастаны большого объема. По этой причине вторая часть дастана «Саёд и Хамро», связанная с героическими мотивами, была пропущена в устных вариантах.

Литература:

1. Короглы, Х. Г. Шасенем и Гарып, Касым оглан и другие туркменские народные повести. — М.: Наука, 1991. — С. 18.
2. Мамедязов, Б. Туркменский народный дестан «Саят и Хемра». Автореф. канд. дисс. филол. наук. — Ашхабад, 1963. — С. 7.
3. Қобулниёзов, Ж. Сўз боши. «Саёд ва Хамро». — Т.: Фан, 1964. — С. 9.
4. Книга моего деда Коркута. — М. — Л.: Наука, 1962. — С. 71.
5. Ошиқнома, 1-китоб, Урганч, «Хоразм», 2006. — Б. 66.
6. Абу-л-Гази. Родословная туркмен. — М. — Л.: Наука, 1958. — с. 78.

«Книга моего деда Коркуда» и хорезмский эпос

Пирназарова Манзура Матназаровна, кандидат филологических наук, доцент;

Атаханова Венера Раджабовна, исследователь

Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

В статье в сравнительном плане изучаются отдельные сюжеты и мотивы из «Книги моего деда Коркуда» и хорезмского эпоса.

Автор статьи предпринимает попытку обосновать связь многих преданий из структуры древнего памятника с дастанами Хорезма. В сравнительном аспекте изучаются сюжетная основа «Ашик Гариб и Шахсанем» с «Бамси Байреком» из эпоса «Книга моего деда Коркуда».

Всесторонне исследованы общие и отличительные черты, наблюдающиеся между образами Салжан хатун из древнего эпоса и Хирмандали из одноименного дастана.

Ключевые слова: «Книги моего деда Коркуда», «Бамси Байреком», «Ашик Гариб и Шахсанем».

The separate plots and motives from «The Book of my Grandfather Korkuda» and the Khorezm epos are studied in the article in the comparative plan.

The author of the article makes an attempt to prove communication of many legends from the structure of an ancient monument with epic poems of Khorezm. A subject basis «Beloved Garib and Shakhsanam» with «Bamsi Bayrek» from the epos «Book of my Grandfather Korkuda» is studied in comparative aspect.

The general and distinctive lines, observed between the images Saljan Khatun from the ancient epos and Khirman-dali from with the same name epic poem are comprehensively investigated.

Key words: «Books of my Grandfather Korkuda», «Bamsi Bayrek», «Beloved Garib and Shakhsanam», Khorezm, the epos, Gurugli.

«Книга моего деда Коркуда» представляет собой бесценный образец истории тюркских огузских племён. Видные узбекские фольклористы Т. Мирзаев и Б. Саримсаков отмечают следующее: «Тюркские племена, пришедшие с предгорий Алтая и Восточного Туркестана, принесли с собой свой эпос. Если судить с типологической точки зрения, данный эпос очень близок к произведениям типа «Алып — манаш», сохранившегося среди айратов. Его отдельные версии и варианты, сюжетные мотивы, вступая во взаимодействие с национальными эпическими традициями огузов, преодолели ступень самостоятельного развития и послужили своеобразной основой для появления героических песен, составляющих цикл Салор-Казан. А в XI веке в период правления сельджукидов данный цикл перекочевал в Малую Азию и Кавказ и, подвергшись сильной феодализации, сохранился в структуре «Книги моего деда Коркуда» [1].

«В данном произведении, созданном в течение IX—XIV веков, получившем определенную систематизацию в XV веке и состоящем из двенадцати сказаний, нашли свое отражение исторические события из жизни тюркских народов, в основном, доисламского периода, этнические процессы» [2].

Действительно, «являющаяся памятником письменности огузского эпоса «Книга моего деда Коркуда» по разнообразию исторических мотивов, их древности резко отличается от тюркско-кипчакского эпоса» [3].

Подтверждением основательности данных суждений может послужить сопоставление мотивов, встречающихся в древних памятниках письменности, с мотивами и сюжетами хорезмских дастанов.

В Хорезме распространены дастаны, составляющие цикл «Ашик» (любовные дастаны), которые были созданы раньше, чем дастаны цикла «Гор-оглы». В них большое место занимают народная фантазия и вымысел. Экспозиция «ашикских» дастанов обычно развивается по традиционной схеме, действие начинается со сновидений. Главный герой видит во сне чужеземную красавицу, и духи тотчас обручают их. После этого начинаются основные приключения главного героя. Азербайджанский ученый М. Тахмасиб связывает проблему сновидений с исламской религией [4], а профессор М. Саидов утверждает, что это явление зародилось задолго до появления здесь исламской религии [5]. Мы считаем, что мнение М. Саидова более соответствует действительности.

Вторая схема этого цикла — встреча главного героя с красавицей во время охоты. Эта встреча становится

прелюдией к последующим событиям. В дастанах «Асил и Карам», «Ашик Албанд» события разворачиваются именно таким образом. Эта схема была известна ещё в глубокой древности, о ней упоминается в «Книге моего деда Коркуда». Бамси Бейрек отправляется на охоту и встречает стадо оленей. Он начинает преследовать одного из них и, устав, решает отдохнуть в палатке. Здесь он и встречает девушку своей мечты [6].

В цикле «ашикских» дастанов утрачены мотивы испытаний жениха в стрельбе из лука, борьбе и скачках. «В романических дастанах сюжет брачной поездки, героического сватовства полностью теряет свою реальную бытовую основу, связанную с пережитками старинных брачных и семейных отношений [7]», — справедливо отмечают В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов.

Отсутствие таких мотивов, присущих героическим дастанам, сказывается на общем содержании произведений вышеуказанного цикла. Здесь не встретишь боевого коня, верного спутника главного героя. Главный герой, в основном, бродит пешком по тернистой дороге любви. В самые тяжелые минуты к нему на помощь приходит Хызыр или другие волшебные силы, и он благополучно добивается исполнения своих желаний. На первый взгляд, в помощи таких «мудрых покровителей» проглядывает религиозное начало. Но на самом деле «Образ Хызыра восходит к доисламскому периоду, и его широко использовали в устном художественном творчестве среднеазиатские народы» [8].

«Ашик Гариб и Шахсенем» один из самых известных старинных дастанов азербайджанского, узбекского, туркменского, каракалпакского и других тюркоязычных народов. Сюжет, легший в основу дастана, известен с незапамятных времен у разных народов. Даже прославленная «Одиссея» Гомера построена на этом сюжете. Как отмечает В. М. Жирмунский, «сюжет мужа на свадьбе своей жены известен в нескольких десятках самостоятельных версий — французских, немецких, английских, итальянских, испанских, скандинавских, русских и славянских, венгерских, румынских, новогреческих» [9]. Приход мужа на свадьбу своей жены освещается и в «Книге моего деда Коркуда». Этот мотив, по мнению В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова, напоминает эпизод из эпоса «Алпымыш» [10]. Этот же мотив лег в основу сюжета дастана «Ашик Гариб и Шахсенем». Сравнение приключений Бамси-Бейрека и Бонучечек с похождениями Гариба и Шахсенем помогает полностью убедиться в этом [11].

Бону обручена с Бамси-Бейраком с детских лет. А родители Гариба и Шахсанем договариваются об их свадьбе ещё до их рождения. Бейрек 16 лет находится в разлуке с любимой, 7 лет тоскует по своей возлюбленной Гариб. Бейрек после долгих лет странствований возвращается домой. Ослепшие, отец и сестра не узнают его. Он сразу же направляется на свадебный пир Бону, принимает участие в различных состязаниях. Такие же эпизоды встречаются и в приключениях Гариба. Яртачук Яланчи объявляет о смерти Бейрека и предъявляет его окровавленную рубашку Бону. Этот эпизод встречается только в азербайджанской версии дастана.

Сопоставление двух сюжетов показывает, что в изображении из «Бамси Бейрека», в эпизодах из него сильно ощущается архаический дух, а в сюжете, сохранившемся в структуре классического эпоса на первый план выдвигаются героические мотивы. По этой причине дастан «Алпамыш», в полной мере сохранивший в себе героические свойства, и мотивы из «Бамси Бейрека» практически дополняют друг друга.

В связи с тем, что дастан «Ашик Гариб и Шахсанем» представляет собой образец романтического эпоса, отдельные моменты были опущены, а другие претерпели эволюцию.

В «Бамси Бейреке» эпический герой для определения своей судьбы ищет способы самостоятельного преодоления эпических препятствий и добивается этого.

В дастане «Ашик Гариб и Шахсанем» эпический герой при столкновении с эпическими препятствиями опирается на помощь покровителей.

В «Бамси Бейреке» преобладает изображение, характерное для родо-племенных отношений. Его канву составляют такие события, как созывание на пир огузских беков, подготовка снаряжения, закалывание таких животных, как лошадь, верблюд, бык, овца, стремление к совместному разрешению любых проблем, призыв к стойкости, вызволение отцом сына из плена и наоборот.

В дастане «Ашик Гариб и Шахсанем» основное место занимает изображение периода довольно развитой государственности. Здесь участвуют представители таких, свойственных для феодализма, социальных слоев, как падишах, везирь, воины, невольники, рабыни, слуги.

Разумеется, XV век, в котором была переписана «Книга моего деда Коркуда», был временем наивысшего развития феодализма. Однако, главное в том, что вошедшее в её состав предание «Бамси Бейрек» сохранило свой сюжет в качестве подлинного образца древнейшего архаического эпоса.

В данном древнем сюжете очень много моментов, в которых не ощущается воздействия исламской религии. Здесь отсутствуют образы покровителей наподобие Али.

То же самое можно сказать и о сходстве мотивов.

События, касающиеся деятельности Салжан хатун из шестого раздела памятника письменности «Повеествование Кан Турали сына Кангли Коджи», привлекают к себе внимание тем, что здесь отражен древнейший жизненный уклад огузских тюрков.

Мотив выбора жениха на основе физической борьбы из первой части данного образца явился основой для дастана «Хирмандали», а события из второй ее части проявляют сходность с дастаном «Саэд и Хамро».

Как рассказывается в первой части, «В век огузов жил один разумный муж по имени Канлы-Коджа; у него был взрослый молодец-сын, по имени Кан-Турали». Когда отец ему предлагает жениться, Кан-Турали о будущей невесте говорит: «Отец, пока я еще не встал со своего места, пусть она встанет; пока я еще не отправился к народу кровожадных гяуров, пусть она, уже отправившись туда, принесет мне их головы».

Канлы-Коджа с радостью, с весельем поднялся и встал, взял с собой белобородых старцев, вошел в (землю) внутренних огузов, не мог найти девицу; обратился (в другую сторону), вошел в (землю) внешних огузов, не мог найти (девицу); обратился (в другую сторону), пришел в Трапезунт. У трапезунтского тагавора была славная красавица-дочь; она натягивала двойной лук, (направляя стрелу) вправо и влево; пущенная ею стрела на землю не падала. Платой за ту девицу, за ее кафтан были три зверя; (тагавор) дал обещание: «Кто тех трех зверей были: свирепый лев, черный бык, черный верблюд; из них каждый был (как бы) драконом. Те тридцать два (юноши), чьи головы висели на башнях, ни свирепого льва, ни черного верблюда не видали в лицо, они погибли уже на рогах быка. Канлы-Коджа увидел эти головы и этих зверей; вошь, бывшая на его голове, скатилась к его ногам; он говорит: «Я пойду, расскажу моему сыну всю правду; если у него есть доблесть, пусть придет и возьмет (девицу); если нет, пусть довольствуется девицей, (какую найдет) у себя дома» [12].

Подобный мотив, представляющий собой один из образцов письменного эпоса, наглядно проявляется в одной из версий широко распространенного в Хорезме эпоса «Гороглы» — «Хирмандали». Зачин данного дастана во многом напоминает мотив из памятника письменности. «Хирмандали исполнилось двадцать лет. Она была и бахши, и палван. И во многие места отправила извещение о том, что переигравший ее в пении и борьбе, будет ей мужем, а проигравший — лишится головы. После этого, прибывшие из Хорезма бахши, палваны уступали ей и в пении, и в борьбе. Таким образом, сложили свои головы триста шестьдесят бахши, палванов» [13].

Что касается проявления отдельных деталей из мотивов памятника письменности и дастанов, то здесь нашли свое выражение новые воззрения, вытекающие по ходу общественного прогресса. Однако основную суть данного мотива составляет направленность на физическую силу условия, выдвинутого девушкой. На самом деле следы данного мотива очень древние.

Как отмечает С.П. Толстов, обычай состязания с женихом с последующим выходом замуж за него в случае проигрыша, имеет отношение к обычаям и традициям сакских племен, проживавших в Хорезме [14].

Этот мотив часто встречается в эпосе тюркских народов. В частности, в эпосе «Манас» эпический герой

также женится на дочери калмыцкого хана Каипа Карабурк, предварительно победив ее в борьбе [15].

Согласно условию между Кан Турали и девушкой Салжан хатун из «Книги моего деда Коркуда», молодой человек должен побороть льва, быка и верблюда. В данном случае девушка и парень не состязаются друг с другом, а только имеет место физическое испытание молодого человека. Однако смелость, боевые качества девушки находят свое выражение в бою на пути возвращения в родные края жениха Кан Турали. После того как молодыми была преодолена большая часть пути, в голову отца Салжан хатун Такура приходит мысль о том, что он так просто отдал свою дочь человеку, поборовшему трёх животных. Вместе с большим войском он отправляется вслед за ними. Когда войско приблизилось к молодым людям, Кан Турали крепко спал. Однако, хорошо зная уловки своего отца, Салжан хатун почувствовала неладное и стала готовиться к опасности. «Поймав коня Кан Турали, оседлала его, сама тоже переоделась, взяла в руки копье, поднялась на высокое место».

Девушка вступает в жестокий бой с войском своего отца, Кан Турали получает тяжелое ранение. В это время в поисках сына прибывает Кангли Ходжа со своими войсками, враги были повержены, и все вместе возвращаются на родину.

В это время Кан Турали начинает испытывать чувство стыда перед девушкой, в одиночку одолевшей целое войско. Его посещает мысль о том, что она позднее может попрекать молодого человека данным обстоятельством, и тогда он решает убить девушку. А Салжан хатун говорит ему следующее: «Давай, сын негодного, будем состязаться, стрелой ли, мечом ли. Она ударила ногой коня, поднялась на высокое место, из своего колчана она высыпала на землю девять стрел, с двух стрел сняла железный наконечник, одну спрятала, другую взяла в руку, пустить стрелу с железным наконечником она не смогла. Она говорит: «Джигит, выпусти свою стрелу», Кан Турали говорит: «Таково право девиц: сначала ты выстрели. Девица одной стрелой поразила Кан Турали так, что вошь, бывшая на его голове, упала к его ногам. Он подошел, обнял Сельджан — хатун; они сошлись, поцеловались» [16].

Из отрывка очевидно, что девушка в физическом отношении несколько не уступает молодому человеку. Чувствуется, что она прошла хорошую выучку в аспекте меткой стрельбы, борьбы и верховой езды, а также в совершенстве владеет навыками военной тактики.

Если обратиться к проявлению воинственности и боевого духа в образе Хирмандали, то она также вступает в единоборство с Гороглы и, поборов его, приставляет нож к его горлу. Она хочет убить его наряду с 360 джигитами. Однако Гороглы побеждает Хирмандали во втором состязании — в песнопении. А в отдельных вариантах дастана второе условие осуществляет Ашик Айдын.

Мотив женитьбы посредством физического испытания, встречающийся в «Книге моего деда Коркуда» и в эпосе «Гороглы», несмотря на незначительные расхождения,

выражает основную идею, связывающую два мотива в единое целое.

Этот мотив с небольшими изменениями повторяется и в другом дастане. Кан Турали, выполнив все поставленные условия, добивается Салжан хатун и увозит ее к себе на родину. Как мы выше говорили, вдруг неожиданно их догоняет выехавший вслед за ними отец девушки, желающий возвратить свою дочь, и в результате между ними завязалась борьба. Данный эпизод бросается в глаза и в дастане «Саёд и Хамро».

В дастане главный герой Хамро, отправившийся вместе с Саёдхон к себе домой, попадает в руки кровавых разбойников. В данной ситуации Хамро теряется, однако Саёдхон, прибегнув к хитрости, опьянила разбойников и убила их [17].

А в финале дастана смелость Саёдхон проявляется еще больше.

С целью возвратить Саёдхон, по их следам с четырехтысячным войском падишаха отправляется в путь ее отец Маматхан. Испугавшись, Хамро старается спастись бегством, но Саёдхон призывает его к борьбе.

В диалоге двух влюбленных ярко раскрываются их характеры:

Хамро: Нас преследует войско,

Как считаешь, не лучше ли бежать. (Построчный перевод)

Саёдхон: Если это предопределено судьбой,

Лучше примем бой [18].

(Построчный перевод)

Салжан хатун из «Книги моего деда Коркуда» также выступает против войска отца, переодевшись в мужскую одежду, она вступает в бой и одерживает победу.

Данный эпизод имеет место и в дастане «Саёд и Хамро». В образе Саёдхон нашли свое выражение такие качества, присущие образу Салжан хатун, как смелость, находчивость, боевитость. Подобного рода действия, характерные для женщин, являются средством, свойственным лишь архаическому эпосу.

В. М. Жирмунский связывает образы данной категории с амазонками из древнейшей греческой мифологии и относит их основу к периоду матриархата [19].

Образы данной категории из «Книги моего деда Коркуда» своими истоками имеют отношение к обрядам, обычаям, связанным с браком наших древнейших предков.

Характерно то обстоятельство, что Кан Турали из «Книги моего деда Коркуда» и Хамро из дастана «Саёд и Хамро» значительно уступают в вопросе боевитости соответственно Салжан Хатун и Саёдхон.

Качества, характеризующие образ Салжан хатун, помимо образов Хирмандали, Саёдхон, ярко проявляются и в облике Айсултан, Гулоим из эпоса «Гороглы».

Мотивы, связанные с боевой деятельностью этих женщин, нашли свое отражение первоначально в «Книге моего деда Коркуда», а затем, подвергшись определенной эволюции и обработке во множестве дастанов, стали основой для появления различных образов, с течением времени совершенствовались, приобретая многовариантность.

Литература:

1. Мирзаев, Т., Саримсаков Б. Эпические жанры узбекского фольклора. — Ташкент, Фан, 1981. с. 43.
2. Назаров, Б. «Книга моего деда Коркута». // Ёшлик, — Т.: 1988, № 5. С.39.
3. Мелетинский, Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа, — М.: Наука, 1986, с. 105.
4. Тахмасиб, М. Г. Азербайджанские народные дастаны. АДД. — Баку, 1965.
5. Саидов, М. С. Художественные особенности узбекского народного эпоса. — Т.: Фан, 1969. С.41.
6. Книга моего деда Коркута. — М. — Л., 1962. — С.34.
7. Жирмунский, В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. — М., 1947. — с. 332.
8. Саидов, М. Указ. Соч. — с. 114.
9. Жирмунский, В. М. Тюркский героический эпос. — Л., 1974. — с. 306.
10. Жирмунский, В. М. Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. — с. 72.
11. Книга моего деда Коркута. — с. 32–49.
12. Книга моего деда Коркута. — М., Л.: Наука, 1962, С.63–64.
13. Городлы, Ургенч, «Хорезм», 2004. С.273.
14. Толстов, С. П. Древний Хорезм, М.: Изд. МГУ, 1948, С.323.
15. Жирмунский, В. М. Тюркский героический эпос. М.: Наука, 1973, С.38.
16. Книга моего деда Коркута. — М., Л.: Наука, 1962, С.72.
17. Ашикнома, I-книга, Ургенч, «Хорезм», 2006. с. 75.
18. Ашикнома, I-книга, Ургенч, «Хорезм», 2006. с. 63.
19. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение, — Л.: Наука, 1979, С.224.

Рукописный вариант узбекского героического эпоса «Гёроглы» и творчество узбекских народных бахши

Сариев Санъат Матчонбоевич, кандидат филологических наук, доцент
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Устное народное творчество сыграло своеобразную роль в формировании письменной литературы подобно тому, как письменная литература, в свою очередь, повлияла на развитие устного народного творчества. На основе фольклорных сюжетов появились многие известные произведения классической литературы, в то же время отдельные сюжеты, перейдя в письменную литературу, в переработанном виде вновь вернулись в фольклор и под множеством названий получили широкое распространение. В статье взаимосвязь и взаимовлияние письменной литературы и устного народного творчества освещается на основе фольклор и письменная литература.

Ключевые слова: устное народное творчество, письменная литература, фольклорные сюжеты, взаимосвязь письменной литературы и устного народного творчества, творчество узбекских народных бахши, устные варианты и рукописные экземпляры дастанов «Гёроглы».

Folklore has played a distinctive role in the formation of written literature, just as written literature, in turn, influenced the development of folklore. Based on folk stories have appeared many famous works of classical literature, at the same time, some subjects, going to the written literature, in processed form are back in folklore and under a variety of names have proliferated. Article interrelation and interaction of written literature and folklore illuminated based on the folklor and written literatute.

Keywords. *Folklore, written literature, folk stories, the relationship of written literature and folklore, creativity Uzbek folk Bakhshi, oral options and handwritten copies of the epos «Gorogly».*

Народы, близкие по языку и с историко-этнологической точки зрения, в особенности, территориально, могли оказать существенное воздействие на общественное и культурное развитие друг друга. В частности, народы Средней Азии издревле находились в тесной связи

друг с другом. Данная близость и отношения наблюдаются в устном творчестве и классической письменной литературе данных народов. Это наглядно проявляется в устном народном творчестве в традициях бахши и исполнении песен. Как отмечает узбекский ученый-фолькло-

рист Ж. Кабулнязов, «личная дружба и творческое сотрудничество представителя Самаркандско-Нарпайской дастанной школы, народного бахши Узбекистана Ислама Назар оглы с видным туркменским бахши Атаниязом послужила развитию фольклора обоих народов, то есть узбекского и туркменского. В действительности, в результате данной дружбы и творческого сотрудничества Ислам Назар оглы пользовался большим авторитетом среди туркмен, а Атанияз шаир — среди узбеков» [1.47]. Данное обстоятельство констатирует и видный туркменский ученый-фольклорист С. Гарриев, отмечая: «Сюжет дастана Ислама Назар оглы «Нигор и Замон» взят из репертуара туркменских бахши» [2.140]. Помимо этого, основатель дастанной школы Южного Хорезма, народный песенник Узбекистана Бола бахши — Курбонназар Абдуллаев и его сыновья и ученики — народные бахши Узбекистана Норбек и Етмишбой Абдуллаевы, известный бахши Матъякуб Абдуллаев, народный бахши Узбекистана Каландар Норметов, из известных сказительниц-халфа — Ожиза халфа, Онажон халфа Собирова, Суна халфа, Санобар халфа, видный представитель дастанной школы Северного Хорезма Ахмед бахши и его ученики — каракалпакские бахши и жырау могли исполнять народные дастаны на узбекском, туркменском и каракалпакском языках.

На самом деле, истоки данной традиции, то есть исполнения дастана на нескольких языках, заложены в более ранние времена. Представители дастанной школы Пурси, которая функционировала в XVII–XVIII веках и явилась своеобразным центром подготовки многих видных узбекских, туркменских и каракалпакских бахши, и их последователи Суяв бахши, Гарибнияз бахши, Мусо бахши, исполняя дастан на трех языках: узбекском, каракалпакском и туркменском, продолжили традицию многоязычия в искусстве бахши. В этой связи, Суяв бахши и Мусо бахши были любимыми исполнителями узбекского, туркменского и каракалпакского народов, и все хотели видеть их в качестве наставников своих детей, имеющих склонность к искусству бахши.

Известно, что подавляющее большинство бахши XVIII–XIX веков были грамотными людьми, а отдельные из них могли запомнить дастан при его исполнении, а в дальнейшем сами исполняли его. Молодым бахши, прежде всего, предлагались для изучения песни на стихи Махтумкули, отличающиеся народным духом и своеобразным стилем. Это, во-первых, повышало музыкальный опыт исполнителя-бахши, а, во-вторых, удовлетворяло народные запросы. Ибо, свадебные торжества узбекского, туркменского и каракалпакского народов обязательно начинались со стихов Махтумкули. Грамотные бахши все изучаемые дастаны и дидактические песни черпали из специальных книг, рукописей, а после усвоения они переходили к непосредственному их исполнению. В ходе данного процесса использовались рукописные и печатные экземпляры песен Махтумкули и получивших широкое распространение народных дастанов.

Рукописные экземпляры распространялись посредством неоднократного их переписывания каллиграфами и писцами, а также, грамотными людьми из народа. В конце XIX века был изобретен печатный (литографический) способ издания книг, что послужило основой для появления, наряду со многими произведениями, печатных экземпляров дастанов «Гёроглы», превратившегося в неповторимый и излюбленный эпос узбекского, туркменского, каракалпакского, казахского, таджикского, азербайджанского и еще свыше 22 тюркских и нетюркских народов. Данные рукописи и печатные экземпляры весьмагодились для исполнителей-бахши. По этой причине, в последнее время бахши Хорезма изучали дастаны, в основном, посредством письменных текстов, а затем переходили к их устному исполнению.

Родившийся в кишлаке Каракиса Самаркандского вилоята исполнитель дастанов-сказитель (бахши) Рахматулла Юсуф оглы вспоминает следующее: «Известно, что дастан «Приведение Гёроглыбеком Авазхана» сначала был издан торговцами в Казани и Ташкенте, а в скором времени получил распространение среди всех узбеков. Экземпляр данной книги, изданный в Ташкенте, добрался до нашего аула в 1927 году, и среди всех исполнителей-бахши, даже, у великого шаира Эргаша Жуманбулбул оглы, считавшего, что «в книге, написанной арабским письмом, все истинно», возникает мысль о том, что нужно исполнять дастан именно так, как предписано в книге, что послужило основой для исчезновения других вариантов». Таким образом, печатный экземпляр, получив распространение среди всех бахши, способствовал появлению обычая исполнять дастан по установленному образцу. В настоящее время, например, если спросить у малоизвестного бахши: «Исполнялся ли прежде другой вариант дастана?», он ответит: «Нет» [3.10].

Действительно, сведения Г. Вамбери, А. Самойловича, К. Айымбетова и Рахматуллы Юсуф оглы полностью подтверждают верность приведенных доводов. Рахматулла Юсуф оглы, приводя сведения об именах известных ему бахши, места их происхождения, особо останавливается на творчестве сказителей-бахши, отмечая: «Однако Ташнияз бахши был сказителем, усвоившим дастаны из книги» [3.10]. Следовательно, с появлением рукописных и печатных экземпляров дастанов «Гёроглы» многие грамотные личности сыграли большую роль в распространении и популяризации данных экземпляров.

Следует отметить, что данные книжные рукописи и печатные экземпляры положили конец практике добавления со стороны бахши к оригинальным текстам и сюжетам дастанов «Гёроглы» других текстов и сюжетов. Например, «имеются сведения о том, что, когда Жассок бахши находился в Сангзорском тумане, он исполнял дастан «Олень и черепаха» как один из дастанов цикла «Гёроглы»» [4.138]. Появление данных экземпляров имело важное значение в аспекте сохранения для последующих поколений в первозданном виде непо-

вторимого и бесценного духовного наследия нашего народа, к которому, безусловно, принадлежит и эпос «Гёроглы».

Разумеется, не является случайным тот факт, что в народной среде, а также среди бахши и грамотных людей распространялись книжные экземпляры любимых произведений. Распространение рукописных и печатных экземпляров народных дастанов и классических произведений явилось результатом потребности нашего народа в данном духовном наследии.

Данное обстоятельство наглядно проявляется на примере творчестве Махтумкули, являющегося не только гордостью туркменского народа, но и любимым и почитаемым поэтом узбекского и каракалпакского народов. Говоря о туркменской литературе, мы, наряду с именами Камине, Андалиба, Дурды Клыча, вспоминаем, прежде всего, Махтумкули. Ибо его стихотворения, насыщенные нравочениями и наставлениями, с большой охотой исполнялись известными народными певцами и бахши. Махтумкули, создавший под псевдонимом Фирогии множество замечательных стихотворных образцов, на сегодняшний день занимает достойное место в мировой литературе.

Махтумкули получил начальное образование в аульной школе местечка Хожиговшон, где он родился и вырос. Хотя его предки были ремесленниками, они были людьми, весьма близкими к поэзии, искусству. Его дедушка также носил имя Махтумкули, которое он получил в честь своего же деда. Дед поэта был ремесленником-кустарем, создав при этом немало песен в народном духе. Отец Давлат-мамад также являлся ремесленником и в то же время был весьма талантливым поэтом. Его стихотворения, отразившие нравоучительные идеи, и поэма «Ваъзи Озодий» отличаются огромной воспитательной и просветительской значимостью. Таким образом, Махтумкули, получивший воспитание в семье просвещенных людей, с раннего детства совмещал учебу и труд, а с девяти лет начал писать стихотворения. Далее он получил образование в медресе Ширгазихана в Хиве. Помимо этого, сохранились сведения о том, что он обучался в медресе Идрисбобо в ауле Кизилоёк и Кукалдош в Бухаре.

Махтумкули, следуя своим предкам, в совершенстве овладел и ремеслом. В то же время создавал дидактические стихотворения в народном духе. В его стихотворениях в нравоучительном духе пропагандируются такие качества, как искренняя и преданная любовь, дружба, милосердие, достоинство, гуманизм, мужество, чувство патриотизма. Нет ни одного стихотворения поэта, которое не исполнялось бы узбекскими и каракалпакскими бахши. В особенности, это наглядно проявляется в репертуаре бахши Самарканда, Бухары, Хорезма и каракалпакских бахши. В Хорезме, Бухаре и Каракалпакстане бахши исполняют с десятков песен на стихи Махтумкули, а затем приступают к непосредственному исполнению дастана. Заветы Махтумкули, исполняемые на свадьбах и торжествах, пиршествах, с любовью воспринимались народом.

В народной среде встречались и такие личности, которые исполняли песни Махтумкули без всякого музыкального сопровождения, громким голосом и в своеобразном ритме. Исполнение без музыкального сопровождения является одной из древних традиций нашего народа. Примером этому может послужить исполнение песни «Катта ашула», входящей в макамы Ташкента и Ферганы. Традиция исполнения песни без музыкального сопровождения широко распространена среди тюркских народов, в частности, олонхосуты, представляющие собой исполнителей якутского народного героического эпоса «Олонхо», также исполняли свой национальный эпос без всякого музыкального сопровождения, прикрывая ухо правой рукой. При этом исполнитель способен контролировать соответствие своего голоса музыкальному тону, ощущать благозвучие и гармоничность исполнения. Традиция исполнения стихотворных текстов без музыкального сопровождения в своеобразной манере была заложена, на самом деле, исполнителями «Авесты» «карпа» («калпа»). Они приятным голосом без музыкального сопровождения исполняли ритуальные тексты во время проведения обрядов, связанных с верованиями зороастрийцев.

В связи с тем, что лирика Махтумкули отличается широтой своего охвата и весьма популярна в народной среде, она оказала существенное воздействие и на творчество народных бахши. Фольклорист О. Сабилов в своей статье «Махтумкули и узбекские бахши» упоминает о том, что проживавший в кишлаке Камаши Бешкентского тумана Кашкадарьинского вилоята дехканин Берды Авазов исполнял громким голосом и без музыкального сопровождения в народной среде многие стихотворения Махтумкули, в частности, «Келар», «Сани», «Булар» и др. [4].

Творчество Махтумкули своей содержательностью, доступностью и лаконичностью языка, мелодичностью стихотворений проявляет созвучность с узбекскими народными дастанами, в частности, с устными и рукописными вариантами, а также печатными экземплярами дастанов «Гёроглы». В узбекских народных дастанах, в том числе в устных и рукописных вариантах и печатных экземплярах получили свое отражение немало содержательных идей. Например, здесь отражены практически все процессы, начиная с рождения и воспитания ребенка и кончая последними днями персонажа. В дастанах на передний план выдвигаются такие ценности, как любовь к детям и почтительное отношение к родителям, преданность другу, верность любви, патриотизм, борьба со злом, торжество справедливости, твердость убеждений и др.

Махтумкули, переживший на своем веку немало несправедливостей, видевший бедственное положение своего народа, потерявший свою возлюбленную Менглихон, горя по своим детям (по сведениям, его сыновья Сори и Ибрагим умерли в раннем возрасте), выразил свою скорбь в стихотворениях. Если отдельные аспекты лирики Махтумкули напоминают литературные произве-

дения, воспевающие идеи героизма, в частности, рубаи Пахлавана Махмуда, то простотой и лаконичностью языка, идеей и художественностью выражают созвучие с народными дастанами и их рукописными экземплярами.

Воздействие творчества туркменского поэта Махтумкули на репертуар народных бахши можно наблюдать на основе анализа устных вариантов дастанов «Гёроглы», а также, автобиографического стихотворения с редифом «Кунларим», встречающегося в их рукописных и печатных экземплярах.

Известно, что Махтумкули жил и творил во второй половине XVIII века. А дастаны «Гёроглы», как отмечается в источниках, возникли в XVI–XVII веках в Азербайджано-туркменской среде. Между тем, несмотря на то, в какой среде формировался эпос, он у каждого народа успевал сформироваться в качестве отдельных версий.

Известно, что устное народное творчество сыграло своеобразную роль в формировании письменной литературы подобно тому, как письменная литература, в свою очередь, повлияла на развитие устного народного творчества. В частности, на основе фольклорных сюжетов в классической литературе появились «Хамса» и другие значительные произведения. Именно фольклорные сюжеты и традиции послужили основой для оригинальных дастанов Сайяди и Мулланефеса «Тахир и Зухра», из узбекских писателей — романа А. Кадыри «Минувшие дни», повести Гафура Гуляма «Озорник». В то же время отдельные сюжеты, перейдя из фольклора в письменную литературу, получили переработку и, вновь вернувшись в фольклор, широко распространились под названиями народных книг, повестей-дастанов. В данной связи можно упомянуть такие произведения, как «Тахир и Зухра», «Лейли и Меджнун», «Маликаи Дилором» и др.

Приведем еще несколько примеров, свидетельствующих о том, что данная традиция своими корнями уходит в устное народное творчество. В частности, данное явление можно наблюдать и в детском фольклоре. Фольклорист Х. Рузметов, исследуя детский фольклор, в своей статье «Считалки в детском фольклоре» приводит следующие примеры:

Бир — бурч,
Икки — илон.
Уч — пуч,
Тўрт — чиён.
Дословный перевод:
Один — перец,
Два — змея,
Три — вздорный,
Четыре — скорпион.

Нетрудно понять символический смысл определений, приведенных в считалке относительно каждого года из жизни ребенка. Например, «Один — перец»: годовалый ребенок бывает подобно перцу горьковат, плаксив и слезлив, а в два года движется извиваясь как змея [5.17]. Данные понятия с юных лет внедряются в сознание детей,

здесь для формирования у детей понятий, связанных с человеческой жизнью, используются доступные и лаконичные слова из детского обихода.

Таким образом, произнесение слов с упоминанием различных этапов жизни является одной из древнейших наших традиций. Данная традиция в народном языке определяется словами «Ёшнома», «Йилнома», Махтумкули, несомненно, получал от них творческое вдохновение. Когда поэт обучался в медресе Ширгазихана в Хиве, он в совершенстве усвоил образцы письменной литературы, хорошо изучил народные дастаны.

Следует отметить, что автобиографическое произведение «Кунларим», имеющее отношение к творчеству представителей Самаркандской дастанной школы Фазыла Юлдаша и Абдуллы Нурали оглы, вообще является каким-то новым явлением. Поскольку данные поэты-бахши поэму «Кунларим» из песни подняли на уровень автобиографического жанра терма (песня, исполняемая сказителями). М. Алавия, говоря о подобного рода произведениях, отмечает: «исходя из содержания и характера произведения, «Кунларим» можно назвать автобиографическим дастаном» [6.38]. А ученый-фольклорист А. Мусакулов оценивает произведения типа «Кунларим» в качестве «песни, в совершенстве характеризующей жанр терма» [7.41], что, по нашему мнению, весьма близко к действительности.

М. Алавия, проделавшая большую работу по записи и изданию всего творческого репертуара Фазыла Юлдаша оглы и Абдуллы шаира, в том числе и произведения «Кунларим», в статье «Абдулла шаир» отмечает: «Кунларим» — это такой жанр в узбекской народной поэзии, который исполняется бахши при достижении определенного возраста, став широко известным в народе, излагая в песне пережитые им горестные переживания [6.40].

Терма «Кунларим» Фазыла Юлдаша и Абдуллы Нурали оглы, представляя собой отдельные произведения, состоит из двух частей. Здесь Абдулла шаир, также как и Фазыл шаир в свое время занимавшийся пастушеством у одного богача, в жалостной манере изображает пережитые им тяжелые, горестные дни. Посредством двух этих терма мы узнаем, что доблестный труд узбекского народа в самые тяжелые времена является одним из показателей его величия.

В целом, хотя эти два произведения, созданные указанными бахши, аналогичны по своей композиционной структуре, то есть состоят из двух частей, с точки зрения сюжета являются самостоятельными образцами. Здесь изображены совершенно различные события. Появление и превращение в традицию произведений данного типа в репертуаре бахши связано с большим авторитетом, которым пользовалось творчество Махтумкули среди узбекских сказителей-бахши. Следовательно, Махтумкули своим творчеством, в частности, поэмой «Кунларим» внес достойную лепту в дальнейшее развитие как письменной литературы, так и устного народного творчества.

Литература:

1. Кабулнязов, Ж. Пути развития узбекского советского фольклора. — Ташкент: Фан, 1969.
2. Гарриев, С. Из истории взаимоотношений туркменской литературы с литературой советских восточных народов. — Ашхабад, 1967.
3. Мирзаев, Т. Достонлар зубдаси / Рождение Гёроглы. — Ташкент: Ёзувчи, 1996.
4. Сабиров, О. Махтумкули и узбекские бахши / Узбекское народное творчество. — Ташкент: Фан, 1967.
5. Рузметов, Х. Событийные считалки в узбекском фольклоре / Филологические исследования. Том 5. — Ургенч, 2002.
6. Алавия, М. Абдулла шаир // Звезда Востока. — Ташкент, 1956. — № 8.
7. Мусакулов, А. Формы терма и оралик в узбекском фольклоре / Узбекский язык и литература. — Ташкент, 1981. № 4.

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тема Великой Отечественной войны в поэзии поэтов Сумгаита

Абульгасанова Вясия Ариф гызы, диссертант, преподаватель
Сумгаитский государственный университет (Азербайджан)

В статье дается анализ стихотворений посвященных теме Великой Отечественной войны созданных поэтами Сумгаитской литературной среды. Здесь на научно-теоретическом уровне раскрываются особенности идеи и содержания стихотворений, отражающих идеи гуманизма и ненависти к войне и проводятся сравнения с поэзией данного периода. В статье также обосновывается актуальность темы Великой Отечественной войны для поэтов Сумгаита и ее роль в воспитании патриотизма у подрастающего поколения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, лирико-психологический анализ, Сумгаитская литературная среда, образ воина, поэзия.

In the article is given the analysis of the poems created by Sumgait literary environment on the theme of the Great Patriotic War. Features of the ideas and content of the poems expressing humanist ideas and hatred for war are cleared up in the scientific-theoretical level and comparison of the given period is made. In the article theme actuality of the Great Patriotic war for Sumgait poets and its role in patriotic education for younger generation is explained.

Key words: Great Patriotic War, lyrical-psychological analysis, Sumgait literary environment, fighter image, poetry

Во все времена тема ненависти к преступлениям против человечества, войнам и истреблениям, тема гуманизма, призыва к добру и справедливости была актуальной темой в литературе. Если обратиться к истории нашей литературно-эстетической мысли, то можно увидеть, что наша литература имеет богатый опыт в связи с этой проблемой. Особенно в годы Великой Отечественной войны призыв к всеобщей мобилизации в борьбе против фашизма, кровавые преступления, боль тяжелых потерь, вера в победу стали основной темой в творчестве наших мастеров слова. С. Вургун, Р. Рза, С. Рустам, А. Джамиль, С. Рагимов, Э. Мамедханлы, М. Ибрагимов и др. поэты и писатели создали произведения посвященные войне. Интересен и тот факт, что, по мнению литературной критики именно в эти годы в нашей поэзии нашла свое первое художественное воплощение тема войны.

Говоря о борьбе нашего народа за свободу и независимость, об особенной роли поэзии в этой борьбе, о силе ее воздействия на солдат и офицеров, находящихся в окопах академик Б. Набиев писал: «Никогда еще до этого периода истории азербайджанской советской литературы поэзия не была так тесно связана с народом, с его жизнью, его трудом и ежедневной борьбой как в годы Великой Отечественной войны» (9, с.30).

Цель и задачи, идейно-художественные особенности и поэтические традиции этого периода нашли свое продолжение в послевоенные годы поисками новых форм, содержания и стиля. Я. Караев в статье: «Годы и пути поэзии» отмечал отражение темы войны в послевоенной

поэзии и приводил убедительные доводы о возникновении цельного образа лирического «я» переживающего за будущее человечества за судьбу мира. Он писал: «Несомненно, слово «война», сразу ассоциируется с понятием «фашизм». Война народа, родины, армии с фашизмом давно закончилась. Однако в поэзии война с фашизмом еще продолжалась. Постановка и решение этой проблемы в 70-е годы в канун 30-летия нашей победы над фашизмом отличается своими специфическими особенностями художественной периодизации» (3, с. 62).

Рассматривая эту проблему, ученый указывает на то, что в поэзии этого периода основной темой становится не широкая эпическая картина войны, а его нравственная сторона и лирико-психологический анализ.

Невыносимая боль войны, ноющие раны, глубокий след, оставшийся в судьбах людей после кровопролитных боев, изображается конкретными и краткими лирическими штрихами. З. Годманлы в стихотворении «Таблица Менделеева» (4, с.39–40) раскрывает философско-поэтическую сторону людских судеб перемолотых войной. В краеведческом музее в Масаллы сохранилась так называемая «Таблица Менделеева» куда вписывают имена воинов, не вернувшихся с войны. В таблицу вписаны имена 307 человек, а о судьбе 87 человек все еще нет никаких известий. Эту таблицу, нарисованную на обыкновенном белом листе поэт, считает уроком будущим поколениям. Сердобольную душу поэта беспокоит и судьба тех людей чье «место все еще белеет в таблице». Автор поэтизирует в строках стихотворения грусть и тоску жен и невест с на-

деждой вглядывающихся в пустые строки этой таблицы пропахнувшей порохом и смертью:

Предупредите, чтоб имен не вписывали

Как только черные вести придут

Матери и жены, невесты и девушки

Жили б надеждою, пока не умрут (4, с.40). (перевод Гасымовой Ш. Н.)

В других стихах поэта: «Осколки» (4, с.41–42), «Случайность» (4, с.77), «Поле мужества» (4,83–84) и т.д., обычные предметы, конкретные детали обобщаются на художественно-философском уровне. Масштаб тяжелых потерь на фоне пережитого отдельной личностью, его эмоциональных переживаний призывает читателя к бдительности перед опасностью войны?

Следует отметить и то, что если в годы Великой Отечественной войны поэты и писатели часто бывали на фронтах, встречались на передовых с солдатами и поэтому описывали увиденное и лично пережитое, то в послевоенные годы это было уже невозможно. На этом этапе основной темой в поэзии становятся воспоминания о пережитом в тылу, какие-то предметы и вещи связанные с войной, поездки на места где ранее проходили кровавые бои и впечатления, которые эти поездки вызывали. По этой причине в стихах поэтов, дается не описание военных действий, жизни в окопах или военных преступлений, а философско-эстетическое осмысление причин и последствий всего этого. Грохот орудий, крики солдат и стоны раненых, все это доносилось до читателя через личностно-психологический анализ под влиянием гуманизма и нравственного совершенства.

В творчестве Хыдыра Аловлу тема войны представлена выражениями «бронзовые памятники», «неизвестный солдат», «тоска» и т.д. Людские судьбы, прерванные вражьи снарядами, стоны матерей не дождавшихся своих сыновей, дороги, побелевшие от тоски, страдания людей уже переживших войну — все это находит свое образное воплощение. Художественный образ матерей пришедших на Мамаев курган искать своих детей воссоздается не высоко-пафосными, торжественными выражениями, а живым образным языком. Душевные терзания матерей застывших как статуи перед памятником своим детям в конкретных деталях наглядно показывает всю ту трагедию, что приносит людям война:

Все идут и идут

С горем сердца, а здесь

Сыновья их молчаньем встречают

И стоят так безмолвно

Друг на друга глядят

Навеки застывший бронзовый сын

И от горя застывшая мать (1, с.7) (перевод Гасымовой Ш. Н.)

В поэзии Ашрафа Вейсалли всегда отличающегося в литературном сообществе своими напряженными творческими поисками и интересными поэтическими находками, тема войны и горя, которое она с собой приносит человечеству изображено интересными и запоминающимися

деталями в образе солдата ставшего калекой. В стихотворении «Танцевала девушка на свадьбе» поэт изображает девушку поражающую всех своей красотой. Прекрасные черные глаза змеей извивающиеся косы и прекрасный танец этой красавицы так пленил всех, что даже музыканты забылись и один из них бросает свой любимый тар, который ценил больше жизни ей под ноги. В этом стихотворении являющимся прекрасным образцом сюжетной лирики девушка, затмившая своей красотой мир, вдруг останавливается перед лирическим героем произведения — бывшим солдатом и приглашает его на танец. Лирический герой, до этого момента переживающий радостные минуты повержен в печаль, потому что не может сказать девушке о том, что танцевать он уже не способен потому что «ноги мертвы, вместо ног протезы». Так посредством противопоставления народного гуляния проходящего много позже окончания войны и той боли, которую оставила после себя война и которая до сих пор омрачает радость людей, автор поэтически выражает свою основную идею. Этот герой войны, тяжело раненный во время одного из боев и очнувшийся в госпитале, потерял не только ноги, но и земли по которому он мог бы пройти, дороги по которым он еще не ходил, мелодии под которые он хотел бы станцевать. Его чувства, его будущее все было расстреляно вражьей пулей. Это событие полное грусти и печали поэт оценивает как трагическую судьбу человечества. Война не только калечит или лишает жизни людей, она уничтожает их духовный мир, гуманистические таланты:

Я прошел через такое

Что стал даже ростом мал

Видно там на передовой

Пуля ранила не только меня

Видно там на передовой

Пуля ранила мою песню

Пуля ранила мои танцы,

Мою свадьбу (7, с.297). (перевод Гасымовой Ш. Н.)

Интересно, что «рост», «фото», «свадьба», «день рождения», «пиджак» и другие понятия приобретают нестандартное поэтическое обозначение, тем самым становясь явным выразителем трагедии войны. Для примера обратимся к стихотворению А. Салахзаде «Рост»:

Стыдимся роста своего

Что с возрастом не сходится

Скрываем возраст, а потом

Мы лжи той сокрушаемся

По недостроенным домам

И недовыросшим сынам

Душою возмущаемся

По скольким свадьбам и цветам

И не рожденным малышам

В душе горим, горим, горим

Вопросом мучимы одним

Кто перекрыл нам воздух

Кто в ответе за наш рост

Кто вернет нам наш рост (6, с.9–10). (перевод Гасымовой Ш. Н.)

Как видно из отрывка в этом стихотворении слова «рост», «возраст», «свадьба» выходят далеко за пределы своего семантического значения и органично связываются с войной, точнее становится выразителем антигуманистической сущности войны.

В стихотворении «Танцевала девушка на свадьбе» мастерски противопоставляется национально-эстетическая красота и безобразие войны. Лирический герой, несмотря на нравственные страдания, капитулирует перед красотой, морально-нравственные ценности наполняют его человеческое сердце светом надежды и усиливают жажду жизни:

Время вернись и будь мне опорой

Верни все, что я потерял

Верни мне молодость

Затерянную в снегах,

Верни мне ноги мои

Потерянные в боях (7, с.297) (перевод Гасымовой Ш. Н.)

Это желание лирического «я» еще более подтверждает свойственную поэзии А. Вейсалли идею «красота спасает мир».

Стихотворениям поэта «Девушка почтальон» (7, с.40), «Когда плачут ивы» (7, с.55), «Тандыр» (печь для хлеба) (7,201) и т.д. свойственны те же признаки. Особенно в стихотворении «Тандыр» показывается тяжелый труд, голод и лишения, боль и нужду, которую приносит с собой война. Тандыр, т.е. печь являющаяся символом изобилия, мира «Хоть и мало горел в нем огонь с сорок первого по сорок пятый», но «спас он пятерых доблестных солдат отечества от лап страшного чудовища — голода». Автор с помощью метафоры, простым народным языком показывает голод и нужду царящие в селе.

Не досыта, чуть впроголодь

Весь раскалившись докрасна

Как бы сгорая от стыда

Тандыр нас прокормил (7, с.205). (перевод Гасымовой Ш. Н.)

Необходимо отметить, что тема войны в Сумгаитской литературной среде, также как и в Азербайджанской литературе, начиная с 1990 года и до сегодняшнего дня, основана на событиях Карабахской войны и на эту тему было написано много произведений.

Во время Великой Отечественной войны миллионы людей потеряли жизнь. Масштабы материальных и моральных потерь определяются грандиозными, невиданными до сих пор в истории человечества размерами. Эти потери не только результат войны между фашистской Германией и СССР. Это было так же трагедией человечества, кровавый удар по цивилизации. Именно поэтому, несмотря на прошедшие десятилетия, тема Великой Отечественной до сих пор занимает одно из главных мест в литературном процессе как актуальная и серьезная тема.

В поэзии поэтов Сумгаита эта тема выделяется своей национальной и общечеловеческой значимостью. Она характеризуется богатством лирико-психологического ана-

лиза и самопознания. Ученый литературовед Н. Гулиев, отмечая своеобразие азербайджанской литературы в послевоенные годы, писал: «Для поэтов 60-х годов период войны, воспоминания о войне это тема самопознания перед поколением. Вспоминая эти годы, они вспоминают безрадостное детство, своих матерей оставшихся без отцов семейства и что самое ценное всегда стараются передать это различными оригинальными, своеобразными способами» (5, с.173).

Стихотворениям Вагифа Ибрагима посвященным теме войны свойственна образность, глубина лирического изображения и некоторая чувственность? Поэт ищет адреса отдавших жизнь за родину в братских могилах, в могилах шехидов. Философско-эстетическое содержание его поэтических ассоциаций связано с глубокими слоями нравственной национальной памяти. В. Ибрагим вечную память шехидов сравнивает с деревом, пустившим глубокие корни. Как листья дерева, оберегая его, осыпаются на землю к основанию «чтобы корням не было холодно», так и шехиды защищают свою родину.

В своем стихотворении «Шехиды» поэт своеобразно выражает свои лирические переживания, конкретные и резкие поэтические детали определяют ясность мысли, что сопровождается искренними чувствами. Дерево с его листьями Родина с ее шехидами, отражаясь на едином поэтическом табло, воскрешает память читателя:

И мы осыпались в боях

К своим корням глубоким —

Чтоб врагу не пройти

И мы как листья вот так опадали

Падали к Родины стопам (2, с.10). (перевод Гасымовой Ш. Н.)

Рафик Юсифоглу так же написал несколько стихотворений и поэму на тему войны. Его произведения: «Разве ты не был ребенком», «Солдатские могилы» и т.д. в художественной форме описываются ужасы войны, антигуманизм фашизма. С помощью эмоциональных вопросов, интересных поэтических выражений поэт воссоединяет лирику и героизм. Эта поэтическая гармония заставляет читателя задуматься о вопросах войны и мира, гуманизма и антигуманизма.

Как нам понять

Боль тех лет?

Ты не был ребенком

Как нам вспомнить

Детство? (8, с.304) (перевод Гасымовой Ш. Н.)

Здесь очень впечатляет и убеждает читателя трагедия ребенка, который лишен был своего детства и элементарных детских радостей.

В целом в Сумгаитской литературной среде тема Великой Отечественной войны занимает важное место. Почти у каждого Сумгаитского поэта есть хотя бы одно стихотворение, посвященное Великой Отечественной войне или проблемам, связанным с ней. Творческое наследие поэтов Сумгаита содержит богатый материал для дальнейших исследований.

Литература:

1. Аловлу, Х. Встреча с весной. Баку, Генджлик, 1977, с.62
2. Ибрагим, В. Рождённые на этой земле. Баку, Генджлик, 1979, с.126
3. Гараев, Я. Поэзия и проза. Баку, Язычы, 1979, с.198
4. Годманлы, З. Время и вера. Издательство Сумгаит, 1997, с.320
5. Кулиев, Н. Патриотические и героические песни. Баку, Язычы, 1981, с.175
6. Салахзаде, А. Пять листьев. Баку, Генджлик, 1968, с.108
7. Вейсалли, А. Моё сердце Божий дом. Баку, Гелем Офсет, 2008, с.304
8. Юсифоглу, Р. На заснеженных путях любви. Баку, издательство АГПУ, 2008, с.304
9. Набиев, Б. Великая Отечественная война и Азербайджанская литература. Баку, Елм, 1977, с.329

Позиционное распределение синтаксических редупликаций на внутритекстовом отрезке пространства-времени

Букатникова Светлана Дмитриевна, аспирант
Оренбургский государственный университет

Статья раскрывает содержание понятия «редупликация». Автор исследует на материале художественных текстов современных французских и русских авторов роль синтаксической редупликации в целом художественном тексте. На основе структурного и количественного анализов проводится позиционный анализ синтаксических редупликаций.

Ключевые слова: редупликация, синтаксическая редупликация, художественный текст, русский язык, французский язык, лингвистика, позиционный анализ.

Художественность произведений французских и русских авторов середины XX века — начала XXI века отличается от классических текстов, в частности, произошли значительные изменения содержательной и формальной точек зрения, повлекшие за собой изменения в самой структуре современных художественных текстов.

Так, традиционные развитие действия, интрига, кульминация, развязка, свойственные «трансформационной модели» повествования, сменяются непоследовательностью действий персонажей, ощущением нереальности описываемых событий, места и времени, хаотичностью повествования, свойственных новой модели «тансивной с нулевой трансформацией» [4, с. 270]. Поэтому современные художественные тексты рассказывают о конкретном моменте, периоде жизни персонажей, исключая пространное повествование об их прошлом. При этом авторы современных текстов общаются с читателем в форме непринужденной беседы, когда повествование может идти то от первого лица, то от третьего или вовсе от второго. Также, большое значение приобретают различные средства типографического и графического оформления текстов или его фрагментов [2, с.86].

Изменения в структуре и способе построения современных художественных текстов влекут за собой необходимость использовать новые средства текстообразования, создания целостности текста, формирования его смысла, к коим относится исследуемое нами явление редупликации.

Под редупликацией нами понимается явление, представляющее собой способ словообразования, образования грамматических форм и фразеологических единиц путем полного или частичного повтора целого слова, корня или основы слова.

По типу связей мы выделяем три вида редупликаций:

1) лексическая — повторяемость слова или группы слов, с характерной для них грамматической вариативностью, заключающейся в трансформации грамматического и семантического значения проявляющейся в многозначности слова), семантическая и синтаксическая.

2) семантическая — повторение лексического значения слова или отдельной его части при различной форме языковых единиц или редупликацию одного и того же семантического компонента.

3) синтаксическая — повторяется значение, которое реализуется в тождественном построении предложения или фрагментов речи, а также в повторении синтаксических конструкций, содержащих лексические и семантические повторы.

Каждый из видов редупликаций по характеру расположения в структуре текста подразделяется на подвиды: дистантная редупликация, контактная редупликация, частичная редупликация и составная редупликация [6].

Целью нашего исследования является проведение позиционного анализа явления редупликации в художе-

ственном тексте и выявление роли синтаксической редупликации в художественном тексте.

Материалом исследования послужили целые художественные тексты современных русских и французских авторов середины XX — начала XXI веков (В.Ю. Драгунский, Д. Жданов, М. Веллер, Н.М. Артюхова, В. Конецкий, С. Говорухин, Анна Гавальда, Фредерик Бегбедер, Филипп Джиан и др.). Анализу подвергнут 671 текст, среди которых 295 текстов на русском языке и 376 на французском.

Основные методы исследования — количественный, позиционный.

Исследователями установлено, что первое, с чем сталкивается читатель при чтении текста, является форма, т.е. пространственно-временная организация текста. Причем, с точки зрения А.Ю. Корбут [3, с. 22], именно по внешним параметрам текста можно в первую очередь судить о его целостности и, что является немаловажным, собственно форма текста и является определяющим фактором оптимального восприятия и понимания содержания текста и его структуры в целом.

Для исследования пространственно-временной организации текста, Москальчук Г.Г. была разработана методика позиционного анализа, на которую мы будем опираться в дальнейшем при исследовании позиционного распределения синтаксических редупликаций в целых художественных текстах.

В рамках нашего исследования мы вслед за Г.Г. Москальчук [5, с. 23] рассматриваем художественный текст как линейное целое и принимаем ее позиционную схему описания интервалов текста и позиций:

- 1) зачин;
- 2) предгармонический центр начала (пред-ГЦн);
- 3) постгармонический центр начала (пост-ГЦн);
- 4) предгармонический центр (пред-ГЦ);
- 5) постгармонический центр (пост-ГЦ);
- 6) конец.

Итак, для изучения локализации синтаксических редупликаций на внутритекстовом отрезке пространства-времени и построения инварианта распределения данного вида редупликаций по интервалам текста, нами был разработан алгоритм:

1) методом сплошной выборки отобраны целые художественные тексты, содержащие в среднем не более 1700 словоформ;

2) в отобранных текстах регистрируется наличие синтаксических редупликаций в определенных интервалах текста.

3) при помощи специально разработанной С.В. Панариным для позиционного анализа программы «Lingvo 7», все художественные тексты разделяются на интервалы: Зачин — пред-ГЦн — пост-ГЦн — пред-ГЦ — пост-ГЦ — Конец.

4) в программе Excel создается таблица, где отмечается количество синтаксических редупликаций в каждом из 6 интервалов русских и французских текстов;

5) подсчитывается абсолютная частота синтаксических редупликаций, после чего результаты также заносятся в таблицу;

6) на основании полученных данных по формуле вычисляется плотность синтаксических редупликаций на каждом интервале и затем строится график плотности редупликаций, в котором отражается позиционное распределение синтаксических редупликаций в целых текстах;

Итак, на первых двух этапах проанализировано 671 целый художественный текст русских и французских авторов (в частности, 295 русских и 376 французских текстов), в которых зарегистрированы синтаксические редупликации. Полученные данные занесены в таблицу (см. таблицу 1):

Далее, на третьем этапе, во избежание субъективизма, все отобранные тексты обработаны при помощи специально разработанной С.В. Панариным для позиционного анализа компьютерной программы «Lingvo 7» по алгоритмам Г.Г. Москальчук. Посредством автоматического вычисления размера художественных текстов в словоформах и предложениях, структура текстов разделяется на интервалы: Зачин — пред-ГЦн — пост-ГЦн — пред-ГЦ — пост-ГЦ — Конец.

Подобным образом обработан весь эмпирический материал, а именно, 671 художественный текст, в каждом интервале подсчитано количество синтаксических редупликаций, после чего все полученные данные, занесены в таблицу (см. таблицу 2).

Данные, приведенные в таблице 2, наглядно отражают наличие значительных отличий в количестве синтаксических редупликаций в русских и французских текстах. Ср., в русских текстах на интервале Зачин количество зарегистрированных синтаксических редупликаций составило 618, а во французских текстах 1728 синтаксических редупликаций, что в 2,7 раз больше, чем в русских текстах, или на интервале пред-ГЦ — в русских текстах количество редупликаций составило 1080, а во французских — 2344, что, также, в 2 раза больше. Подобное количе-

Таблица 1

Общее количество редупликаций в художественных текстах

	Общее количество синтаксических редупликаций
Русские тексты	2826
Французские тексты	3558
Всего	6384

Таблица 2

Позиционное распределение редупликаций в художественных текстах

	Интервал	зачин	пред-ГЦн	пост-ГЦн	пред-ГЦ	пост-ГЦ	конец
	Вид редупликации						
Русские тексты	синтаксическая	618	384	660	1080	894	702
Франц. тексты	синтаксическая	1728	856	1720	2344	2568	1560

ственное преобладание синтаксических редупликаций во французских текстах зафиксировано на всех 6 интервалах.

Данные результаты объясняются особенностями грамматического строя французского и русского языков и тенденцией к экспрессивности во французском языке, выражаемой посредством повторения одинаковых конструкций (фраз) или целых предложений. Кроме того, известно, что многие языки стремятся избегать повторений одних и тех же слов (в частности, во французском языке данная тенденция более выражена, чем в русском). Тем не менее, употребление синтаксической редупликации в художественном тексте является для автора способом изображения двух разных объектов похожим образом или ситуации и тем самым позволяет читателю выявить сходство или связь между ними. Как видно из таблицы 2, наибольшей концентрации синтаксические редупликации достигают в интервалах пред-ГЦ и пост-ГЦ, что свидетельствует о концестремительности художественных текстов. Таким образом, повышается информативность текста, а внимание читателя концентрируется на определенных компонентах текста.

Далее, на следующем этапе, подсчитывается абсолютная частота синтаксических редупликаций в русских и французских текстах. Под абсолютной частотой понимается сумма всех синтаксических редупликаций на 6 интервалах (Зачин — пред-ГЦн — пост-ГЦн — пред-ГЦ — пост-ГЦ — Конец) во всех проанализированных текстах русских и французских авторов.

Формула для вычисления абсолютной частоты следующая:

$$\sum_p (e_1 + \dots + e_n),$$

где e — количество редупликаций 1 вида (синтаксические) в русских и французских текстах, Σ — знак сумми-

рования этих редупликаций, p — количество текстов, p — интервал, для которого ведется подсчет.

Результаты вычислений занесены в таблицу (см. таблицу 3):

Далее нами подсчитан коэффициент плотности лексических, семантических и синтаксических редупликаций в каждом отдельно взятом интервале в русских и французских текстах с учетом удельного веса интервала. Каждому интервалу свойственен различный удельный вес: для интервала Зачин — 0,146 от объема текста, пред-ГЦн — 0,09, для пост-ГЦн — 0,14, пред-ГЦ — 0,236, пост-ГЦ — 0,236, Интервал Конец — 0,146 от объема целого текста [1. с. 36].

Подсчет проводился по следующей формуле:

$$P = e / g,$$

где P — плотность синтаксических редупликаций, e — количество синтаксических редупликаций в интервале, g — удельный вес интервала. Например, рассчитаем плотность синтаксических редупликаций на интервале Зачин в русских текстах: количество синтаксических редупликаций на интервале зачин составляет 618 (см. таблицу 2), делим на удельный вес интервала Зачин, который составляет 0,146 и получаем 4232,87. Округлим полученное цифровое значение до целых — 4233. Для французских текстов плотность синтаксических редупликаций на интервале зачин будет составлять: 1728 / 0,146 = 11835,61. Округляем до целых и получаем плотность редупликаций, равную 11836. Результаты подсчетов занесены в таблицу (см. таблица 4).

Количественный анализ синтаксически редупликаций с учетом удельного веса интервала показал, что с наибольшей плотностью в русских текстах синтаксические редупликации локализуются в интервалах Конец (4808,21), пред-ГЦ (4576,27) и пост-ГЦн (4520,54). Средний коэф-

Таблица 3

Абсолютная частота синтаксических редупликаций

Вид редупликации Интервал	Синтаксические
Зачин	2346
пред-ГЦн	1240
пост-ГЦн	2380
пред-ГЦ	3424
пост-ГЦ	3462
Конец	2262
Σ	15114

Таблица 4

Плотность редупликаций

	Зачин	пред-ГЦн	пост-ГЦн	пред-ГЦ	пост-ГЦ	Конец
Русские тексты	4232,87	4266,66	4520,54	4576,27	3788,13	4808,21
Французские тексты	11835,61	9511,11	11780,82	9932,20	10881,3	10684,93

фициент плотности синтаксических редупликаций имеют интервалы пред-ГЦн (4266,66) и Зачин (4232,87). Минимальная плотность синтаксических редупликаций отмечена в интервале пост-ГЦ (3788,13).

Также отметим, что результаты количественного анализа редупликаций одного вида с учетом удельного веса интервала во французских текстах схожи с результатами анализа русских текстов: максимальная плотность синтаксических редупликаций во французских текстах отмечена в интервалах Зачин (11835,61) и пост-ГЦн (11780,82). Средний коэффициент плотности синтаксических редупликаций имеют интервалы пост-ГЦ (10881,3) и Конец (10684,93), а минимальная плотность синтаксических редупликаций отмечена в интервалах пред-ГЦ (9932,20) и пред-ГЦн (9511,11).

Исходя из данных, указанных в таблице 4, составлен график, отражающий плотность синтаксических редупликаций в русских и французских текстах с учетом удельного веса интервала (см. рис.1).

На графике видно, что для французских текстов характерна тенденция резких флуктуаций от симметрии к асимметрии на начальных интервалах текста, а для русских текстов, напротив, характерна тенденция постепенного изменения в сторону увеличения симметрии и незначительной флуктуацией в сторону асимметрии ближе к концу текста на интервале пост-ГЦ.

Отметим, что под симметрией нами понимается конкретная последовательность редуплицированных единиц, пропорциональность частей целого и относительная стабильность. Под асимметрией понимается полная противоположность симметрии.

Итак, во французских текстах после интервала Зачин с высоким показателем симметрии, в пред-ГЦн отмечается значительная флуктуация в сторону асимметрии, но уже в интервале пост-ГЦн можно снова наблюдать максимальную симметрию. На интервалах пост-ГЦн и пост-ГЦ

повторяется смена симметрии на асимметрию, после чего от интервала пред-ГЦ до интервала Конец отмечается постепенный спад асимметрии и наблюдается плавное возвращение системы к начальной симметрии.

В данном случае представляется возможным отметить «волновую» структуру позиционного распределения синтаксических редупликаций в системе французского текста: в абсолютно слабых позициях концентрация редупликаций снижается, а в сильных позициях регистрируется наибольшее сосредоточение элементов симметрии, что подтверждает особую значимость для понимания текста и мы можем сделать вывод о незначительной информативности, поскольку элементы, содержащие основную идею текста в слабых позициях наименее вероятны.

Объясняется подобное поведение системы тем, что вместе с ростом тенденции асимметрии повышается и лексическая насыщенность, информативность текста: повторяется то, что входит в значимые сюжетные линии, тематический компонент.

Согласно полученным данным, можно сделать вывод, что авторы французских художественных текстов предпочитают, максимальную информативность отводить началу текста (а именно интервалу пред-ГЦн), в то время как русские художественные тексты характеризуются концентрированностью, т.е. основной объем информации важной для понимания читателем локализуется ближе к концу текста. Поскольку информативность является одной из основных функций текста, то определение авторских интенций составляет главную цель читателя.

На начальных интервалах текста синтаксические редупликации задают ритм всему повествованию и служат для выражения длительности или прогрессивности действия, позволяют читателю спрогнозировать дальнейшее развитие информации, сюжета текста и настроить его на определенное восприятие самого текста.

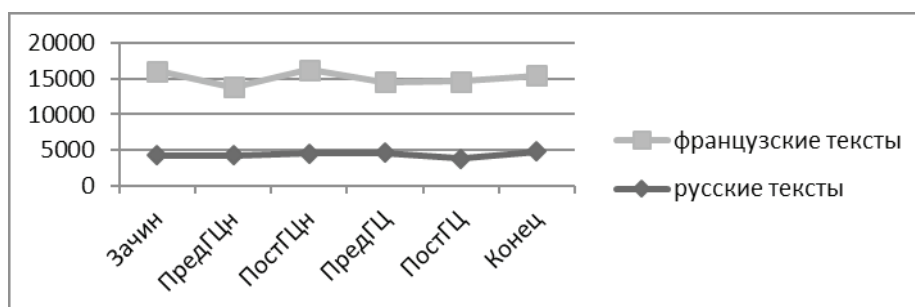

Рис. 1. Распределение редупликаций во внутритекстовых отрезках пространства-времени

В конце текста посредством синтаксической редупликации, выступающей здесь в качестве опорных смысловых пунктов, читателем фиксируется доминантный

смысл текста, происходит понимание читателем основных идей, событий и образов целого художественного текста.

Литература:

1. Бекасова, Е. Н., Москальчук, Г. Г., Прокофьева, В. Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис: монография / Е. Н. Бекасова, Г. Г. Москальчук, В. Ю. Прокофьева. — М.: Спутник+, 2013. — 217 с.
2. Ковальчук, И. Ю. Повтор и его функции в тексте: дис. ... канд. филол. наук, Пятигорск, 2004, — стр.86.
3. Корбут, А. Ю. Повтор как средство структурной организации художественного прозаического текста (элементы симметрии): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1994. — с. 22
4. Корниенко, А. А. Современная французская новелла в поисках новых форм / А. А. Корниенко. Монография. ПГЛУ, Пятигорск, 2000 г. — с. 270
5. Москальчук, Г. Г. Структура текста как синергетический процесс / Г. Г. Москальчук. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 296 с.
6. Никулина, С. Д., Моисеева И. Ю. Редупликация с позиции проблемы понимания текста / С. Д. Никулина, И. Ю. Моисеева // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. № 9.1 (45) (Гуманитарные и общественные науки). С.192–211.

Сны и сновидения в романе «Крестовые сестры» Алексея Ремизова

Кордас Катажина Анна, аспирант
Вроцлавский университет (Польша)

Сновидение — это загадочная сторона человеческого бытия, находящая свое отражение в культуре. Как всякий феномен, сопротивляющийся банальному описанию и однозначной интерпретации, сон необыкновенно привлекателен как для писателей и мыслителей, так и для читателей. Проблема сна занимает особое место в философии, эстетике, культурологии, медицине, особенно в психологии, в области исследования бессознательного.

Сновидение как литературный прием, является исконной, долговечной традицией русской литературы. Как полагал А. М. Ремизов «Редкое произведение русской литературы обходится без сна. В снах не только сегодняшние обрывки дневных впечатлений, недосказанное, недодуманное, <...> в снах дается и познание, и сознание, и провидение, жизнь, изображаемая со сновидениями, развертывается в века и до веку» [5].

Как писал А. Г. Соколов, «Ремизов — особая фигура в русской литературе, чье творчество отличается необычайно яркое, образное видение мира, тончайшее ощущение слова, музыки фразы, богатое воображение, сильный, сочный и красочный язык» [7].

По мнению некоторых исследователей, Ремизов стал писателем «благодаря полицейским» [10], арестовавшим его и охранявшим во время ссылки. Тюремное заключение Ремизов перенес легко. Он считал, что одиночество способствует творчеству. Расширение сферы личного опыта, с необычными людьми, загадочным бытом неизвестных ему народов обогатило творчество писателя.

Н. Ульянов иронично писал, что с тех пор, как сон был «объявлен» источником творчества, Ремизов «стал спать

беспрерывно, и создал столько снов, сколько не увидели все русские писатели за всю историю литературы» [8].

«Крестовые сестры» [4] рассматриваются часто как наиболее значительный роман [9] и ключ к творчеству Ремизова [1]. Роман, редактировавшийся пять раз, написан в рекордно короткий для Ремизова промежуток времени. «Крестовых сестер» Ремизов написал в 1910 году в результате бурного творческого порыва, чтобы утвердить свой писательский статус. Право Ремизова называться писателем оспаривал критик А. Измайлов, который в своей статье «Писатель или переписчик?» обвинял автора «Пруда» в плагиате [2].

Глубоко этим задетый, Ремизов решил представить доказательства своего мастерства. Такова история появления «Крестовых сестер». Их основу составила драма человека, несправедливо обвиненного. Отзывы были благоприятными и даже восторженными.

Особенности повествования и сюжета в романах Ремизова определяются типом главного героя. «Крестовые сестры» в этом смысле не исключение. Главный герой романа — Петр Маракулин, незаметный служащий в банке, долго дружил со своим сослуживцем Готовым. Этот приятель с водевильной фамилией и должен был, по мнению В. Ф. Маркова, быть в центре внимания автора. Марков считал, что А. М. Ремизов сознательно нарушил традиционные принципы повествования, переведя фокус внимания с наиболее важного лица на менее значительное — с Глотов на Маракулина [3].

Большинство персонажей — люди, лишенные неких особенно важных качеств. Их неприспособленность

к жизни проявляется по-разному. У одних — это умение взять от жизни то, что им принадлежит по праву рождения. Другие живут только чувством, и это относится главным образом к детям.

Центральной темой романа является падение героя, его борьба со «слепой случайностью», «путаницей» жизни. Это становится и главной темой снов в произведении «Крестовые сестры».

В романе только три персонажа видят сны: Маракулин, Акумовна и Полтников. Маракулин видит 5 снов — больше чем прочие персонажи. Сны главного героя вводятся в действие по принципу синхронии.

В этом произведении, сны являются частью общего действия. Их появление в тексте романа совпадает с главными событиями жизни героев. Жизненный путь главного героя продемонстрирован во всей его протяженности: рождение, счастливое детство, беззаботная юность и начало зрелой поры. Основное действие начинается с события, когда Маракулина несправедливо обвинили в краже. После пяти лет честной работы аккуратный Маракулин, прозванный за эту свою аккуратность немцем, был выгнан с работы. В своем романе Ремизов затрагивает важную для него тему экзистенциального контекста чужого и отчуждения человека в его собственной среде. Наивное восприятие мира, любовь к жизни, к каждой былинке, к растущим камням, простодушно, и в христианском контексте — безгрешно. В этом смысле Маракулин и Глотов могут быть связаны с библейской парой «Каин — Авель».

В маракулинском мировосприятии первоначально отсутствует способность рефлексировать. Он способен «только видеть, только слышать, только чувствовать» [4, с. 109]. Сон открывает в Маракулине еще одно, чувство вины и сознание первородного греха. Ремизов в передаче мыслей Маракулина сознательно искажает понятие первородного греха первых людей на земле, Адама и Евы. Он называет первородный грех «неискупленным и незаглаженным и, может быть, пустяковым» [4, с. 110]. Страдание и вина в сознании Маракулина является универсальным понятием, оно соединяет и человека и даже кошку Мурку. Маракулин нашел свое право в «первородном бесправии» и смирился. Герой понял трагизм жизни только тогда, когда пережил психологическую травму и чудом выжил после болезни.

В отношениях с Глотовым в характере Маракулина выделяются черты сразу двух архетипов и Адама и Авеля. Изменчивый Глотов не просто друг, это «модернизированный» брат-Каин. Главный порок в нем — отсутствие чувства вины. В этом смысле он воплощает в себе рутинные качества современного автору человечества — равнодушие, холодность, цинизм. Автор явно на стороне Маракулина. Это связано с близостью автора к герою. Проявление заключается не только в его традиционной религиозно — художественной «защите» Авеля, но и в том, что в характере Маракулина запечатлены черты, близкие самому автору. Склонность к игре, склонность

к созерцанию и сновидчеству, увлечение каллиграфией, сознание того, что он не вполне настоящий.

Одним из начальных эпизодов и первостепенным по своей значимости знакомства читателя с характером Маракулина в произведении, является его первый сон. Герой видит себя в загородном саду, напоминающем хорошо знакомое ему место — сад Аквариум. Состояние его невинности и невиновности представлено как образно-эмоциональный фон его жизни накануне его изгнания с работы в доходном месте.

Основная сюжетная функция этого сновидения состоит в том, что он пробуждает в душе персонажа жажду жизни. Маракулин переносит травматическое состояние сна не как манифестацию правдивого жизненного опыта, а как количество символика — аллегорических образов, которые представляет его подсознание. Он осмысляет себя совершенно иным человеком, изменившимся благодаря видениям во сне. Доверчивая сторона личности Маракулина переносит провал после сна. Противоречащая сторона романа содержится в том, что Маракулин получает неприятную жатву сразу после своего обновления. Маракулин не может осмыслить, почему он должен жить и страдать, все несчастья он считает результатом вмешательства высшей воли и силы, провозгласившей высшую справедливость. Одновременно он объясняет свое положение с наказанием за первородный грех. До сна и болезни его светлое состояние души возмещало негативные стороны жизни.

Главным персонажем, представляющим общину обездоленных жителей Буркова двора, является Акумовна. История Акумовны наполнена страданиями, однако ее характер служит психологическим контрастом по отношению к характеру и жизненному опыту Маракулина.

Этот персонаж имеет особое значение в образной системе романа еще и из-за этого, что Акумовна, очень рано (когда была маленькой девочкой), узнала о вечных муках на том свете. Это знание открывалось через сон-видение о хождении по мукам на том свете. Акумовна видит статичные и динамичные образы: пожары, бегущих разбойников, голого человека, который на берегу с мылом моется, кусающего ее рябого гада, то ест она большие гроздьи брусники.

Акумовна в отличие от Маракулина, считает, что главным в ее положении является продолжение демонстрации стойкости, основанной на вере. Религиозный взгляд на жизнь дает героине чувство духовной свободы. В этом смысле ее сны представлены на основе контраста: в снах Маракулина главной темой является падение. Ремизов перед сном о хождении Акумовны по мукам подчеркивает то, что чаще всего Акумовна в снах летает.

В реальном плане романа Акумовна выполняет роль заступницы слабых духом. Ее видение смерти — предчувствие «малого Апокалипсиса», так называл Н. Бердяев ожидаемую чувствительными современниками катастрофу, приближающуюся к России [6]. Не случайным является факт, что сны Маракулина разворачиваются на

традиционном литературном ландшафте, в Петербурге и Москве. Первый сон главный герой видит в петербургском пригороде. Второй — на Бурковом дворе, который превращается в мертвое поле. Сказочный колорит появляется вследствие того, что в основе снов Маракулина лежит древнее, идущее из XVIII века, предание о том, что Петербург погибнет. Гибель ожидалась с моря. По народным преданиям и ожиданиям, Петербург погибнет во время наводнения [6].

Кульминационным сном романа «Крестовые сестры» является Семицкий сон Маракулина. Как в первом сне Маракулин сидит в одиночестве за столом. Обстановка абсолютно незнакомой комнаты говорит об отъезде. Его окружают незнакомые люди. Рядом с ним находится «курносая, зубатая, голая». Маракулин хотел избавиться от незваной гостя, решил бросить в нее стакан.

Наряду с непередаваемыми и непостижимыми вещами и образами у Ремизова встречаются простые и невидимые. Похожий способ изображения «неописуемых вещей в природе» у Ремизова не единственный. Очевидно, что в его произведениях сны и фантазии обставлены самыми обычными вещами. Психологический эффект этих сцен от этого еще более усиливается. В одном из эпизодов романа «Крестовые сестры» — семицкий сон Маракулина атрибутирован с ужасающей обыденностью: белая и черные «госты» роются в тряпках и требуют какой-то фунт.

Однако не совсем ясно, бросил ли Маракулин стакан в череп смерти, сочетание физических предметов и метафизических образов намечено в этом сне как предзнаменование главного конфликта в психике героя. Смерть уходит, спускается вниз, «стучит по каменной лестнице вниз во двор». По пути она бросает фразу о том, что в субботу придет его мать, она будет в белом, а он должен дать Акумовне фунт. Маракулин не понимает: «Чего фунт, крупы что ли? Серебра?» [4, с. 197].

Во время, когда гостя уходила, Маракулин заметил, что двор наполнен теми же людьми, что и во сне о Страшном суде, только в тот раз появляются новые лица. Во сне о Страшном суде и в сновидении Маракулина о своем Судном Дне Ремизов перечисляет всех, которые живут в доме Буркова, «Весь Петербург».

Для Ремизова характерны такие вставки в художественные тексты, как сны свои и выдуманные, хроники газет. За сухим перечнем «Всего Петербурга» появляются чьи-то судьбы. Они не менее важные, чем жизнь главного героя романа. Маракулин чувствует себя одиноким, стоит и пророчествует «Один из нас умрет!» Маракулин, вслед ему и каждый жилец, а затем и весь Бурков двор спрашивает: «Не я ли, Господи?» Жители Буркова двора заинтересованы, спрашивают у Маракулина о том, что сказала ему гостя. Он с важностью интерпретирует ее слова в категориях бытия-смерти. Повторяется такая же ситуация, как в первом сне о Судном дне.

Алогизм в этом сновидении является одним из качеств, которое сближает сон художественный со сном реальным.

После того, как герой объявил сказанное гостей, идет домой к себе на Фонтанку. Во сне сказано, что он находится вне дома. Когда первое пророчество сна сбывается в том же сне, Маракулин просыпается. Им овладевает смертельная тревога. Это первый из случаев, когда сон сбывается во сне. Идея сближения реальности и сна представлена наиболее ясно.

В этом сновидении повторяется то, что уже встречалось в предыдущих видениях: на кухне сидела женщина, похожая на Акумовну, целая в белом. Маракулин вспоминал о том, что говорила ему зубатая гостя, и убежал в комнату. Вдруг замечает свою мать с крестом на лбу, с крестами на теле. Однако в этом сне происходит символическое раздвоение. Мать в этом сне является вестником из мира мертвых. Она плачет и говорит о том, что смерть близко: «Уж пришла, села». Женщиной в белом оказывается смерть. Мать здесь является метафизическим образом заступницы живых. Маракулин склоняется перед матерью на колени «как под топор... в отчаянии и тоске смертельной...» [4, с. 198].

Главный герой пробуждается в пятницу и понимает, что осталось ему жить всего один день. Он «и не хотел верить сну и верил и, веря, сам себя приговаривал к смерти» [4, с. 198]. Этот фрагмент как и последующие размышления о том, что человек, рождаясь, появляется на свет приговоренным повторяется в тексте два раза.

Важной характеристикой этого сна является тот факт, что состояние спящего — «отчаяние и тоска смертельная» — соответствует состоянию героя в реальной жизни: «В отчаянии и тоске смертельной проснулся Маракулин» [4, с. 198]. Степень сознания во сне накануне пробуждения похожий к состоянию сознания во время бодрствования.

Таким образом психологическая модель смещения уровней сознания и подсознания были психологически мотивированы автором. Кроме того существенной характеристикой данного сна является то, что он включает в себя образы предыдущих снов. Последний сон Маракулина «перерабатывает» материал, накопленный в более ранних снах, которые появляются в романе.

С того момента когда Маракулин пробуждается в пятницу, и до субботнего полдня Маракулин бродит по Петербургу, чтобы избежать столкновения со смертью. Герой задумывается над своим видением. Считает, что нельзя верить снам. Его размышления напоминают пробуждение «глубинного уровня» памяти: «... перед смертью снится всегда что-нибудь совсем простое, — сапог теряют или еще что-нибудь, или за границу собираются ехать...» [4, с. 199]. Символика сна сочетается с образами памяти. Блуждания нереального человека по реальному Петербургу имеют свою специфику. Он теряет ориентиры, и оказывается в незнакомом месте.

Смешение временных и пространственных образов является главной приметой его усиливающегося психического беспокойства: «А дальше он идти не решался, словно бы дальше и была его Суббота...»; «И ещё крепкие

ноги вывели его на дорогу» [4, с. 199]. По пути к Михайловскому дворцу переводит костлявую старушку, которая становилась все тяжелее и тяжелее. Маракулин чудом спасается от несшегося на них трамвая. Реальность непрерывно пугает его образами из сферы бессознательного его снов. Но поскольку в своем последнем сне Маракулин увидел весь Петербург, то становится для него все труднее и труднее отличить сон от реальности. Состояние психологическое и физическое соответствовало модели его поведения и самочувствия во сне: «Тоска своей смертностью и отчаяние своей тяжестью, наконец, утомили его, срок и час забылись, голова опустилась...» [4, с. 199]. Действия главного героя приобретают характер автоматизма.

Эпизоды Маракулинского хождения по городу подчинены логике сна. Между этими эпизодами нет никакой связи. Он оказывается в разных местах Петербурга и сам не понимает, как там оказался. Его сознание дезориентировано.

Реальные события с участием реальных людей располагаются одно рядом с другим: схватили Марью Александровну, убили Холмогоровну, застают врасплох Лизавету Ивановну, встретил Гвоздева, который за 5 рублей предложил съесть мышь.

Возвращение домой воспринимается как исполнение сна. Маракулин встретил Акумовну, которая рассказала ему о своих хождениях по мукам: старуха Акумовна оказалась на крыше и чуть не убила. Ситуация эта представлена как параллельная к истории Маракулина. Акумовна считает, что на этот раз, как и во сне так и в действительности, Господь ее сохранил. Повествователь комментирует эту ситуацию, и здесь заметно смещение его точки зрения с Маракулина на Акумовну: «А с Акумовной подлинно такое было, и как это она не свихнулась, действительно, спас Господь, смиловался» [4, с. 205]. Она шесть часов стояла на крыше, несмотря на равнодушие детей и снисхождение дворника. Можно сказать, что выдержала она свое смертное испытание. Ее похождения явились параллелью ситуации Судного Дня, когда то весь двор лежал на смертном поле, погибал, как бессловесная кошка Мурка.

Стоит обратить внимание еще на один момент потому, что свой страшный семицкий сон Маракулин вспоминает именно накануне Троицы. Старается проанализировать сон но не может его понять. Акумовна также не может ему помочь.

Его желание заключается в том, чтобы сон относился не к нему, а к Акумовне: «А возможно, что весь сумрачный сон его не к нему вовсе, а к ней относился. Или это невозможно, за другого нельзя видеть? А почему бы и не увидеть!» [4, с. 207]. Объективное содержание сна связано с субъективными представлениями героя о Судном дне.

Половина романа представляет собой не что иное, как «реализацию бессознательного», которое манифестируется в снах. Сны исполняют роль бессознательного императива: и даже если герой «переживает», преодолевает на сознательном уровне свой «последний срок», предсказанный во сне, его бессознательное дает «команду» и толкает его к смерти. Смерть героя у Ремизова — это конец текста. Так герой получает целостность, законченность.

Всю жизнь Маракулина после его изгнания можно считать периодом сознательного восприятия той реальности, которая не поддается логическому осмыслению, в то время как бессознательное в грезах фантазиях, снах «вырабатывает» только отрицательный взгляд на жизнь.

Сюжет романа основывается на попытках найти ответы на мучившие героя вопросы. Он постепенно подходит к своей цели, соприкоснувшись с бедами других людей, придет к убеждению, которое разделяет и сам автор: все друг перед другом виноваты, «а обвинять никого нельзя».

Структурная модель романа отражается в повторяющихся образах снов.

Функция сна в «Крестовых сестрах» состоит в безграничном расширении времени и пространства, свободном перемещении в нем, в преодолении бытовой эмпирии, в выходе в сферу мистического, ирреального, где только можно узреть истину, где совершаются пророчества и откровения.

Роман А. Ремизова «Крестовые сестры» по праву можно назвать самым многоплановым и сложным по композиции и структуре. В этом своем наиболее сложном произведении Ремизов возвращается к забытым им повествовательным и стилистическим формам. Отказываясь от метафоричности повествования, автор возвращается к аллегории.

Таким образом, сновидение становится категорией аллегорической, и связываются в сознании Ремизова и в повествовании с библейской традицией и традицией древнерусской литературы. Сновидения здесь не манифестируют реальный жизненный опыт, а являются суммой символическо-аллегорических образов, которые возникают в подсознании героев. Чтобы усилить эффект многослойности, усложненной структуры, Ремизов делает в ткань повествования «инородные» вставки: хроники газет, свои сны, документальные свидетельства. Половина романа является манифестацией бессознательного, которая сближает повествовательную манеру с художественным приемом «поток сознания», который еще больше усложняет повествовательную структуру произведения, расширяя пространственно-временные рамки и стирая границы между условными мирами художественного произведения.

Литература:

1. Иванов-Разумник, Р. Творчество и критика. Санкт-Петербург, 1911. 81. с.
2. Измайлов, А. Старорусские кружева. (Быль и легенда А. М. Ремизова) // Измайлов А. Пестрые знамена. Москва, 1913. 91 с.

3. Марков, В. Ф. Известный писатель Ремизов // Марков В. Ф. О свободе в поэзии. Статьи, эссе, разное. Санкт-Петербург, 1994. 236 с.
4. Ремизов, А. М. Крестовые сестры // Собрание сочинений Плачужная канава. Т. 4. Москва, 2001.
5. Ремизов, А. М. Огонь вещей. Сны и предсонье. Париж, 1954. 144 с.
6. Сергеев, О. В. Алексей Ремизов — узник снов: Поэтика сновидений в прозе А. М. Ремизова 1890—1910-х гг. Москва, 2002. 297 с.
7. Соколов, А. Г. История русской литературы конца XIX — начала XX века. Москва, 2000. 397 с.
8. Ульянов, Н. И. Свиток. Нью Хэвен, 1972. 35 с.
9. Cieślak, K., Smaga K. Kultura Rosji przełomu stulecia (XIX—XX). Warszawa, 1991. 96 s.
10. Shane, A. Prisoner of Fate: Remizov's short fiction // Russian Literature Triquarterly, Ann Arbor, 1972. Vol. 4, 302—318 p.

Время и Вечность как категории гностического учения в романе А. Старобинец «Первый отряд. Истина»

Кубышкина Валерия Олеговна, аспирант
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Философская категория времени интересовала мыслителей с древних времен. Еще в донаучном освоении мира можно найти трактовку времени, например, в мифологии, оказавшей значительное влияние на развитие философии. Учение, сохранившее признаки и мифологии, и философии, и религии, носит название «гностицизм». В нем категория времени рассматривается как деструктивная сила, подчинившая себе землю.

Ядром гностической мифологии является идея о том, что населенный людьми мир создан ложным Богом — Демиургом.

Появление Демиурга обусловлено нарушением запрета (роковой ошибки): эон София, дерзнувшая познать трансцендентного истинного Бога, падает в нижние ярусы мироздания, где и появляется второстепенный Бог, Демиург. Облик рожденного был настолько безобразен, что София выбросила его из плеромы в кеному: «Она отбросила Его от Себя, за пределы этих мест... ибо Она создала его в незнании» [1].

Незнание, от которого зародился Ялдабаоф, позволило гностикам называть его «ложным богом». Это Демиург, создавший земной мир, но не в любви, а под влиянием гордыни, из желания сравниться с верховным Богом-Отцом. Произвол лжетворца — подлинная форма власти, утверждающая над хрупким смертным миром законы случайности, которые нельзя предугадать или рационально постичь. Таким образом, Землей правит всеобщее забвение. Незнание, породившее Демиурга, стало первородным грехом, который необходимо будет «искупить» открытой истиной, а именно — гносисом.

Платон утверждал, что «время — движущийся образ Вечности» [6, с. 16]. Демиург имитирует и мир, и вечность, разделяя ее на временные отрезки. Актуализируется оппозиция «сакрального-профанного» времени, выдвинутая Е. М. Мелетинским: «В дихотомии начальное

сакральное время и время эмпирическое именно первое маркировано как особое «время»... для нас мифическое время, наполненное событиями, но не имеющее внутренней протяженности, — это «исключение», выход за пределы временного потока» [3, с. 155].

Сакральное время наполнено «перводействиями», совершенными священным предком, потому крайне важно знание этих действий и память о них, пронесенная через поколения.

Противопоставление времени и вечности является новым конструктом мифологической системы, предшествующим пространственной оппозиции реального и трансцендентного миров. Очевидно, что потусторонняя область бесконечно простирается в вечности, тогда как реальный мир заключен в пределы пространственно-временных координат. В связи с этим на первый план выступает гностический мотив памяти о прошлом, о событиях-перводействиях, совершенных вне определенного измерения («сакральное время»).

Интересно, что в мифологии понимание вещей, по Е. М. Мелетинскому, «заключается в сведении сущности вещей к их генезису» [3, с. 154]. Память гностиков о генезисе мира дает знание скрытых механизмов его функционирования и открывает путь к постижению сущности всего, потому владение гносисом давало избранному почувствовать себя равным Богу. Т. Чертон пишет: «Целью Филона было видение Бога, «увидеть и быть увиденным». Бог узнаваем умом, но сам по себе не познаваем» [6, с. 55]. Ученый даже использует понятие «обожение», согласно которому посвященный становится богом, чтобы увидеть истинного Творца.

Интересно рассмотреть соотношение категории Времени и Вечности в романе А. Старобинец, которая причудливо сочетает гностицизм с советским мифом о пионерах-героях и немецких оккультных практиках.

«Первый отряд. Истина» — часть русско-японского проекта о событиях Великой Отечественной войны. Однако трактовка этих событий своеобразна: исторический материал преломляется, с одной стороны, сквозь экзотическую японскую эстетику (анимационный фильм), с другой — через различные мифологии, в том числе гностическую (роман А. Старобинец), при этом первое становится неотъемлемой частью второго.

По сюжету книги, анимэ «Первый отряд» содержит тайное сообщение, «прочитать» которое под силу лишь избранным. Не случайно мультфильм показывают воспитанникам интерната, исследующего людей с экстрасенсорными способностями. «Это был не мультфильм. Это было между мультфильмом», — говорит главная героиня Ника, одна из одаренных воспитанников [Старобинец 2010: 11].

Пожилой господин Клаус Йегер и Старуха — явные хранители тайны мироздания — узнают об «утечке» информации после просмотра анимэ о пионерах-героях. Очевидно, это и стало причиной убийства воспитанников интерната и их наставника — Подбельского.

С этого момента Ника вовлекается в дела оккультных подразделений, в частности, «Аненербе» — могущественного нацистского отдела, специализировавшегося на изучении наследия предков.

Примечательно, что многие древние племена практикуют технику «возвращения к истокам», способствующую обновлению существования человека либо его полному возрождению. «Начиная с древнейших стадий культуры, инициация подростков включает ряд ритуалов, символика которых очевидна: речь идет о перевоплощении неофита в эмбрион с его последующим рождением заново» [7, с. 85]. В сущности, обряд направлен на символическое воспоминание перводействий, знание которых возводит исполнителя ритуала на новый социальный уровень и позволяет перейти в старшую возрастную группу. Обряд выполняется у разных народов по-разному: через «затворничество... в шалаше, символическое пожирание... чудовищем, ... проникновение на священную территорию, идентифицированную с чревом матери-Земли» [7, с. 85].

В романе «Первый отряд. Истина» сюжет представляется линейным, выстроенным хроникально. Массовое убийство в интернате определяет завязку. Подбельский оставляет послание воспитаннице Нике. Историческое тесно переплетается с фантастикой: в повествование вводятся исторические лица — пионеры-герои, пожертвовавшие жизнями во имя победы: Валя Котик, Зина Портнова, Леня Голиков, Марат Казей, Надя Богданова.

Ника предпринимает опасное путешествие, чтобы разгадать «темные места» хроники Великой Отечественной войны. Возникает ассоциация с мифологическим «странствием». По утверждению Е. М. Мелетинского, «на инициационный характер испытаний героя как раз и указывает тот факт, что гонителем очень часто оказывается родной отец» [3, с. 202]. Подбельский не был отцом Ники, но невероятные способности девушки пробуждали в ее

наставнике стремление покровительствовать. Эмоциональная связь, основанная на доверии, была необходима для употребления дара Ники в достижении определенных целей: «Я рассказала ... про Подбельского, как я звала его папой, ... как он говорил про «послание», ... как бредил новой войной» [4, с. 93–94].

Актуализируются гностические смыслы, в частности, «идея о предельно трансцендентальном Отце, чья сущность абсолютно непознаваема интеллектом» [6, с. 51]. Сущность Отца проявляется в Подбельском не только в покровительстве, но и в том, что наставник владеет тайными знаниями и фактически открывает в Нике мистический дар: «... мне нужен был мой собственный Первый отряд... Я искал детей, способных переходить грань... Чтобы у нас был шанс на победу» [4, с. 39].

Е. М. Мелетинский называет сюжет странствия термином «quest» и подчеркивает определяющее значение инициации как «жизненного испытания» [3, с. 201]. Ника действительно проходит испытание: обретенная Истина в итоге должна предотвратить всеобщую катастрофу. В аниме «Первый отряд», предваряющем историю Ники, исход Великой Отечественной войны зависел от вмешательства темных сил (убийство командира советского отряда тевтонским рыцарем, погибшим на Чудском озере, но призванным мистиками Аненербе для битвы). В романе показана «изнанка» бытия: судьбу уже не исторического события, а всей Земли решает примирение, в котором должна участвовать Ника. Гностическая идея о сжатии вечности во временные исчисляемые промежутки как показатель имитирования мира Демиургом в произведении находит свое отражение: единственный эпизод грандиозного повествования способен повлиять на исход извечной битвы Добра со Злом.

Из загадочного письма Ника узнает о необходимости связаться с Надеждой Руслановой, которой удалось проникнуть в Сумеречную Долину, пристанище павших воинов. Но поиски приводят девушку к Зинаиде Ткачевой, подруге Нади. Она рассказывает о путешествии в потусторонний мир и об обстоятельствах гибели пионеров. В казни детей участвовали сотрудницы СС Эльза и Грета Раух — сестры-близнецы, «оборотни, лишенные своих полнолуний» [Старобинец 2010: 188]. Вместе с оборотнями-близнецами Эрвином и Эриком они, словно архонты, воплощают диалектическое единство темного и светлого начал, регулирующее стабильность двух миров.

Сцена казни детей сообщает мощный идейный импульс. Подбельский говорит: «Смерть невинных. Пойми. Она вечно спасает наш мир. Неизбежная жертва... Иначе было бы просто не видно, как коварен наш враг» [4, с. 327]. Согласно мифологическому мышлению, детская жертва ритуально необходима. Комплекс образов и событий, составляющих парадигму мифа, неприемлемо оценивать с точки зрения морали, о чем пишет М. Элиаде [7, с. 146]. Амбивалентность оценок компенсируется смыслопорождающей функцией того или иного сюжета, призванного объяснить «неясности» окружающей действительности.

Ритуальная смерть детей формирует представление о становлении, подвигах и самопожертвовании мифологического героя. За физическим умиранием следует переход на высший модус бытия, тогда как земным жителям в nasledование остается память о героях.

Инициация предполагает символическое перерождение, «возвращение к истокам», способствует переходу в сакральное время и служит метафорой обновления мира. Жертвоприношение обращено к космогонии и знаменует победу упорядоченности над хаосом. В этом смысле Е. М. Мелетинский говорит о воплощении в личном плане космогонического начала [3, с. 204].

С точки зрения гностицизма тяжесть жертвы соответствует степени жестокости Демиурга: для мировой гармонии, которую стремятся достичь и правые, и виноватые, требуется гибель самых чистых и невинных созданий.

Любопытно провести параллель между казнью пионеров-героев и Крестовыми походами детей, происходившими в Европе в 1212 г. Подробное описание факта средневековой истории можно найти у М. Элиаде, который вслед за ученым А. Дюпроном размышляет над мифологической структурой данного явления. По словам самих участников похода, путь их проходил «к Богу»; всех детей объединяла нищета и малый возраст. «Поход детей из Франции окончился катастрофой: прибыв в Марсель, они погрузились на семь больших кораблей, два из которых потерпели крушение во время шторма... Пять же других кораблей предатели завели в Александрию, где... продали детей предводителям сарацинов и торговцам рабами» [7, с. 176]. Трагическая судьба детей, по мысли ученого, оправдана высокими целями (освобождение Святых мест), которые могли быть достигнуты лишь благодаря чуду. А чудо совершить под силу только безгрешным, не случайно дети занимают важное место в «иерархии народного богопочитания» [7, с. 177].

«Богом» советских людей и, в частности, пионеров можно считать коммунистические идеалы. «Вступление в пионеры и комсомол предполагало неременное знание имен пионеров-героев, обстоятельств их подвига, и можно утверждать, что в каком-то смысле это были коммунистические святцы, а дети и подростки-герои должны были замещать в атеистическом сознании советского человека святых мучеников» [2, с. 178].

Безусловно, миф о пионерах-героях является неотъемлемой частью грандиозного мифа о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. Слово «миф» здесь не ставит под сомнение достоверность исторического факта, но подчеркивает вечную память об этом событии и его высшую ценность в судьбе государства. Современная тенденция возвращения утраченных имен и переосмысления прошлого показывает известные факты в неожиданном ракурсе.

Д. Хапаева говорит о «легитимизирующем» свойстве мифа о войне: «Идея противопоставления «мирного времени военному» и была главной задачей мифа, который позволял утопить в войне все страдания и ужасы мирного

советского времени» [5, с. 85]. Очевидно, именно эта «изнанка» истории заставляет героя романа «Первый отряд» назвать советскую власть «властью Демиурга», жестокой и тоталитарной [4, с. 103].

Перевод достоверных фактов прошлого на язык мифологии помогает понять внутренние механизмы исторического процесса. Цикличность жизни как примета мифа трактуется или как ловушка бытия, или как закономерная смена старого новым. В любом случае движение времени обеспечивает борьба противоположных начал.

Ника странствует в обратном направлении, к «истокам», чтобы исправить ошибку, угрожающую всемирной катастрофой. Грядущий катаклизм означает конец определенного периода в жизни Вселенной. Ф. Ницше говорит о белокурой бестии как венце человеческой эволюции и провозвестнике новой страницы в истории, что объясняет введение в роман А. Старобинец оборотней Эрвина и Эрика — белокурых братьев.

Итак, Ника углубляется в события прошлого, двигаясь по спирали времени в исходную точку. В Мире мертвых она словно вырывается из временного континуума. Необходимость встречи Ники с Надей Руслановой продиктована законом цикличности бытия: представитель старшего поколения, канонический герой, должен передать эстафету своему продолжателю, герою, проходящему этап становления. Нике предназначено завершить дело Нади и победить барона фон Вольфа (избежавшего расправы по сюжету мультфильма).

Е. М. Мелетинский обращает внимание на теорию Э. Лича об архаическом восприятии времени, которое можно описать как качание маятника между двумя полюсами: жизнь — смерть, ночь — день и т.д. Это символизирует отождествление старшего и молодого поколений и соответствует противопоставлению сакрального и профанного времени.

Другой необычный пример ученый находит у пламени аранда, в представлении которых мифические герои — «вечные люди», действовавшие в сакральном времени, но способные оживать в потомках [3, с. 156, 158]. Наконец, та же идея находит продолжение в концепции умирающего и воскресающего бога.

Оппозицию старого и нового в романе представляют Надя и Ника. Надя обрела бессмертие как герой мифа о войне (Надежде Богдановой, историческому прототипу Нади Руслановой, чудом удалось выжить после казни, повторного плена и пыток), что позволяет сравнивать ее с «вечным героем — первопредком», жившим в «сакральное время» священной войны. Наместником Нади на несовершенной Земле остается Зина, но она далека от Истины (героиня резко критикует аниме-послание «Первый отряд», не воспринимая его как тайное сообщение), потому героиня выбирает Нику, похожую на образ гностической Софии. Профанное время, из которого «сбегает» Ника, — слабая проекция великого сакрального времени, в котором действовали вечные герои.

Таким образом, А. Старобинец связывает профанное время с повседневностью; Великая Отечественная война осмысливается в романе как великое прошлое, в котором

совершали подвиги вечные люди. Через мифологему са-крального времени интерпретируется история как основа советского мифа о мученичестве и жертве Демиургу.

Литература:

1. Апокриф Иоанна URL: http://ashinfo.narod.ru/library/apokrif_ioanna.html (дата обращения: 01.05.2015).
2. Иванова, И. Н. Трансформация советского мифа в современной отечественной литературе («Первый отряд. Истина» А. Старобинец) // Филология, журналистика и культурология в системе современного социогуманитарного знания. Материалы конференции «Университетская наука — региону». — Ставрополь, 2012.
3. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа. — М.: Академический проект; «Мир», 2012. (Технологии культуры).
4. Старобинец, А. Первый отряд. Истина. — М.: АСТ, 2010.
5. Хапаева, Д. Готическое общество: морфология кошмара. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.
6. Чертон, Т. Гностическая философия от древнейшей Персии до наших дней. — М., 2008.
7. Элиаде, М. Аспекты мифа/ Пер. с фр. В. П. Большакова. — М.: Академический Проект, 2010. — (Философские технологии: антропология).

Художественное воплощение национального характера в творчестве

В. С. Яковлева-Далана

Пашкевич Ольга Иосифовна, кандидат филологических наук, доцент
Якутский филиал Сибирского государственного университета водного транспорта

В статье уделяется внимание авторской концепции в изображении национального характера народа саха в романах В. С. Яковлева-Далана, а также делается попытка раскрыть основные черты, представляющие национальную самобытность якутского народа.

Ключевые слова: национальный характер; менталитет; роман-эссе; якутская литература.

Отечественные учёные давно обратились к изучению национального менталитета, одной из составляющих которого является национальный характер. В современных условиях, по мнению ряда исследователей, большим потенциалом в данном направлении обладает литературоведение. Долгое время над проблемой менталитета в литературе работает Г. Д. Гачев, который вместо термина «менталитет» использует понятие «космо-психо-логос» или «национальный образ мира». С точки зрения культурно-нормативного подхода, национальный характер проявляется в образцах мышления и поведения, задаваемых культурой, в ценностных ориентациях, нормах и продуктах культурного развития. В. К. Трофимовым национальный характер понимается как «совокупная целостность наиболее устойчивых, основных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакции на него» [6, с. 397].

Создавая литературного героя, автор книги обычно наделяет его тем или иным характером, который может быть и цельным, и противоречивым, и статичным, и развивающимся. «Художественный характер являет собой органическое единство общего, повторяющегося и индивидуального, неповторимого; объективного (социально-психологическая реальность, послужившая про-

образом для литературного характера) и субъективного (осмысление и оценка прообраза автором). В результате характер в искусстве предстаёт «новой реальностью»; художественно «сотворённой личностью, которая, отображая реальный человеческий тип, идеологически проясняет его» [3, с. 481].

Пути постижения категорий национального характера нашли отражение в литературоведческих трудах Н. Ю. Желтовой [2], А. М. Сафиной [5], Е. К. Холодковой [7] и других.

В работах отмечается, что национальный характер — понятие историческое и динамика «его развития раскрывается через образ литературного героя, наделённого теми или иными типическими качествами, определяющими не только трансформацию персонажа, но и бытие, и самосознание народа» [7, с. 3].

Особый интерес, по мнению исследователя национального характера в татарской прозе А. М. Сафиной, представляет изображение национального характера в исторических произведениях, поскольку в них он раскрывается «посредством создания такого типа, который вбирает в себя представления о глубинных традициях народа, весь духовно-нравственный опыт предшествующих поколений и эволюцию его под влиянием времени» [5, с. 3].

В якутской литературе новые черты историзма в жанре романа отчётливо проявились в последнее десятилетие XX века. «Углубление историзма в жанре романа, — как считает А. Н. Мыреева, — выразилось в возросшем внимании к участию личности в народной жизни, усиление же нравственно-философского начала определило и возврат на новом уровне к народнопоэтическим традициям, к олонхо» [4, с. 82].

Народный писатель Якутии Василий Семёнович Яковлев-Далан (1928–1996), историк по образованию, ещё в 80-е годы прошлого века в романе «Глухой Вилюй» (1983) обратился к ранней истории народа саха. Произведение создано на основе этнографических и фольклорных материалов и обращено к «веку кыргыса» — временам междоусобных распр между племенами, населявшими Якутию.

Основное из ответвлений сюжета развивается на реке Вилюй, куда приходят первые якуты — переселенцы, но параллельно внимание автора направлено на взаимоотношения между тонг биисами, туматами и саха-уранхаями.

На страницах книги, связанных с судьбой Нюрбачан, единственной из оставшейся представительницы Тонг Биисов, читатель знакомится с жизнью и бытом якутов. Повествование об этом начинается с появления на берегах Вилюя якутов, гонимых гневом жестокого владыки долины Туймады — Тыгына.

Наиболее ярко национальные черты, характерные для народа саха, раскрыты в образах старика Мохсоко и старухи Хаттыаны. Их юрта показана как жилище, построенное «из ошкуранных, напоминающих оленье рёбра бревён» [8, с. 187].

Олицетворением доброго, разумного и мудрого в романе выступает хранитель старинных обрядов и обычаев белый шаман Люксюрээни. Он осознаёт, что вражда и кровопролитие никогда не принесут людям счастья и поэтому, как посланец мира, добровольно отправляется к туматам и трагически погибает. Перед тем как идти к врагам, он предупреждает сородичей: «Если и назначено мне умереть, не провалюсь в преисподнюю, а возлечу в Верхний Материнский Мир, к добрым духам. Положите меня в долбленную колоду, отнесите в деревянный склеп на восьми столбах, повесьте снаружи мой бубен, облачите меня в шаманскую одежду! Подняв мои золотые кости, упокоив мои серебряные кости, смотрите за моей усыпальницей: мой бубен предупредит вас о надвигающейся беде!» [8, с. 223–224]. Эти слова шамана раскрывают его религиозные представления о загробном мире.

Писатель показывает, что в основных, ведущих чертах национальный характер формируется под влиянием социально-экономических, культурно-исторических, природных, биологических, этнических факторов и географической среды. В. С. Яковлев-Далан описывает предметы быта и одежды якутов, подчёркивает их способность адаптироваться к сложным климатическим условиям: «Четыре семьи, что жили в просторной юрте, сидели по четырём углам, каждая за своим трёхногим столом, и ели варёное мясо из больших глиняных горшков» [8, с. 221].

Автор «Глухой Вилюя» подчёркивает глубокую веру народа саха в силу слова. Так, долгие зимние вечера якуты проводили время у камина, слушая песни звонко-голосых олонхосутов. Например, Ырыа Чонкуман, не раз участвовавший в состязаниях олонхосутов, проходивших на подворье Тыгына, теперь в юрте Туога Батыра пел своим звучным голосом. Восприятие его рассказа слушателями передано следующим образом: «Собравшиеся в юрте ... слушали его, боясь пропустить хоть слово. Яркими, сочными красками описывал он неведомую страну, лучшую из стран, прекраснейшую из земель, изображая, украшая, разрисовывая и наряжая её, и картины, одна заманчивее другой, возникали из сплетения затейливых слов. Он пел-говорил, и совершилось чудо: чары волшебного языка распахнули четыре стены юрты, тесно набитой людьми, и показалось им, что они перенеслись далеко-далеко отсюда в блаженные сказочные края» [8, с. 289].

По словам Д. Е. Васильевой, «писатель достиг значительных успехов в создании разнообразных человеческих характеров. Так в романе наряду с реалистическими пейзажами, зарисовками встречаются и своеобразные типизированные образы героев-воинов, защитников своего племени» [1, с. 142].

Продолжением событий романа «Глухой Вилюй» стало эпическое полотно «Тыгын Дархан» (1993). Впервые в якутской литературе появился исторический роман, в котором отразился наиболее сложный период истории народа саха: конец XVI — начало XVII в. В произведении широко воспроизведены культура взаимоотношений северного народа с природным миром, его нравственные и эпические представления, определённые близостью к природе. Известно, что менталитет народа формируется под влиянием трудовой деятельности. Для якутов это, прежде всего, скотоводство и коневодство. Автор подчёркивает в своих героях физическую выносливость, так необходимую людям Севера. Нередко ведутся споры между «отцами» и «детьми», в том числе и о назначении человека, смысле жизни, о результатах труда. Так, разговор Тыгына с Маргой обнаруживает их полную противоположность. Тыгын убеждён в том, что лучше отстаивать своё доброе имя в поединках с храбрецами. Точка зрения Марги: «Достойно живёт тот, кто неустанно трудиться, неусыпно блюдёт добро». Марга не отказывается от своих слов и в споре с легкомысленным Сатаем. Если Сатай считает, что не надо копить богатство и всю жизнь гнуть спину, всё равно у жизни один конец, то Марга думает, что благополучие прочно только то, которое заработано трудом, а «что занесено ветром, унесёт вихрем».

«Характеры героев Далана, — пишет А. Н. Мыреева, — как бы рождены самой северной природой: внешне сдержанные, порой суровые, но полные внутренней поэзии, жизнелюбия, нравственной чистоты и благородства» [4, с. 86]. Герои имеют свои индивидуальные, неповторимые черты. Лучшие качества двух народов — якутского и эвенского, соединились в образе свободолюбивой и рассудительной Нюрбачан. Не желая

отдавать сына в боотуры Тыгына, она уходит из долины Туймады, над которой нависла тень войны. Также поступает и Дорхон, который ненавидит войну и считает грехом изготовление оружия.

Таким образом, изображение разных сторон национальной жизни — будь то сенокосная страда, забой скота, осенняя неводьба и праздник белого изобилия Ысыах — помогает разностороннему развитию сюжетной линии и полноте отражения национального характера.

Творческая судьба народного писателя В. С. Яковлева-Далана на первый взгляд сложилась благополучно. В 1976 никому неизвестный тогда школьный учитель опубликовал на страницах журнала «Хотугу Сулус» своё первое произведение — повесть «Дивная весна». Она свидетельствовала о появлении в якутской литературе талантливой автора. Но Василий Семёнович мог бы стать писателем раньше, если бы его не репрессировали ещё в юные годы, когда в начале 50-х годов лучших людей Якутии обвинили в национализме. В романе — эссе «Жизнь и судьба моя» писатель попытался осмыслить случившееся с ним под углом лет, проведённых в заключении. «Пусть эта книга, — выразил надежду В. С. Яковлев-Далан, — хоть как-то поможет моему народу понять до конца запутанные, порой такие непонятные, противоречивые перипетии великих перемен, придаст ему силы выдержать все невзгоды» [9, с. 4].

В тюрьме будущему писателю довелось увидеть разных людей и узнать, кто и как ведёт себя, каким становится в экстремальных условиях. Среди преобладающих черт

национального характера народа саха автор романа — эссе в первую очередь отмечает такие, как простота, честность и порядочность: «Дитя Тыгына» (Тыгын — прародитель якутов) — так с любовью и уважением отзывались люди на родине моей о людях честных, хороших» [9, с. 35]. Следование данным принципам способствовало тому, что В. С. Яковлев-Далан отказался подписать крамольные бумаги. С другой стороны, такие качества, как доверчивость и наивность бессовестно эксплуатировались всякого рода проходимцами: «Сорокин только головой покачал, мол, до чего же вы, якуты, доверчивы и наивны» [7, с. 109].

Особое почтение проявляет писатель к старшим. Первые, о ком он подумал после ареста, были родители. Его беспокоило, как они перенесут такую беду. Многие представители преклонного возраста, оказавшиеся рядом с осужденным В. С. Яковлевым-Даланом, отличались «мягкостью и пресловутой якутской деликатностью, внутренней тактичностью» [9, с. 195]. По прошествии долгих лет автор романа был бесконечно благодарен этим людям за светлость души, глубину и разумность речей, которые придавали силы окружающим. Надо отметить, что и сам писатель подошёл к теме репрессий объективно, стараясь избегать крайних оценок.

Таким образом, в произведениях В. С. Яковлева-Далана национальный характер получил широкое воплощение. Писатель представляет его через исторические события, автобиографию, уделяя большое внимание обычаям, взаимоотношению между людьми, используя фольклор и этнографический материал.

Литература:

1. Васильева, Д. Е. Народные писатели Якутии. — Якутск: Бичик, 1995. — 160 с.
2. Желтова, Н. Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера: автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Тамбов, 2004. — 45 с.
3. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — М.: Совет. энциклопедия, 1987.
4. Мыреева, А. Н. Якутский роман 70–90-х годов XX века: традиции и новации. — Новосибирск: Наука, 2014. — 116 с.
5. Сафина, А. М. Национальный характер в татарской исторической прозе: вторая половина XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2010. — 27 с.
6. Трофимов, В. К. Душа России: итоги, сущность и социокультурное значение русского менталитета. — Ижевск: Ижевская ГСХА, 2008. — 408 с.
7. Холодкова, Е. К. Концепция национального характера в прозе В. П. Астафьева, В. Г. Распутина и Б. П. Екимова 1990 — х — начала 2000 — х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009. — 23 с.
8. Яковлев, В. С. — Далан. Глухой Вилюй. — Якутск: Бичик, 1993. — 336 с.
9. Яковлев, В. С. — Далан. Жизнь и судьба моя. — Якутск: Бичик, 2003. — 336 с.

Экзистенциализм и военная проза советского периода

Шумбасова Елена Владимировна, преподаватель

Государственный университет имени Шакарима города Семей (Казахстан)

Статья посвящена рассмотрению военной прозы писателей-фронтовиков, таких, как В. В. Быков, Б. Л. Васильев и др. Автор статьи на материале текстов доказывает, что экзистенциализм как литературное на-

правление в русской литературе советского времени не сложился. Но военная проза отдельных писателей, а также лагерная проза со всей несомненностью несут в себе черты экзистенциализма, т.е. обладают экзистенциальностью.

Ключевые слова: экзистенциализм, экзистенциальность, военная проза, писатели-фронтовики, лагерная проза.

Экзистенциализм как литературное направление в силу объективных исторических причин в русской литературе советского времени не сложился. Однако экзистенциальность как качество прозы отдельных русских писателей, таких, как В.Т. Шаламов, Б.Л. Васильев, В.В. Быков, обнаруживается со всей несомненностью. Это писатели, которые долгое время находились в экзистенциальной ситуации (В. Шаламов, например, немало лет провел в лагерях, В. Быков — воевал, а на войне экзистенциальные ситуации встречаются на каждом шагу). О войне и лагере писали многие, писали очень правдиво, но именно экзистенциальность как свойство прозы обнаруживается у тех писателей, которые лицом к лицу оказывались в ситуации выбора при отсутствии выбора как такового. Рассмотрению военной экзистенциальной прозы и посвящена данная статья.

Великая Отечественная война отражена в русской литературе XX века глубоко и всесторонне, во всех проявлениях: армия и тыл, партизанское движение и подполье, трагическое начало войны, отдельные битвы, героизм и предательство, величие и драматизм Победы.

Всю русскую военную прозу условно можно разделить на две группы: проза писателей, не принимавших участия в войне, или принимавших косвенное участие, и проза писателей-фронтовиков, прошедших всю войну от начала до конца, перенесших все тяготы войны (В.П. Некрасов, В.К. Кондратьев, К.Д. Воробьев, В.В. Быков, Б.Л. Васильев, Ю.В. Бондарев). Такое разделение не случайно, поскольку по своему содержанию, смысловой наполненности, произведения этих двух групп противоречат друг другу. Рассмотрению произведений, входящих во вторую группу и посвящена данная работа.

Эта проза отличается более глубоким психологизмом, натуралистичностью, она посвящена не блистательным командирам и офицерам, а простым солдатам, чьими нечеловеческими усилиями и была одержана Великая Победа.

На войне разворачиваются драматические ситуации, от поступка человека зависит порой его (и не только его) жизнь и смерть. Писатели-фронтовики — это целое поколение мужественных, совестливых, многое испытавших одаренных личностей, перенесших военные и послевоенные невзгоды. Писатели-фронтовики являются теми авторами, которые в своих произведениях выражают точку зрения, что исход войны решает герой, осознающий себя частицей воюющего народа, несущий свой крест и общую ношу.

Самые достоверные произведения о войне создали писатели-фронтовики: В.П. Некрасов, В.К. Кондратьев, К.Д. Воробьев, В.В. Быков, Б.Л. Васильев, Ю.В. Бондарев и многие другие.

У всех у нас с детства сложился стереотипный образ советского солдата-победителя — честного, сильного, бесстрашного, для которого белое — это белое, черное — это черное. Повести В.В. Быкова, К.Д. Воробьева, Б.Л. Васильева и других писателей-фронтовиков показывают, что все было далеко не так категорично и однозначно. Были на войне люди, боявшиеся смерти, цеплявшиеся за малейшую возможность выжить, люди, слабые морально, способные допустить ошибку, порой неисправимую, непростительную (Рыбак из повести В.В. Быкова «Сотников»). Были люди, проявлявшие «незаметный» на первый взгляд героизм (девчонки из повести Б.Л. Васильева «А зори здесь тихие...»), люди, чье, пусть даже кратковременное, участие помогло приблизить Великий День Победы.

Военная тема, предполагающая нечеловеческие условия и ситуацию выбора при отсутствии выбора, дает художнику жизненный материал, естественно рождающий «неестественные», экзистенциальные ситуации. Не всякая проза о войне может обладать этими качествами.

Военная проза, рожденная поколением тех, кто на фронте был не заезжим корреспондентом, а взводным командиром или вовсе рядовым бойцом, демонстрирует наиболее отчетливые примеры экзистенциальной прозы. Одним из наиболее выразительных образцов предстает повесть В. Быкова «Сотников».

Белорусский писатель-фронтовик Василь Владимирович Быков (1924–2003) считал, что военная тема «... уходит из нашей литературы потому же..., почему ушли доблесть, честь, самопожертвование... Изгнано из обихода героическое, зачем нам еще война, где эта ущербность всего наглядней? «Неполная правда» и прямая ложь о войне на протяжении многих лет принижает смысл и значение нашей военной (или антивоенной, как иногда говорят) литературы» [1, с. 69].

Произведения белорусского писателя-фронтовика Василя Быкова вызывают не только споры, но и размышления. Таково прочтение повести «Сотников» учителем средней школы г. Ярославля Холодяковым И.В. [2, с. 17].

В советской критике сущность этого произведения сводилась к прямолинейному морализаторству: Сотников — честный, смелый, хороший, советский партизан, Рыбак — мелкий, жалкий предатель. Но, при более глубоком прочтении, становится понятно, что все далеко не так просто и однозначно. Рыбак пытается спастись, но это нормальная реакция любого человека. Даже глупо было бы погибнуть, так и не попытавшись спастись: «... всего двадцать шесть лет, хотелось бы еще немного пожить на земле. Не столько страшно, сколько противно ложиться зимой в эту промерзшую яму...

Нет, надо бороться!» [3, с. 104].

Причем Рыбак пытается сохранить не только свою жизнь, он постоянно думает о том, как спасти товарища, как не выдать своих, вспоминает товарищей, оставшихся в лесу, беспокоится за них. До определенного момента Рыбак никакого предательства не совершает — он просто старается не злить полицаев, не грубить им, как это делает Сотников, даже соглашается работать на полицаев, веря, что ничего плохого своим не сделает: «... он шел на эту игру, чтобы выиграть себе жизнь — разве этого не достаточно для самой, пусть даже отчаянной, игры? А там оно будет видно, только бы не убили, не замучили на допросах. Только бы вырваться из клетки, и ничего плохого он себе не позволит. Разве он враг своим?» [3, с. 134].

Но существуют ситуации, из которых нет выхода. Рыбак слишком поздно понимает это. Он допускает одну ошибку — соглашается работать в полиции. Эта ошибка повлекла за собой последующие, в конечном итоге Рыбак становится убийцей товарища: «... он не хотел верить в свою причастность к этой расправе — при чем тут он? Разве это он? Он только выдернул этот обрубок. И то по приказу полиции» [3, с. 143].

В. Быков не осуждает своего героя, автор просто показывает, насколько может быть беспомощен человек в безвыходной ситуации. Это ситуация выбора при отсутствии выбора — экзистенциальная ситуация. Человек попытался сделать выбор, и вроде бы остался жив, не смотря ни на что...

В финале Рыбак пытается покончить с собой, но даже этого не может сделать, потому что повеситься ему не на чем. То, что он пытается покончить с собой, говорит о том, что осталось что-то человеческое в этом персонаже, и это «что-то» не даст ему спокойно жить. Рыбак остается жить, но мы, читатели, понимаем, что это ненадолго. Рано или поздно он не выдержит.

Военная проза 60-х — 70-х дает немало произведений, которые образуют «критическую массу» русского экзистенциализма: «Обелиск», «Дожить до рассвета», «Круглянский мост» и «Альпийская баллада» В. Быкова, «А зори здесь тихие» Б. Васильева и др.

Писатель-фронтовик Борис Львович Васильев (1924—2013), автор любимых всеми книг «А зори здесь тихие», «Завтра была война», «В списках не значился», «Аты-баты шли солдаты», которые были экранизированы в советское время. На этих повестях выросло не одно поколение молодежи. Всем запомнились светлые образы девушек, соединивших в себе правдолюбие и стойкость (Женя из повести «А зори здесь тихие...», Искра из повести «Завтра была война» и др.) и жертвенную преданность высокому делу и любимым (героиня повести «В списках не значился» и др.).

Семьдесят лет назад на русских людей внезапно обрушилась страшная трагедия. Война — это разруха, нищета, жестокость, смерть. Война — это тысячи истерзанных, убитых, замученных в лагерях людей, это миллионы искалеченных судеб.

Мы привыкли к тому, что на войне нет места сентиментальности и нежности, а слово «герой» в нашем понимании — это обязательно боец, солдат, словом, мужчина. У всех на слуху имена: Жуков, Рокоссовский, Панфилов и многие другие, но мало кому известны имена тех девчонок, которые прямо с выпускного бала попали на войну, без которых, быть может, и не было бы победы.

О Великой Отечественной войне написано очень много произведений, в которых без прикрас показаны все трудности, с которыми сталкивались люди, но одной из самых серьезных является повесть Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие...».

Борис Васильев относится к тем писателям, кто сам прошел трудными дорогами войны, кто защищал родную землю с оружием в руках. Кроме того, им написано много рассказов о том, что ему пришлось пережить в трудные фронтовые годы. И это переживание очевидца, а не художественный вымысел творца.

Повесть «А зори здесь тихие...» рассказывает нам о далеких военных годах. Действие разворачивается в мае 1942 года. Главный герой, Федот Евграфович Васков, по «собственному желанию» получает в распоряжение женский зенитно-пулеметный батальон: «Шлите непьющих... Непьющих и это... Чтоб, знаете, насчет женского пола...» [4, с. 7].

Сколько девушек, столько судеб: все разные. Но в одном они все же схожи: все судьбы сломала, изуродовала война. Получив приказ не пропустить немцев к железной дороге, девушки ценой собственных жизней выполнили его. Все пять девушек, отправившихся на задание, погибли, но погибли героически, за Родину.

«А зори здесь тихие...» — значительное по содержанию художественное полотно, произведение глубокого гражданского и патриотического звучания. В 1975 г. за эту повесть Б. Васильев удостоился Государственной премии СССР.

Вспомним Константина Дмитриевича Воробьева (1919—1975), автора суровых и трагических произведений, который первым рассказал о горькой правде попавшего в плен и прошедшего сквозь ад земной. Повести К. Д. Воробьева «Это мы, Господи», «Убиты под Москвой» написаны на собственном опыте. Сражаясь в роте кремлевских курсантов под Москвой, попал в плен, прошел через лагеря на территории Литвы. Бежал из плена, организовал партизанскую группу, объединившуюся с литовским партизанским отрядом, а после войны жил в Вильнюсе. Повесть «Это мы, Господи», написанная в 1943 г., опубликована была лишь через десять лет после его смерти, в 1986 г.: «... эта повесть о муках молодого лейтенанта в плену несет в себе автобиографичность и сейчас высоко оценивается по сопротивляемости духа как явление, родственное разве что «Колымским рассказам» В. Шаламова. Попытки, расстрелы, каторжный труд в плену, побеги... Автор документирует кошмарную явь, обнажает зло» [5].

Как мы видим, проза фронтовиков является ярчайшим образцом русской экзистенциальной прозы.

Экзистенциализм не случайно возник в XX веке — веке войн, насилия, тюрем, голода. Социальные катаклизмы породили экзистенциальные ситуации, которые нашли отражение в философии, литературе, культуре.

Нужно отметить, что в конце XX и начале XXI века значительно уменьшилось количество писателей, пишущих о войне. В последнее время в литературной критике, применительно к военной прозе, стал употребляться термин «новая военная проза»: имеется в виду проза об

афганской и чеченской войнах, с одной стороны. С другой стороны, новая военная проза — это полемическая проза, которая представляет другое изображение войны писателями-фронтовиками, в разрез официальной советской критике.

Недаром писатели-фронтовики сетовали, что не вся правда о войне написана. Прошло время, появилась историческая дистанция, которая позволила увидеть прошедшее и пережитое в истинном свете, пришли нужные слова, написаны другие книги о войне, которые приведут нас к духовному познанию прошлого.

Литература:

1. Алексеев, А. В. И снова о войне... // Литература в школе. — 2005. — № 4.
2. Холодяков, И. В. Великая Отечественная война в произведениях русской литературы XX века // Литература в школе. — 2004. — № 4.
3. Быков, В. Повести. М.: Художественная литература, 1990.
4. Васильев, Б. Л. А зори здесь тихие...: повесть. — М.: Художественная литература, 1982.
5. Тема трагической судьбы человека в произведениях А. П. Платонова, А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова // <http://studopedia.net/>

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Статистический анализ самостоятельных слов в исторических трудах

Алишера Навои

Абдувалиева Дилноза Акрамовна, преподаватель

Джизакский государственный педагогический институт (Узбекистан)

В статье дан статистический анализ слов, относящихся к частям речи — существительному, прилагательному, местоимению, числительному, глаголу, наречию, которые встречаются в составе лексики исторических произведений Алишера Навои «Тарихи мулуки Ажам» и «Тарихи анбиё ва хукамо».

Ключевые слова: исторический язык, самостоятельные части речи, существительные, прилагательное, числительное, глагол, наречие, статистический анализ, топонимы, антропонимы.

In clause the statistical analysis of words concerning parts of speech to a noun, adjective, pronoun, numeral, verb, adverb is given which meet in structure of lexicon of historical products Alisher Navoi "Tarikhi muluki Ajam" and "Tarikhi Anbiyo va hukamo".

Key words: historical language, independent parts of speech, nouns, adjective, numeral, verb, adverb, statistical analysis, toponyms, anthroponomy.

Велико значение письменных памятников при изучении исторического языка и общества, определяющих степени его формирования. Их роль неоспорима потому, что язык развивается во взаимосвязи с историческим обществом и народом, происходящие в обществе перемены находят свое отражение в письменных источниках того или иного времени.

С этой точки зрения, обращение к истории лексики языка, с одной стороны, раскрывает пути последовательного развития отдельно взятого слова, с другой стороны, помогает осветить лексическое богатство и определяет фонетические, морфологические, синтаксические особенности языка некоторых периодов. Поэтому изучение исторической лексики важно для анализа исторического языка в целом [15].

В последнее время с развитием компьютерных технологий и повышением их возможностей лингвисты все больше обращаются к статистическому методу — лингвостатистике [3].

Целью использования статистического метода в филологии является не просто пересчитать, слова каких частей речи употреблены и во сколько раз они встречаются в том или ином тексте, а их анализ, сравнение с редакцией других авторов и через это изучение особенностей данного текста, закономерности, связанные с миропониманием автора объективной действительности [12].

Следующие критерии могут являться объективными причинами статистического подхода к языковым единицам: массовый характер изложения языка; способность данных единиц повторяться в процессе изложения и, наконец, случайный характер использования (повто-

рения) или выпадения этих языковых единиц в процессе изложения [18]. По лингвостатистике произведений писателей, поэтов, письменных памятников в тюркологии и узбекском языкознании собран определённый опыт [3]. В том числе, учёные подсчитали, что в произведении Абая использованы 6000 [13] слов, в творчестве Насими 3338 [20], трудах Абдуллы Тукая 14000 [6], произведение «Лисан ут-тайр» А. Навои — 5500 [24] слов, в произведениях Бабура «Мубаййин» 2616, «Аруз» — 2230, «Девон» — 3304 [12]; в лексике «Бабурнаме» использовано 27970 [23] лексем, «Киссаси Рабгузи» — 5511 [3] лексем.

Оставаясь верными данным традициям, сочли нужным провести лингвостатистический анализ лексики произведений А. Навои «Тарихи мулуки Ажам» [5] и «Тарихи анбиё ва хукамо» [4].

В историческом труде «Тарихи мулуки Ажам» общее количество использованных слов составляет 26695 слов, из них 2830 являются лексемами. (Также в произведении использованы выдержки из Корана и другие арабские изречения. Так как они являются воспроизведенными в речи, слова из состава данных единиц не включены в общее количество использованных в произведении лексем).

Лексика «Тарихи анбиё ва хукамо» состоит из 26693 слов. Из них лексемы составляют 3185 слов. Используемые в данном письменном памятнике лексические единицы состоят из освоенных лексем из таких языков, как тюркский, персидско-таджикский, древний еврейский, греческий, монгольский, грузинский и армянский.

В истории литературного языка части речи первоначально разделялись на две большие группы: самостоятельные слова и служебные слова [1].

Имеется три группы самостоятельных слов: имя, глагол, наречие. Имя делится на следующие части: существительное, прилагательное, числительное, местоимение. Для данных частей речи общими являются категории падежа и лица, поэтому они объединяются в имена.

1. Самостоятельные части речи

Самостоятельные части обозначают явления в действительности (предмет, признак, действие и т.д.), значит, у каждого самостоятельного слова имеется своё лексическое значение; оно употребляется в функции какого-либо члена предложения; в некоторых случаях отдельное самостоятельное слово образует одно предложение; имеет категории склонения, спряжения [1]. Также самостоятельные слова имеют лексическое и грамматическое значение и в зависимости от места употребления в тексте могут изменяться.

1. Имя существительное. Среди имён категория существительного занимает огромное место в строении языка своими семантическими, морфологическими и синтаксическими свойствами.

Имя существительное в современном узбекском литературном языке имеет длительную историю развития. Оно развивалось с помощью внутренних языковых ресурсов согласно развитию общества и переменам в быту. Это прослеживается во время наблюдения языковых особенностей старинных письменных памятников [2].

В словарном составе произведения «Тарихи мулуки Ажам» всего использовано 1689 лексем — существительных, из них 1391 существительное является нарицательным, 298 существительных — собственными. Из 1391 нарицательных существительных 1287 являются неизменяемыми словами, 265 — производными, из 298 ономастических терминов 238 являются антропонимами, 34 термина — топонимами, 3 термина — гидронимами, 6 терминов — названиями произведений и священных книг, 2 термина — названиями оятов из Корана.

В произведении «Тарихи мулуку Ажам» встречается 1443 лексем, относящихся к части речи — существительному, из них 1076 являются нарицательными именами существительными, 243 — собственными именами существительными. Из 1076 нарицательных существительных 996 составляют неизменяемые слова, 82 слова считаются производными. 243 ономастических термина из 368 являются антропонимами, 99 составляют топонимы, 7 считаются гидронимами, 18 терминов представляют названия произведений и 1 термин является астронимом.

Нарицательные имена существительные. Наричательные существительные в письменных памятниках характеризуются следующим образом:

1. Название личностей: абно (172) — «дети, сыновья, дети», анбиё (112) — «пророки, знаменосцы», арус (192) — «невеста, молодница», баковул (124) — «кухми-

стер, главный повар», болигчи (167) — «рыбак», инос (173) — «женщины, жёны», йигит (173) — «юноша, молодой человек, парень», хола (174) — «тётя, сестра матери», қўйчи (181) — «пастух, овчар».

2. Название вещей, предметов: аёғ (178) — «бокал, таз», бичоқ (124) — «нож», болта (114) — «топор», булут (108) — «облако, туча», гугурд (185) — «спичка», ип (137) — «нитка, тонкая верёвочка», калид (142) — «ключ, отмычка», кема (105) — «лодка, корабль», курси (162) — «табурет, трон», қўзғу (122) «зеркало, стекло».

3. Название мест: боғ (124) — «сад, луг, цветник, цветущий край», бутхона (113) — «капище, молельня идолопоклонников», бўстон (159) — «сад, цветник», водий (162) — «долина, ущелье», гулистон (115) — «сад, цветник», гўристон (158) — «кладбище, могила».

4. Абстрактные названия: адоват (175) — «вражда, противоречие», адам (246) — «небытие», адолат (255) — «истинность, справедливость, правосудие», азоб (183) — «трудность, страдание, обида, недуг, боль», ақл (164) — «разум, рассудок», висол (124) — «встреча, объединение, достижение, сближение», гуноҳ (160) — «вина, грех», қайғу (183) — «душевная боль, горе, несчастье».

Собственные существительные [10]. Использованные в лексике исторических произведений собственные существительные разделяются на следующие группы:

1. Антропонимы [7, 25]. Дакёнус (181) — «Легендарный правитель в греческом царстве», Ёфас (106) — «Сын пророка Ноя, более известный под именем Абутурк», Имрон (134) — «Отец пророка Моисея», Икливо (100) — «Первая дочь Адама и Евы», Марям (174) — «Мать пророка Иисуса», Фишогурс (191) — «Пифагор», Хава (100) — «Жена Адама», Хомон (139) — «один из фараонов», Мухаммад саллалохи алайхи васаллам (99) — «Самый последний пророк ислама», Арасту (217) — «известный греческий философ Аристотель», Аржасп (209) — «сын Афрасиаба, один из турецких падишахов», Ардувон бинни Ялош (221) — «последний падишах ашканийцев», Афлотун (214) — «древнегреческий философ Платон», Бахмандухт (212) — дочь Исфандияра, сестра шестого правителя Бахмана династии каёниев, Одам (100) «Адам» и т.д.

2. Топонимы [14, 28]. Арман (227), Бобил (217), Хоразм (236), Табаристан (241), Яман (241), Чин (202), Озарбайжон (208), Кустантаня (225), Халаб (210), Хиндистон (100), Арофат (100), Искандария (134), Мадойин (135), Фаранг (193), Рум (103) и т.д.

3. Гидронимы. Замзам (116), Нил (138), Аму (203), Жайхун (203), Сова (243), Синд (237), Фирот (202) и т.д.

4. Оронимы. Жуди (105), Абул Кайс (101), Мино (119), Куддус (156), Тури Сино (136), Албурзкух (205), Коф (232) и т.д.

5. Название произведений и священных книг: «Забуру» (158), «Инжил» (176), «Таврот» (140), «Каломуллох» (189), «Гузида» (109), «Низом ут таворих» (205), «Жоме ут таворих» (221), «Насихат ул мулук» (185), «Мунтахаб» (205), «Шохнома» (206), «Искандарнома» (217) и т.д.

6. Астроним [8, 9]. Зухал (217).

7. Название сур, приведенных из Корана: Тохо (136), Бакара (141).

II. Имя прилагательное. Слова из категории имени прилагательного служат для выражения свойства какого-нибудь предмета, случая и обстоятельства (то есть цвет, объем, форму, характерные свойства, вкус) [22].

Слова, относящиеся к группе имен прилагательных в составе изучаемых нами письменностей, по этим свойствам можно разделить на следующие группы:

а) прилагательные, означающие свойства личности или предмета: авло (175) — «лучше, предпочтительнее», ажиба (157) — «удивляющий человека», аълам (129) — «чрезмерно умный, обладатель большой науки, мудрец», ганий (193) — «богатый», далир (102) — «храбрый, смелый, богатырь, отважный» и т.д.

б) прилагательные, означающие цвет, оттенок личности или предмета: ахмар (135) — «красный», кофиргун (122) — «цвет камфары, белый», каро (106) — «чёрный, чёрный цвет», ок (108) — «белый цвет», яшил (248) — «зелёный, зелёный цвет, кук (207) — «синий цвет», сафид (210) — «белый» и т.д.

в) прилагательные, выражающие форму, объем личности или предмета: баланд (158) — «высший, великий», бийик (108) — «великий, высокий», юкори (140) — «высокий, верхушка, выше», васиъ (107) — «большой, великий, широкий» и т.д.

г) прилагательные, выражающие состояние личности или предмета: акмак (178) — «врожденный слепой», бемор (187) — «больной, подверженный к какому-то недугу», бехол (185) — «слабый, бессильный, немощный, унылый» и т.д.

д) прилагательные, выражающие вкус предметов: ачиг (193) — «острый, кислый, противоположность сладкого», чучук (191) — «сладкий, противоположность острого», шур (168) — «солёный, пересолённый» и т.д.

е) прилагательные, выражающие запах предмета: нохуш (214) — «плохой, неприятный, неблагоприятный».

Из 392 прилагательных, применённых в «Тарихи анбиё ва хукамо», 209 являются непроизводными, 83 — производными; в «Тарихи мулки Ажам» из применённых 300 прилагательных непроизводными являются 168, производными — 132.

В текстах этих письменных памятников применены производные прилагательные, созданные непосредственно морфологическим (аффиксация) и синтаксическим (композиция) путем.

1. Морфологическим способом из имён и глаголов создаются прилагательные. Аффиксы, создающие из имен прилагательные: аффиксы -лик/-лик/-лиг/-лук/-лук [1]. В староузбекском языке этот аффикс был продуктивным и в создании имени, и в создании прилагательных. Прилагательные, созданные с помощью этих аффиксов, в корне слова выражают принадлежность предмета, признака, свойства, также означают принадлежность к месту, выраженному в корне: махобатлик ун (величественный звук) (110), чиройлик кабутар (красивый голубь) (159), соқоллик киши (бородатый человек) (179), яхши ахлоқлик

(хорошее поведение) (201); раҳмлик ота (добрый отец) (119), ғариб ранглик фаришта (одинокый ангел) (158), мухрлик дурж (опечатанный дурж) (164), мевалик азим дарахт (большое плодородное дерево) (185) и т.д.

В основном, аффикс —ли [1], присущий для языка памятников XIII—XIV веков, но мало применяемый в узбекском языке XV века, в вышеупомянутых памятниках не встречается.

Аффикс -сиз считается антонимом вышеуказанных аффиксов, выражает значение неимения предмета, признака, вытекающего из корня слова: йўлсиз биёбон (бездорожная пустыня) (181), вафосиз жаҳон (неверный мир) (197), гуноҳсиз ўғил (безгрешный мальчик) (245), шахсиз жаҳон (мир без короля) (257) и т.д.

Аффикс -ги присоединяется к словам, означающим время, показывает отношение, своеобразие ко времени: аввалги кавл (прежнее слово) (215), бурунги табақа (древнее сословие) (197), сўнгги салотин (последняя молитва) (217) и т.д.

Являясь сложным по структуре, окончание -дағи [1], образованное присоединением к аффиксу исходного падежа аффикса -ги, образующего прилагательное, тоже обозначает отношение к месту и времени: теграсидағи эл — народ вокруг него; анинг замонидағи анбиё — пророк в его время.

1. Синтаксическим способом прилагательные создаются как обычно, такие прилагательные могут быть в форме сложных, парных слов. Прилагательные, созданные таким способом в лексике изучаемых нами исторических произведений, в основном сложные прилагательные, почти все они принадлежат к прилагательным освоенного сословия: дароздаст (длиннорукий) (211), дилписанд (душа нипочём) (228), забардаст (могучий) (236), зебуруй (красиволицый) (238), мусулмоншева (мусулманский говор) (239), олиймиқдор (высший размер) (228), покнафас (чистое дыхание) (250), сохибжамол (красивая) (248), худопараст (верующий) (226), художуй (благочестивый) (238) и т.д.

III. Имя числительное. В языковой системе существует группа слов, обозначающих абстрактное число, количество, счёт, точнее, они означают порядок счёта, расположения, выполнения предмета.

В тексте исторических произведений, принадлежащих перу А. Навои, участвуют всего 21 непроизводных, 92 производных числительных, также 24 нумератива. В произведениях применялись следующие виды числительных по лексическим свойствам и грамматическим признакам:

1. Счётные числительные: бир (один) (100), ики//икки (два) (100), уч (три) (101), турт (четыре) (106), беш (пять) (117), олти (шесть) (121), етти//ети (семь) (123), секкиз (восемь) (106), туккиз (девять) (159), ун (десять) (112), йигирми (двадцать) (117), утуз (тридцать) (126), кирк (сорок) (140), элик (пятьдесят) (141), олтмиш (шестьдесят) (202), етмиш (семьдесят) (104), сексон (восемьдесят) (105), туксон (девятност) (221), юз (сто) (225), минг (тысяча) (231), чихил (199).

2. Порядковые числительные: икинчи (второй) (106), бешинчи (пятый) (107), унинчи (десятый) (112), секинчи (восьмой) (138), олтинчи (шестой) (107), туртинчи (четвёртый) (138) и т.д.

3. Собираательные числительные: учов (трое) (176), учаласи (втроём) (157) и т.д.

4. Неопределённые числительные: бир-ики (раз-два) (190).

5. Разделительные числительные: юзар-юзар (103); хар мингдин бири (один из тысячи) (102).

6. Дробные числительные: ярим — в смысле «половина целого, половина»: ... илки титраб, шарбатдин ярими тўкилди (224); сулс — в смысле «один из трёх»: кулин уч қисм қилиб, сулсин баҳрға, сулсин тоқға, сулсин ерга со-вуртти (185)

7. Штучные числительные выражаются через присоединение притяжательного аффикса к счётным числительным: икиси (двое) (100).

8. Нумеративы: утиз ики яшар (тридцатидвухлетний) (126), ики окча (два дерева) (123), ики рақъат (две части) (179), юз қариш (сто пядей) (274), мискол (малость) (214), эллиқ йигоч (пятьдесят) (239) и т. д.

IV. Местоимение. Местоимения отличаются от других групп слов семантическими и грамматическими свойствами. Местоимение употребляется вместо имени существительного, прилагательного, числительного, иногда вместо других частей речи, показывает существование предмета и значения, присущего ему.

В языке исследуемых письменных источников существует 61 местоимение. По значениям они делятся на следующие виды:

А) личные местоимения: ман//мен, сан//сен, алар, биз, сиз, ул;

Б) возвратные местоимения: уз, худ;

В) указательные местоимения: ул, бул, бу, мундог//мундок, ушбу, анда, ани, анинг, андин, шу;

Г) вопросительные местоимения: ким? қайдин? Қачон? Қайси? Начук//нечун? Қаён? Не?

Д) определительные местоимения: барча, бари, бутун, жами, жумла\.. Хар ким, хар не, хар киши;

Е) неопределённые местоимения: биров;

Ё) отрицательные местоимения: ҳеч нима, ҳеч ким, ҳеч қачон, ҳеч банди и т.д.

V. Глагол. Глагол занимает важное место в морфологии частей речи. Среди них важное место принадлежит именам и глаголам.

В тюркологии и узбекском языкознании был проведен ряд исследований по глаголу [16, 27, 26, 17, 19].

В «Тарихи анбиё ва ҳукамо» участвуют 470 глаголов, а в «Тарихи мулуки Ажам» — 521, в них в общем количестве участвовали без повторений 547 слов-глаголов. Из них 179 являются простыми непроезводными и простыми производными, а 368 составляют сложные глаголы.

1. Глаголы речи: сўзла= (говори) (148), сўр= (спроси) (114), даъват қил= (призывай) (102), изҳор қил= (признайся) (124), илтижо қил= (проси) (125);

2. Глаголы состояния: адам бўл= (будь человеком) (129), барбод бўл= (будь) (109); бўя= (крась).

3. Глаголы действия: боғла= (завяжи) (119), бор= (иди) (105), ёй= (раскрой) (163), ёт= (ложись) (106)

4. Глаголы задания: бунёд қил= (создай) (141), дафн қил= (похорони) (107),

5. Глаголы размышления: англа= (осознай) (157), бил= (узнай) (188), воқиф бўл

6. Глаголы естественного состояния: е= (кушай) (125), ич= (пей) (184), уйғон= (проснись) (106) қайна

7. Глаголы видения: боқ= (смотри) (172), мулоҳаза қил (понаблюдай) (133),

8. Глаголы слушания: эшит= (слушай) (99), хитоб қил= (восклицай) (139),

Результаты нашего исследования показывают, что большую часть существующих лексем-глаголов в словарном составе исторических произведений Алишера Навои, в отличие от памятников, созданных до конца XIV века, составляют сложные глаголы. Основная часть данных сложных глаголов образована присоединением к персидско-таджикским и арабским заимствованиям тюркских вспомогательных глаголов қил=, бўл=, айла=, эт= и др.

VI. Наречие. И в старом узбекском языке наречия отделяются от других самостоятельных частей речи неприятием словоизменяющих аффиксов. В предложении наречия связываются с другими словами путём примыкания. А падежные аффиксы в составе некоторых наречий потеряли свое грамматическое свойство и превратились в составную часть слова.

В языке произведений, которые мы исследуем, имеются и наречия, относящиеся к арабскому и персидско-таджикскому языкам. В частности, из примененных в произведении 68 лексем-наречий 34 являются тюркскими лексическими единицами, 17 персидско-таджикскими, 18 арабскими лексическими единицами. Эти наречия применяются в выражении различных образов действий, состояния и признака действия. Имеются несколько видов наречий по значению:

1. Наречия состояния: айру (100) — «отдельно», биззарура (182) — «по необходимости, по потребности», бот (215) — «быстро, немедленно», заруратан (174) — «необходимо, поневоле», яқсар (188) — «сразу, внезапно», яёғ (135) — «пешком», беихтиёр (145) — «невольнo», тириклай (242) — «живьём», филхол (120) — «немедленно, тотчас».

2. Наречия времени: бурун (100) — «раньше, прежде, давно», аввал (105) — «первоначально», кечаси (147) — «ночью», кеча-қундуз (135) — «круглосуточно, всегда», хануз (135) — «до сих пор», хар қачон (100) — «всегда», энди (141) — «теперь», илгари (188) — «вперёд».

3. Наречия места: жаворида (121) — «вблизи, рядом», ташкари (217) — «наружно», ҳузур (124) — «присутствие», теграида (247) — «вокруг, кругом».

4. Наречия меры-степени: анча (189) — «много, несколько», асру (107) — «очень, неисчислимо», баса (252) — «бесконечно, много, настолько», онча (164) — «столько, до такой степени», хейли (199) — «много, довольно много», ҳазарбор (250) — «тысячу раз, очень много», усру (236) — «очень, чересчур»

Литература:

1. Abdurahmonov G'., Shukurov Sh., Mahmudov Q. O'zbek tilining tarixiy grammatikasi. — Т.: O'zbekiston faylasuflari milliy jamiyati nashriyoti, 2008. — В. — 74.
2. Абдурахмонов Г. А., Шоабдурахмонов Ш. Ш., Хожиев А. П. Грамматика узбекского языка. — Т.: Фан, 1975. — 123 с.
3. Абдушукуров Б. «Киссаси Рабғузий» лексикаси. — Т.: Академия, 2008. — 14 с.
4. Алишер Навоий. Тарихи анбиё ва ҳукамо. Мукаммал асарлар тўплами. Йигирма томлик. Ўн олтинчи том. — Тошкент, 2000.
5. Алишер Навоий. Тарихи мулуки Ажам. Мукаммал асарлар тўплами. Йигирма томлик. Ўн олтинчи том. — Тошкент, 2000.
6. Амиров Т. С. Словарь языка Тукая. — Веб: Тюркская лексикология и лексикография. — М., 1971. — с. 189–190.
7. Бегматов Э. Антропонимика узбекского языка. АКД. — Т., 1965.
8. Дадабоев Х. Астрономик терминлар тарихидан // Ўзбек тили терминологияси ва унинг тараққиёт истиқболлари. — Т., 1986. — Б. 94–96.
9. Дадабоев Х. Астрономические наименования в старотюркских письменных памятниках XI–XVI вв. // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. — Т.: Фан, 1994, — с. 32–43.
10. Ёкубов Ш. Навоий асарлари ономастикаси. Филол. фан. ном. дисс... — Т., 1994.
11. Иброхимов А. Бобур «Девон» и тилидаги узлашма лесика. — Т.: Тошкент давлат шарқшунослик институти, 2006. — Б. 6–7.
12. Иброхимов А. Бобур асарлари лексикасининг лингвостатистик, семантик ва генетик тадқиқи. («Девон», «Мубаййин», «Аруз»). Филол. фан. док-ри... дис. автореф. — Т., 2008. — Б. 16.
13. Исаков А. Абай тили сўзидиги. — Алмати, 1968.
14. Қораев С. Ўзбекистон вилояти топонимлари. — Т.: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2005. — Б. 240.
15. Муталлибов С. М. Морфология ва лексика тарихидан қисқача очерк. — Т.: Фан, 1959. — 134 с.
16. Нигматов Х. Морфология тюркского гоагола по материалам словаря Махмуда Кашгарского. АКД. — Л.: 1970.
17. Расулов Р. Ўзбек тили феълларининг семантик структураси. — Т.: Фан, 1991.
18. Ризаев С. А. Ўзбек тилшунослигида лингвостатистика муаммолари. — Т.: Фан, 2005. — Б. 7.
19. Содиқова М. Ҳозирги ўзбек адабий тилида феъл стилистикаси (семантик аспектда). Филология фанлари доктори... дис. — Т.: 1991, — Б. 288.
20. Тахримононов Ж. Насим диванынинг лексикаси. — Баку, 1970.
21. Турдибеков М. Абулғозий Баҳодирхоннинг «Шажараи турк» асари ономастикаси. Филол. фан. ном. дисс... — Т., 2001.
22. Ўзбек тили грамматикаси, I том. — Т.: Фан. 1975. — 271.
23. Холмонова З. «Бобурнома» лексикаси. — Т.: Фан, 2007. — Б. 20–21.
24. Ҳамидов З. Лексико-семантическое и лингвопоэтическое исследование языка «Лисан ат-тайр» Алишера Навои. АКД. — Т., 1982. — с. 3.
25. Ҳусанов Н. XV аср ўзбек адабий ёдгорликларидagi антропонимларнинг лексик-семантик ва услубий хусусиятлари. Филол. фан. док-ри дисс. — Т.: Фан, 2000. — Б. 243.
26. Шербак А. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). — Л.: 1981.
27. Шукуров Ш. Ўзбек тилида феъл майлларининг тараққиёти. — Т.: Фан, 1980;
28. Эрназаров Т. Ўзбекистон топонимлари: луғавий асослари ва этимологик тадқиқи йўллари. Филол. фан. док-ри дисс... — Т., 2006.

Особенности реализации модальных значений в коммуникативной стратегии (гендерный аспект)

Абдуллаев Роял Фаталиевич, аспирант

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград)

Ключевые слова: *гендер, языковая модальность, социолингвистика, корпусная лингвистика.*

В настоящее время принято различать биологический пол и гендерные различия в коммуникативном поведении, обусловленные не столько законами природы, сколько предписаниями институтов социального контроля и культурных тра-

диций. [6, с. 14]. Гендер как феномен, характеризует систему социальной организации и оказывает важное влияние на отношения между коммуникантами. Гендерные отношения в языке, находят свою реализацию в виде культурно обусловленных стереотипов, оказывая влияние не только на речевое поведение, но и на процессы языковой социализации.

Изучением гендерной категории стали заниматься различные области гуманитарного знания в середине 20-го века. В конце 80-х годов, в связи с глобальной интеграцией научных сфер и междисциплинарным характером исследований, гендер стал объектом изучения новых лингвистических направлений как: психолингвистика, социолингвистика и лингвокультурология. [4, с.43] Но неоспоримым фактом является то, что все эти годы не уделялось должного внимания особой, сложной семантической категории — языковой модальности. На сегодняшний день не представлено значительных исследований, которые бы внесли ясность в вопросе о гендерной обусловленности реализации модальных значений, тем не менее, языковая модальность охватывает весь речемыслительный процесс и находит свою реализацию посредством широкого арсенала экспликаторов выраженных посредством различных языковых средств.

В данной статье представлены результаты функционально-семантического анализа средств выражения значений ситуативной модальности в речи мужчин и женщин.

Материал исследования представляет собой корпус текстов современного английского языка (The Cobuild corpus) и Национальный корпус русского языка.

Сегодня корпус английского языка насчитывает свыше 50 миллионов слов, употребляющихся в современных письменных и устных текстах, отбираемых в эту открытую систему, начиная с 1990-х годов, и корпус русского языка, открытый с 2004-го года насчитывает 500 миллионов слов.

Письменные тексты отобраны из художественных произведений, специальной литературы, личной переписки, рекламных роликов, журналов и газет. Устные тексты представляют собой выборку из формальных и неформальных бесед, телефонных разговоров, лекций, радиопередач и интервью.

Проводя выборку экспликаторов модальных значений возможности, мы выявили изобилие собственно модального глагола *можно* — лексических средств выражающих модальное значение возможности, в речи мужчин. В частности безличное предикативное слово *можно*, с модальным значением возможности.

«Да, мы не верим в бога, — чуть улынувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз. — Но об этом можно говорить совершенно свободно». [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

«No, we don't believe in God,' Berlioz replied, smiling slightly at the foreign tourist's fright, but we can speak of it quite freely». [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)]

«Так что можно ручаться, что беспорядки более не угрожают?» [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

“So it can be guaranteed that there is no threat of further disorders?” [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)]

Из приведенных примеров, очевидно, что в русском языке предикатив *можно* употребляется в речи мужчин, в основном со значением возможности. Данное явление соответствует утверждениям выдвинутыми Дж. Коутс и Робин Лакофф о том, что мужчины чаще употребляют лексические единицы со значением физической и умственной возможности, как показатель достижения своих успехов. [11, с.143]. Небезынтересным является и то, что в английском языке в большинстве случаев вместо предиката *можно* употребляется собственно модальный глагол *can*, который предназначен для выражения таких значений, как физическая/умственная способность и общая/теоретическая возможность. Редки случаи, когда глагол *can* выражает разрешение или запрет. В то время как в русском языке предикатив *можно*, употребляется еще и со значением просьбы на разрешение совершить какие-либо действия, например:

«А ему можно? А? — и тут Коровьев указал на сиреневого толстяка, отчего у того на лице выразилась сильнейшая тревога, — кто он такой? А? [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

В английском языке аналогичная фраза будет употреблена с глаголом *allow* (разрешить) вместо собственно модального *can*.

«But he's allowed, eh?» and here Koroviev pointed to the lilac fat man, which caused the strongest alarm to appear on his face. ‘Who is he? Eh?’ [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)] Т.е. дословно «а ему разрешено?» Из этого следует, что предикат *можно* в русском языке, имеет более объемное модальное значение, нежели собственно модальный английский глагол *can*.

Возвращаясь к гендерной специфике модальных значений, хотелось бы отметить, что предикат *можно* в речи женщин употребляется со значением возможности сделать, что-нибудь в соответствии с моральными нормами или внутренними нравственными убеждениями. Например:

— выражение вежливой просьбы является универсальным и будет эквивалентным в обоих языках *можно/ may*

А взявшись за скобу двери, вдруг обернувшись, негромко спросив:— Можно поцеловать вас? [Максим Горький. Мать (1906)].

«And taking hold of the latch, she suddenly turned around, and asked in a low voice:” May I kiss you? « [Maxime Gorky. Mother (D.J. Hogarth, 1921)]

“ Можно я скажу? Мне вообще кажется / что это всё не имеет никакого значения. “ [Беседа в Новосибирске // Фонд «Общественное мнение», 2004].

— значение возможности, будет выражаться парой *можно/ can*

«— Нет,— с силой ответила Маргарита,— я знаю, что с вами можно разговаривать только откровенно, и от-

кровенно вам скажу: я легкомысленный человек». [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)].

«‘No,’ Margarita replied emphatically, ‘I know that one can only speak frankly with you, and so I will tell you frankly: I am a light-minded person». [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)].

Исследуя экспликативные модальные значения необходимости/долженствования, мы пришли к следующим результатам: В русском языке лексические и грамматические средства, выражающие значение долженствования имеют более объемный семантический диапазон, чем в английском. В обоих языках наиболее ярким модификатором является, модальный глагол должен (must).

I must pass on the secret. Я должен передать тайну.

Так же в английском языке значение долженствования может выражаться и не собственно модальными глаголами, например have/has to do smth. (должен что-либо сделать).

It has to be a tristate resident.

Поручитель должен быть жителем одного из трех штатов.

Модальное значение долженствования может выражаться как с помощью эксплицитных средств: модальных глаголов, модальных слов, так имплицитных с помощью лексических средств. Практически все русские модальные слова со значением долженствования имеют английский эквивалент, но есть весьма интересное различие, которое заключается в том, что в русском языке развита вариативность выражения одного и того же значения. Например: evidently (несомненно, очевидно, явно); apparently (вероятно, видимо, точно, по всей видимости); certainly (конечно, естественно, непременно, несомненно, безусловно); most likely (весьма правдоподобно); probably (скорее всего, вероятно, может быть, наверное).

При этом, скорее всего, роль России в экономике Беларуси еще больше усилится. [Ольга АНТИПЕНКО, Ульяна БОБОЕД. Комсомольская правда, 2011.05.13]

She heard Giles say — embarrassed? — ‘A proper child of nature, evidently...’

Да, безусловно, только не сразу. Думаю, в стационаре с ней скорей всего уже начал работать психолог. [Ольга КИРЬЯНОВА. 14-летняя школьница, выбросившаяся с 7 этажа осталась жива // Комсомольская правда, 2011.05.13].

Согласно результатам многих исследований, часто встречаемым модальным глаголом в женской речи, как показателем неуверенности является модальный глагол may — might. Когда к возможности примешивается оттенок сомнения, неуверенности, употребляется глагол may. Он означает предположение о возможности действия, которое может произойти, но может и не произойти. При этом в русском языке глагол may имеет много эквивалентов, как может быть, так и возможно, не исключено, допускается. Таким образом, глагол may выражает предположение, основанное на неуверенности.

Касательно формы might, Л. С. Бархударов отмечает, что она выражает догадку о возможности чего-либо,

а также предположение с большой степенью неопределенности и сомнения («кто знает», «почём знать»). [2, с. 76]

Who knows who might be the target of the well read man? [Ray Bradbury. Fahrenheit 451 (1953)]

Почем знать, кто завтра станет очередной мишенью для начитанного человека? [Рэй Брэдбери. 451 по Фаренгейту (Т. Шинкарь, 1956)]

Большое количество модальных конструкций, выражающих значение неуверенности, Н. Конклин утверждает, что «можно объяснить за счет неуверенности, неопределенности и нерешительности женской речи в целом». [13, с. 8]

Исследовав частотность и особенности употребления экспликативных модальных значений долженствования/необходимости, мы выяснили, что в женской речи, они встречаются гораздо чаще и более того, семантический диапазон намного объемнее, чем в мужской речи. Так в речи представительниц прекрасного пола, модальные единицы со значением долженствования могут выражать оттенки неуверенности, а также обозначать их нравственное отношение к обязанностям и долгу.

По мнению К. А. Абульхановой-Славской, данное положение в языке объясняется тем, что механизм долженствования тесно связан с влиянием гендерных стереотипов, которые конструируют модель поведения и речевой деятельности женщин, на основании чувства долга. [1, с. 42]

Весьма интересными с позиции гендерных исследований являются конструкции с формами сослагательного наклонения. Сослагательное наклонение, выражающее значение предположения, в русском языке, образуется, как известно, от формы глагола прошедшего времени с частицей бы (б): ушел бы (он ушел бы, если бы его отпустили). К несобственно сослагательному наклонению относятся сочетания частицы бы (б) с инфинитивом (унести бы, чтобы увидеть), причастиями (показавшийся бы), и др. В английском языке нет частицы бы, функцию данной частицы выполняют глагольные формы прошедшего времени и модальные глаголы could, might, would. При этом семантическое содержание данных структур как в английском, так и в русском языке практически одинаково.

Well if we were into or into or then it might not be a problem

If Boston Magazine could see me now.

Видели бы меня сейчас в «Бостон мэгэзин»! [Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

В русском и английском языках, глагольные формы сослагательного наклонения, имеют субъективно-оценочный компонент и выражают модальное значение неуверенности, которое находит свое отражение в женской речи чаще, чем в мужской, поскольку снижает категоричность. Тем не менее, в мужской речи гораздо чаще встречается собственно модальный экспликатив хотеть.

Хочу поинтересоваться у вас, почему вы сняли все дорожные посты на въезде в Кишинёв? [Наталия

ШМУРГУН. Сергей Армашу: «Не давайте взятки сотрудникам полиции — накажут всех!» // Комсомольская правда, 2011.05.13].

Oh and I want it to be ready that's all.

Таким образом, реализация модального значения желательности происходит практически с одинаковой частотностью, как в мужской, так и в женской речи.

Проведенный функционально-семантический анализ различных высказываний, взятых из русского национального и современного английского корпусов, выявил, что экспликативные модальные значения являются системообразующим смыслом в конструировании гендера, а также отношение говорящего к высказыванию может выражаться в разных языках разными лексическими и грамматическими средствами. Более того, необходимо

учитывать и различия в семантическом объеме. Анализ средств, выражающих модальное значение необходимости, желательности и возможности, так же показал, что модальность, будучи языковой универсалией является ключом к пониманию особенностей речемыслительной деятельности, отношения говорящего к действительности с учетом его гендерной принадлежности и этнолингвистических особенностей, и других важных аспектов, влияющих на язык. Таким образом, важность языковой категории модальности, отражающей экстралингвистические факты в языке, очевидна. Ведь без нее связь языковой и внеязыковой действительности не представляется возможной. И пробел в гендерных исследованиях, которые раньше не рассматривали семантическую категорию модальности на должном уровне, должен быть восполнен.

Литература:

1. Абульханова — Славская К. А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности / К. А. Абульханова — Славская. — М.: 1981.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. — М.: Международные отношения, 1975. — 146 с.
3. Бондарко, А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
4. Васильева, И. Б. гендерные сходства в языке: новый аспект гендерных исследований Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 11 (41) 2014, часть 1, 43–48
5. Ваулина, С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект). Калининград / Калинингр. ун-т, 1993.
6. Воронина, О. А. Введение в гендерные исследования (Тезисное изложение лекции) // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М., 1997. с. 31
7. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
8. Земская, Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е. А. Земской и Д. Шмелева. — М.: Наука, 1993.
9. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
10. Кирилина, А. В. Гендер. Лингвистические аспекты. Монография. М., 2000.
11. Коатс Дж., Таннен Д., Барон Б., Камерон Д., Коттхофф Х. Под ред.: Кирилина А. В. (Ред.). Гендер и язык. Пер. с англ. 2005.
12. Шведова, Н. Ю. «Русская грамматика 80» М.: Издательство Наука, 1980
13. Conklin, N. F. Toward a feminist analysis of linguistic behaviour // Papers in women's studies. London: 1974. № 1.
14. Coates, J., Pichler P. Language and Gender. Wiley-Blackwell, 2011. 615 p.
15. <http://ruscorpora.ru/> Национальный корпус русского языка
16. <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> Британский национальный корпус

Как выглядит баба (женщина) в представлении современного носителя русского языка (по данным газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка)

Аверкова Ольга Владимировна, старший преподаватель

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В рамках исследования семантики слова «баба» автору данной статьи пришлось обратиться к словарям эпитетов, в результате чего было обнаружено, что данная лексема в рассматриваемых словарях не зафиксирована,

несмотря на то, что она встречается в обыденной речи довольно часто и относится к древнейшей группе слов — терминам родства. Тем не менее, нельзя сказать, что лингвисты оставили существительное «баба» без внимания.

Так, например, в диссертации «Национальная специфика языковой объективации концепта «женщина»: на материале русского и казахского языков» Досимова Марта Саиновна [18, эл. ресурс] описывает результаты направленного ассоциативного эксперимента на слова стимулы «женщина», «баба», «эйел» и «катын», проводимого в 2006–2007 гг. среди жителей г. Астрахани и в населенных пунктах Астраханской области. Эксперимент проводился в двух формах — «слово-стимул — какая?» и «слово-стимул — что делает?». В результате исследования было выявлено 138 когнитивных признаков в концепте «баба». К числу ядерных относятся признаки «ведет домашнее хозяйство», «ругается», «полная» и «много работает». К национально-специфичным М.С. Досимова относит такие признаки, как «грубая», «крестьянского происхождения», «любит поесть», «Рязанская», «Баба-яга», «бьет мужа», «ворчливая», «носит воду», «мужеподобная», «в платке», «понукает мужем», «румяная», «властная», «жалуется на жизнь», «занимается колдовством», «в сарафане», «в фартуке». Рассматриваемый труд информативен и обладает научной новизной, но требует некоторых уточнений:

1. Эксперимент проводился на территории Астраханской области. Если мы говорим о национальном сознании, то требуются дополнительные исследования в других субъектах Российской Федерации.

2. Слово «баба» многозначно. Даже в рамках терминов родства мы можем наблюдать многообразие значений: «жена», «свекровь», «бабушка». На наш взгляд, полученные в ходе эксперимента признаки следует соотносить со значениями лексемы.

3. Группа реакций, отражающих внешность бабы, оказалась довольно ограниченной, поэтому требуются другие методы исследования для пополнения этой группы признаков.

Денисова Татьяна Александровна в диссертации «Репрезентация концептов «мужчина» и «женщина» в языковом сознании русского народа также сдвигает акцент со слота «Внешность» на слот «Психологические характеристики» и отмечает, что «для традиционной культуры и средневекового автора физическая красота не является определяющей при характеристике человека» [17, эл. ресурс].

В данной статье в ходе контекстуального анализа газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) автор попытается выявить новые признаки, характеризующие внешность бабы (в значении «женщина вообще»). Выбор материалов для изучения обусловлен: а) актуальностью данных (в подкорпусе зафиксированы документы, изданные не ранее 2000 года); б) объемом предоставляемой информации (25 мая 2015 года на запрос «баба» в газетном подкорпусе НКРЯ были получены 785 документов, содержащих 1133 примера употребления изучаемой лексики); в) территориальным охватом (документы представляют собой российские газеты, не привязанные к какому-то одному региону).

Когда мы впервые видим человека, первые несколько секунд мы воспринимаем внешность человека целиком, не обращая внимания на детали. Этот образ накладывается на наше эстетическое восприятие мира, вследствие чего мы определяем, нравится ли нам, как выглядит незнакомец или нет. Рассмотрим некоторые примеры:

Ведь смотри, интересная баба, красивая, а еще все не замужем! [13, эл. ресурс].

Прилагательные «интересная» и «красивая» передают положительную оценку внешности. В данном примере делается акцент на том, что подобный внешний вид женщины должен привлекать представителей противоположного пола (причем не вульгарностью, а природной красотой). Подобный сюжет и оценка внешности представлены и в следующем примере.

Разумеется, им и в голову не приходило, что такая красивая, умная, веселая «баба» — все еще девственница. [31, эл. ресурс].

Есть и бывший премьер, и сексапильная баба (по киргизским меркам эта Роза очень даже ничего). [23, эл. ресурс].

Прилагательное «сексапильная» образовано от английского словосочетания *sex appeal*, которое означает «сексуальная привлекательность». Данная оценка может быть дана только противоположным полом (если речь идет о гетеросексуальных отношениях). Если же одна женщина о другой скажет «сексапильная баба», то это будет скорее негативная оценка внешности. Фраза «очень даже ничего» может быть воспринята по-разному в зависимости от интонации и контекста. В нашем примере контекст задает положительное значение этому высказыванию и передает довольно сильные эмоции.

Потом вскочила с кресла. Симпатичнейшая баба, просто красotka! Только глаза ничего не видят. [47, эл. ресурс].

Само по себе слово «симпатичная» передает очень ограниченную гамму чувств по отношению к внешности женщины. В приведенном примере употреблена превосходная степень сравнения прилагательного, выраженная суффиксальным способом, — «симпатичнейшая», которая усиливает яркость эмоций. Существительное «красotka» часто употребляется, когда хочется сделать комплимент лицу женского пола. Слово «просто» усиливает передаваемое восхищение женской красотой.

Еще издали мы можем выделить человека из толпы по его фигуре. При описании незнакомой женщины мы часто можем слышать «какая-то толстая баба», «такая здоровая баба» и т.д. Рассмотрим примеры:

И хором со всеми коктейль из «Колокольчика» и дешевой водки распивала Оля — 30-летняя брюхатая баба, беременная на пятом месяце двойней. [41, эл. ресурс].

В примере речь идет о беременной женщине. В народных высказываниях часто говорят о непередаваемой красоте беременных женщин, но зачастую имеют в виду лицо и выражение лица. Когда акцент смещается на живот и его размер, то реже встречаются выражения, пе-

редающие восхищение внешним видом женщины. Само по себе высказывание «беременная на пятом месяце двойней» нейтрально и сообщает лишь о сроке беременности и несколько большем размере живота, чем ожидалось. Но прилагательное «брюхатая» показывает негативную оценку внешности и положения женщины.

Сначала переспи, потом привораживай. В черной-черной комнате, за черным-черным столом сидела толстенная баба с лицом выпивохи и тоже вся в черном. [24, эл. ресурс].

Из контекста видно недоверие рассказчика к описываемой женщине. Вид «толстенной бабы с лицом выпивохи» и одетой во все черное вряд ли способен вызвать теплые чувства. Негативное отношение передается и в прилагательном «толстенная», в котором суффикс-енн- увеличил визуально раза в два описываемую персону.

Для передачи того же смысла нередко употребляют и другое прилагательное с этим суффиксом — здоровенная (см. примеры).

Стюардесса, здоровенная баба, носилась по салону, всякий раз ушибая плечо широченными бедрами, при этом орала, что всех уродов сдаст в Анадыре пограничникам! [11, эл. ресурс].

Необходимо отметить, что грудь и бедра больших размеров у женщины обычно положительно оцениваются мужским полом. В данном же контексте объемы описываемой женщины доставляют дискомфорт говорящему, что проявляется и в отрицательной оценке внешности стюардессы.

Нередко прилагательное «здоровенная» при описании бабы помогает создать комический эффект за счет противопоставления огромной фигуры (свойственной мужскому полу) и женской слабости, что продемонстрировано в следующем примере.

Наплевать, что пьяница, Зато к бабам тянетца! На диету баба села, Баба здоровенная. Час сидела, два сидела. — Похудела, бедная! [16, эл. ресурс].

Развернулась повидавшая виды гармошка: «По деревне шла и пела баба здоровенная, ж... за угол задела, заревела, бедная...» [46, эл. ресурс].

Описание «здоровенная баба» может также служить для выделения незнакомой женщины из толпы (см. пример).

Здоровенная баба в форме тщетно ищет в моем лифчике взрывчатку. [6, эл. ресурс].

Еще одним словом, описывающим большую женскую фигуру, является прилагательное «толстая», которое обычно либо нейтрально, либо передает яркие негативные эмоции. Назвать женщину толстой в современном обществе означает оскорбить ее, указав на неидеальность ее фигуры. А фигура для современной женщины — один из важнейших показателей ее красоты/уродства. Рассмотрим пример, в котором продемонстрировано болезненное отношение мужа к изображению женщины, чья фигура своими размерами напоминает ему его жену:

«Да нет, — говорю, — когда я писал эту картину, то думал о другой женщине». «Нет, эта толстая баба — моя Машка. Ты хотел надо мной посмеяться!».

Приведем еще один пример, в котором прилагательное «толстая» добавляет новые оттенки к несуразному образу описываемой женщины:

Передо мной стояла толстая баба-книгопродавец со сморщенным личиком, в платье, сшитом в середине прошлого столетия, малиновом мохеровом берете, из-под которого торчали пережатые химикатами волосы, выкрашенные в жуткие желтые тона выцветших обоев. [28, эл. ресурс].

В следующем примере продемонстрировано противопоставление внешнего вида женщины и бабы. Если женщина может выступать как идеал красоты, утонченности вкуса, то баба выступает ее антиподом:

И только женщина может быть молодой, красивой, элегантной... А баба может быть только бабой! И первым ее признаком, помимо старомодного скучного одеяния, является грузность фигуры. [1, эл. ресурс].

Наименование «баба» противопоставляется не только наименованию «женщина», но и баба как представитель женского пола противопоставляется мужику. По внешним характеристикам баба и мужик зачастую будто меняются ролями. У бабы исчезает все женское в фигуре, а мужик может быть представлен щуплым на ее фоне:

Мужичишка худющий, махонький. А жена — баба в теле. [14, эл. ресурс].

Не всегда большая по размерам фигура женщины плохо воспринимается окружающими. Иногда такие «мужские» формы оцениваются как признак физической силы и выносливости. В газетах встречаются примеры, когда женщина с такой фигурой выполняет с легкостью работу, которая под силу лишь мужчинам:

Люба Острикова — мужиковатая и коренастая баба, могла легко тащить на спине деревянную шпалу или — разом — носить по четыре ведра воды. [36, эл. ресурс].

Описание полноты бабы при помощи таких прилагательных, как «дородная», «упитанная» и «пышная» вызывает скорее симпатию, нежели неприятие внешности. Рассмотрим примеры, демонстрирующие вышесказанное:

1. Ты должна выглядеть как дородная деревенская баба», — сказал режиссер актрисе и поселил ее в деревне под Псковом, чтобы она не только набирала вес, но и привыкала к деревенской жизни — училась обращаться с домашней утварью и говорить с местным акцентом. [4, эл. ресурс].

2. То черная кошка перебежит дорогу лимузину, то мама жениха чихнет во время произнесения клятвы, то еще что-то случится — и все, по данным Веры, сулит несчастную семейную жизнь. Простая русская баба Люся 38 лет. Упитанная уроженка Пермского края. [33, эл. ресурс].

3. — А я, — подключается другой, — как всегда, — пару пузырей засосал и на улицу пошел. Просыпаюсь — рядом баба голая. Да вся такая пышная, белая. [19, эл. ресурс].

Когда женщина имеет большой размер одежды, но при этом у нее четко очерчена линия от груди до бедра в виде песочных часов, то о такой могут сказать с восхищением «фигуристая баба»:

Толком разглядеть не удалось — вылетела супруга Наталья (красивая фигуристая баба), едва узнала, по какому я делу, — бабахнула дверью. [39, эл. ресурс].

Нередко взгляд наблюдающего задерживается на какой-то определенной части тела, которая выделяет ее обладательницу. Нам встретились примеры с описанием груди, ног, волос и, как мы помним из вышеупомянутых примеров, бедер. Ниже приведены подобные случаи:

1. Москва, как кустодиевская баба, уронила меня на свою пышную грудь, запеленала своими подолами и говорит: «Ну иди сюда, многострадальный ты мой Сухоруков, я тебя зацелую!» [38, эл. ресурс].

2. А картинка такая: по балкону третьего этажа мечется, развешивая белье, заводная грудастая баба. [8, эл. ресурс].

3. Вы, к примеру, смотрели фильм Г. Шенгелия «Мусорщик»? Какая там потрясающая баба! Какие волосы, какие ноги! [44, эл. ресурс].

Подойдя к человеку чуть поближе, мы можем рассмотреть его черты лица. Говорят, что глаза — зеркало души, но нам не встретился ни один случай описания глаз бабы. Отражением ее поведения служат наличие косметики, выражение лица, состояние кожи на лице как показатель образа жизни:

Возница в телогрейке, ватных штанах, ушанке попыхивает папиросой. Мужик или баба? Приблизившись, вижу избыточно яркую косметику на лице. [43, эл. ресурс].

Из данного примера мы видим, что косметика выполняет дифференцирующую функцию: помогает отличить бабу от мужика. Избыточность в использовании косметических средств способствует формированию негативной оценки окружающих.

Отрицательный образ складывается и тогда, когда женщина за рулем начинает краситься, расставив приоритеты в пользу своей красоты, а не безопасности:

Хотя я за рулем никогда не вела себя, как классическая в представлении мужиков «баба за рулем», — я никогда не вожу на каблуках, не крашу губы, смотря в зеркало заднего обзора, и вообще веду себя, как мужчина, — может быть, просто чуть осторожнее езжу, чем они. [45, эл. ресурс].

Через описание лица бабы автор зачастую пытается донести до читателя какие-то психологические и поведенческие характеристики женщины:

1. Потом вышла баба с окровавленным ртом (по-видимому — неисправимая злостная кровососка!). [27, эл. ресурс].

2. Сначала переспи, потом привораживай. В черной-черной комнате, за черным-черным столом сидела толстенная баба с лицом выпивохи и тоже вся в черном. [24, эл. ресурс].

Описание некоторых особенностей лица бабы может придавать комический эффект всему образу. Так, в ни-

жеприведенных примерах женщина с бородой называется «чудом-юдом», поскольку обладателями бороды обычно являются мужчины. Таким образом, природа будто бы посмеялась над описываемой женщиной, которая, несмотря на свои экстравагантные внешние данные, считается в обществе завидной партией для заключения брака:

Тут появляется и баба-турчанка с бородой (Татьяна Горбунова) — это чудо-юдо не только отъявленная скандалистка, но еще и очень престижная невеста... [15, эл. ресурс].

Комичным выглядит и описание крупной женщины со сморщенным маленьким лицом:

Передо мной стояла толстая баба-книгопродавец со сморщенным личиком, в платье, сшитом в середине прошлого столетия... [28, эл. ресурс].

Внешний вид женщины может показать ее возраст. Интересно, что бабой могут называть лиц женского пола от молодой женщины до старухи, что продемонстрировано в следующих примерах:

1. Молодая баба в платке, дети в тулупчиках, интеллигентного вида грузчик, везущий тележку с чемоданами. [40, эл. ресурс].

2. Тут же молодая ядреная баба выложила на подоконнике свой духовный товар — экземпляры какой-то новейшей книжки под названием «Секс слаще шоколада». [12, эл. ресурс].

3. Народ вокруг балдеет: молодая баба в норковой шубе с молотком мечется от мотора к рулю! [29, эл. ресурс].

4. Я тормознул какой-то «жигуленок». За рулем... сидела нормальная русская баба! Не юная и не старая. [10, эл. ресурс].

5. И хором со всеми коктейль из «Колокольчика» и дешевой водки распивала Оля — 30-летняя брюхатая баба... [41, эл. ресурс].

6. Простая русская баба Люся 38 лет. Упитанная уроженка Пермского края. [33, эл. ресурс].

7. После чего подарила «Орленку» компьютер, получив в ответ тряпичную куклу под названием «Девка-баба», сшитую по старинным выкройкам: в одном положении кукла — молодая девица в яркой юбке, с распущенной косой, а перевернешь — зрелая женщина в скромном наряде и с «взрослой» прической. [21, эл. ресурс].

8. Негритянка в 45 — баба чернослив опять. [2, эл. ресурс]. Необходимо отметить, что данный анекдот представляет собой преобразованную поговорку «45 — баба ягодка опять». Сравнение с черносливом может указывать не только на цвет кожи, но и на возраст. Чернослив — высушенный плод, сморщенный, не имеет прежней сочности и вкуса, но неплохо хранится.

9. В деревне не принято, чтобы старая баба за молодого выходила. [35, эл. ресурс].

Третьим критерием оценки внешности женщины является наличие или отсутствие одежды, ее соотношение с модой, ее качество и цена. Баба является прообразом

Евы, соблазняющей мужчину, в том числе и своей природной красотой, которую она в полной силе проявляет в обнаженном состоянии. Реакция мужчин на наготу может быть разной в зависимости от ситуации. Так, например, мужчина может быть шокирован, если видит нагую женщину в общественном месте:

1. Разделся до плавок, вдруг влетает Хурци: — Жень, дарагой, в сауне голий баба! [25, эл. ресурс].

2. Мы понимаем, что негр тоже удивлен видом «голий баба». [Там же].

3. А я проснулся в реанимации, гляжу — рядом баба голая лежит. [34, эл. ресурс].

Нагота женщины в общественном месте может свидетельствовать о психических расстройствах или чрезвычайных ситуациях:

1. А к вечеру выяснилось, что «террорист» в этом самом парке работает сторожем, а обнаженная баба из сумасшедшего дома сбежала. [20, эл. ресурс].

2. Из первого вагона выходите направо, увидите огромный плакат: голая мертвая баба с крыши свисает. [9, эл. ресурс].

Нагая женщина может выступать как объект сексуальных желаний мужчины:

Никогда передо мной никакая голая баба на стенке в орбитальной станции не висела. [22, эл. ресурс].

Из данного примера видно, что при недостатке женского внимания некоторые мужчины пытаются компенсировать это, рассматривая изображения женской обнаженной фигуры.

Факт неожиданного вида голой красивой женщины рядом вызывает восторг у мужчины, как видно из следующего примера:

— А я, — подключается другой, — как всегда, пару пухлячей засосал и на улицу пошел. Просыпаюсь — рядом баба голая. Да вся такая пышная, белая. [19, эл. ресурс].

Тем не менее, между страстями и пристрастиями мужчина может сделать выбор в сторону последнего:

Стишки свои читал, примерно в таком духе: Баба, даже если голенька, Не волнует алкоголика. [47, эл. ресурс].

Но все-таки вид обнаженной женщины — явление относительно редкое, намного больше описаний ее нарядов. Условно все описания можно подразделить на 2 группы: ультрамодные дорогие вещи и непривлекательный скромный наряд. В первой группе автор часто пытается противопоставить невысокие интеллектуальные способности бабы ее материальному положению, которого она в большинстве случаев добилась самостоятельно:

1. Народ вокруг балдеет: молодая баба в норковой шубе с молотком мечется от мотора к рулю! [29, эл. ресурс].

2. Машинист смотрел поездные документы. Вдруг его помощник закричал: — Баба! Там стоит баба в белой шубе! [37, эл. ресурс].

3. Хотя я за рулем никогда не вела себя, как классическая в представлении мужиков «баба за рулем», — я никогда не вожу на каблуках, не крашу губы... [45, эл. ресурс].

Но намного больше примеров описания скромного наряда бабы, порой негармонирующего по цветам и стилю, порой лишенного даже намека на подчеркивание женственности. Перед нами предстает ничем не приметная баба из народа. Народ же в России никогда не отличался материальным достатком, всегда приходилось экономить, в том числе и на одежде. В следующем примере наиболее ярко продемонстрирована трагичность ситуации:

Среднестатистическая баба (женщиной ее назвать сложно, сейчас поймете почему), по расчетам правительства, должна как-то исхитриться и растянуть два бюстгальтера на три года. [7, эл. ресурс].

Из примера мы можем догадаться, что женщина вынуждена очень аккуратно относиться к своей одежде, чтобы она прослужила такой срок. Но, естественно, какие бы усилия не прикладывала женщина, изношенность одежды через некоторое время невозможно будет скрыть.

Как ранее мы успели убедиться, бабой могут называть женщину после 30. Чаще всего к этому времени она уже замужем. Одежда незамужней и семейной женщины должна отличаться. Если девушке разрешается обществом выглядеть ярко, нарядно, чтобы привлечь суженого, то замужней женщине в силу нравственных устоев стоит одеваться скромно, не привлекая внимание прохожих:

1. После чего подарила «Орленку» компьютер, получив в ответ тряпичную куклу под названием «девка-баба», сшитую по старинным выкройкам: в одном положении кукла — молодая девица в яркой юбке, с распущенной косой, а перевернешь — зрелая женщина в скромном наряде и с «взрослой» прической. [21, эл. ресурс].

2. И только женщина может быть молодой, красивой, элегантной... А баба может быть только бабой! И первым ее признаком, помимо старомодного скучного одеяния, является грузность фигуры. [1, эл. ресурс].

3. Передо мной стояла толстая баба-книгопродавец со сморщенным личиком, в платье, сшитом в середине прошлого столетия, малиновом мохеровом берете... [28, эл. ресурс].

4. Возница в телогрейке, ватных штанах, ушанке попыхивает папиросой. Мужик или баба? Приблизившись, вижу избыточно яркую косметику на лице. [43, эл. ресурс].

5. Прямо передо мной, взметая пыль, какая-то баба в фуфайке и железнодорожной фуражке подметает полы. [26, эл. ресурс].

Историческое представление об одежде бабы предлагает платок и сарафан. Возможно, частично это связано с религиозным началом. Женщине полагается быть с покрытой головой и юбкой/ платьем ниже колена. Частично это может быть связано с практичностью данной одежды. Платок может спасти от изнуряющего солнца и осадков при работе в поле, а также не дает волосам падать на лицо во время любой работы по хозяйству. Подолы сарафана порой могут служить и как полотенце, и как пеленки, что продемонстрировано в следующих примерах:

1. Москва, как кустодиевская баба, уронила меня на свою пышную грудь, запеленала своими подолами и говорит... [38, эл. ресурс].

2. А когда с благословения батюшки заманивали ее в ловушку и убили, увидели, что под медвежьей шкурой «баба в сарафане». [30, эл. ресурс].

3. Молодая баба в платке, дети в тулупчиках, интеллигентного вида грузчик, везущий тележку с чемоданами. [40, эл. ресурс].

В следующем примере интересен переход от традиционной одежды к современной. Современная баба имеет большее разнообразие в одежде:

Татьяна Морозова: «Преобразовалась из учительницы в «простую русскую бабу». «Простая русская баба» носит не только сарафаны, но и джинсы». [5, эл. ресурс].

Одежда также помогает женщине перевоплотиться и создать новый образ (колдуньи, Деда Мороза и т.д.):

1. Сначала переспи, потом привораживай. В черной-черной комнате, за черным-черным столом сидела толстенная баба с лицом выпивохи и тоже вся в черном. [24, эл. ресурс].

2. Из дома, пинком под зад, в сугроб вылетают баба, одетая в Деда Мороза, и разукрашенный под Снегурочку мужик. [3, эл. ресурс].

Иногда по внешнему виду человека можно судить о его состоянии здоровья. О хорошем здоровье могут говорить цвет лица, телосложение, возраст, наличие/отсутствие увечий, выражение лица, взгляд и многое другое:

1. Не нравится, пусть сама зарабатывает на жизнь. Не инвалид, не старуха, здоровая баба. [42, эл. ресурс].

2. Просто у меня сложилось клише — деревенская баба кровь с молоком. [32, эл. ресурс].

3. Потом вскочила с кресла. Симпатичнейшая баба, просто красotka! Только глаза ничего не видят. [47, эл. ресурс].

Хотелось бы выделить еще один фактор внешнего вида женщины — цветовую характеристику. По данному критерию сложно найти какие-либо закономерности в связи с небольшим числом примеров. Цвет важен при описании цвета кожи, волос, одежды, но в каждом случае цветовая гамма разнится: «жуткие желтые тона выцветших обоев» волос, «чернявая баба» (о цвете волос), «чернослив»

(о цвете кожи), «белая» (о цвете кожи), «кровь с молоком» (о цвете кожи).

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, мы можем заключить следующее:

1. Эстетическое восприятие всего образа женщины в целом во всех случаях положительное.

2. Баба всегда отличается своим большим телосложением. В 60% случаях это воспринимается с неодобрением, в 40% — нейтрально или с восхищением.

3. Из всех частей тела женщины у наблюдателя чаще всего взгляд останавливается на лице (55%). Во всех случаях лицо воспринимается с неодобрением. Второй частью тела, на которой останавливается взгляд, является грудь (18%). Во всех случаях дается положительная оценка этой части женского тела. Единожды описаны волосы и ноги женщины. Дается положительная оценка. «Широченные бедра» же оцениваются как недостаток.

4. Если возрастные характеристики бабы условно поделить на 3 группы (молодая, средних лет, старая), то в 44% случаев под бабой подразумевают молодую женщину, в других 44% случаев — женщину средних лет, в 12% — старую женщину. Здесь необходимо дать комментарий. У слова «баба» есть отдельные значения «старуха» и «бабушка», которые указывают на пожилой возраст. Но в данной работе мы ограничились рассмотрением слова «баба» в значении «женщина вообще». Таким образом, в исследуемых нами случаях значение «старая» задавалось не семантикой слова «баба», а рядом стоящими лексическими единицами.

5. В 35% случаев баба описывается обнаженной, а в 65% — в одежде. В описании одежды чаще встречаются шуба и сарафан. Единичны примеры с описанием следующих видов одежды: берета, бюстгалтера, ватных штанов, джинсов, платка, платья, телогрейки, ушанки, фуражки, фуфайки. В 77% случаев баба имеет скромное одеяние и в 23% случаев — дорогие вещи.

6. В 67% случаев баба описывается здоровой и в 33% — с недугом.

7. Цветовой характеристикой чаще всего сопровождается описание цвета кожи бабы (60%), а также цвета волос (40%).

Литература:

1. Алексеев, В. Сибирячка семь дней сидела на одной воде, а спустя время стала королевой красоты// Комсомольская правда, 2010.01.12. — URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>.
2. Анекдоты в номер// Комсомольская правда, 2006.01.17. — URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>.
3. Анекдоты в номер// Комсомольская правда, 2007.12.25. — URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>.
4. Антонова, И. Весомые знаменитости// Труд — 7, 2008.12.04. — URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>.
5. Архипова, А. Персонажи «Комедии Вумен» в жизни — одна другой интеллигентнее// Комсомольская правда, 2010.04.09. — URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>.
6. Асламова, Д., Баранов А. За что лют кровь евреи и арабы// Комсомольская правда, 2006.07.14. — URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>.
7. Бакушинская, О. В потолке открылись люки, не пугайтесь — это брюки// Комсомольская правда, 2003.08.15. — URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>.
8. Варсегов, Н. Выйдешь поутру в народ — душу лепота берет!..// Комсомольская правда, 2001.05.19. — URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>.

9. Варсегов, Н. Дурь// Комсомольская правда, 2007.07.02. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
10. Варсегов, Н. На страну Туркменбаши я дивился от души// Комсомольская правда, 2002.04.04. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
11. Варсегов, Н. На Чукотке шибко пьют и народ суров и лют...// Комсомольская правда, 2001.01.10. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
12. Варсегов, Н. Первая леди аграрного комплекса// Комсомольская правда, 2003.07.14. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
13. Варсегов, Н., Мешков А. Как по Волге-матери плыли мы на катере. Часть 5// Комсомольская правда, 2006.09.19. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
14. Велигжанина, А. Ульяновская область. Секс в древне был ударный, но мешал замок амбарный// Комсомольская правда, 2001.05.15. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
15. Габайдуллина, Е. В Большом все говорят о «Похождениях повесы»...// Комсомольская правда, 2003.03.03. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
16. Дверной глазок смотрит в мир...// Труд — 7, 2007.03.30. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
17. Денисова, Т. А. Репрезентация концептов «мужчина» и «женщина» в языковом сознании русского народа: дис. канд. филол. наук. — Тамбов, 2006. — 189 с. // URL: www.dissercat.ru.
18. Досимова, М. С. Национальная специфика языковой объективации концепта «женщина»: на материале русского и казахского языков: дис. канд. филол. наук. — Астрахань, 2008. — 206 с. // URL: www.dissercat.ru.
19. Дружинина, В. Возвращается Дед Мороз из командировки...// Комсомольская правда, 2006.12.30. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
20. Дятлов, А. Как натянуть изделие № 2 на лампочку 60 Вт?// Комсомольская правда, 2001.03.31. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
21. Кафтан, Л. Туапсинский район. Две тысячи «орлят» спели Людмиле Путиной гимн России// Комсомольская правда, 2002.09.14. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
22. Куприна, Ю. Занимаются ли космонавты на орбите сексом?// Комсомольская правда, 2007.12.07. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
23. Леонтьев, М. Киргизия — это звонок для России// Комсомольская правда, 2005.03.27. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
24. Лобанова, З. Замуж хочется мне дуже: присушу чужого мужа!// Комсомольская правда, 2001.02.10. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
25. Ловчев, Е. Мурзик, с легким паром!» Случай з жизни Евгения Ловчева, Муртаза Хурцилавы и финских легкоатлетов// Советский спорт, 2010.11.27. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
26. Мешков, А. Кокарды сменили — и в путь// Труд — 7, 2004.07.15. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
27. Мешков, А. Эллис Купер забросал зрителей бриллиантами и убил младенца// Комсомольская правда, 2007.11.22. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
28. Олифирова, С., Васильева Л. В любовном письме не должно быть слова «люблю»// Комсомольская правда, 2003.02.10. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
29. Он, она и автомобиль// Комсомольская правда, 2002.10.04. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
30. Пилявская, Г. Не смотри оборотню в глаза// Комсомольская правда, 2005.11.28. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
31. Письма о радости и несчастье// Труд — 7, 2001.02.02. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
32. Ремизова, М. Ходченкова станет Волочковой// Комсомольская правда, 2006.09.01. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
33. Русских, А. Ардова Анна живет в синей «шестерке»// Комсомольская правда, 2010.05.16. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
34. Савоничева, Е. Футболисты-ампутанты. Эти парни любым накостыляют!// Советский спорт, 2010.01.19. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
35. Секрет счастья от Нины Дорошиной// РИА Новости, 2009.12.03. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
36. Скойбеда, У. Лучше быть бомжом в Москве, чем бедным в России?// Комсомольская правда, 2006.11.02. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
37. Скорый Путин набирает ход!// Комсомольская правда, 2001.02.20. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
38. Соломонов, А. Виктор Сухоруков: «Актером я был уже в утробе матери»// Известия, 2006.03.02. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
39. Супрычева, Е. Сын москвички, сбитой пьяным следователем СКП: «Прошу смягчить приговор убийце моей матери»// Комсомольская правда, 2009.06.24. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.

40. Суранова, М. Сергей Безруков снова стал поэтом// Комсомольская правда, 2004.10.22. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
41. Танькова, Я. Гулящие люди// Комсомольская правда, 2002.03.27. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
42. Танькова, Я. Дочке миллионеров не повезло с родителями// Комсомольская правда, 2006.10.16. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
43. Фокина, Н. Окурки в красной помаде// Труд — 7, 2001.05.17. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
44. Чем вас обрадовал и чем огорчил телеэкран на минувшей неделе?// Труд — 7, 2002.10.17. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
45. Шайдакова, С. Певица Ирина Аллегрова: За рулем я не женщина!// Комсомольская правда, 2002.11.28. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
46. Ямпольская, Е. В цитадели у Михалкова// Известия, 2007.08.06. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.
47. Ясюков, И. Красный нос — это судьба// Труд — 7, 2002.12.30. — URL: <http://ruscorporga.ru/index.html>.

Своеобразие синтаксических конструкций в произведениях Л. Н. Толстого

Астраханцева Марина Владимировна, кандидат филологических наук, преподаватель
тамбовский железнодорожный техникум — филиал Московского государственного университета путей сообщения

Специфика сложноподчинённых предложений, подвергшихся расчленению, привлекла внимание исследователей, изучавших это явление с различных точек зрения. В связи с этим наблюдались разноречивые, а в некоторых случаях противоречивые характеристики структурно-семантической стороны этих конструкций.

В произведениях Льва Николаевича Толстого представлены наиболее полно все виды расчленённых предложений. Характерной чертой данных предложений является столкновение двух противоположных тенденций: с одной стороны, сложный характер логико-синтаксических отношений компонентов расчленения, возникающий на базе увеличения объёма информации или при осложнении добавочными функциями синтаксического и семантического характера; с другой — благодаря расчленению происходит упрощение синтаксической конструкции. Это, видимо, связано с высокой степенью оформленности и организованности грамматической системы современного русского языка и, в частности, системы сложноподчинённого предложения.

В художественном произведении наряду с основной коммуникативной функцией, связанной с сообщением какой-либо сложной мысли, расчленённые конструкции могут использоваться как средство эмоциональной выразительности, где уже выполняют дополнительную, экспрессивную функцию, способны глубоко отражать явления действительности. Используя в художественном тексте различные типы сложных предложений расчленённой структуры, Л. Н. Толстой создаёт уникальную систему художественных образов, назначение которых в произведениях разнообразно: одни дают представления о внешности героев, другие раскрывают динамику их душевного состояния, третьи вносят эмоционально-оценочный элемент. Например:

Цель-состояние, которое может иметь несколько значений:

1) физическое состояние: Схватившаяся за грудь, чтобы не задохнуться, Соня, бледная и дрожащая от страха и волнения, села в кресло и залилась слезами.

2) психическое состояние: Он старательно изыскивал все самые больные места её, чтобы как можно жесточе нравственно мучить её.

3) эмоциональное состояние: Это я сожгла, чтобы показать её любовь.

Возможность расчленённого употребления придаточной части вытекает из самой природы этой части, а именно: входя в состав сложного предложения, придаточная часть, подобно простому предложению, обладает признаками предикативности, хотя и не функционирует в качестве отдельной коммуникативной единицы. Таким образом, предпосылки для расчленения уже заложены в самой формуле сложноподчинённого предложения, и в этих случаях образуются, в первую очередь, расчленённые конструкции.

Различная степень употребительности расчленённых конструкций обусловлена неодинаковой степенью распространённости в современном русском синтаксисе соответствующих сложноподчинённых предложений. Так, например, сложноподчинённые предложения с придаточными времени, причины, цели являются наиболее распространёнными среди других типов сложноподчинённого предложения. Например:

1) Это выражение часто было на лице Долохова, когда он смотрел на него.

2) Я люблю её, потому что у неё характер рассудительный — очень хороший.

3) Один из солдат сердито, злобно, болезненно крикнул на Пьера, чтобы он вернулся.

В свою очередь, меньшая степень распространённости, например, расчленённых конструкций с придаточными условия или сравнения обусловлена меньшей степенью

распространения соответствующих сложноподчинённых предложений. Например:

1) Ежели бы вы мне дали Петербург и Москву, я бы не принял этих условий.

2) Княжна Марья радостно отвечала, как будто её уроки геометрии были одним из самых радостных впечатлений её жизни.

Исследование синтаксических функций расчленённых предложений с подчинительными союзами показало, что логико-синтаксические отношения компонентов расчленения нельзя ограничивать только рамками «присоединения» или «подчинения»: они более разнообразны и имеют ряд специфических средств в отличие от присоединительных отношений или подчинительного характера связи. В синтаксических конструкциях присоединительные отношения отмечаются только в тех случаях, когда предложение с подчинительным союзом содержит добавочные, уточняющие и т.п. сведения по поводу содержания предыдущего предложения. Такие отношения чаще всего обнаруживаются в расчленённых конструкциях с условными и временными союзами.

Наряду с этим расчленение формулы сложноподчинённого предложения зависит от ряда условий, природа которых специфична для расчленённых конструкций. Это объясняется особенностями синтаксической связи компонентов расчленения и семантикой предложения с подчинительным союзом. В придаточных следствия очень слабо выражен характер подчинения и структура главной части предложения, как правило, не подчёркивает обязательность придаточной. Вот почему со значением следствия часто представляют собой добавочные суждения и приобретают характер присоединения. Таковы придаточные, присоединяемые при помощи наречий или относительных местоимений с предлогами или предложными группами: ввиду чего, вследствие чего, в связи с тем и т.п. Придаточная часть располагается за главной. Слабая степень синтаксической связи между частями сложноподчинённого предложения следствия обуславливает функционирование расчленённых конструкций, включающих предложение с союзом так что.

В большинстве конструкций отмечается близость союза так что к наречию поэтому. Такая близость обнаруживается в тех случаях, когда в главном предложении можно усматривать оттенок причинного значения по отношению к предложению с так что: По улице, запружая её всю, непрерывно шли солдаты, так что Алпатыч не мог проехать и должен был дожидаться.

Возможность расчленённого употребления сложноподчинённого предложения вызывает усложнённое построение конструкций с так что. Поэтому нередко пред-

ложение с так что бывает соотносительно с несколькими предыдущими предложениями, так как значение следствия невозможно установить только на основе соотношения придаточного с так что с непосредственно предшествующим ему предложением. В таких случаях причинное действие развёртывается в целом контексте: При настоящих, усложнённых формах государственной и общественной жизни в Европе возможно ли придумать какое бы то ни было событие, которое бы не было предписано, указано, приказано государями, министрами, парламентами, газетами? Есть ли какое-нибудь совокупное действие, которое не нашло бы себе оправдания в государственном единстве, в национальности, в равновесии Европы, в цивилизации? Так что всякое совершившееся событие неизбежно совпадает с каким-нибудь выраженным желанием и, получая себе оправдание, представляется как произведение воли одного или нескольких людей.

Следственную семантику выражают также сложноподчинённые предложения с придаточной частью подчинительно-присоединительной. Придаточные подчинительно-присоединительные прикрепляются ко всей главной части или реже, к одному из её членов относительным местоимением отчего и при помощи составных союзов в результате чего, вследствие чего, в силу чего, репрезентирующих причинно-следственные отношения: Она только до крайности доводит свою любовь к мужу и детям, в результате чего это даже глупо.

Главная часть в таких сложноподчинённых предложениях является законченной по своей форме и содержанию, а придаточная, зависимая по своей форме, содержит добавочное значение — следствие, которое обусловлено содержанием главной части. Таким образом, в сложноподчинённых конструкциях выражаются причинно-следственные отношения либо в чистом виде, либо усложнённые качественной или количественной семантикой.

Анализируя произведения Л.Н.Толстого с точки зрения синтаксиса, следует отметить, что функционирование в них сложноподчинённых предложений расчленённой структуры оправдано, так как отображает не только внутреннее состояние художника слова, но и заданную тематику произведения, которая обуславливает наличие этих синтаксических конструкций. Данные виды синтаксических конструкций участвуют в выполнении разного рода коммуникативных функций: в тексте они могут выражать контраст, выделить важное, новое. Являясь наиболее частыми средствами оформления текста, сложноподчинённые предложения расчленённой структуры представляют собой необходимую составную часть любого философского произведения.

Языковые клише как средство общения на иностранном языке

Белозерова Юлия Васильевна, учитель английского языка;
Абрамова Софья Юрьевна, учитель английского языка
МБОУ СОШ № 73 имени А.Ф. Чернонога (г. Воронеж)

В настоящее время возросла потребность общества в педагоге — профессионале высокого класса, который не только знает, как надо вести себя, но и умеет выбрать в той или иной ситуации правильную линию поведения, используя её в интересах личности, общества и дела. Поведение на работе, дома, в гостях обращение на ты или на вы, правила приветствия при встрече, манера разговора по телефону, застольное общение — эти и многие другие подобные вопросы постоянно возникают у взрослых и детей и требуют правильного решения.

Еще с большей трудностью мы сталкиваемся, когда возникает необходимость выразить все на иностранном языке. Что же лучше при обучении иностранному языку? Найти ответ на этот вопрос довольно-таки сложно. Самое главное для учителя, на наш взгляд, заложить основы овладения культурной речи, а также дать возможность свободно мыслить без боязни ошибиться.

Особо остро проблема встает при спонтанной речи. Самое сложное — это начать разговор. Языковой барьер — одна из глобальных проблем современных школьников. Недостаточно просто выучить иностранный язык, необходимо правильно его применять в той или иной ситуации. Когда иностранец попадает в аутентичную языковую среду, нередко возникает ситуация растерянности, когда трудно подобрать слова на чужом языке, даже обладая достаточным запасом лексических единиц и правил построения предложений.

Первый раз оказываясь в новой обстановке, совершенно чужой стране, человек теряется. А ведь существует огромное множество ситуаций, при которых просто необходимо контактировать с носителями языка. Именно при таких ситуациях и приходят на помощь стандартные фразы.

В лингвистике существует множество стандартных структур, таких как фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова, разговорные фразы. В этот же ряд можно внести и языковые клише.

Было бы интересно посмотреть на фразеологические юниты с разных углов. Прежде всего их нужно выделить и структурировать. Но на основании каких же признаков их надо классифицировать? Фразеологическая единица — сложное явление со множеством характеристик.

Существует множество различных классификаций, составленных разными учеными и основанных на разных принципах.

Традиционный и самый старый принцип для классификации фразеологических единиц основан на их оригинальном содержании и может быть выделен как тематический. Данный подход широко используется в самых разных английских и американских справочниках. На основании этого принципа, идиомы классифицируются со-

гласно источников происхождения. Например, Смит дает в своей классификации группы идиом, используемые моряками, рыбаками, солдатами, охотниками. Этот принцип еще называют этимологическим [3, с.186].

Классификация фразеологических единиц, предложенная А.В. Куниным, выдающееся достижение советской теории фразеологии. Классификация основана на едином структурно-семантическом принципе и также считается частью стабильности фразеологических единиц.

Фразеологические юниты подразделяются на четыре класса согласно их функциям в речи:

1. Номинативные фразеологические единицы, представленные словосочетаниями, включая с одним значимым словом, и сочинительные фразы.

2. Номинативно-коммуникативные фразеологические единицы.

3. Фразеологические единицы, которые не являются ни номинативными, ни коммуникативными, а включают словосочетания с междометиями.

4. Коммуникативные фразеологические единицы, представленные пословицами и поговорками. [3, с.193].

По мнению Алехиной А.И., каким бы по своему размаху ни было направление в изучении фразеологического фонда языков, оно должно включать в себя устойчивые словесные комплексы фразеологического и нефразеологического характера. Все это должно входить в одну лингвистическую дисциплину — фразеологию, которая имеет своим предметом фразеологическую единицу. [1, с.10]

Подобные соображения высказывает А.В. Кунин. Он пишет: «Поскольку мы исключаем растворение фразеологии в науке о сочетаемости слов, то мы приходим к выводу, что устойчивые сочетания нефразеологического характера должны рассматриваться в специальном разделе». [9, с.268]. Такой раздел А.В. Кунин предлагает называть фразеоматикой.

Алехина А.И. полагает, что фразеология как лингвистическая наука должна рассматриваться, ввиду неоднородности материала, в двух частях или аспектах: 1. Идиоматика. 2. Фразеоматика.

Известно, что близким по значению к фраземе является фраза, введенная в языкознание В.В. Виноградовым как антитеза идиоме. В.В. Виноградов писал: «Идиома отличается от фразы полным отсутствием лексической и семантической индивидуальности частей, единичностью и обязательностью связи их в данном лексическом единстве. Фраза же может стать вполне свободным сцеплением слова». [5, с.24].

Н.Н. Амосова считала, что фразеологический состав языка включает фраземы и идиомы. Фразема — выражение с фразеологически связанным значением, то есть

таким значением, при котором семантически реализуемое слово зависит от постоянного, единственно возможного указательного минимума. Идиома — когда весь состав выражения является одновременно и указательным минимумом, и семантически реализуемым элементом постоянного контекста. [2, с.72].

Клише — это промежуточная форма между фразеологизмами и свободными словосочетаниями. Сегодня феномен языковых клише остается малоизученным.

В отечественных исследованиях ученые под языковыми клише понимают языковые единицы, которым присущи постоянный состав компонентов, привычность звучания, воспроизводимость готовых речевых блоков и одновременно семантическое членение, характерное для свободных словосочетаний. Появление клише связано с частотностью и повторяемостью ситуаций. В этих условиях вокруг стержневого слова образуется относительно постоянный набор контекстуальных элементов в речи, которые приобретают привычности в названии и звучании. Такие соединения слов переводятся в стандартные.

Клише — это любая готовая разговорная формула, критерием для выделения которой является регулярность ее обнаружения в повторяющихся ситуациях речи. Термин «клише» употребляется для обозначения устойчивых фраз. Эти фразы постоянно повторяются и теряют свое первоначальное речевое значение, как утверждает И. В. Арнольд.

Клишированные языковые единицы должны иметь некоторые сходные признаки, которые и определяют статус данных единиц. Главным признаком клишированных языковых единиц является их воспроизводимость в речи. В лингвистике существует несколько различных подходов к воспроизводимости. Первый подход представлен исследователями, которые считают, что осуществлять речевую деятельность — это значит постоянно продуцировать и интерпретировать новые высказывания, которые коммуникант никогда не слышал ранее [8, 85]. Согласно этой точке зрения, речевая деятельность является творческим процессом создания уникальных комбинаций единиц языка. С этой позиции, ни о каких клишированных единицах, идиоматических выражениях говорить невозможно, поскольку отрицается сама их природа. Другая точка зрения представлена Б. М. Гаспаровым. Его теория основана на утверждении существования в памяти готовых коммуникативных фрагментов, с помощью которых человек познает мир и взаимодействует с ним. Данные фрагменты сохраняются в памяти после первого визуального контакта или слухового восприятия, а затем именно они воспроизводятся в речи [6, 102]. Такого же мнения придерживается Ю. Н. Караулов, который утверждает, что в обычных коммуникативных актах мы стараемся употреблять готовые формулы и рутинные обороты [7, 98]. В рамках данной теории тот факт, что люди общаются между собой исключительно с помощью клише, фразеологизмов, выглядит недостаточно правдоподобно.

По словарю Вебстера, клише — это банальное выражение или идея. [11, с.237].

В словаре Лонгмана клише — идея или фраза, которая так часто использовалась, что уже неэффективна и не имеет больше значения. [12, с.258].

Употребляя коммуникативные фразы, намного легче начать разговор и получить нужную информацию. Речь будет красивой, структурированной, а также будет возможность сразу же подумать над следующей фразой. Таким образом, языковые клише являются отличным средством общения на иностранном языке в незнакомой аутентичной среде.

Слова «его (или ее) речь стандартна, изобилует клише, стереотипна, предсказуема» справедливо вызывают у нас отрицательную оценку. Но так ли уж плоха стандартная фраза? Попытаемся разобраться в обстоятельствах, которые смогут не только оправдать, но и показать ее необходимость и даже ценность.

Как пишет Разинкина Н. М., далеко не всегда яркая образная речь бывает нужной. Существует немало повседневных (так называемых житейских) ситуаций, когда оригинальность речи просто неуместна, а подчас, в некоторых обстоятельствах, даже смешна.

Стандартная фраза оказывается полезной и в том случае, когда вам надо высказать свои соображения по какой-либо теме, а слова не идут. Примечательно, что после того, как мы просмотрим перечень стереотипных фраз, наша мысль оживляется, возникают какие-то новые соображения, которые при этом облачаются совсем не в стандартную фразу.

При более тщательном рассмотрении оказывается, что оригинальная форма выражения это не столько полная, как бы «стопроцентная» индивидуальность, сколько своеобразная комбинация различных устойчивых фраз и некоторых видоизменений внутри них самих. Баланс стереотипного и оригинального, чувство меры в использовании вкраплений в устойчивые, привычные словосочетания создают то, что принято называть хорошей (интеллигентной) речью.

Устойчивой фразе нельзя отказать в конкретности и лаконизме. Она всегда правдоподобна и, как отмечено выше, жизненна. В своей совокупности речевые клише способны показать пусть не все, но хотя бы некоторые особенности и разнообразие иностранной устной разговорной речи. [10, с.6].

Существует и другое мнение, что использование шаблонов и заученных фраз лишает нашу речь индивидуальности.

О. С. Ахманова дает следующее определение. Клише — это избитое, шаблонное, стереотипное выражение, механически воспроизводимое либо в типичных речевых и бытовых контекстах, либо в данном литературном направлении, диалекте и т. п. Клише фразовое. — Русск. Здоров как бык; передавайте привет; в связи со сказанным; Вопрос ждет своего решения. Клише языковое. [4, с.].

Еще один важный признак клише — это их прагматический характер. На наш взгляд, клише является прагма-

тическими коммуникативными фразеологизмами, оформляющими ту или иную ситуацию общения на всех этапах ее развития, обеспечивая желаемый коммуникативный эффект. Употребление клише позволяет говорящему осуществлять коммуникацию в рамках, принятых в том или ином обществе как норма общения, что положительно влияет на саму коммуникацию и успешность реализации цели коммуникантов.

К каждой русской стандартной фразе можно подобрать несколько эквивалентов. Поэтому можно говорить об условности термина «стандартный».

Сегодня можно найти огромное множество различных источников на иностранном языке, где предлагается список языковых клише. Подобного рода литература окажется полезной в ряде ситуаций повседневного общения. Ведь наша речь изобилует эллипсами, точно так же, как и клише. Представляется, что собственный языковой опыт читателя плюс перечень стандартных фраз сделают (или, по крайней мере, облегчат) это общение менее за-

труднительным и, что очень важно, в определенной степени предсказуемым.

Каким бы ни был подход, очевидно, что языковые единицы в языковом сознании никогда не хранятся отдельно друг от друга, всегда находятся во взаимных связях. На наш взгляд, использование заученных языковых клише помогает при общении малознакомых людей и подталкивает к возникновению своих собственных мыслей.

Речь — важнейшее средство общения. Нередко мы судим о людях по тому, что и как они говорят, каким собеседниками являются, как доносят до окружающих свои мысли, впечатления и знания. Словом, можно укрепить человека в надежде, поддержать в трудную минуту, направить к серьезным жизненным достижениям, но можно внести в его душу сумятицу и неуверенность, привести к беде и даже к смерти. Недаром русский народ в своих пословицах отмечает: «Слово не стрела, а ранит», «Слово не обух, а от него люди гибнут».

Литература:

1. Алехина, А. И. Идиоматика современного английского языка. — Мн.: Высш. школа, 1982. — 279с.
2. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии. — Л.: ЛГУ, 1963, 72с.
3. Антрушина, Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка: Учеб. для студ. пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз».. — М.: Высш. шк., 1985. — 223с.
4. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. М.: Сов. энцикл., 1966. — 607с.
5. Виноградов, В. В. Современный русский язык. — М.: Учпедгиз, 1938, вып. I, 24с.
6. Гвоздев, В. В. Контекст и некоторые проблемы парадигматики клише / В. В. Гвоздев // Роль контекста в реализации семантических особенностей языковых единиц. — Курск: Издательский дом, 1987. — 145 с.
7. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций / В. В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. — 270 с.
8. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. — М.: Академический проект, 1986. — 122 с.
9. Кунин, А. В. Английская фразеология (теоретический курс) — М.: Высшая школа, 1974, 268с.
10. Разинкина, Н. М. Стандартные фразы повседневного общения: русско-английские соответствия / Н. М. Разинкина; ил. Р. В. Сурьянинова. — М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2006. — 222с.
11. Webster's New World Dictionary, William Collins+World PublishingCo, Inc, 1975
12. Longman Exams Dictionary, Pearson Education Limited, England, 2006

Коммуникативные стратегии пользования языком (на материале речевых ошибок китайских студентов)

Беляева Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент

Ли Юнь, студент

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Статья рассматривает стратегии пользования языком, к которым прибегают китайские студенты в процессе обучения русскому языку как иностранному. Авторы выявляют факторы, обуславливающие выбор той или иной стратегии в момент коммуникативного затруднения.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, тип языка, речевая ошибка.

В научной литературе интерес к стратегиям обучения и пользования языком обусловлен потребностями

в успешном его освоении. При этом степень успешности определяется многими факторами, важными из

них являются стратегии, к которым обращается учащийся.

В психолингвистических исследованиях идёт речь о следующих типах стратегий: (а) *стратегии научения/ овладения языком*, (б) *стратегии пользования языком (или коммуникативные стратегии, или стратегии преодоления коммуникативных затруднений)*. Данная проблематика широко освещена в англоязычной и отечественной лингвистике (Дж. Рубин, Р. Оксфорд, Р. Эллис, Е. В. Ейгер, И. А. Рапопорт, А. А. Залевская, А. А. Петрова, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева, А. А. Поймёнова, Н. В. Имедадзе и др.).

Под *коммуникативными стратегиями* понимают «потенциально осознаваемые планы решения того, что для индивида составляет проблему при достижении определённой коммуникативной цели» (из публикации Faerch & Kasper 1983) [цит. по 1 с. 337]. Коммуникативные стратегии применяются сознательно, и они ориентированы на решение определённых проблем (преодоление трудностей при пользовании иностранным языком). Различные типологии коммуникативных стратегий (Е. Tarone, R. Ellis) представлены в книге А. А. Залевской [1, с. 337–339].

В своем исследовании мы обратились к *коммуникативным стратегиям*, которые рассмотрели на примере речевых ошибок китайских студентов 1–4 курсов, изучающих русский язык как иностранный в Сибирском федеральном университете. Материалом для исследования послужили ошибочные высказывания на русском языке в письменной форме в количестве 550 примеров.

Перед нами стояли следующие задачи: выявить, (1) к каким стратегиям прибегают китайские студенты в случае коммуникативного затруднения при изучении русского языка как иностранного; (2) каким стратегиям они отдают предпочтение; (3) чем обусловлены эти предпочтения.

С позиции психолингвистики процесс обучения языку связан с сознательным или подсознательным сравнением родного языка с иностранным, что проявляется в речевых ошибках. В таком случае речевые ошибки могут свидетельствовать о речемыслительных действиях студента и выборе определённых стратегий при решении коммуникативных задач.

Поскольку стратегии базируются на определённых речемыслительных операциях, то при производстве речи обучаемый прикладывает определенные усилия, чтобы каким-либо способом осуществить первоначальный замысел. С одной стороны, он может обратиться к знаниям родного языка или к знаниям иностранного, с другой стороны, отказываться от первоначального плана высказывания, упрощая его формальную или функциональную сторону. Это ведёт к потере отдельных элементов высказывания (т.е. ориентироваться на промежуточный язык). Так, различают три группы стратегий: (1) стратегии, базирующиеся на знании родного языка; (2) стратегии, базирующиеся на знании иностранного языка; (3) стратегии, базирующиеся на знании промежуточного языка.

Первая группа стратегий основывается на знании родного языка. Она характерна для начального этапа обучения иностранному языку, поскольку учащемуся не хватает знаний, он прибегает к *стратегии переноса*.

Подобные ошибочные высказывания представляют собой (а) *буквальный перевод* целых предложений или отдельных конструкций (чаще всего определительных); (б) перенос правил функционирования языковых единиц родного языка (принцип местоположения слов в предложении определяет их синтаксическую роль — роль субъекта, предиката, объекта); (в) перенос правил китайской грамматики (при выражении идеи числа у существительных, времени у глагола):

(а) *Она ушла Америка.*

Будьте добры, скажите кабинет телефон.

Одна наша победившая юная спортсменка получила золотую медаль.

(б) *На стене висела картину* (на первом месте стоит субъект, после глагола находится только объект согласно логике китайского языка).

В последнее время к этой компании пришли люди ищуют работу (одно и то же слово может выступать в качестве объекта для предшествующей части предложения и субъекта для последующей).

(в) *У неё большой черный глаз* (неодушевлённые существительные не имеют формы мн. числа).

В детстве я мечтаю стать учителем (глагольное время в китайском языке имеет только относительную временную ориентацию).

Ко второй группе относятся стратегии, базирующиеся на знании иностранного языка: *сверхгенерализация*, *перифразирование*. При этом учащиеся основывают свой выбор на внутриязыковых отождествлениях.

Стратегия сверхгенерализации предполагает распространение уже имеющегося знания иностранного языка на новые его формы:

Мы это уже проходили на втором классе (по аналогии: на втором курсе).

Чем ты занимаешься? — *Книгой* (по аналогии: спортом, музыкой)

Он уже умерл (по аналогии с большинством глаголов в прошедшем времени).

Стратегия перифразирования выражается (а) в словотворчестве — изобретении новых слов по знаковой модели: (б) в замене слова описанием:

(а) *Нельзя переходить через дорогу, когда светонафари* (светофор).

Кто унёс полушарии? (глобус).

(б) *Я клею светлые синие бумаги на четвертую стену* (обои).

Я посмотрела памятник Петром Первом и известный мост, когда ночью он поставит (Дворцовый мост).

Люди занимаются культурой или музыкой, или как можно строить самый хорошее, красивее город (архитектура).

Третью группу представляют стратегии, базирующиеся на знании промежуточного языка: *игнорирование*, *реду-*

цирование. С позиции студента подобные высказывания оцениваются как верные, но на самом деле являются ошибочными.

Так, китайские студенты игнорируют (а) правила грамматической оформленности русского слова (глагол употребляется в инфинитиве, а существительное без показателей рода, числа, падежа); (б) правила выражения синтаксических отношений (согласование, управление); (в) особенности функционирования единиц РЯ, которые составляют идиоэтнический аспект семантики и формального выражения языкового содержания той или иной грамматической категории русского языка:

а) развитая морфологическая система русского языка обуславливает специальную морфологическую оформленность слова как доминирующий способ выражения грамматического значения. Студенты игнорируют этот принцип, употребляя неформальные глаголы и существительные.

Я часто покушать фрукты.

Мы готовим пельмень.

б) низкая степень морфологизации слова в китайском языке отражает особенность китайской языковой системы. Ей не свойственны согласование и морфологически выраженное управление. Китайское слово присоединяется к другим по принципу примыкания. Поэтому китайский студент игнорирует особенности выражения синтаксических отношений в русском языке. Кроме того, для него излишней является сопряженность нескольких признаков в одном слове (русское слово совмещает в себе значения сразу нескольких грамматических категорий):

Моя профессор сказал.

Я чувствую себя свободный человек.

в) студенты игнорируют то, что составляет идиоэтнический аспект функционирования единиц иностранного (русского) языка (а) при выражении пространственных отношений (местонахождение/ направленность, одушевлённость/ неодушевлённость), (б) при выражении временных отношений игнорируется признак абсолютности/ относительности временной ориентации.

Литература

1. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.
2. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Изд-во Астрель, 2000. 632 с.

а) где? куда? к кому?

Я живу в Харбин.

Я пошёл во врача.

б) абсолютная/относительная временная ориентация:

Дна дня назад я смотрю этот фильм.

В детстве в свободное время я люблю читать книги.

До двадцати лет я живу в деревне.

Стратегия редуцирования предполагает отказ от первоначального плана высказывания, упрощая его формальную или функциональную сторону. Это ведёт к потере отдельных элементов высказывания:

а) потеря глагола:

Я мечтаю иметь свой дом, который рядом с морем (находится).

Когда я очень маленькая девушка (была).

б) потеря предлога:

Гид водит туристов (по) музею.

Я был (в) столовой.

Как мы видим, китайские студенты при решении коммуникативных затруднений прибегают к *стратегии переноса*, к *стратегиям сверфгенерализации* и *перифразирования*, к *стратегиям игнорирования* и *редуцирования*. При этом они отдают предпочтение *стратегии переноса* (как на начальном этапе обучения, так и на продвинутом уровне). В наименьшей степени они пользуются *стратегией перифразирования*, которая требует от них творческого подхода к языку. На наш взгляд, выбор стратегии обусловлен прежде всего той методологической школой, в рамках которой сформирован учащийся. Китайская школьная традиция привыкла ориентироваться на педагогическую практику конфуцианцев, где учеба сводилась к заучиванию наизусть канонов: «премудрость древних вбивали в головы учеников простейшим способом: учитель зачитывал вслух изречение, после чего ученики хором и поодиночке декламировали его. Повторив одну и ту же фразу, пятьдесят раз глядя в книгу, и столько же по памяти, даже не блиставший способностями школяр накрепко ее запоминал». [2, с. 389]. Поэтому студенты чаще делают свой выбор на основании уже знакомых моделей.

Некоторые вопросы употребления утовостроительных (юртастроительных) терминов в тюркских языках

Бердыев Хусан Халназарович, соискатель, старший научный сотрудник Самаркандский государственный университет имени Алишера Навои (Узбекистан)

В жизни тюркских народов, в их профессиональном, эстетическом воспитании занимало важное значение

юртостроительство. Следовательно, особенно выделяются термины юртостроительства в лексике тюркских языков.

Известно, что произошедшие общественно-политические, экономические изменения со временем привели к возникновению ряда особенностей и в функциях юрты. В этом смысле, о важном месте терминов юростроительства в военной сфере, а также в обозначении исторических государств, свидетельствуют сведения источников.

Прежде всего, можно привести множество примеров широкому употреблению образцов терминологической системы юростроительства в художественной и разговорной речи тюркских языков. Так, например, у узбеков: мулкин кўрда бўзин ол, иргасин кўрда кизин ол (разговорная речь). Ирга — прихожая часть внутри юрты; чанггарақда чаркилак, керагада керкилак (из художественной речи). Чанггарақ — решётка юрты; Керага — палки, нижняя часть которых прикрепляются к прибитым к земле штырям, а другой конец соединяется в верхней части юрты, они служили каркасом стен юрты.

В разговорной и художественной речи каракалпаков наблюдается использование терминов юростроительства в совершенно новом значении. Например, вышеприведенное слово «чанггарақ» в этом языке употребляется в значении семьи. В произведении Эсбергена Алласугурова «Менги жаса» слова под затлавием стихотворения «Хош болын» подтверждают нашу мысль: “Рахмет Аметовтин шангарагина” (выделено автором статьи — Х.Б.).

Можно также привести примеры из казахского языка. Приводим пример из кнени “Жеті қазына”: “Ауыл — мемлекеттин керегесі” (выделено автором статьи Х.Б.).

Киргизский фольклор тоже отличается богатством лингвистических единиц лексики юртастроительства: Керегем сага айтам, келиним сен ук // Уугим сага айтам, уулим сен эшит (смысл: мой керага, говорю тебе, невестка, ты слушай. Мой увлуг, говорю тебе, сын мой, слушай ты.).

В пословицах и поговорках татарского народа активно употреблялись термины данной сферы.

В месте с тем, существуют множество историко-научных, историко-художественных произведений, из которых мы можем почерпнуть ценные сведения для нашего исследования. Подтверждения этому могут послужить слова из произведения Алишера Навои “Мухокамат ул-лугатайн” («Суждение о двух языках»): тунгрук, узук, тўвурлук // тувурлик, басрук, чиг, кўзанақ, увук, боғиш, бўсага, эркина; “Шажарайи турк” (“Родословная тюрков”) Абульгази Бахадирхана: ўтов (28 с.), хиргоҳ (24 с.), олтин эв (25 с.), қора ўй (қора эв) (26 с.), черикли эв (в значении палатки, шатра) (28 с.) чодир (46 с.) и сведения, взятые из других исторических и современных (этнографических, лексикографических) источников.

Из приведенных данных следует, что юрта (ўтов) это родовой термин (гипероним), а его видовые термины обозначаются как “ўтов”, “оқ уй”, “қора уй” (и др.)

Конечно же в номинациях “оқ уй” и “қора уй” выражаются такие значения, как к кому принадлежит юрта, для чего она предназначена, из чего она сделана. Одинаковые по строению юрты различаются по внешнему дизайну, высоте и величине. Слово юрта в некоторых

тюркских языках означает, чаще всего, новый дом из белого войлока, предназначенный для невест, такая юрта, обведенная поверх войлока белой материей и натянутая белыми веревками называется «оқ уй» («белый дом»). Юрты, воздвигнутые для хозяйственных целей, называются «қора уй» («черный дом»).

Как видно, в устных и письменных источниках тюркских языков народов жильё, основой которого является войлок (в зависимости от окружающей и фауны может быть шкура, камыш и т.п.), обозначается терминами «ўтов», «юрт», «чодир», «хиргоҳ», «хайма», «оқ уй», «қора уй», «чайла», «капа».

Говоря об этой лексической системе, целесообразно было бы отметить этимологию, лексико-семантические, системно-семантические особенности термина ўтов (юрта).

Как известно, тюркское слов ўт имеет значения трава и огонь. Конечно же в жизни кочевника трава имело важное значение, поскольку она является основной для жизни скота, и в этом отношении гипотеза о том, что слова ўт (трава) и ўтов являются однокоренными, представляется правдоподобной. Однако, в бытовом, природном, душевном плане жизнь кочевника была в большей степени связана с ўт (огнем). В этом смысле, этногенетический процесс ўт (растение) >ўта>ўтолук>ўтлов>ўтов не является верным. Следовательно, основа слова ўтов связана с понятием огонь. Один из примечаний, приведенных в “Девону луготит турк” (“Словарь тюркских наречий”), подтверждает нашу мысль: “отағ — чодир, ўтов” [1, 13]. Здесь основой слова ўтов является ўт (огонь). Что же касается окончания аг, то это не окончание или суффикс, а отдельное слово. Наиболее характерен и следующий пример: Отағқа бпкәләб сүгә сөзләмәдүк—чодирдаги хамроҳларидан хафа бўлиб, сўнг аскарлар билан сўзлашмади [ДЛТ]. При этом отағ на основе метонимического переноса выражает понятие личности, в результате чего можно увидеть в основе причастности данного слова наличие значений «курдош», «сафдош» (сфатник). Все они имеют смысл, связанный с огнём, т.е. объединяются в одну точку: от (ўт) (олов) + аг (и) = адаги // атрофи. Практически во всех книгах и словарях, в которых уделяется внимание лингвистическим единицам юростроительства, отмечается, что очаг — место где разводится огонь (ўт) находится в центре юрты [2, 631].

Наблюдения дают возможность сделать вывод о том, что самостоятельные слова ав // аг легли основой для образования слова авул // овул (аул). Данное суждение отмечается также и в научных источниках по этнографии [3, 189]. В «Этимологическом словаре узбекского языка» пишется о том, что слово овул (аул) образовалось с формы а: в слова а: г, обозначающего «собирать», путём прибавления к нему суффикса — (у) л, обозначающего семантику места [4, 247]. Также и в словарях южных узбекских диалектов указывается, что авыл имеет значение «совокупность сборище юрт» [5, 13]. Необходимо также отметить, что в некоторых исследованиях аул рассматривается

как синоним слова *ўтов* (юрта): *увук бав* — связки, украшающие верхнюю часть аула [6, 201].

Различные формы слова *дом*, встречающиеся в тюркских источниках, связаны с фонетическими процессами в развитии языка. «Так, ещё в период древнетюркского языка иногда происходил процесс *б>w*: *эб>эw >уй* (дом), *йаблақ>йавлақ* — жуда (очень) ... К моменту возникновения староузбекского языка этот фонетический процесс достиг поэтапного развития по схеме *б>w>в>й*. Поэтому был в употреблении форма «й» цепочке слова «уй» (дом) *суб>суw>суv //* *суй*, *эб>эw>эв*. Действительно, об этих процессах можно судить по формам слов «уй» (дом), *туйэ* (верблюд) в современных тюркских языках [7, 60].

Характерно следующая мысль Махмуда Кашгари о процессе *w>в*: букву *у*, стоящую между махраджами (местами образования) и *у*, *угузы* и близкие им племена превращают в *у*. Так, если тюрки произносят слово *уй* как *эw*, то *угузы* говорят *эв*. Если тюрки произносят слово *ов* (охота) как *ав*, они говорят *ав* [1, I, 68].

Таким образом, по современной форме термина: *ўт* 1 (огонь) + *ов* 2 (ав) (собираться, собираться) = *ўтов* 3 (собираться вокруг огня, силачиваться), можно предположить, что лексема *утов* образована из соединения двух слов *ўт* и *ов*.

Термины *юртостроительство* широко применяются в речи представителей тюркских языков. Так, например, *ўтов* — *юрта* (*йорт* — в нескольких языках обозначает «дом», в частности, в башк. *тирмэ* [tirmä]; каз. *киіз уй*; кирг. *боз уй*; узб. *o'tov*).

Характерная черта, связанная с синонимией *ўтов* — *юрта*, в том, что на взаимосвязь слов *ўтов* // *юрт* со словом «*ўрда*» («орда») указывается в различных источниках, в том числе, и в энциклопедических словарях. «Слово *юрта* означало в Средневековых источниках Востока недвижимость, место жительства, страну, Родину, землю. Во второй половине XIV века термин «*юрта*» употреблялся в значении региона, в котором кочевали тюркские племена. В конце XIV — начале XV веков слово «*юрта*» обозначало место в резиденции хана, котором жил аристократ, или же просто определенное место в резиденции аристократа или хана. В произведениях историков Рашидудина и Вассофа «*юрта*» имеет значение терри-

тории улуса, место солдат в общих рядах войска, место, в котором расположена резиденция (*Ўрду*), место в резиденции, в котором расположены шатры. В источниках же последнего периода превалируют семантики «дом», «место жительства», «адрес» слова «*юрта*». В русских источниках *юрта* означало территорию государств, образованных после распада Монгольского государства и Золотой Орды (Сибирь, Крым и др.) [8, 655]. Аналогичная дефиниция приводится в русских словарях.

Обозначения *Олтин Ўрда* («Золотая Орда») *Олтин Чодир* («Золотой Шатер»), являющиеся резиденциями хана, а средние века возникли одновременно. Например, арабский пктешественник Тамим ибн Бахр в веке пишет, что у правителя уйгурского государства был золотой шатер. Другой мусульманский летописец, изображавший события в монгольской империи века и во многих местах европейских источников фиксируется термин «*Олтин Ўрда*» [9, 49].

Связь слов «*ўтов*» («*юрта*») и «*ўрда*» («орда») восходит к древности имеет следующее формирование:

1 *ўт* (огонь) + *ов* 2 (ав) (собираться) = *ўтов* 3 (собираться вокруг огня; силачиваться); *ўрт* (огонь) = *юрт* (место) 4 *ўрд* (орд) + а (центр, места пребывания, Родина) = *ўрда* (орда) 5 (места пребывания, военный лагерь; резиденция; центр государства).

Такая же лингвистическая картина складывается и в других источниках:

1. *От* — *ўт* (огонь)
2. *Ав* // *ағ* (ов) — I. Охота; II. Сеть, ловушка; собираться, силотиться; организоваться [см.: 10, 28–29].
3. *Ўтов* (отағ) — шатер, *юрта* [1, III, 226].
4. *Юрт* — *јурт* — следы зданий, сохранившиеся на высоких местах [1, III, 13].
5. *Ўрда* — город, в котором живет царь; орда.

Итак, по причине важного значения *юртостроительства* в лексике тюркских языков, оно активно применялось и в формах речи.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о необходимости проведения широкомасштабных исследований в области лексики *юртостроительства* в тюркских языках и её топонимических, этнографических особенностях.

Литература:

1. Кошгарий, М. Девону луготит турк. III том. — Т.: Фан, 1963.
2. Большая советская энциклопедия. 30 экслибрне — ЯЯ, третье издание. — Москва, изд.: Сов.энц., 1978, стр.631; Советская историческая энциклопедия (Глав. ред. Е.М. Жуков) 16. Ижак Вэнь — тянь — яштух. — Москва, изд.: Сов.энц., 1976, стр. 1002.
3. Нафасов, Т. Қашқадарё қишлоқномаси. — Тошкент: Мухаррир, 2009.
4. Рахматуллаев, Ш. Ўзбек тилининг этимологик лугати (туркий сўзлар). — Тошкент: Университет, 2000.
5. Рахимов, С. Сурхондарё ўзбек шевалари лугати. — Тошкент, 1995.
6. Абдуллаев, Ф. Ўзбек тилининг қипчоқ шеваси (Наманган вилояти, Янгикўрғон район материаллари асосида). НД. — Тошкент, 1955.
7. Тўйчибоев, Б. Ўзбек тилининг тараққиёт босқичлари. — Тошкент: Ўқитувчи, 1996.
8. ЎЗМЭ. 10 Шарқ — Қизилкум. — Тошкент: “ЎЗМЭ”, 2005.

9. Султонов, Т. Золотая Орда. Государство Чингизидов в Европейской степи. — Алматы: Мектеп, 2004.
10. Каримов, Қ. Қадимги туркий тил лугати (X—XII асрлар). — Тошкент, 2009.

Функции эпитета в художественном тексте¹

Блинова Инга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент;
Красавский Николай Алексеевич, доктор филологических наук, профессор
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

На материале немецких художественных произведений Стефана Цвейга и Теодора Шторма выявлены функции эпитетов — художественно-эстетическая, экспрессивная, оценочная и конкретизирующая. Установлена высокая частотность использования оценочных эпитетов в новелле Стефана Цвейга «Жгучая тайна» и в новелле Теодора Шторма «Виола Триколор». Выявлено регулярное употребление конкретизирующих эпитетов в указанном произведении Теодора Шторма.

Ключевые слова: эпитет, оценка, функция, признак, образ, ассоциация, эмотивный, эмотивность, коммуникативная интенция, сюжет.

В современной филологии приоритетным направлением признается изучение языка с аксиологических позиций [2, с. 531–534; 3, с. 942–945; 4; 5, с. 49–52; 6, с. 42–51; 7]. Значительное внимание при этом уделяется вопросу выявления языковых средств, реализующих замысел художника слова, его коммуникативные интенции. Большим прагматическим потенциалом, как известно, обладают художественно-изобразительные средства языка. К их числу относится эпитет, имеющий высокий индекс частотности употребления в художественных произведениях.

Для специалистов по стилистике и теории литературы эпитет — один из излюбленных объектов исследования, что обусловлено его полифункциональностью. Не менее хорошо известен и тот факт, что использование эпитета во многом продиктовано художественным вкусом писателя, поэта. Данным обстоятельством объясняется наш интерес к выявлению специфики употребления эпитета, реализации его функций у общепризнанных мастеров художественного слова — Стефана Цвейга (1881–1942 гг.) и Теодора Шторма (1817–1888 гг.). Их новеллы характеризуются такими признаками, как способ сюжетосложения, реалистичность содержания, принципиальная важность центрального конфликта, строгость формы, лаконичность изложения, психологическое напряжение и постановка вопросов экзистенционального характера.

Стефаном Цвейгом высокочастотно и мастерски используется самая широкая палитра эпитетов, выполняющих преимущественно оценочную и экспрессивную функции. Реализация первой из них обусловлена стремлением автора оценить происходящие события, портретировать своих персонажей, художественно изобразить их

характеры. Речевое воплощение экспрессивной функции мы понимаем как интенцию автора в высшей степени художественно, а значит образно, воздействовать на читателя, реактивировать посредством удачно выбранного слова его сознание, воспоминания, богатый ассоциативный ряд.

Укажем, что в когнитивном пространстве произведений Стефана Цвейга (в частности, в его новелле «Brennendes Geheimnis» — «Жгучая тайна») феномен страха занимает одну из ключевых позиций, что объясняется во многом самим мироощущением известного австрийского писателя, его тонкой натурой, болезненно воспринимающей всякую несправедливость в обществе, любые негуманные поведенческие действия, которыми изобиловала первая половина прошлого столетия в Европе. Наиболее частотно страх, как показывает анализ, актуализируется метафорой и эпитетом. Концепт «страх» обнаруживает, в частности, высокую семантическую плотность в новелле «Жгучая тайна», что обусловлено самим сюжетом этого произведения, намерением автора обнажить сложный механизм глубоких переживаний протагониста Эдгара. Эмоциональный концепт «страх» обозначается многочисленными лексическими единицами и их дериватами: “Angst” (напр., angstvoll, beängstigen, verängstigen), “Furcht” (напр., furchtbar, fürchten), “Schreck” (напр., aufschrecken, Verschrecktheit) и др. Индекс частотности их употребления в повести составляет 128 позиций. Квантитативные показатели обозначения концепта и употребления его номинантов позволяют квалифицировать его как базисный концепт в «Жгучей тайне». Наиболее частотно концепт «страх» в данном произведении обозначается словом “Angst” (39 употреблений). Этот номинант эмоции регулярно употребляется в сочетании с многочис-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания № 2015 (код проекта: 1417)

ленными оценочными эпитетами. Для того чтобы ярко и глубоко передать всю сложную гамму мироощущений действующих персонажей, в особенности Эдгара, Ст. Цвейг использует выступающие в функции определения многочисленные оценочные эпитеты, описывающие ассоциативно-образные признаки концепта «страх», и, следовательно, аксиологически характеризующие поведение действующих лиц «Жгучей тайны». Эпитеты употребляются в функции атрибута с номинантами эмоции страха в едином контексте. Использование автором новеллы эпитетов служит действенным средством художественного изображения эмоций персонажей, а значит, и их психологического портретирования. Эпитет служит писателю эффективным художественно-образительным средством выражения глубинных смыслов, фиксирующих познавательный человеческий опыт, позволяет художнику слова ярко, образно передать эмоциональный мир человека. Активное применение оценочных эпитетов (заметим — часто с контекстуальной отрицательной коннотацией) в новелле Ст. Цвейга мы объясняем высокой психологической напряженностью ее сюжетов, авторским стремлением показать с молекулярной точностью всю глубину психологической жизни персонажей.

В приведенном ниже пассаже из «Жгучей тайны» главное действующее лицо (Эдгар) терзается сомнениями, испытывает мучающий его страх: правильно ли он выполнил просьбу своего наставника барона, к которому подросток быстро привязался, испытывал с самого начала знакомства пиетет к старшему товарищу, общающемуся с ним — в отличие от всех других взрослых — на равных: «Edgar wartete und wartete ... Sein blindes Vertrauen in diesen wundervollen Freund vermutete ein Missverständnis, und geheime Angst quälte ihn, er möchte vielleicht den Auftrag falsch verstanden habe» [9]. Барон, обращавший внимание на Эдгара только для того, чтобы познакомиться с его матерью, не пришел в условленное место на встречу с ним. Приведенный здесь фрагмент из новеллы эмотивно насыщен, о чем свидетельствует употребление в нем эпитетов *wundervoll* (прекрасный), *wild* (дикий). Их использование в приведенном отрывке из текста позволяет Ст. Цвейгу дать яркое описание душевного состояния Эдгара. Эмотивность тексту придает и такая разновидность метафоры, как персонификация (ср.: «Angst quälte ihn»). Страх способен мучить человека, лишать его покоя, морально изматывать. В данном случае в сознании читателя страх ассоциируется с душевными терзаниями, дискомфортным состоянием человека. Эмоциональному концепту «страх» приписывается антропоморфный признак. Не менее экспрессивен, ярок, на наш взгляд, и другой пример, иллюстрирующий персонификацию страха, его способность воздействовать на психическое состояние человека. Эдгар, сбежавший от матери к тете, проживающей в другом городе, испытывает впоследствии трудно объяснимый, глупый (*töricht*) страх: «Mit einem Male befahl ihn eine törichte Angst, und er lief weiter, ohne zu wissen wohin» [9]. Чувство страха ов-

ладевает Эдгаром, когда он, стоя у калитки дома тети, слышит скрип отворившихся дверей. Подросток, не справившись с навалившимся на него страхом, бежит прочь. В этом эпизоде текста новеллы страх уподобляется действиям человека: страх способен напасть на него, обратиться в бегство.

Наиболее яркими ассоциативно-образными признаками страха являются пламя, огонь, пожар. Они, судя по контекстам, способны, подобно человеку, осуществлять преследование, быть очагом угрозы: «Die grausam brennende Angst jagte sie, der Mann hinter möchte ihr folgen und sie fassen» [9]. Здесь, как и в вышеприведенном примере, страх персонифицирован. В этом отрывке из новеллы Матильда (мать Эдгара) переживает чувство страха перед бароном, ищущим с ней интимных отношений. Страх, подобно охотнику (*jagen*), преследует Матильду, вызывая у нее паническое настроение. Эмотивность приведенному фрагменту текста придает употребление оценочного эпитета *brennend*, ассоциирующего страх с такими опасными для жизни человека феноменами, как пламя, огонь, пожар. В следующем эпизоде произведения дано описание душевного смятения Матильды на свидании с бароном-ловеласом. Страх возможных близких отношений с элегантно ухаживающим за ней бароном персонифицируется глаголами с антропоморфной семантикой — *hämmern* (бить, стучать молотом), *zucken* (вздрагивать). Их употребление в составе метафор приписывает в данном контексте концепту «страх» такие ассоциативно-образные признаки, как удары молота, вздрагивание тела: «Angst schoss heiß empor, hämmerte drohend an die Schläfen, ihr Kopf glühte, die Angst, die sinnlose Angst zuckte jetzt durch ihren ganzen Körper, und sie entzog ihm rasch die Hand» [9]. Здесь обращает на себя внимание использование в оценочной функции эпитета *sinnlos*, характеризующего безотчетность страха, граничащего с состоянием паники персонажа.

В «Жгучей тайне» страху приписываются вкусовые свойства: «Jetzt kamen sie langsam daher, Mondlicht auf den Kleidern. Gespensterhaft sahen sie aus in diesem grünen Licht, und wieder überfiel ihn das süße Grauen, ob das wirklich ein Mörder sei...» [9]. Эдгар, устроив слежку за тайно встречающимися на свиданиях матерью и бароном вне стен санатория, по-детски, совершенно наивно полагает, что любовник вынашивает план ее убийства (*ein Mörder*). При мысли о выявлении возможного преступника, о раскрытии его плана действий Эдгара охватывает чувство «сладкого ужаса» (*das süße Grauen*). Данное словосочетание представляет собой оксюморон, применение которого обусловлено интенцией Ст. Цвейга показать уникальность мира переживаний протагониста — с одной стороны, Эдгар рад открытию тайны встреч его матери и барона, а с другой — он крайне испуган самим результатом своей слежки.

Материал позволяет констатировать активную реализацию в новелле Ст. Цвейга художественно-эстетической, экспрессивной и оценочной функций.

Новелла Т. Шторма «Виола Триколор» (*Viola tricolor*) представляет собой благодаря игре лейтмотивов, символическим, многочисленным стилистическим эффектам одно из самых ярких произведений известного немецкого писателя. В этой новелле он обращается к изображению переживаний и эмоциональных состояний человека в момент глубокого психологического конфликта, вскрывая неповторимый контакт душевного мира персонажей и предметно-событийной реальности. Для реализации своих интенций Теодор Шторм, как и Стефан Цвейг, высококачественно использует эпитеты.

Исходя из аксиоматичного утверждения о том, что в художественной речи любое слово в принципе может служить целям образности, мы обратились к интерпретации частотно используемых оценочных и конкретизирующих эпитетов, употребляемых Теодором Штормом в новелле «Виола Триколор». Эпитеты, как показывает материал, активно используются в этом произведении с целью создания особого эмоционально-образного ландшафта. Материал показывает, что не только оценочные, но и конкретизирующие эпитеты непосредственно участвуют в создании специфической психологически насыщенной атмосферы в художественном произведении.

В сюжетно-композиционной структуре новеллы «Виола Триколор», согласно нашим наблюдениям, рельефно выделяются описания внешности, поведения, эмоционального состояния и чувств героев (Агнесс и Инес). Значительное место в этой новелле уделяется художественному изображению заброшенного сада, дома и портрета Марии.

С позиции частеречной принадлежности большинство эпитетов в новелле Теодора Шторма, как и в выше рассмотренной новелле «Жгучая тайна» Стефана Цвейга, выражено именами прилагательными. Они выполняют, как правило, функцию атрибута. Ряд эпитетов выражен именами существительными. В когнитивном пространстве новеллы «Виола Триколор» особое место занимает феномен «дом», его описание, в том числе и через эпитеты, выраженные именами прилагательными. Для создания образа добротного, крепкого и надежного дома Т. Шторм использует прилагательные *groß* — «in dem großen Hause», *geräumig* — «durch den geräumigen Flur», *breit* — «der breiten, in das Oberhaus hinaufführenden Treppe gegenüber», *hoch* — «zwischen den hohen Repositorien», *schwer* — «die schweren Vorhänge» [8]. В приведенных примерах представлены конкретизирующие эпитеты.

В начале новеллы перед читателем предстает приветливый дом, обжитой, заботливо и дорого обставленный («ein weicher Sessel», «ein venezianischer Spiegel auf der dunkelgrünen Sammettapete», «in einer Marmorvase», «über den weichen Fußteppich», «das Muster der kostbaren Tischdecke»), встречающий хозяина и его новую жену ароматом свежих цветов («Duft von frischen Blumensträußen») [8]. Этот же дом, однако, может воспри-

ниматься персонажами, равно как и читателем, совершенно иначе. В минуты отчаяния дом казался Рудольфу зловеще одиноким и пустым — «unheimlich leer und öde». В момент наивысшего кульминационного напряжения дом опутывает сухими ветками черное дерево смерти — «Er sah wieder den schwarzen Totenbaum aufsteigen und mit den düsteren Zweigen sein ganzes Haus bedecken» [8]. В приведенных примерах легко заметить отрицательную коннотацию целого ряда лексем (*leer, öde, schwarz, Totenbaum, düster*), способствующих появлению у читателя широкого ассоциативного поля — это прежде всего чувство тревоги, состояние глубокого душевного беспокойства. В оценочных эпитетах эксплицируется субъективное, личностное отношение человека к действительности в аспекте его ощущений, чувств, интересов, желаний. Так, описывая Инес и ее поведение до момента зарождения конфликта, автор приводит такие эпитеты, как *schön, jung, freundlich, vornehm, gewissenhaft, ebenbürtig*. Причем эпитеты *schön* и *jung* выступают, пользуясь терминологией И.Р. Гальперина, в статусе «прикрепленных эпитетов» [1]. Т. Шторм использует их по отношению к молодой мачехе на протяжении всего произведения. Прикрепленные эпитеты, как правило, выделяют главные черты объекта или демонстрируют отношение к нему автора. Т. Шторм подчеркивает внешнюю и внутреннюю красоту Инес, ее молодость и неопытность. Эпитет *jung* расширяет в конкретном художественном контексте свою узкую семантику и имплицитно означает «неопытный, незрелый»: «Das war es: ihrer Ehe fehlte die Jugend, und sie selber war doch noch so jung!» и «“Geduld!“ sprach er zu sich selber, als er, den Arm um Nesi geschlungen, mit ihr die Treppe hinaufstieg; und auch er, in einem andern Sinne, setzte hinzu: „Sie ist ja noch so jung.“» [8].

По мере нарастания тревоги и напряжения сюжета новеллы меняется и авторский арсенал используемых художественно-выразительных определений. На смену эпитетам с положительной оценкой приходят эпитеты, отражающие конфликтность и трагичность событий, эксплицирующие тревожное эмоционально-психологическое состояние Инес: «*tonlos*», «*schwer*», «*besorgt*», «*ihr schönes kummervolles Antlitz*», «*ein unentwirrbares Gemisch von bitteren Gefühlen*», «*ein unheimliches Dunkel*», «*ein Gedanke gleich einer bösen Schlange*», «*quälende Gedanken*», «*mit erstickter Stimme flüsterte sie angstvolle und verworrene Worte*», «*eine Todesangst*» [8]. Еще не рожденный, но, безусловно, желанный ребенок воспринимается ею как «*ein Eindringling, ein Bastard im eigenen Vaterhause*» [8].

Развитие сюжетной линии новеллы логично приводит к возникновению конфликта между новой женой Рудольфа — «прекрасной, юной» Инес — и десятилетней дочерью сорокалетнего ученого «маленькой, черноволосой» Агнесс, а также к психологическим метаморфозам персонажей. Автор дает подробное портретное описание Агнесс: «*das kleine schwarzhaarige Mädchen*», «*das bräun-*

liche Gesichtchen», «glänzende schwarze Haarflechten», «ihre dunkeln Augen», «die schlanken Finger», «die ernsten Züge des Kindes», «trotzig aufgeworfenen Lippen», «das rot und weiß gestreifte Kleid» [8]. Ребенок до сих пор тоскует по рано умершей матери и часто прокрадывается в кабинет отца, где висит ее портрет. Т. Шторм описывает портрет, используя высокий изобразительный потенциал эпитетов: «Darüber aber, wie aus blauen Frühlingslüften heraustretend, hing das lebensgroße Brustbild einer jungen Frau; gleich einer Krone der Jugend lagen die gold-blonden Flechten über der klaren Stirn. — »Holdselig«, dies veraltete Wort hatten ihre Freunde für sie wieder hervorge sucht — einst, da sie noch an der Schwelle dieses Hauses mit ihrem Lächeln die Eintretenden begrüßte. — Und so blickte sie noch jetzt im Bilde mit ihren blauen Kinderaugen von der Wand herab; nur um den Mund spielte ein leichter Zug von Wehmut, den man im Leben nicht an ihr gesehen hatte» [8].

Маленькая Агнесс, постоянно пребывающая в состоянии тоски и отчаяния, остро нуждается в матери, на что указывают оценочные эпитеты «leidenschaftlicher», «sehnsüchtig», «hartnäckig». Приведем ряд иллюстрирующих это утверждение примеров из новеллы: «Mit leidenschaftlicher Innigkeit hingen ihre Augen an dem schönen Bildnis», «mit sehnsüchtigen Augen», «Eine innere Stimme — der Liebe und der Klugheit gebot der jungen Frau, mit dem Kinde von seiner Mutter zu sprechen, an die es die Erinnerung so lebendig, seit die Stiefmutter ins Haus getreten war, so hartnäckig bewahrte» [8]. Агнесс внешне, формально отвергала мачеху, отказывалась называть ее «Mutter» (мама), но в то же время она неосознанно желала и ждала сближения с ней: «Nesi, deren dunkle Augen bei solcher herzlichen Bewegung freudig aufgeleuchtet, war traurig wieder fortgegangen». «Dem Kinde war beim flüchtigen Aufblick der Ausdruck von Trauer in den schönen Augen der Stiefmutter nicht entgangen, und wie magnetisch nachgezogen ... war auch sie allmählich in jenen

Steig geraten» [8]. И в момент наивысшего напряжения в развитии сюжетного действия Агнесс восклицает: «Meine liebe, süße Mama!» [8]. Усиленным стилистическим эффектом обладают в этой фразе оценочные прилагательные *lieb* и *süß*. Данные слова, как можно легко заметить, характеризуют позитивное отношение Агнесс к мачехе.

Подытожим изложенное выше.

Как художественно-изобразительное средство эпитеты играют важную роль в новелле Ст. Цвейга «Жгучая тайна» и в новелле Т. Шторма «Виола Триколор». Базисными функциями эпитетов в этих произведениях являются художественно-эстетическая, экспрессивная, оценочная и конкретизирующая. Эпитеты не только подчеркивают, усиливают в художественном тексте признаки и характеристики объекта, но и насыщают, обогащают его эмоционально, образно, расширяют привычные узусные рамки лексемы, провоцируют появление разнообразных ассоциативных связей, расставляют эффатический акцент, формируют особый мелодический рисунок фразы и целого произведения. Как оценочные, так и конкретизирующие эпитеты не только указывают на признак определяемого явления или объекта, но и придают этому признаку дополнительные смысловыеращения, дают индивидуальную окраску выражаемому предмету, служат задачам художественной выразительности и участвуют в создании неповторимой атмосферы произведения. Высокочастотное применение эпитетов в произведениях Ст. Цвейга и Т. Шторма — это эффе ктивное и эффе ктное средство художественного изображения внутреннего мира персонажей, их тонкого и глубокого психологического портретирования. Филигранная техника использования этой фигуры речи создает в художественном произведении психологическое напряжение, вызывает у читателя самую богатую палитру ассоциаций, глубокий эмоциональный отклик в его душе.

Литература:

1. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка. — М.: Высшая школа, 1981. — 316 с.
2. Дженкова, Е. А., Тютюнова О. Н. Ритуальные характеристики судебного заседания (на материале ассоциативного эксперимента) // Гуманитарные и социальные науки. 2014. — № 2. — с. 531–534.
3. Захарова, Е. М. Функции сравнения в романе Г. Гессе «Демиян. История юности, написанная Эмилем Синклером» (на материале лексико-семантических полей «Влияние» и «Фантазия») // Молодой ученый. — 2015. — № 7. — с. 942–945.
4. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры. — М.: Гнозис, 2013. — 320 с.
5. Красавский, Н. А. Биоморфная метафора как способ экспликации эмоций в немецких и русских художественных текстах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». — 2013. — № 9 (84). — с. 49–52.
6. Красавский, Н. А. Экологичность текстов Германа Гессе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. — № 1. — с. 42–51.
7. Маслова, В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. Учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 256 с.
8. Storm Theodor. Viola Tricolor. — Stuttgart, Reclam, 2006. — 80 S.
9. Zweig Stefan. Brennendes Geheimnis. <http://www.gutenberg.org>.

Semantic Division of English Verbal Zoonyms

Брагарник-Станкевич Ольга Самуиловна, старший преподаватель
Белорусский государственный университет (г. Минск)

Olga Bragarnik-Stankevich, Senior teacher
Belarussian State University (Minsk)

The role of animals in human life has always been extremely high, especially in the early days of mankind, when people and animals coexisted in a natural neighborhood. Animals were included in the social hierarchy of a human society; they seemed to be a special human hypostasis (in animism, totemism, etc.). The inclusion of our knowledge about the fauna in figurative human characteristics is a natural stage in the development of language [1]. In this regard verbs formed from the notion-names of animals (zoonyms) are of particular interest to us. In the linguistic literature, zoonyms are also known as animalisms, zoometaphors, zoolexems, zoomorphisms, comparative phrases with animalistic component, word combinations with component-names of animals, etc.

The aim of this research is to offer semantic verbs-zoonyms classification based on the morphemic structure of a word. That namely means to describe the group of verbs with roots, affiliated with names of animals in English.

English language vocabulary completion at the expense of formation of such verbs occurs in different periods of the language. Most often, this trend was due to the fact that such a derivation helped to denote a specific action economically. That happened relatively to the animal, whose name is used to form a new word.

For example, there is a large number of verbs in the studied group of zoonyms that refers to the notion 'hunting'. By the means of zero derivation a noun into a verb one can easily get a new lexical unit with the meaning 'hunting that kind of animal': to seal — hunt for seals; to shrimp — fish for shrimps; to mouse — hunt for or catch mice; etc. [2]

It is to be mentioned that the most productive way to form animalisms in the English language is conversion. Conversion, also called zero derivation, is the creation of a word from an existing word without any change in form. In the field of animal verbal lexicon verbification typically involves simple conversion of a noun to a verb. For example, to badger — to ask someone to do something repeatedly and annoyingly; to beetle — to make one's way hurriedly; to hawk — to peddle. [2]

Here we should mention that it is important to distinguish such verbs according to the notion of lexical ambiguity. For example, verb to seal, meaning applying a non-porous coating to a surface to make it impervious, has nothing in common with a fish-eating aquatic mammal. For avoiding such mistakes while carrying out the research one should consult a dictionary.

In Oxford English Dictionary one could find no more than 100 verbs with roots, affiliated with names of animals. As it was mentioned above there is a large number of verbs that refers to the notion 'hunting'. In this research we have the

aim to study verbs with animal names giving meanings other than hunting that kind of animal.

All these words can be divided into following semantic subgroups:

1. Verbs used for describing people behavior, way of life, attitude to their being. This subgroup includes the examples:

To peacock — to display oneself ostentatiously; to strut like a peacock;

To squirrel away — to save, to put aside, to keep in reserve, to accumulate (verb originates from one of the most notable features of squirrels — their ability to keep the nuts for the winter);

To crow — to express great pride or triumph, especially in a tone of gloating satisfaction;

To rabbit on — to move quickly; to run away; to talk at length, especially about trivial matters;

To cat — to look for sexual partners; to have an affair or affairs;

To swan — to travel around from place to place;

To skunk — to defeat (someone) overwhelmingly in a game or contest, especially by preventing them from scoring at all;

To duck — to move one's head or body downwards to avoid being hit or seen. [2]

That is the largest group presented. It includes the verbs with the meanings describing practically each moment of humans' lives.

2. Verbs describing specific acts, made by human beings. The subgroup includes:

a) Having a meal:

To hog — to swallow without chewing;

To wolf down — to eat food very quickly, to gobble;

To pig out — to eat large amount of food. [3]

b) To play a fool:

To ape, to monkey — to imitate the behavior or manner of someone or something, especially in an absurd or unthinking way; to behave in a silly or playful way. [2]

c) To repeat something monotonously, to study without comprehension:

To parrot (to cuckoo) — to repeat mechanically. [3]

In this group one can find verbs which meanings are based on adjacency. Such linguistic correlation happens because typical animal actions are transferred to humans' behavior.

It also happens that during language development not only actions, but also typical features of animals, attributed to them by people, transfer to language usage as separate unites. For example, verb to beaver away means to work tirelessly as beavers are known for building dams, canals, and

lodges. To ferret out means to rummage as very keen sense of smell is a typical feature of the ferret. In its turn verb to chicken out means to be afraid of something as chicken is very small and very defenseless.

3. Verbs describing professional spheres of life:

For example, verb to bull means to buy shares hoping to sell them at a higher price later. If you draw a parallel with fighting bulls, these animals have a certain combination of aggression, energy, strength, stamina and intellect. To bull is often contrasted with verb to bear — to forecast that prices of stocks or commodities will fall, especially to sell shares hoping to buy them back later at a lower price. It is said to be from a proverb warning against 'selling the bear's skin before one has caught the bear'. Verb to kite means to write or to use (a check, bill, or receipt) fraudulently. That's also an informal term that has reference to financial duties.

To crab means to steer an aircraft or ship slightly sideways to compensate for a crosswind or current. And verb to bat is used in sports, such as baseball, meaning to take in turns the role of hitting rather than fielding [2].

4. Verbs denoting semes 'pursuit', 'surveillance', 'super-vision' include:

To bug — to conceal a miniature microphone in (a room or telephone) in order to monitor or record someone's conversations;

To dog — to follow (someone or their movements) closely and persistently; (of problem or bad luck) to cause you trouble for a long time.

To sleuth — to carry out a search or investigation in the manner of a detective;

To hound — to harass, to persecute, or to pursue relentlessly;

To fish — to try to get something or find out something; to try to catch something using your hands;

To mouse out — to nose out. [2]

5. Verbs with the meaning of deceit, intimidation:

To buffalo — to overawe or to intimidate (someone);

To pigeon — to dupe, to cheat;

To fox — to trick or to confuse somebody;

To rook — to defraud, to overcharge, or to swindle (someone). [3]

6. Verbs with the meaning of cowardice, uncertainty, slowness:

To crane — to hesitate in passing the difficulties;

To quail — to tremble of fear, to be discouraged;

To turtle (to snail, to slug) — to move slowly.

It's rather complicated to analyze animal words in language corpus. The metaphorical sense based on the relationship of similarity (adjacency) is of particular interest here, i.e. ascription of anthropomorphic qualities to certain ani-

mals. English uses animal words in a dazzling array of idioms and metaphors, often nothing to do with actual animals. One should persistently consult to explore this rich figurative language.

Statistical analysis of similes involving animal words in English language corpus generates a detailed picture of the characteristics that English ascribes to animals: cat: nimble, curious, nervous, silent, comfortable, cool; dog: sick, loyal, friendly; horse: healthy, hungry; bull: strong, mad, angry; lion: brave, righteous, fierce, bold, protective, strong; pig: happy, foul, drunk, sick; fox: sly, smart. It is apparent that these characteristics are largely linguistic conventions and often have little to do with our understanding of real animals: horses are healthy, but dogs and pigs are sick [4].

Statistical analysis of verbs with roots, affiliated with names of animals in English indicates that only 13% of all the verbs can be used in professionally specialized fields of life. Such spheres include finances, sports, agriculture, and transport. Other verbs are frequently used in everyday life. Moreover, 54% of commonly used verbs belong to informal style. Such a widespread use of animal names for characteristic of a man and his actions can be easily explained with extra linguistic factors. Habits and lifestyles of birds and fish, animals and insects arouse certain associations with the appearance and behavior of a person.

It may seem that verbs with roots, affiliated with names of animals, include mostly phrasal verbs. That is wrong. Only 31% of all the verbs from the studied group (that includes all the verbs with animal names roots) tend to form phrasal verbs when used with preposition. Other 69% include the verbs that are polysemantic or change their meaning being used in spoken language.

It is an interesting fact that 50% of all the studied zoonyms attach negative meaning beyond their standard definition. Only 5% have positive connotation with regards to their pleasing emotional connection, while 45% of verbs do not possess any connotation and are neutral. These numbers show that the studied group includes the contrasts of a verb with its primary, literal meaning with what that verb specifically denotes. That shows the frequency of how anything may be associated with a zoonym beyond an implied value of judgment or feelings.

So, extra-linguistic reality is especially reflected in the group of verbs with roots, affiliated with names of animals, which is the object of our study. It is reflected brighter than in any other area of language comprehension. Images of animals are endowed, at first glance, by non-motivated properties and sometimes it is even contrary to the logic of things. These images trace back to the depths of the human mind, to its beliefs and mythology.

References:

1. Gurevich T., Japanese: zoonyms translation problem / T.M. Gurevich // Comparative Linguistics. Typology of languages. Translation Theory: Issues of the 3rd International Conference. Moscow-Kazan, 2006–2008. — Moscow: Moscow State University, 2008 — P. 47–56.

2. Oxford Dictionaries [Electronic resource] / Online Oxford Dictionaries — Mode of access: <http://www.oxforddictionaries.com/>. — Lang. Engl.
3. Linguistic portal ABBYY Lingvo-Online [Electronic resource] / ABBYY Lingvo-Online — Mode of access: <http://www.lingvo-online.ru/ru>. — Lang. Engl., Rus.
4. Using the Corpus [Electronic resource] / Online Oxford Dictionaries — Mode of access: <http://www.oxforddictionaries.com/words/using-the-corpus?q=in+the+first+or+second+etc.+instance/>. — Lang. Engl.

Метафоры внутреннего мира человека в романе Герберта Уэллса «Машина времени»

Головнёва Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Чорната Ольга Олеговна, студент
Дальневосточный федеральный университет

Ключевые слова: английский язык, метафора, внутренний мир человека, языковые (конвенциональные) и художественные (индивидуально-авторские) метафоры

Метафора — один из основных приемов познания объектов действительности, их наименования, создания художественных образов и порождения новых значений [5]. В современной когнитивной лингвистике под метафорой понимают «перенос когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, к которой она исконно принадлежит, в другую область» [4, с. 189]; первую область принято называть областью-источником, вторую — областью-целью.

Объект нашего исследования — метафоры, областью-целью которых является любое проявление внутреннего мира человека либо внутренний мир в целом. Внутренний мир человека — это «сфера индивидуальной жизни человека, включающая в себя эмоции, чувства, аффекты, верования, устремления и содержащая в себе результаты внутреннего и внешнего опыта человека, не подлежащего полной и адекватной передаче другому» [1].

Цель данного исследования — выяснить, какие виды метафор использовал Герберт Уэллс, и понять, какие проявления внутреннего мира преобладают в романе.

Для этого были поставлены следующие задачи:

1) Произвести сплошную выборку метафор внутреннего мира человека из романа и сгруппировать метафоры по общности их областей-целей (т.е. по тем проявлениям внутреннего мира, которые ими репрезентированы).

2) Выявить соотношение языковых и индивидуально-авторских метафор внутреннего мира человека в романе Г. Уэллса.

По критерию новизны метафоры исследователи выделяют два типа метафор: языковую (или конвенциональную) и художественную (или индивидуально-авторскую).

Языковая (конвенциональная) метафора — «готовый элемент лексики, такую метафору не нужно каждый раз

создавать, «делать» — ее берут готовой и употребляют в речи» [6, с. 31].

Индивидуально-авторская (художественная) метафора — «разновидность метафоры, обладающая индивидуальностью, имеющая авторство и выполняющая образные эстетические функции» [3]. Как правило, такая метафора не воспроизводится в языке.

«Существенны различия языковой и художественной метафоры с точки зрения их лексического статуса. Языковая метафора — самостоятельная лексическая единица, достаточно свободно вступающая в семантические связи, художественная метафора не имеет такой лексической самостоятельности, она всегда связана с контекстом...» [6, с.35]

Существует такая разновидность языковой метафоры, как метафора стертая или мертвая. Такие обороты речи не распознаются носителем языка как метафоры.

Нельзя сказать, что роман изобилует метафорами. Он написан простым языком, напоминает суховатый отчет исследователя, из метафор преобладают конвенциональные, но встречаются и развернутые индивидуально-авторские. Например, о главном герое говорится так:

... my mind was already in revolution; my guesses and impressions were slipping and sliding to a new adjustment. (Все мои представления о новом мире теперь перевернулись.) [Здесь и далее метафоры выделены полужирным шрифтом, английский текст цитируется по [8], русский перевод — по [7]. — Авт.]

Герои романа Г. Уэллса не имеют имен (кроме девушки из народа элоев, с которой мы еще познакомимся), они представлены читателю как Путешественник по Времени — главное действующее лицо романа, Журналист, Провинциальный Мэр, Психолог и др. В самом начале романа между ними происходит диалог о существовании четвертого (временного) измерения. Для объяснения работы сознания во времени рассказчик прибегает к метафоре:

... our consciousness moves intermittently in one direction... from the beginning to the end of our lives. ([Единственное различие между Временем и любым из трех пространственных измерений заключается в том, что] наше сознание движется по нему.) — индивидуально-авторская метафора.

В романе метафоры можно разделить на несколько групп. Первая, наибольшая по количеству метафор группа, характеризует ход мысли героев — это метафоры мышления:

... there was that luxurious after-dinner atmosphere when thought roams gracefully free of the trammels of precision. (... в комнате царила та блаженная послеобеденная атмосфера, когда мысль, свободная от строгой определенности, легко скользит с предмета на предмет.) — индивидуально-авторская метафора.

I thought in a transitory way of the oddness of wells still existing, and then resumed the thread of my speculations. (У меня мелькнула мысль: как странно, что до сих пор существуют колодцы, но затем я снова погрузился (буквально: возобновил нить раздумий) в раздумья.) — языковая метафора.

At once, like a lash across the face, came the possibility of losing my own age, of being left helpless in this strange new world. (Как удар хлыстом по лицу, меня обожгла мысль, что я никогда не вернусь назад, навеки останусь беспомощный в этом новом, неведомом мире.) — языковая метафора.

The bare thought of it was an actual physical sensation. (Сама мысль об этом была мучительна.) — языковая метафора.

Характеризуя явления психики, метафора может употребляться в конвергенции с метонимией — переносом наименования по смежности [2, с. 240]. В этой группе хотелось бы отметить такой пример сочетания метафоры и метонимии:

I met the eye of the Psychologist, and read my own interpretation in his face. (Я встретился взглядом с Психологом, и на его лице прочел отражение собственных мыслей.)

Метонимия здесь состоит в том, что выражение лица человека воспринимается как его чувство или мысль (этот вид метонимии характерен для описаний внутреннего мира). В данном случае на лице Психолога «написано» его согласие с рассказчиком. Метафорически употреблен глагол *read*, получается, что мысли можно читать так же быстро и ясно, как книгу.

В романе встречаются и стертые метафорические обозначения мысли (такие, как «мысли приходили»), которые мы не приводим.

После окончания диалога Путешественник по Времени рассказывает о невероятном изобретении — Машине Времени и показывает эксперимент с уменьшенной ее моделью. Никто не верит, а точнее, все боясь поверить увиденному. Поэтому недоверие и насмешки со стороны его слушателей Герберт Уэллс подчеркнул следующей метафорой:

The Journalist too, would not believe at any price, and joined the Editor in the easy work of heaping ridicule on the whole thing. (Журналист тоже ни за что не хотел нам верить и присоединился к Редактору, легко нанизывая одну на другую насмешки и несообразности.) — индивидуально-авторская метафора.

Чтобы доказать свою теорию, Путешественник отправляется в странствие на изобретенной им Машине Времени. Отправляясь в путешествие, он хотел попасть в Золотой век. И верно, перед ним промелькнул расцвет человечества. Машина остановилась в 802801 году в момент упадка. В будущем от прошлого сохранились лишь полуразрушенные дворцы, прекрасные растения, сочные фрукты. Но человечество, каким мы сегодня его видим, полностью исчезло. Ничего не осталось от прежнего мира. Путешественника встречают прекрасные элои, а где-то под землей скрывается другая раса — звероподобные морлоки.

Элои и правда прекрасны. Они красивы, добры, веселы. Но эти наследники элиты в умственном отношении полностью выродились. Они не знают грамоты, не имеют ни малейшего представления о законах природы и, хотя дружно веселятся, не способны ни при каких обстоятельствах помочь друг другу. Угнетенные классы — морлоки — переместились под землю, где работают какие-то сложные машины, обслуживаемые ими. Пищей морлокам служит... мясо элоев. По ночам они нападают на беспечных обитателей верхнего мира и поедают их, хотя днем по привычке продолжают их обслуживать. Поэтому у элоев темнота вызывает неясный страх. Зато днем они безмятежны:

When I saw them standing round me, it came into my head that I was doing as foolish a thing as it was possible for me to do under the circumstances, in trying to revive the sensation of fear. (Когда я увидел их, стоящих вокруг меня, я понял, что стараться пробудить в них чувство страха — чистое безумие.) — языковая метафора.

Итак, Путешественник по Времени понимает, что наблюдает закат человечества. Но, когда ему доводится спасти тонущую женщину по имени Уина (*Weena*), он внезапно обнаруживает в ней чувство благодарности, до сих пор не встречавшееся ему у элоев, а затем и нежную привязанность. Она приносит ему гирлянду цветов и неотступно следует за ним. Именно от Уины Путешественник узнает о страхе элоев перед темнотой. Затем он замечает и морлоков, и по ходу действия ему приходится даже драться с этими агрессивными, хоть и мелкими, существами... Во время такого боя Уина гибнет от лесного пожара.

Неудивительно, что вторая по величине группа метафор, описывающая страх, ужас, беспокойство, по своему объему приближается к группе метафор мышления. Герберт Уэллс хотел этим подчеркнуть весь ужас будущего, страх и отчаяние, которые пережил Путешественник во Времени.

It was a foolish impulse, but the devil begotten of fear and blind anger was ill curbed and still eager to take advantage of my perplexity. (Безумный порыв! Но сидевший во мне дьявол страха и слепого раздражения еще не был обуздан

и пытался овладеть мною.) — развернутая индивидуально-авторская метафора. Она содержит олицетворение: страх и слепое раздражение персонифицируются в образе дьявола.

It was this restlessness, this insecurity, perhaps, that drove me further and further afield in my exploring expeditions. (Беспокойство и ощущение неведомой опасности заставляли меня уходить все дальше и дальше на разведку.) — языковая метафора.

I was in an agony of discomfort. (Мучительная тревога овладела мной.) — языковая метафора.

I felt like a beast in a trap, whose enemy would come upon him soon. (... я чувствовал себя в положении зверя, попавшего в западню и чующего, что враг близко.) — индивидуально-авторская метафора.

Then I tried to preserve myself from the horror that was coming upon me by regarding it as a rigorous punishment of human selfishness. (Я попытался подавить отвращение (буквально: сохранить себя от ужаса, сходящего на меня), заставляя себя думать, что такое положение вещей — суровая кара за человеческий эгоизм.) — сочетание стертых метафор “to preserve oneself from the horror” и “the horror that was coming upon me”.

Несмотря на это, Путешественник по Времени находит в себе силы найти Машину и отбить ее у морлоков, но вместо родного прошлого случайно отправляется в еще более далекое будущее. Он находит Землю ужасающей и безжизненной:

A horror of this great darkness came on me. (Ужас перед этой безбрежной тьмой охватил все мое существо.) — в оригинале стертая метафора.

Разумеется, отрицательные эмоции не захлестывают Путешественника все время. Ему свойственна уверенность в своих силах:

Here I was more in my element... (Тут я больше чувствовал себя в своей среде...) — языковая метафора.

Также уверенность в себе у человека XX в. передается косвенно, через отрицание страха и таинственности:

I came out of this age of ours, this ripe prime of the human race, when Fear does not paralyse and mystery has lost its

terrors. (Я был сыном своего века, века расцвета человеческой расы, когда страх перестал сковывать человека, и таинственность потеряла свои чары.) — языковые метафоры.

Метафоры уверенности составляют третью, относительно небольшую группу.

Рассказ Путешественника по Времени, составляющий наибольшую часть романа Уэллса, его собеседниками воспринимается с недоверием, поэтому уже на следующий день он отправляется за вещественными доказательствами в новое Путешествие по Времени, вернуться из которого ему уже не удастся.

Роман заканчивается метафорическим выражением, напоминающим об Уине и обо всем нежном, хрупком народе элоев:

... even when mind and strength had gone, gratitude and a mutual tenderness still lived on in the heart of man. (Даже в то время, когда исчезают сила и ум человека, благодарность и нежность продолжают жить в сердцах.)

По результатам исследования можно сделать следующие выводы.

1) В романе четко выделяются две основные группы метафор, отображающих проявления внутреннего мира человека: особенности мышления — и все градации страха, от всепоглощающего ужаса до смутного беспокойства. При этом метафоры мышления количественно преобладают, но среди них больше стертых, чем среди метафор страха. Небольшой группой метафор передано еще одно свойство человеческой души — уверенность в себе. В таком соотношении метафор есть символический смысл: научно-фантастический роман Уэллса повествует о работе мышления и о торжестве разума, но в то же время мир, постигаемый этим разумом, полон иррационального, вызывающего ужас.

2) Языковые, в том числе стертые, метафоры преобладают над индивидуально-авторскими — думается, это помогло автору изобразить Путешественника по Времени, большую часть повествования выступавшего в роли рассказчика, как изобретателя-«технаря», деловитого и рассудительного, не склонного к поэтическим вольностям.

Литература:

1. Внутренний мир человека // Некрасова Н. А., Некрасов С. И., Садикова О. Г. Тематический философский словарь. — М.: МГУ ПС (МИИТ), 2008. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://thematic_philosophical.academic.ru/56/%D0%92%D0%9D%D0%A3%D0%A2%D0%A0%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%98%D0%99_%D0%9C%D0%98%D0%A0_%D0%A7%D0%95%D0%9B%D0%9E%D0%92%D0%95%D0%9A%D0%90
2. Головнёва, Ю. В. Метафора и ее место в системе языка (на материале метафор внутреннего мира человека) // European Social Science Journal. — М.: Международный исследовательский институт, 2013. — № 12. — Том 1. — с. 236–243.
3. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов // Академик. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/2024/метафора_художественная
4. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международного семинара «Диалог'2002» в 2-х томах / Под ред. А. С. Нариньяни. — М.: Наука, 2002. — Том 1. Теоретические проблемы. — с. 188–196.

5. Метафора // Энциклопедия «Кругосвет». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/METAFORA.html?page=0,0
6. Складневская, Г. Н. Метафора в системе языка. — СПб: Наука, 1993. — 152 с.
7. Уэллс, Г. Машина времени/ Пер. К. Морозова. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/doc11415127_285716837?hash=883599efca5b7f41e8&dl=4a6102abdac287ab95
8. Wells, H. G. The Time Machine. — Режим доступа: http://www.planetpdf.com/planetpdf/pdfs/free_ebooks/The_Time_Machine_NT.pdf

О преподавании русского языка как неродного в техническом вузе

Ережепова Сауле Каратаевна, кандидат филологических наук

Восточно-Казахстанский государственный технический университет имени Даулета Серикбаева (г. Усть-Каменогорск, Казахстан)

Стремительное развитие информационных технологий, вхождение в мировое образовательное пространство, присоединение высшего образования Казахстана к Боннской декларации способны ускорить процесс обновления системы образования в целом. Сегодня в вузах осуществляется важный этап, направленный на повышение качества высшего образования и конкурентоспособности выпускников высших учебных заведений республики на международном рынке труда. Кредитная, модульная система образования, дифференциация знаний приводят к необходимости включать в содержание образования большой практический и теоретический материал. Но, в связи с ограниченностью времени встает задача — отбор необходимого минимума знаний. Отбор и обновление учебного материала, методов, приемов, средств обучения являются одним из источников инновационных процессов в обучении русскому языку.

На наш взгляд, преподаватель в основном должен выступать в роли организатора самостоятельной активной познавательной деятельности студентов, компетентного консультанта и помощника.

Как известно, современный образовательный процесс не мыслим без применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Использование ИКТ на занятиях по русскому языку в техническом вузе позволяет разнообразить формы работы, деятельность студентов, активизировать внимание, повышает творческий потенциал личности. Построение схем, таблиц, алгоритмов в презентации позволяет экономить время, более эстетично оформить материал. Задания с последующей проверкой активизируют внимание студентов, формируют орфографическую зоркость. Использование кроссвордов, иллюстраций, рисунков, различных занимательных заданий, интеллект карт, перфокарт — воспитывают интерес к занятию, делают занятие более интересным [1].

Возможности использования интернет ресурсов разнообразны. На занятии преподаватель вместе со студентами может решить ряд дидактических задач: формировать навыки и умения чтения, используя материалы глобальной сети, совершенствовать словарный запас студентов, фор-

мировать у студентов мотивацию к изучению русского языка. У студентов появилась возможность принимать участие в тестировании, викторинах, конкурсах, олимпиадах, проводимых по сети Интернет, а также участвовать в видеоконференциях, заочных конференциях и т.д.

Использование информационно-коммуникационных технологий в организации образовательного процесса повышает эффективность усвоения новых знаний, а так же применение их в различных ситуациях общения [2].

Действительно, в системе высшего образования интерактивное обучение на основе мультимедийных программ позволяет более полно реализовать целый комплекс методических, дидактических, педагогических и психологических принципов, делает процесс обучения более интересным, креативным и творческим. Возможности учитывать уровни языковой подготовки студентов являются основой для реализации принципов индивидуализации и дифференцированного подхода в обучении. При этом соблюдается принцип доступности и учитывается индивидуальный темп работы каждого студента. Используя компьютер, можно организовать на занятии индивидуальную, парную и групповую формы работы. Вслед за С.Р. Домановой мы считаем, что необходимо тщательно планировать время работы с компьютером и использовать его именно тогда, когда он действительно необходим [3, с. 7].

Одним из способов для совмещения современных информационных технологий, личностно-ориентированного обучения и самостоятельной работы студентов является проектная деятельность. Проведенный анализ литературы позволяет заметить широкое распространение метода проектов в системах образования разных стран. И причиной этого служит то, что в условиях информационного общества, в котором стремительно устаревают знания о мире, необходимо не столько передавать студентам сумму тех или иных знаний, сколько научить их приобретать эти знания самостоятельно, уметь пользоваться приобретенными знаниями для решения новых познавательных и практических задач. Учебный проект — совместная учебно-познавательная, творческая или игровая деятельность студентов — партнёров, имеющая

общую цель и согласованные способы, направленная на достижение общего результата по решению какой-либо проблемы, значимой для участников проекта [4].

Проектный метод содержит большой потенциал в реализации межпредметных связей: с информатикой, с базовыми и профильными дисциплинами; позволяет на деле реализовать деятельностный подход в обучении студентов и интегрировать компетенции, полученные ими при изучении различных дисциплин на разных этапах обучения.

Работа над проектом в творческом коллективе дает возможность студентам объединиться по интересам, обеспечивает для них разнообразие ролевой деятельности в процессе обучения, воспитывает обязательность выполнения заданий в намеченные сроки, взаимопомощь, тщательность и добросовестность в работе, равноправие и свободу в выражении идей, их отстаивание и в то же время доброжелательность при всех обстоятельствах.

Литература:

1. Ережепова, С. К. О мотивации изучения русского языка в техническом вузе. / Материалы III Международной научно-практической конференции «Новейшие исследования в современной науке: опыт, традиции, инновации». М., 2015.
2. Бухаркина, М. Ю. Использование телекоммуникаций в обучении иностранным языкам в общеобразовательной школе: дисс... канд. пед. наук. / Марина Юрьевна Бухаркина. — М., 2004. — 198 с.
3. Доманова, С. Р. Методы компьютерного обучения: Автореф. дисс... канд. пед. наук / Светлана Романовна Доманова. — Ростов-н/Д; 2007. — 21 с.
4. Бухаркина, М. Ю. Телекоммуникации в образовании? Это реально [Текст] / М. Ю. Бухаркина // Распахнутая дверь в мир педагогических и информационных технологий. — с. 58–71.

Аксиологический потенциал устойчивых сравнений в лирике Н. С. Гумилёва

Занегина Анастасия Анатольевна, аспирант
Московский педагогический государственный университет

В статье обращено внимание на функционирование в художественном тексте устойчивых сравнений на примере лирических текстов Н. С. Гумилёва. Определены некоторые особенности авторского перевода иноязычных УС на русский язык.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, идиостиль, акмеизм.

Сравнения играют одну из самых знаковых семантико-стилистических ролей в любом тексте, особенно поэтическом. Те сравнения, в которых отразился какой-либо поликультурный символ, называют устойчивыми (УС). Это общепозэтические формулы, образы-архетипы, обусловленные той или иной традицией. В таких сравнениях онтологические явления проявляют свое ценностное содержание.

Традиционные языковые образы-сравнения как снег, как ветер, как маков цвет, как глина, как мертвый, как смертный грех, как в огне, как у совы, как на троне и т.п. имманентны человеческому сознанию, поэтому их появление в художественных текстах неизбежно

В целом, студент, приобретая опыт проектной деятельности, приобретает и опыт поисковой творческой деятельности, что составляет неотъемлемый элемент в структуре содержания образования. Работа по данному методу расширяет кругозор студентов, развивает их коммуникативные умения, способствует стремлению самостоятельно добывать и использовать новые знания. Применение проектной методики повышает интерес студентов к изучению языка путем развития внутренней мотивации при помощи переноса центра процесса обучения с преподавателя на студента.

Метод проектов актуален при кредитной системе обучения, так как ориентирован на самостоятельную деятельность студентов — индивидуальную, парную, групповую, которую студенты выполняют в течение определённого отрезка времени. Осуществляется взаимодействие студентов друг с другом и преподавателем, роль которого меняется от контролера до равноправного партнера и консультанта.

и эстетически значимо. Реализованные в поэтическом тексте УС, часто рассматриваются как своеобразные штампы, трафаретные модели с затертой образностью. Например, в «Эстетике» Гегель пишет о том, что символично-энергетический потенциал основных составляющих таких конструкций элементарен и слаб [2; 321]. Антипатичность такого взгляда на УС странна не только как на факт языковой системы, но и на «исходную точку языка и сознательной мысли» — именно так определяет сравнение А. А. Потебня [8; 80]. Писателям интуитивно присущи общезыковые образы, которые активно ими используются как средство реализации авторского замысла.

В этой связи акмеистические тексты Н. С. Гумилёва с установкой на точный образ, предельную конкретность, «мужественно-твердый и ясный взгляд на жизнь» [4; 115], особенно интересны. Его лирика изобилует устойчивыми компаративными структурами. Сравнения, вкупе с другими орнаментальными тропами, позволяют сконцентрировать внимание на значимом для данного контекста образе. Так, «лицо «могучего царя» оказывается «мрачным, как ночь»; кудри вьются по плечам «как змеи»; Люцифер крадется «как тень»; единороги предстают «белыми, как снег», а вечерние звезды сравниваются с «крупным горохом» [6; 50].

Часто в словесном искусстве сакраментальные понятия, являющиеся частью компаративной структуры, получают новый контекстуальный вариант — трансформируют устойчивое сравнение. В стихотворении «Словно ветер страны счастливой...» смысловой стержень УС «сладкий, как мед» преобразовывается за счет контекста:

Дорогая с улыбкой летней,
С узкими, слабыми руками
И, как мед двухтысячелетний
Душными, черными волосами.

Традиционные образы за счет включения их в образную ткань произведения усложняют их внутреннюю форму, преумножая эстетический эффект. Невозможно отрицать, что трансформация УС «острый, как сталь» в стихотворении Н. Гумилёва «Царица» придает образу героини монументальную гордость спокойствия:

Твой лоб в кудрях отлива бронзы,
Как сталь, глаза твои остры,
Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.

Акмеист С. Городецкий в работе «Некоторые течения в современной русской поэзии», говоря о предельной конкретности образа, отмечал: «Роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще» [1; 97]. Устойчивые сравнения помогали реализовываться акмеистической ориентации на традицию в противопоставление установке на новаторство, окказиональность и сближение далековатых друг от друга образов:

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему
(«Солнце духа»)

Аксиологический потенциал УС в тексте неразрывен с самим автором и его образом. Аналитически настроенный Гумилёв ориентировался на своего читателя, который всегда ждет совпадения своих представлений с авторскими. В стихотворении «Персидская миниатюра» УС «голубой, как небо» и «глаза, как миндаль», изначальный символ выполняет коммуникативную функцию, являясь эксплицитно выраженным.

И небо, точно бирюза,
И принц, поднявший еле-еле

Миндалевидные глаза

На взлет девических качелей.

Устойчивое сравнение всегда суггестивно ценностно. В одних случаях, УС способствуют усилению образного впечатления, эмоциональности:

Закат из золотого стал как медь,
Покрылись облака зеленой ржью,
И телу я сказал тогда: — Ответь
На всё провозглашенное душою.
(«Душа и тело»)

В других случаях, УС призвано подчеркнуть ситуативное безмятежное спокойствие. Такое сравнение-атраксия не врезается в текст, а мягко погружается в него: «как луна, всегда светла полночная любовь» («Свидание»).

Эстетически нагруженное УС в тексте всегда играет роль отражателя культурных ценностей. Это особенно заметно на примере каскада сравнений в стихотворении «Венеция»:

Город, как голос наяды,
В призрачно-светлом былом,
Кружев узорней аркады,
Воды застыли стеклом.

Выше говорилось об эксплицитности сравнений. Но УС могут выполнять и имплицитную функцию выражения образного впечатления. Но у Гумилёва и здесь традиционные сентиментальные образы любви служат для адамистического вытесывания стиха:

Нас много здесь собралось с молотками,
И вместе нам работать веселей;
Одна любовь сковала нас цепями,
Что адаманта тверже и светлей,
И машет белоснежными крылами
Каких-то небывалых лебедей.
(«Пятистопные ямбы»)

Н. Гумилёв употребляет устойчивые сравнения рядом с индивидуально-авторскими, свободными, что усиливает эмотивность образа:

А теперь, как мертвая смоковница,
У которой листья облетели,
Я ненужно-скучная любовница,
Словно вещь, я брошена в Марселе.
(«Озеро Чад»)

Постоянные, структурно закрепленные сравнения, интересно работают при переводе текстов с одного языка на другой. Гумилёв был прекрасным переводчиком, максимально сохраняющим истинность оригинальных образных средств. Например, при переложении «Поэмы о старом моряке» («The Rime of the Ancient Mariner») С. Кольриджа, Гумилёв лишь немного видоизменяет УС английского текста, (The bride hath paced into the hall, / Red as a rose is she), содержащего описание входящей в зал невесты: «роз она милей», сохраняя при этом устойчивость.

В третьей части поэмы Гумилев использует трансформированное, но все-таки стремящееся к устойчивым, сравнение «петь, как стрела»:

Помчались души их (мертвецов. — А.З.), спеша
Покинуть их тела!
И пела каждая душа,
Как та моя стрела».

Примечательно, что в тексте Кольриджа в этой строфе употреблено УС, свойственное только британцам: «пролетать, словно стрела, пущенная из арбалета»:

The souls did from their bodies fly, —
They fled to bliss or woe!
And every soul, it passed me by,
Like the whizz of my crossbow!

В стихотворении поэта-парнасца Т. Готье «Дворец воспоминаний» («Le Château du Souvenir») есть устойчивый прецедентный образ («нить Ариадны», «вести, как нить Ариадны»). Прецедентные сравнения — те, которые содержат в своей структуре культурную реалию, знаменитую экфразу, образы мифологии и т.п. («висеть дамокловым мечом») и имеют ярко выраженный аксиологический компонент:

Но вот, прозрачна и прохладна,

Явилась память вдалеке,
Она ведёт, как Ариадна,
С бечёвкой лёгкою в руке.

Во французском тексте-источнике точно такое же сравнение. В данном случае (совпадение оригинала и перевода) мы можем говорить об абсолютных интертекстуальных сравнениях:

Mais voici, blanche et diaphane,
La Mémoire, au bord du chemin,
Qui me remet, comme Ariane,
Son peloton de fil en main.

Таким образом, устойчивое сравнение, являясь фактом языковой системы, культурно константой, смысловым ядром, присуще любому художественному тексту. Тексты делаются аксиологически наполненными, верифицированными за счет устойчивых сравнений. Лирика Н. С. Гумилёва убедительно иллюстрирует тот факт, что УС, включенное в произведение, не только не обедняет его, а выводит уровень образности за пределы локального художественного пространства.

Литература:

1. Акмеизм // Литературные манифесты от символизма до наших дней. — М.: Согласие, 2000.
2. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике. В 2-х томах. Том 2. М.: Наука, 2007.
3. Готье Теофиль. Эмали и камеи. — М.: Текст, 2012.
4. Гумилёв, Н. С. Наследие символизма и акмеизм // Гумилев Н. Избранное. — М.: Вече, 2001.
5. Кольридж, С. Т. Стихи. Поэмы. — М.: Наука, 1974.
6. Занегина, А. А. Эстетические функции внутренней формы слова в поэзии Н. С. Гумилёва. — М., 2012.
7. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. — М.: ФЛИНТА, 2011.
8. Потенция, А. А. Мысль и язык. — М.: Лабиринт, 2010.

Аттракторно-интерференционный механизм паронимического смешения

Конева Евгения Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Курский государственный университет

Статья раскрывает сущность аттракторно-интерференционного механизма при смешении слов одной паронимической пары. Автор дает четкое определение данному механизму, рассматривая его с позиций психолингвистики и синергетики. Объяснение механизма сопровождается схематическим изображением, позволяющим наиболее четко продемонстрировать возможный сбой в ментальном пространстве индивида и, как следствие, ошибочное употребление паронимов в речи.

Ключевые слова: пароним, паронимическое смешение, аттрактор, аттракторно-интерференционный механизм, индивидуальное сознание, медиатор, ментальное пространство.

Еще древние говорили: «Errare humanum est» (Ошибаться свойственно человеку). Данная пословица справедлива и для нашего времени. Как часто мы делаем ошибки в речи, употребляя одно слово вместо другого по целому ряду причин. Типичным случаем речевой ошибки, но иногда и оговорки (см. подробнее: [5]), является паронимическое смешение. Экспериментальным путем (см.: [4]) мы попытались определить особенности функ-

ционирования паронимов в индивидуальном лексиконе и установить возможные факторы, оказывающие влияние на смешение паронимов в речи с позиций психолингвистики.

Согласно полученным нами результатам эксперимента был сделан вывод о том, что пароним, как и любое слово индивидуального лексикона, является медиатором, т.е. своего рода посредником, или связующим звеном,

между двумя системами: внешним, окружающим человека миром и внутренним, сконцентрированным в ментальном пространстве индивидуального сознания, — которые мы вслед за П. К. Анохиным, А. А. Залевской, И. Н. Трофимовой, Г. Хакен рассматриваем как сложные открытые динамические и самоорганизующиеся [2, 3, 6, 7]. Медиатор позволяет раскрыть ту сложную систему связей знаний, представлений, оценок, стоящую за словом в информационной базе человека, которую А. А. Залевская описывает как «хранилище разностороннего (чувственного и рационального, индивидуального и социального) опыта взаимодействия индивида с окружающим его миром» [3, с. 7]. С учетом данной информации представляется возможным рассмотреть механизм паронимического смещения в рамках междисциплинарного взаимодействия (психолингвистики и синергетики). В данной работе мы рассмотрим механизм паронимического смещения как ошибки при восприятии.

Проходя границу восприятия, связующую внешний мир с ментальным пространством индивидуального сознания (восприятие в точке соприкосновения с ментальным пространством является, на наш взгляд, репеллером (с по-

зиций синергетики это траектория, обладающая способностью «испускать» другие траектории, но при этом ничего не притягивать [1]), см. Рис.1), пароним поступает в единую информационную базу — ментальное пространство, где он проходит стадии «сканирования» и сопоставления с уже сформированными там образами, аналогами. Помимо точной информации (значения), которая в ментальном пространстве представляет собой седло (с позиций синергетики это «траектория, обладающая свойством притягивать одни траектории и отталкивать другие» [1, с. 256]), связанное как с репеллером, так и с аттрактором («траектория, обладающая свойством «притягивать» все близлежащие траектории» [там же]), репрезентированный пароним «обрастает» ассоциациями, мысленными представлениями, которые и представляют собой аттрактор.

Оказываясь под влиянием аттрактора, т.е. ассоциаций и мысленных представлений, искомый пароним может подвергнуться интерференционному (от лат. *inter* — взаимно, между собой — и *ferio* — ударяю, поражаю; в англ. *interference* — это «вмешательство, препятствие, помеха», т.е., другими словами, взаимовлияние, воздей-

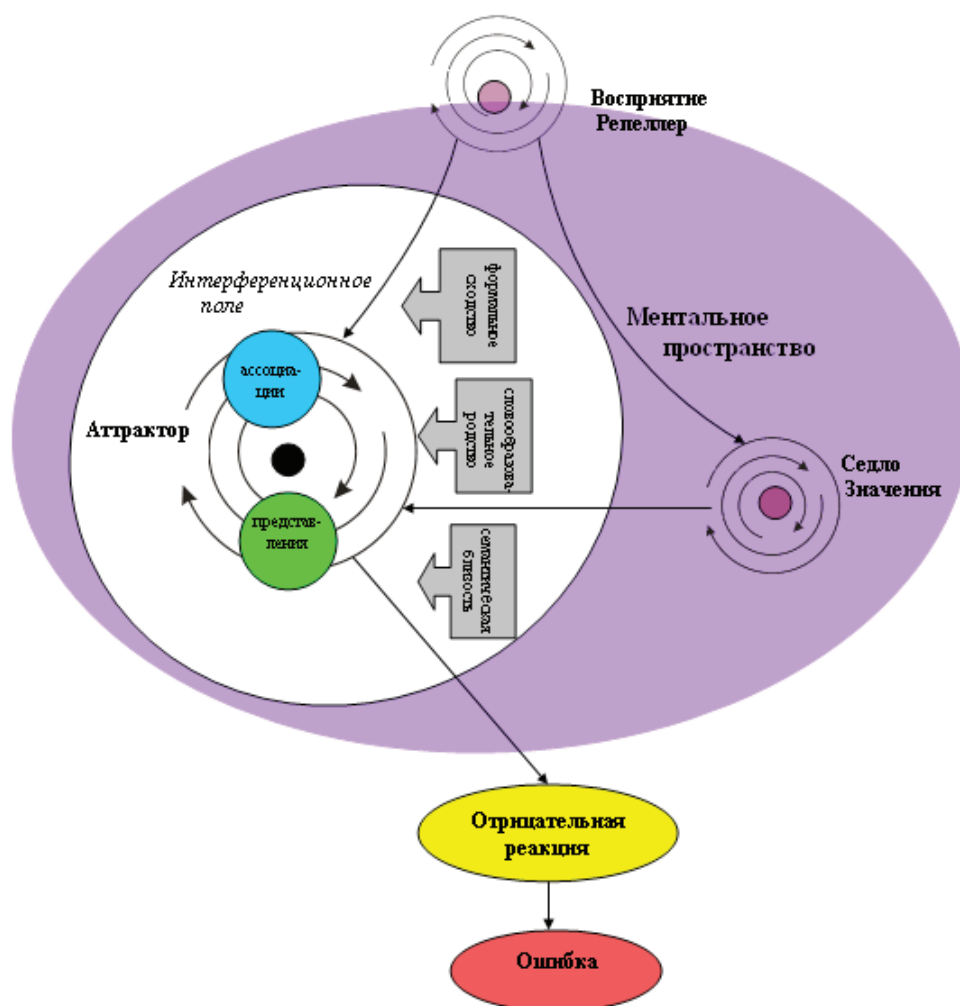

Рис. 1. Схематическое изображение аттракторно-интерференционного механизма паронимического смещения

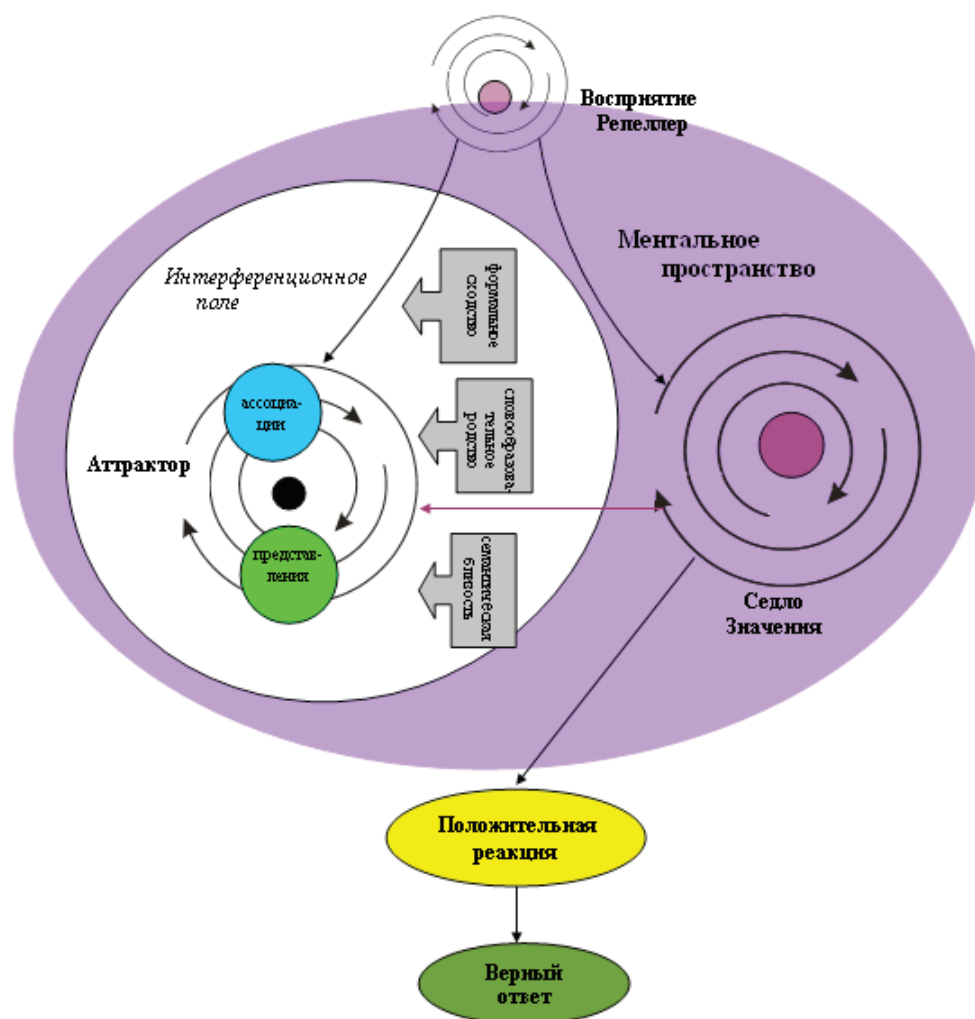

Рис. 2. Схематическое изображение процесса верной идентификации слова-паронима

ствие каких-либо объектов друг на друга) смещению со своим «собратом» в силу их формального сходства, словообразовательного родства и семантической близости. Однако это может произойти в случае отсутствия точного или же вообще какого-либо значения искомого паронима в базе значений («седло»). Это способствует возникновению отрицательной реакции при отождествлении, которая при раскодировке превращается в ошибку.

В случае же наличия в информационной базе точных значений искомого паронима и даже при условии аттракции со стороны ассоциаций и мысленных представлений реакция окажется положительной, поскольку при переходе репрезентированного паронима из сферы Седло в сферу Аттрактор он уже несет с собой верную инфор-

мацию. В этом случае степень аттракции, равно как и сила интерференции, окажется незначительной, и при раскодировке ответ будет верным (см. Рис.2).

Таким образом, аттракторно-интерференционный механизм паронимического смещения представляет собой при идентификации слова-паронима в индивидуальном сознании под воздействием трех факторов:

- 1) недостатка информации о значении или же ее отсутствия;
- 2) аттракции со стороны ассоциаций и мысленных представлений, усиленной
- 3) интерференцией по следующим направлениям: формальное сходство, словообразовательное родство и семантическая близость.

Литература:

1. Абрахам, Ф. Анализ динамических психологических систем // Синергетика и психология. Тексты. Вып.1. «Методологические вопросы» / под ред. И. Н. Трофимовой и В. Г. Буданова. — М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1997. — с. 252–276.
2. Анохин, П. К. Представление о функциональной системе и результате // Синергетика и психология. Тексты. Вып.1. «Методологические вопросы» / под ред. И. Н. Трофимовой и В. Г. Буданова. — М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1997. — с. 134–141.

3. Залевская, А.А. Исследования значения слова // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста: Межвузов. тематический сборник научн. трудов. — Калинин: Калининский госуд. унив-т, 1988. — с. 5—15.
4. Конева, Е.А. Специфика функционирования паронимов в ментальном лексиконе (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Курск, 2010. — 181 с.
5. Конева, Е.А. Смешение паронимов: ошибка или оговорка // Теория языка и межкультурная коммуникация. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2011. — № 2 (10). — Режим доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/010-009.pdf> — 0,25 п.л.
6. Трофимова, И.Н. Предпосылки синергетического подхода в психологии // Синергетика и психология. Тексты. Вып.1. «Методологические вопросы» / под ред. И.Н. Трофимовой и В.Г. Буданова. — М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1997. — с. 6—33.
7. Хакен, Г. Синергетика мозга // Синергетика и психология. Тексты. Вып.1. «Методологические вопросы» / под ред. И.Н. Трофимовой и В.Г. Буданова. — М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1997. — с. 34—63.

Многообразие письменностей мира

Кувыкова Дарья Сергеевна, студент

Российский государственный гуманитарный университет

Что такое язык? Как он появился? Какой язык был первым? Сколько всего языков в мире?

В настоящее время этими вопросами занимаются ученые-лингвисты, но далеко не на все вопросы, связанные с языком, мы сейчас можем дать однозначный ответ. Давайте попробуем найти ответ на самые интересные вопросы. Так что же такое язык?

Язык — знаковая система, соотносящая понятийное содержание и типовое звучание (написание). Термин «язык», понимаемый в широком смысле, может применяться к произвольным знаковым системам, хотя чаще он используется для более узких классов знаковых систем. Другими словами, язык — средство общения между людьми, способ передачи информации. Наверно, многих из нас в разное время интересовал вопрос сколько же все-таки всего языков на нашей планете и можно ли дать однозначный ответ на этот вопрос. По результатам последних исследований лингвистов было установлено, что примерное количество языков в мире 6—7 тысяч, но на этот вопрос точного ответа нет и быть не может по причине того, что языки, также как люди рождаются и умирают. Несколько лет назад лингвистами был замечен такой факт, что каждые две недели в мире умирает один язык. Этот факт шокирует людей, не работающих в сфере филологических наук, и, как следствие, у таких людей сразу же возникают вопросы, как же язык может рождаться и умирать. Давайте постараемся найти ответы на эти вопросы.

Как же язык может умереть?

Язык умирает вместе со своим последним носителем. В работе лингвиста нередко встречаются такие случаи, что приходится видеть в одной комнате всех носителей данного языка, иногда это всего одна семья, т.е 5—10 человек. Такое невозможно представить для таких языков как английский, китайский, французский, испанский и т.д. Такие языки, являющиеся средством международного об-

щения, называются *lingua franca*. Интересно, что самое большое число носителей имеет Китайский язык, самый распространенный язык в мире — английский. Пришло время поговорить о мертвых языках, таких как латынь или *lingua latina* (самый близкий родственник которой сейчас итальянский язык *lingua italiana*), санскрит (прародитель языка хинди, официального языка индии), древнегреческого, старославянского (предка современных русского, белорусского, украинского, болгарского языков). Интересный факт, что у трех из перечисленных выше языков есть примерная дата смерти, но такой даты нет у санскрита. — Почему? Санскрит, также как хинди и английский является официальным языком Индии, для около 50 тысяч человек этот язык является родным, для 200000 вторым языком. Появление же санскрита относится ко 2 тысячелетию до н.э.

Также как Санскрит, в настоящее время латынь является официальным языком Ватикана и католической церкви. Мы разобрались, как языки умирают, но как же тогда они рождаются?

Рождаются языки несколькими способами. Во-первых, в результате искусственного создания учеными. Наверно, не всем из нас известны искусственные языки. Примером таких языков являются: Эсперанто, Вокапюк, Идо...

Во-вторых, языки могут образовываться из одного прародителя (языка предков)

Примером такого разделения одного праязыка на несколько других является постепенное разделение Старославянского (Староболгарского) языка на русский, белорусский, украинский, болгарский. Староболгарским этот язык называют потому, что данный язык зародился на территории современной Болгарии.

В-третьих, языки могут рождаться в результате смешения языков, при завоевании одного народа другим.

Каждый язык имеет не только устную, но и письменную форму.

Для передачи информации на письме языки используют определенную систему знаков — письменность. У читателей, наверно, сразу появляются вопросы, как и когда зародилась письменность и, какой тип письменности самый древний. Что же такое письменность?

Письменность — знаковая система, предназначенная для формализации, фиксации и передачи тех или иных данных (речевой информации и др. элементов смысла безотносительно к их языковой форме) на расстоянии и придания этим данным вневременного характера. Письменность — одна из форм существования человеческого языка.

Самым древним видом письменности является рисуночное письмо, которое было в древнеегипетском языке. Относится оно к примерно 5 тысячелетию до н.э. Но данный тип письменности имеет ряд недостатков:

Занимает много времени и места, может быть понята двояко. Эти недостатки отлично показывает легенда о персидском царе Дарии Первом.

Во время войны персов со скифами скифы послали персидскому царю гонца с посланием, на котором были изображены лягушка, птица, мышь и стрелы. Царь Дарий, увидев его, посчитал, что враги отдают ему свою землю, что символизирует мышь, воду, что символизирует лягушка, небо, что символизирует птица, и войны не будет, так как стрелы нарисованы в виде креста. Персидский мудрец же, увидев послание, посчитал это предупреждением от скифов, если персы не освободят их землю, что символизирует мышь, воду, что символизирует лягушка, небо, что символизирует птица, будет война. С течением времени выяснилось, что мудрец оказался прав.

Но вернемся к нашему времени и ответим на вопрос, какие же письменности существуют сейчас и какие из них самые распространенные.

Самые распространенные письменности в мире: Латинская, Кириллическая, Деванагари (письменность санскрита, хинди и т.д.). Все эти письменности относятся к одному принципу письма — фонетическому (каждый символ, означает определенный звук или слог). Письменность деванагари является примером слогового письма.

Существует и другой принцип письма — иероглифика (каждый символ означает какой то предмет или действие). Например, китайский иероглиф «человек», иероглиф «люди», в свою очередь, состоит из двух иероглифов «человек».

Наверно, у многих читателей возник вопрос а может ли язык изменить письменность. Да, может. Для иллюстрации приведем несколько примеров из мировой истории.

Неудачным примером попытки изменить письменность языка является попытка применить к китайскому языку латинскую письменность. Эта попытка была неудачной по нескольким причинам: во-первых носители китайского языка привыкли к использованию иероглифов, а переучить многомиллионное население страны требует очень больших материальных затрат, которых в то время правительство Китая не могло себе позволить. Более того, каждый китайский регион говорит на своем диалекте, и при переводе на латиницу, возникала бы возможность непонимания носителем одного диалекта носителя другого диалекта.

Примером же удачного перехода с одной письменности на другую является факт из истории нашего государства. В начале шестидесятых годов прошлого столетия начались массовые гонения языковых меньшинств и активная пропаганда русского языка, в результате которой языки народов, проживавших на территории Советского Союза, были вынуждены перейти на кириллицу. Но к середине восьмидесятых годов данная пропаганда закончилась, но повторно менять письменность языки малых народов Советского Союза уже не стали.

С какими же проблемами сталкивается язык при изменении письменности?

В первую очередь это проблема нехватки символов, которая решается следующими способами: добавлением символов, добавлением специальных значков у символов. Это два самые распространенные метода решения данной проблемы.

Начиная изучать письменности, люди задают себе вопрос, можно ли определить язык по фрагменту текста. Конечно, можно, но не всегда. В определении языка лингвисту в первую очередь помогает графика.

Ниже будут представлены отличительные признаки графики некоторых языков.

Белорусский — ў

Украинский — ї

Болгарский — ъ на месте гласной

Чешский — латинская письменность, много диакритики, похож на русский

Польский — ł

Немецкий — ß

Арабский — **موسكو** арабская вязь, нет букв с 3 точками внизу

Греческий — **πολιτική**, греческая письменность

Армянский — **թվարանական** армянская письменность

Литовский — **ė** (единственный язык, имеющий таковой знак)

Грузинский — **იგვალუგუ** грузинская письменность

Китайский — 俄羅

Японский — **にかけ**

Корейский — **안예**

Латышский — ā

— Отличить Китайский и Японский очень сложно т.к. из китайского в японский заимствовано много иероглифов, но в тексте китайские иероглифы выглядят наи-

более массивными, японские же более светлые и легкие на вид.

— Диакритики — дополнительные значки у букв

Из приведенного выше материала становится понятно, что определить язык по фрагменту текста не

такая уж трудная задача, как казалось первоначально. Современным лингвистам ежедневно приходится сталкиваться с данной задачей, но, к сожалению, не во всех случаях она решается (как в случае китайского и японского языков).

Литература:

1. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%E8%F1%FC%EC%E5%ED%ED%EE%F1%F2%FC>

Функциональная вариативность дискурсивного сочинения в нарративе (на материале современного английского языка)

Куралева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук
Санкт-Петербургский государственный университет

В современной лингвистике язык рассматривается в тесной связи с процессами порождения и восприятия речи. Лингвисты все чаще отказываются от нормативного описания языка и рассматривают язык и речь с точки зрения грамматической вариативности. Таким образом, традиционные языковые единицы начинают рассматриваться в новом ракурсе, а именно, с точки зрения их функционирования в дискурсе.

Целью настоящей статьи является рассмотрение функциональной вариативности межфразовой сочинительной связи в нарративном дискурсе, а также выявление ее особенностей. Мы придерживаемся широкого подхода к сочинению, и, вслед за М.Я. Дымарским, считаем, что «сочинительная связь в широком понимании — может быть обнаружена, в принципе, между любыми рядоположенными предложениями текста» [1, с. 264].

В круг рассматриваемых явлений были включены структуры с инициальными союзами, т.к. данные языковые единицы выступают, с одной стороны, как вариант бессоюзной структуры и, с другой стороны, обладают определенными особенностями, по сравнению с бессоюзной межфразовой связью. Кроме того, нормативные грамматики английского языка запрещают использовать сочинительные союзы в начале высказывания. Тем не менее, корпусные исследования отмечают большую частотность инициальных сочинительных союзов. [8, с. 83–84; 10, с. 1277]. По справедливому замечанию Е.А. Реферовской, сочетание предложения, законченного точкой, со следующим за ним предложением, начинающимся с союза, не идентично сложному предложению и имеет свои особенности, что позволяет считать, что в этом случае мы имеем дело с речевой структурой особого рода [6, с. 24].

Рассмотрим подробнее функции инициальных союзов в нарративном дискурсе и вариативность межфразового сочинения в целом.

Для передачи соединительных отношений между высказываниями, используется союз AND, который до-

бавляет информацию, логически или ассоциативно соотносимую с содержанием предыдущего высказывания. При этом сочинительный союз не только эксплицирует характер связи между высказываниями, но и придает дополнительную экспрессивность включающему высказыванию и динамизм нарративному фрагменту. Например:

She is very happy. Her kids are grown. Eddie's dead. Her past is tucked neatly away. And she has plenty of money [9].

В данном случае благодаря использованию сочинительной структуры происходит перераспределение информационной значимости дискурсивных фрагментов. Высказывание, начинающееся с инициального союза, оказывается прагматически выделенным. Без инициального AND все элементы информации были бы представлены как равноценные в коммуникативном плане. Экспрессивность дискурсивного фрагмента усиливается благодаря чередованию союзной и бессоюзной межфразовой связи. Кроме того, появление инициального AND сигнализирует о завершении серии утверждений, оформленных сходной грамматической формой, и указывает на завершение описания данной ситуации.

В рассмотренном выше примере союз AND использовался в своем инвариантном значении — значении присоединения. Диапазон значений, передаваемый межфразовым союзом AND, достаточно широк: собственно присоединение, контраст, временная последовательность, причинно-следственные отношения и др. Помимо передачи отношений между высказываниями, инициальное AND в нарративе выполняет еще ряд функций. Рассмотрим подробнее вариативность употребления данного союза.

Итак, как отмечалось ранее, употребление инициального союза как средства межфразовой связи делает акцент на правом контексте, по сравнению с бессоюзной структурой. Кроме того, союз AND может выступать как маркер границы дискурсивных ситуаций:

Goodman had worried that McAllister might be paranoid enough to trace the calls to his hotline, but had decided that the operators would be too busy.

And busy they were. [9]

В данном случае сочинительный союз является показателем границы дискурсивных единиц, в каждой из которых представлена определенная точка зрения: точка зрения субъекта — в первом высказывании, и объективный факт — во втором. Дополнительная когезия между высказываниями в таких случаях, как правило, создается при помощи употребления одинаковых лексических единиц (*busy*) или единиц, принадлежащих к одному лексико-семантическому полю. Кроме того, союз *AND* указывает на то, что содержание включающего высказывания не противоречит ожиданиям адресата, что позволяет читателю заранее спрогнозировать дальнейшее развитие дискурса. В этой связи приведем точку зрения М. Л. Макарова. По мнению исследователя, предсказуемость возможных путей продолжения дискурса является его важным свойством. Левый элемент в последовательности обуславливает набор возможных вариантов следующего за ним элемента. В когнитивном аспекте способность вероятностного прогнозирования альтернативных способов развития дискурса — это важнейшая часть коммуникативной компетенции [4, с. 178].

Вариант дискурсивного сочинения с союзом *AND* часто используется в том случае, если нарративный фрагмент следует за прямой речью персонажа. Например:

Lawrence grinned. "Sorry. They're all working." And it was true [12]

В прозаическом художественном произведении ожидается чередование конвенционализированных репрезентаций как минимум двух разновидностей дискурса: авторской речи и прямой речи персонажей. Таким образом, текст — это ограниченное пространство, заполненное совокупностью грамматических подсистем. Под грамматическим пространством текста понимается «совокупность грамматических систем, средств и позиций, актуализируемых в пределах речевого произведения при линейном развертывании речи» [5, с. 60–64]. В подобных случаях инициальное *AND* выступает как маркер границы между двумя разновидностями дискурса: художественным диалогом и авторским нарративом. Одновременно с этим союз связывает воедино высказывания, относящиеся к разным грамматическим подсистемам текста, создавая тем самым единое грамматическое пространство текста.

Перейдем к рассмотрению вариативности противительного сочинения в нарративном дискурсе. Аналогично союзу *AND*, инициальное *BUT* придает экспрессивность включающему высказыванию и, в результате, оно оказывается прагматически выделенным, по сравнению с бессоюзным вариантом. Союз *BUT* на межфразовом уровне передает значения контраста или обманутого ожидания, что коррелирует с его функциями в качестве союза, соединяющего языковые единицы внутри предложения. При-

ведем пример, в котором инициальное *BUT* выступает как показатель контрастных отношений:

Among men sentenced to die in the gas chamber, the expression "Take a deep breath" was used often and considered nothing more than an effort at humor. They said it to each other all the time, usually when one was angry. But when used by the guards it was far from funny. It was a constitutional violation [9].

В данном случае контраст получает множественное выражение за счет присутствия контрастных тем. Союз *BUT* актуализует наличие противопоставления не только между группами людей (*men sentenced to die, guards*), но и контраст оценок их поведения. Союз *BUT* также указывает на конфликт между субъектами дискурса и их оценкой реальной действительности. При этом *BUT* не создает противительные отношения, а усиливает их и акцентирует внимание читателя на наличии контрастных тем. Отметим, что *BUT* соединяет здесь два дискурсивных блока, в каждом из которых разворачивается определенная тема. Иными словами, *BUT* выступает как средство когезии между дискурсивными единицами и одновременно как маркер их границы. Помимо всего прочего, противительный союз уменьшает количество возможных продолжений дискурса и помогает адресату спрогнозировать развитие дискурса.

Далее рассмотрим случаи, в которых семантика союза сильно ослаблена, а его употребление в дискурсе сходно с употреблением частиц. Подобные языковые единицы могут классифицироваться как союзы-частицы, то есть элементы языка, способные при определенных условиях совмещать функции частиц и союзов. Как отмечает А. В. Макаренко, союзы-частицы имеют гибридную функциональную природу в том смысле, что в рамках дискурсивной последовательности они приобретают дополнительные свойства эмоционально-экспрессивной и модальной оценки [3]. Приведем пример:

The hardness of his heart frightened him. He felt loathsome. But he could not force himself to feel the pain of others [11]

Инициальное *BUT* указывает на несогласие персонажа со сложившейся ситуацией и его внутренний протест по отношению к реальному положению дел. Следует отметить, что при отсутствии союза высказывание представляло бы собой подкрепление предыдущих высказываний и пояснение к ним. Помимо этого, союз выступает как маркер негативной оценки ситуации персонажем, а также переносит фокус с фактологической информации на эмотивный компонент. В подобных контекстах союз *BUT* выступает как показатель особого вида субъективной модальности — модальности странного. Модальность странного определяется как зафиксированное субъектом речи отношение к нарушению стереотипа [2, с. 167].

Наконец рассмотрим дизъюнктивное дискурсивное сочинение. В отличие от других союзов, союз *OR* не только эксплицирует характер связи между высказываниями, но и создает эти отношения. Таким образом, структуры

с инициальным OR, как правило, не являются вариантом бессоюзной структуры, т.к. союз в таких случаях выступает как обязательный элемент. Дизъюнктивный союз используется для передачи значения альтернативы или переформулировки. Например:

Maybe the flames couldn't accelerate through this density of trees as quickly as through dry brush. Or maybe the pines were even more accommodating fuel than mesquite and manzanita and grass [11].

Over the next few weeks Richard got to know her better. Or he thought he did [9].

Характерно, что союз OR, в отличие от других инициальных союзов, не делает акцент на правом контексте.

Случаи, в которых сочинение с союзом OR, является факультативным элементом и представляет собой вариант другой сочинительной структуры, встречаются намного реже. Инициальное OR в нарративе может проявлять присоединительное значение и выступать как синоним AND:

Adam had two choices. He could play along with the wicked little virus act and hope she stopped the drinking before it got worse. Or he could confront her now and make her realize she was not fooling him [9].

Благодаря наличию модальных глаголов, дискурсивные ситуации репрезентируются как возможные, а значение союза ослабляется. В примере присутствуют лексические средства (two choices), проспективно указывающие на наличие альтернативного развития дискурсивных ситуаций, что также способствует ослаблению семантики союза. В результате, OR употребляется в функции присоединительного союза. Однако, в отличие от AND, который смещает акцент на правый контекст, союз OR указывает на коммуникативную равнозначность дискурсивных си-

туаций. Кроме того, союз позволяет автору представить дискурсивные ситуации не как последовательно разворачивающиеся, а как одновременно сосуществующие в когнитивном пространстве субъекта дискурса. При этом акцент делается на наличии двух возможных вариантов развития событий и возможности выбора между действительным и возможным мирами.

OR может употребляться в вопросительном высказывании, для введения модального оттенка сомнения. Например:

He'd been there for a couple of hours, though he'd lost track of time. Jackson and Judge Slattery and Monday's hearing were years ago. Sam had died minutes ago. Or was he dead? Had they already done their dirty act? Time was still playing games [9].

Союз OR указывает на то, что обозначенное положение дел относится к возможному, а не действительному миру, то есть играет роль модального оператора, а выбор одного из возможных миров остается за адресатом. Также отметим, что OR-высказывание представляет собой вставную дискурсивную единицу парентетического характера, граница которой маркируется при помощи союза OR.

В завершение, еще раз подчеркнем, что употребление сочинительных союзов как средства межфразовой связи имеет свои особенности по сравнению со сложносочиненной структурой. Вариативность дискурсивного сочинения обусловлена тем, что употребление союзной связи на межфразовом уровне, как правило, является факультативным и связано с прагматикой высказывания и структурой дискурса в целом. Межфразовые сочинительные союзы вносят в дискурс дополнительную экспрессивность, а также служат для структурной организации дискурса.

Литература:

1. Дымарский, М. Я. Деиктический модус текста и единиц текстообразования (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: 2000. с. 258–280.
2. Емельянова, О. В. Неопределенный артикль и авторская модальность в художественном тексте // Диалектика текста. Том 2 / отв. ред. А. И. Варшавская. СПб.: 2003. с. 146–176.
3. Макаренко, А. В. Союзы-частицы как средство установления синтаксической связности и семантической квалификации. Автореф... дисс. канд. филол. наук. Ставрополь, 2006.
4. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис». 2003. 280 с.
5. Петрова, Е. С. Организация грамматического пространства текста и его фрагментов // Диалектика текста. Том 2 / отв. ред. А. И. Варшавская. СПб.: 2003. С. 58–73.
6. Реферовская, Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л.: Наука. 1983. 216 с.
7. Atwood, M. Wilderness Tips. Bantam, 1995. 228 p.
8. Biber, D., Johansson S., Leech G. et al. Longman Grammar of Spoken and Written English. Longman, 1999. 1203 p.
9. Grisham, J. The Chamber. NY: Doubleday, 1994. 486 p.
10. Huddleston, R., Pullum G. K. The Cambridge Grammar of the English Language. \Cambridge University Press, 2002. 1842 p.
11. Koontz, D. Sole Survivor. NY: Bantam Books, 2006. 403 p.
12. Sheldon, S. A Stranger in the Mirror. Harper, 2012. 390 p.

Особенности синонимии в фитонимах донских говоров

Майер Паулина Александровна, студент

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

В статье рассматриваются особенности литературной и диалектной синонимии в названиях растений донских говоров, объясняются причины активного использования в речи похожих фитонимов.

Ключевые слова: фитонимы, синонимия, донские говоры, диалекты, диалектизмы.

Одним из актуальных аспектов лингвистического исследования является изучение тематических пластов лексики в современных диалектах. Это можно объяснить тем, что в процессе семантического анализа с попыткой изучения отдельных фрагментов языковой картины мира обнаруживается, что диалектный носитель, в процессе познания предметного мира, осваивая вещи и явления, находит прямое отражение реалий и осуществляет их в области лексики.

Кроме того, систематизация диалектных единиц — слов и словосочетаний — поможет раскрыть национально-культурную специфику восприятия действительности, мировоззрение представителей того или иного этнокультурного сообщества.

«Донские говоры в отличие от большинства остальных, соседних с ними, русских переселенческих говоров продолжают и в настоящее время сохранять основные черты фонетической, грамматической и лексической систем, что связано с относительно высоким престижем данных говоров среди его носителей. Донские казаки, сохраняя самосознание особой группы русского народа, оценивают родные говоры как одну из значимых своих особенностей» [4; с. 16].

В донских говорах существенную часть лексики составляет лексика природы. Она весьма многообразна и содержит в себе номинации деревьев, кустарников, грибов, травянистых растений и цветов, а также культурных и дикорастущих растений, лекарственных и декоративных. Названия растений, как объекта лингвистического исследования, называют фитонимами.

Особенно интересен вопрос о синонимии в говорах для тематической группы названий растений. Это объясняется тем, что фитонимам характерны лексические варьирования, т.е. лексические единицы данной группы вступают в синонимические отношения друг с другом. «Фитонимам присущи целые ряды слов, лексические значения которых полностью или по какому-либо признаку совпадают. Формальным критерием точности совпадения значений имен является тот факт, что все эти имена даны одному и тому же растению» [3; с. 13].

«Наименования растений в русских народных говорах, представляя собой чрезвычайно интересный в этимологическом, семантическом и структурном отношении материал, заслуживают специального изучения, изучения закономерностей, свойственных этому пласту диалектной лексики» [3; с. 13].

Предположим, что два и три человека видят какое-то новое, ранее не известное растение. Каждый человек, как

правило, называет его по тому признаку, который он считает наиболее характерным для этого растения. Это зависит от ассоциации и фантазии конкретного человека, именно в силу этого одно и то же растение может иметь несколько названий.

В статье мы рассмотрим синонимию между официальными и диалектными фитонимами в донских говорах. Как для наименования одного официального растения могут быть использованы различные синонимичные номинации, так и одна диалектная номинация может употребляться для литературного наименования многих растений.

Синонимия литературного фитонима. 'Донник лекарственный' — адонник, дойник, желтый буркун; 'алоэ вера' — алой, доктор, колючий цветок; 'фиалка трехцветная' — анютки, анютины глазки, анютины слезки, кукушкины слезки; 'лопух большой/репейник' — арепей, липучий, орпей, репях, татарник колючий, татарин; 'тагетес' — бархатцы, бархотки, бархатки; 'белая лилия' — водяная лилия, белушка, мак, озёрная кувшинка; 'бруслина' — белень, белена; 'буквица лекарственная' — букóвица, душица; 'чилига степная' — вейник, веник сибирьковый, сибирёк; 'бальзамин' — Ванька мокрый, неугасимка, недотрога садовая, неумолкайка, огонёк; 'ряска' — возгорчки, шимора, шамора, шмара; 'жёлтая гвоздика' — гвоздица, донская гвоздика; 'шалфей обыкновенный' — гурыш, синявка, индюшья сопля; 'портулак махровый' — долгоцвет, жирная травка, коврик, морозик, огонёк; 'герань' — души, липка, уголь-жар, гераночка; 'цикорий обыкновенный' — зарника, зорник, батиг, полудённый; 'зверобой обыкновенный' — зверобойник, корень, сузык; 'Тюльпан Биберштейна' — звездочка, пол-лазеревый; 'кипрей узколистный' — Иван-трава, Иван-чай; 'календула' — иготки, календа, ноготки; 'галантус' — подснежники, курочки, петушки; 'амарант' — лебеда, свиная лебеда, краснокорешковая лебеда; 'ирис' — ножнички, пряжки; 'цинния' — огонёк, солдатик, тальки, уголь — жар, американка, иваночка, царская гвоздика; 'фритиллярия' — сон-трава, ужинный цветок; 'пижма' — сузык, жёлтая полынь; 'спирея' — тавлага, белоголовка, кашка.

Из диалектных вариантов видно, что синонимический ряд литературного фитонима образован под влиянием фонетических диалектизмов (особое звуковое оформление) и словообразовательных (иная словообразовательная структура, чем у однокоренных литературных слов): 'алоэ вера' — алой; 'донник лекарственный' — адонник, дойник; 'лопух большой/репейник' — арепей, орпей, репях; 'жёлтая гвоздика' — гвоздица. Также

внутри синонимического ряда можно наблюдать словообразовательные и фонетические вариации диалектных слов: б́архатц́ы, бархотки, бархатќи; вейник, веник сибирьковый, сибирёк; шимора, шамора, шмара; белень, белена и т.д.

Кроме наличия в синонимическом ряду диалектизмов, в диалектном названии выделен и подчеркнут один (иногда — больше) признак, позволяющий легче распознать и запомнить растение. Такое разнообразие диалектных синонимов объясняется особенностями 1. биологических свойств у одного растения: цвет, форма, покрытие, вкус, звук, время цветения, место цветения, 2. функции растения (лекарственная, бытовая, эстетическая, удобрение, корм для скота), 3. сравнение с другими предметами, обладающими тем же признаком. Так растение 'алоэ вера' имеет диалектные синонимы доктор, колючий цветок: в названии выделены лекарственная функция и биологическое свойство — покрытие. 'Портулак махровый' имеет диалектные фитонимы долгоцвет, морозик из-за времени цветения, жирная травка, коврик из-за покрытия, номинация огонёк отображает расцветку растения. Синонимы 'белой лилии' водяная лилия, озёрная кувшинка указывает на место произрастания, белушка подчеркивает цвет растения. 'Шалфей обыкновенный' — гурыш, синявка, индюшья сопля: гурыш — диалектное название самца индейки, так же, как фитоним индюшья сопля шалфей получил из-за сходства формы цветка с придатком над верхней части клюва у индюка, номинация синявка указывает на цвет растения. Множество синонимов у литературного фитонима 'бальзамин': Ванька мокрый, неугасимка, недотрога садовая, неумолкайка, огонёк. Диалектный фитоним Ванька мокрый бальзамин получил из-за капелек сахаристой жидкости, которые выступают по краю листа. Номинации неугасимка, указывает на непрерывное цветение цветка, неумолкайка на звук при растрескивании стручков. Наименование недотрога садовая объясняется тем, что при малейшем прикосновении к нему зрелые плоды растрескиваются, огонёк — яркой расцветкой.

Наряду с вышеуказанными образованиями синонимов, за названием может стоять сюжет этимологической легенды, объясняющей происхождение той или иной характерной приметы растения. 'Лопух большой' — татарин колючий/татарник колючий. Здесь принимаются во внимание не только отображение в номинации покрытие растения, но и негативное отношение к этносу названием неприятного, колючего растения. 'Фиалка трехцветная' получила диалектный фитоним кукушкины слёзки из-за легенды, в которой несчастная мать, превратившись в кукушку, летает и там, где падают слезинки, растут цветы.

Литература:

1. Большой толковый словарь донского казачества / редкол. В.И. Дегтярёв, Р.И. Кудряшова, Б.Н. Проценко [и др.] М.: Астрель — АСТ, 2003.

Синонимия диалектного фитонима. Можно наблюдать не только одно официальное название на множество диалектных фитонимов, но и наоборот — диалектным названием обозначаются разные виды оригинальных именований у растений. В ходе анализа диалектных номинаций донских говоров было обнаружено частое употребление фитонимов огонёк, василёк, роза, мак для обозначения разных, не связанных между собой растений.

Диалектным фитонимом огонёк называют официальные растения 'бальзамин', 'портулак махровый', 'цинния'. Огонёк весьма универсальное название для цветов, где в окраске преобладает не только желтый, оранжевый, красный цвет, но и разнообразная яркая окраска. «В самом низу, в теклине, в сплошном кочкарнике под мягким войлоком старых трав <...> красноватые огоньки (Н. Сухов. Казачка)» [2; с. 587].

Такой же пример можно увидеть у фитонима василёк. Таким фитонимом обозначают 'шалфей луговой', 'мяту', 'мелиссу лекарственную', 'леwkой', 'люцерну посевную', 'молочай'. Возможно, это объясняется тем, что вкусовые свойства, функции и применения этого цветка весьма разнообразны. К примеру, листья василька обладают ароматом мяты, гвоздики и даже лимона, известно, что они так же используются как приправа при консервировании в мясных продуктах. Так же василёк используют в лекарственных целях, делают отвары вместе с шалфеем или мелиссой. Возможно, именно поэтому в донской флоре васильком называют многие растения.

Донской название роза (рожа — фонетический диалектизм) получили такие растения как 'шиповник', 'мальва', 'гибискус' и даже сорт картофеля, плоды которого розового цвета. Диалектный фитоним дан этим растениям из-за сходства с обычной розой (лат. *Rósa*), плода картофеля названы так из-за цвета.

Известным растением мак (лат. *Papáver*) на Дону называют не только это растение, но и сорняк, плод с семенами речной, озёрной кувшинки, 'белую лилию': «Ночью маки распустились на озири (Дуд.). Клн». [2; с. 309]. Мотивация названия 'белой лилией' и плода понятна: как и у мака, у белой лилии имеется такая же спелая коробочка (сухой плод растения, который содержит семена). Сорняк, возможно, сравнили с маком из-за вреда: у мака биологический, у сорняка бытовой.

Таким образом, мы выяснили, как особенности мирования диалектного носителя могут повлиять на отражение в его речи оттенков действительности. Наименования растений отражают важные для опознания того или иного растения признаки, функции и свойства. Поскольку каждое растение обладает более чем одним признаком и имеет несколько целей применения, оно имеет несколько названий, в этом и заключается разнообразие синонимии в донской флоре.

2. Брысина, Е. В., Кудряшова Р. И., Супрун В. И. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Волгоград: Издательство ВГИПК РО, 2007. Вып. 3. К-Н. 516 с.
3. Иванов, В. А. Названия растений средней полосы России (на материале калужских говоров): Дис. ... к. филол. н. М., 1985. 221 с.
4. Кудряшова, Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): Монография. Волгоград: Перемена, 1998. 61 с.
5. Словарь русских донских говоров под ред. Филина Тт. 1—29. Ростов-на-Дону, 1975—1976.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1—1У. М., 1964—1973.

Универсальное в оценочной природе оппозиции 'легкий — тяжелый' (легкий — тяжелый, light — heavy, жиңел — авыр)

Махмутова Диля Фаниловна, студент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В статье представлен пример исследования оппозиции 'легкий — тяжелый' в русском, английском и татарском языках, выделяются общие семантические зоны смыслового пространства данной оппозиции, которые помогают выделить универсальность развития метафоричности, оценочности в данных языковых сообществах и показывают особенности в осмыслении и понимании человеком окружающего мира посредством данной оппозицией.

Ключевые слова: оппозиция / opposition, легкий — тяжелый / light — heavy, универсальное / the universal, оценка / valuation, семантическая структура / semantic structure, семантическая зона / semantic zone, метафора / metaphor.

Главным и перспективным для понимания и осмысления ментального мира человека, его ценностных приоритетов является изучение метафоризации противоположных понятий, которые создают в языке бинарную оппозицию. Диады такого типа рассматривают как универсальное средство познания действительности, которое лежит в описании любой картины мира. Изучение аксиологических особенностей метафорических оппозиций 'легкий — тяжелый' предоставит возможность приблизиться к пониманию, к осмыслению сложных процессов оценочной концептуализации [1].

Лексемы легкий и тяжелый образуют в разных языковых картинах мира когнитивную оппозицию. Целью данной статьи является выявление универсального в оценочной природе оппозиции 'легкий — тяжелый' (легкий — тяжелый, light — heavy, жиңел — авыр) и показать влияние оппозиции на сознание, познавательную деятельность человека.

Данные этимологических словарей [3; 13; 14; 15] показывают, что наименования легкого и тяжелого исторически не являются ровесниками.

Ученые пришли к выводу, что компоненты лёгкий и тяжелый восходят к архетипической, то есть к наиболее древней, форме осознания мира. Противопоставляя слова лёгкий и тяжёлый, их соотносят с весовым кодом культуры.

Русское слово легкий берет свое начало в древнеиндийском языке, происходит от корня *laghu- и толкуется как «легкий, маленький». Исконно родственными явля-

ются слова laghúhts, raghús «грубый, легкий, незначительный», в латинском языке levis «легкий, быстрый», авест. гауи-, ж. гəvī (*gavī) «проворный», др. ирл. сравн. степ. laigiú «меньше, хуже», корн. le — то же (пракельт. *lagiōs), греч. ἐλαφύς «малый», ἐλαφρός «легкий». Наряду с этим существуют формы с носовым инфиксом: авест. гəп̌jū «легче, ловчее» от гауи-, д. — в. — н. lungar, лтш. liēgs, гот. leihts (: д. — в. — н. gilingan «удаваться»), др. англ. leoht. Исходной слав. формой является форма не на п, а без носового. В разных языках это слово имеет определенные созвучия, смысл которых идентичен. В современном русском языке слово имеет следующее значение: «небольшой, незначительный по весу, нетяжелый». В переносном значении слово может иметь следующий смысл: «нетрудный» [3; 13; 14; 15].

В русском языке прилагательное тяжелый известно с XIV в. Вероятно, слово оформилось на великорусской основе, т.к. в других славянских языках оно отсутствует или отсутствует прилагательное «тяжкий» (индоевропейское — tēgh- (тяга), общеславянское — teg- (тяга), древнерусское — тяжель (тяга, тяжелый, тяжесть)). Это слово происходило от о. — с. корни *teg- < и. — е. *tēgh с помощью суф. — el-ъ, как в о. — с. *ves-elъ, — а, — о. Ввиду ст. — слав. отъгъчити *варѣи* считают более первонач. форму *teгъкъ, а -ж- объясняют из сравн. степ. тажи. Родственно лит. tingūs «ленивый», tingėti, tingiu «ленился», др. — исл. Pungt «тяжелый», датск., шв. tung — то же. Мы обнаружили, что на славянской базе существует родовая связь между словом тяжелый и со

словами тяга, тянуть. Эта связь видна в словаре Даля (толковый словарь), Преображенского (этимологический словарь) [3;4].

Анализ оппозиции 'легкий — тяжелый' (легкий — тяжелый, light—heavy, жинел — авыр) в толковых словарях русского, татарского и английского языков [2; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12] позволяет говорить о противоположных значениях и выделять общие для представленных языков противоположные семантические зоны данных имен.

В русском языке, английском и татарском возникают следующие сходные полярные семантические зоны языкового пространства оппозиций 'легкий — тяжелый' (легкий — тяжелый, light (easy) — heavy, жинел — авыр):

1) а) незначительный по весу (противоп. тяжелый): легкий чемодан, light load — легкий груз, жинел капчык — лёгкий мешок — имеющий большой вес, с грузом большого веса (противоп.: лёгкий): тяжелый груз, а heavy load — тяжелый груз, heavy freight — тяжелая поклажа, авыр йөк — тяжелый груз, авыр олау — тяжелый воз;

б) малоощутимый по весу, тонкий, не стесняющий движений (об одежде): легкое платье, легкое пальто (плохо греющее, нетёплое); light clothing — легкая одежда, light dresses — легкие платья, жинел күлмәк — легкое платье, жинел пальто — легкое пальто, жинел кием — легкая одежда — плотный, толстый (о материи, изделиях из неё): тяжелое сукно, heavy woollens — тяжелые шерстяные ткани, heavy curtains — тяжелые шторы, авыр тукума — тяжелое сукно, авыр пәрдә — тяжелые шторы;

в) не вызывающий ощущения тяжести в желудке, без труда перевариваемый, не обильный (о еде): легкий завтрак, легкая пища, light food — легкая пища, еда, а light lunch — легкий обед, перекус, light diet — легкая диета, жинел аш — легкая пища, еда, суп, жинелчә ашау — легко покушать — вызывающий ощущение тяжести в желудке, трудноперевариваемый (о еде): тяжелый обед, тяжелая пища, а heavy meal — тяжелая еда, heavy foods — тяжелая пища, heavy meat dishes — тяжелые мясные блюда, авыр аш — тяжелая пища, еда;

2) а) ловкий, изящный, быстрый (о походке, движениях и т.п.): легкая походка, легкие шаги, лёгкая атлетика, light steps — легкие шаги, light athletics — легкая атлетика, жинел адымнар, жинел йөреш, жинел атлетика — лишённый лёгкости, изящества, быстроты (о движениях, походке и т.п.): тяжелые шаги, тяжелая походка, стал тяжёл на ногу (медлителен, неповоротлив, с трудом передвигается), тяжелый ум (медлительный, с трудом схватывающий), тяжёлая атлетика, а heavy walk — тяжелая ходьба, heavy steps — тяжелые шаги, heavy athletics — тяжелая атлетика, авыр адымнар — тяжелые шаги, авыр атлетика — тяжелая атлетика;

б) способный, быстро, ловко, изящно двигаться (о человеке, животных): легкий конь, легкая серна, легок (легкий) на ногу (о том, кто может много, не уставая, ходить), легок на подъем, light on one's feet — легок на ногу, as light as a feather — легкая как перышко, жинел ая-

ктан — с легкой ноги, жинел сөякле — лёгкий на подъём, подвижный, лёгкий на ногу — медленный, неуклюжий (о человеке, животных): тяжёлый (тяжёл) на подъём (1) о ленивом, малоподвижном человеке, с трудом принимающимся за какое-л. дело; 2) об инертном, лишённом инициативы человеке), heavy legs — тяжелые ноги, твердые, авыр сөякле — тяжёлый (тяжёл) на подъём, авыр гәүдәле — неуклюжий, тяжеловес;

3) а) простой для усвоения, доступный пониманию, решению (противоп.: трудный): легкий урок, легкая задача, light task — легкая задача, light exercise — легкое упражнение, жинел табышмак — легкая загадка, жинел мәсьәлә — легкая задача, жинел дәрес — легкий урок — трудный, сложный для понимания, усвоения и т.п.: тяжелая задача, тяжелый вопрос, heavy task — тяжелая задача, авыр мәсьәлә — тяжелая задача, авыр дәрес — тяжелый урок;

б) не представляющий трудности, сложности для кого-л.: легкий экзамен, легкая работа, light work, light housework — легкое домашнее задание, light duties — легкие обязанности, жинел эшкә күчү — перейти на легкую работу, жинел кәсеп (жинел һөнәр) — лёгкое ремесло, непыльная работа — требующий большого напряжения для осуществления, преодоления, понимания и т.п. (трудный): тяжелая работа, тяжелая дорога, тяжелый бой, heavy work — тяжелая работа, heavy fighting — тяжелый бой, heavy way — тяжелый путь, тяжелая дорога, heavy going — тяжелая дорога, вязкая, авыр эш — тяжелая работа, авыр юл — тяжелая дорога;

в) простой, ясный: легкий стиль, легкий, разговорный язык, а light syllable — легкий слог, light style — легкий стиль, жинел тел — легкий язык, жинел стиль — легкий стиль — лишённый тонкости, изящества, тяжеловесный, неуклюжий (обычно о речи, форме словесного изложения): тяжелый стиль, тяжелый перевод, тяжелый язык, а heavy style — тяжелый стиль, heavy emphasis — тяжелый акцент, авыр тел — тяжелый язык, авыр стиль (өслүб) — тяжелый стиль, авыр тәржемә — тяжелый перевод;

г) имеющий развлекательный характер, не требующее углублённого восприятия, интеллектуального напряжения: легкая музыка, легкое чтение, легкая комедия, легкая поэзия, light verse — легкий стих, light comedy — легкая комедия, light reading — легкое чтение, light fiction — легкая фантастика, жинел музыка — легкая музыка — резкое, мощное, не сразу понятное, грандиозное, тягостное, тяжелое: тяжелая рок-музыка, тяжелое произведение, а heavy music — тяжелая музыка, а heavy literature — тяжелая литература, heavy movie — тяжелый фильм, авыр әдәбият;

д) достаемый, приобретаемый без труда: легкий заработок, легкая победа, light victory — легкая победа (easy victory), жинел (ансат) юл — лёгкий способ, жинел жиңү — легкая победа, жинел мал — легкая нажива — достаемый, с трудом: тяжелый заработок, тяжелая победа, heavy earnings, heavy victory, авыр эш хакы, авыр жиңү;

е) не причиняющий затруднений, мучений, неудобств: легкая дорога, легкие роды, легкое ли дело (нар. — разг.; о какой-л. сложной, неприятной, трудной ситуации), *light delivery* (*easy childbirth*) — легкие роды, жиңел юл — лёгкая дорога, жиңел бәби тапты — легко родила (жиңел табу), жиңел эш — легкое дело — причиняющий физические страдания, муки; мучительный: тяжелая агония, тяжелая смерть, тяжелые роды, *heavy death* — тяжелая смерть, *heavy (easy) delivery* — тяжелые роды, авыр үлем, авыр табу (сабийны (бәбине) авыр тапты) — тяжелые роды;

4) а) незначительный, небольшой, слабый (по величине, силе, степени проявления): легкий мороз, легкий ветерок, а *light rain* — легкий дождь, *light air* — легкий воздух, *light breeze* — легкий ветерок, жиңел жил — легкий ветерок, жиңел томан — легкий туман — производящий впечатление большого веса, тяжести: тяжелые тучи, тяжелый туман, тяжелая мгла, *heavy rain* — тяжелый дождь, *heavy snow* — тяжелый снег, а *heavy sea* — тяжелое море, а *heavy sky* — тяжелое небо, *heavy grey clouds* — тяжелые серые облака, авыр томан — тяжёлый (удушливый) туман, көн авыр бүген — погода сегодня тяжёлая (удушливая, тяжкая, неприятная);

б) не напряжённый, не затруднительный: лёгкое дыхание, легко (в знач. сказ.) на сердце у кого-н. (спокоен, ничем не огорчён), отсюда: легкосердое слово, приятное или утешное, от которого легко на сердце, *light breathing* — легкое дыхание, жиңел сулыш — легкое дыхание, йөрәккә жиңел — легко на сердце — производимый с трудом, затруднённый: тяжелое дыхание, *heavy breathing*, авыр сулыш, авыр тын алу;

в) оказывающий слабое действие, некрепкий (о вине, табаке и т.п.): легкое вино, легкие папиросы, сигареты, *light cigarettes* — легкие сигареты, а *light aperitif* — легкий аперитив, *light beer* — легкое пиво, *light wine* — легкое вино, *light drugs* — легкие наркотики, жиңел наркотик — легкий наркотик — оказывающий сильное действие, крепкий: тяжелые наркотики, тяжелое пиво, *heavy drug* — тяжелые наркотики, авыр наркотик, *heavy alcohol* — тяжелый алкоголь;

г) неопасный, без труда излечимый: легкая простуда, легкое заболевание, легкая рана, а *light illness* — легкая болезнь, заболевание, *felt light in the head* — легкое головокружение, жиңел яра — легкая рана — крайне серьёзный, опасный (о болезни, болезненном состоянии и т.п.): тяжелое ранение, тяжелый инфаркт, тяжелое нервное расстройство, тяжёлая операция, *heavy wound* — тяжелое ранение, авыр жәрәхәт — тяжелое ранение, авыр инфаркт — тяжелый инфаркт, авыр хәле — тяжелое состояние;

д) не суровый, не крутой: легкое наказание, *light sentence* — легкое наказание, жиңел жәза — лёгкое наказание — суровый, жестокий: тяжелое наказание, тяжелая расплата, приговор суда тяжёл, *heavy punishment* — тяжелое наказание, авыр жәза — тяжелое наказание;

5) беззаботный, беспечный: легкая жизнь, легкий характер, *light opinions* — неустойчивые убеждения, легкие убеждения, *light character* — легкий характер, *light life* —

светлая жизнь, легкая (*easy life*), жиңел тормыш — беззаботная жизнь, легкая, жиңел холык — легкий характер, жиңел минутлар — легкие минуты — полный трудностей, лишений, забот, горя: тяжелая жизнь, тяжелая судьба, тяжелое детство, *heavy losses* — тяжелые потери, *heavy life (hard)* — тяжелая жизнь, *heavy childhood (difficult)* — тяжелое детство, авыр тормыш — тяжелая жизнь, авыр язмыш — тяжелая судьба, авыр балачак — тяжелое детство, авыр чак — тяжелая пора;

6) покладистый, уживчивый: легкий человек, легкий в быту кто-л., *light person, man* — легкий человек, *light character* — легкий характер, аның белән жиңел, жиңел характерлы — неприятный в общении, трудный, неуживчивый (о человеке, характере человека): тяжелый человек, неуживчивый, тяжелый характер, *heavy buyer* — тяжелый покупатель, *heavy nature (a difficult character)* — тяжелый характер, авыр кеше — тяжелый человек, авыр характер — тяжелый характер;

7) только полн. без тяжелого вооружения и поэтому обладающий большой подвижностью и маневренностью: легкая артиллерия, легкий крейсер, легкая кавалерия, *light cavalry* — легкая кавалерия, а *light cruiser* — легкий крейсер, *light armaments* — легкое вооружение, *light infantry* — легкая пехота, жиңел кавалерия — легкая кавалерия, жиңел артиллерия — оснащённый мощными средствами ведения боевых действий: тяжелая артиллерия, тяжелая эскадрилья бомбардировщиков, тяжелый дивизион, *heavy cruiser* — тяжелый крейсер, *heavy artillery* — тяжелая артиллерия, *heavy arms* — тяжелая армия, авыр артиллерия, авыр крейсер — тяжелый крейсер;

8) чистый перегной, один тук: легкая почва, *light soil*, жиңел туфрак — спец. глинистые почвы (в отличие от лёгких — песчаных) — тяжёлые почвы, *heavy soil*, авыр туфрак;

9) чистый, свежий: легкий воздух, *light air* — легкий воздух, жиңел хава — несвежий, спёртый (о воздухе): тяжелый воздух, тяжелый дух, тяжелая вонь, *heavy air* — тяжелый воздух, авыр хава — тяжёлый воздух;

10) счастливо, удачно (также «удачно делает операции, не больно дерется, либо счастлив на почин»): лёгкая рука (о человеке, приносящем удачу), с легкой руки, легок на руку, *light hand*, жиңел кулдан, жинел куллы, — приносящая неудачу, несчастье, поверье: тяжелая рука, *heavy hand*, авыр куллы — тяжёл на руку (кто) (однако есть значение «как ни попало, дурно»: на легкую ручку, комком да в кучку);

11) приятный для обоняния: легкий запах, *light smell*, жинелчә ис — неприятный для обоняния, резкий, удушливый (о запахе): тяжелый запах гнилостных испарений, тяжелый запах крепких сладких духов, тяжелый запах гари, *heavy smell* — тяжелый запах, *heavy smell of perfume and sweat* — тяжелый запах духов и пота, авыр ис — тяжелый запах;

12) промышленность, изготавливающая предметы широкого потребления — легкая промышленность (или индустрия), *light industry, light machinery* — легкая техника,

light manufacturing — легкая промышленность, жиңел сәнәгә (промышленность, индустрия) — производящий машины большой мощности и крупных габаритов: тяжелое машиностроение, тяжелая промышленность, индустрия, heavy industry, авыр индустрия, промышленность;

13) малогабаритный, не подходят для больших нагрузок: легкая машина (легковая), легкий танк, a light truck — легкий грузовик, light car — легкая машина, light ship — легкое судно, жиңел танк — легкий танк, жиңел автомобиль (машина, автомашина) — только полн. мощный; имеющий крупные габариты: тяжелый грузовик, тяжелый танк, тяжелые снаряды, тяжелые фигуры (в шахматах: ферзи и ладьи), heavy truck — тяжелый грузовик авыр автомобиль, авыр танк, авыр станок — тяжелый станок, авыр шкаф — массивный шкаф;

14) только полн. в составе физических, химических, минералогических и некоторых других терминов: легкие металлы, легкое топливо, a light metal, light metal alloys — легкий металлический сплав, light isotopes — легкие изотопы, жиңел металл — только полн. в составе физиче-

ских, химических, минералогических и некоторых других терминов: тяжелая вода, тяжелые металлы, тяжелые элементы, тяжелое топливо, heavy isotopes — тяжелые изотопы, heavy metal — тяжелый металл, heavy water — тяжелая вода, heavy hydrogen — тяжелый водород, heavy elements — тяжелые элементы, авыр су — тяжёлая вода, авыр металл — тяжелые металлы, авыр водород — тяжелый водород.

Данные примеры из толковых словарей дают понять, что в семантической структуре оппозиции 'легкий — тяжелый' (легкий — тяжелый, light—heavy, жиңел — авыр) происходит метафоризация, появляется образность составляющих. Метафоричность и образность позволяет наделять данную оппозицию аксиологическими признаками, то есть диада 'легкий — тяжелый' (легкий — тяжелый, light—heavy, жиңел — авыр) приобретает статус аксиологической метафоры, которую каждый человек использует при осмыслении и понимании явлений окружающей действительности. Выделенные общие значения подчеркивают важность оппозиционного подхода в оценочной деятельности современного человека.

Литература:

1. Григорьева, Т. В. Аксиологические особенности оппозиции 'легкий — тяжелый' в русском языке // Вестн. Том. гос.ун-та. Филология. 2015 № 2 (34). с. 5—13.
2. МАС: Малый академический словарь. — М., 1957—1984.
3. Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка. — М., 1910—1914.
4. СД: Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1978.
5. Семенов, А. В. Этимологический словарь русского языка. — М., 2003.
6. СК: Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб., 2004.
7. СОШ: Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М., 1998.
8. Татарско-русский большой словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: (<http://tatar.com.ru/dict/a.php>), <http://tatar.com.ru/a.php>, <http://tatarstan.ru/about/dictionary.htm>.
9. Татарско-русский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://tatar_russian.academic.ru/20287; http://tatar_russian.academic.ru/1407.
10. Толковые словари английского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dictionary.infoplease.com>, <http://dictionary.reference.com>, <http://www.askoxford.com>, <http://www.merriam-webster.com>.
11. ТСУ: Толковый словарь русского языка / Под ред. А. М. Волина и Д. Н. Ушакова. — М., 1940.
12. ТТС: Татарский толковый словарь / Под ред. Л. Т. Махмутова. — Казань, 1977.
13. ФЭС: Этимологический словарь русского языка М. Фасмера: В 4 т. — М., 1987.
14. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. — М., 1999.
15. Шанский, Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. — М., 2004.

Способы образования сложных физико-технических терминов в татарском языке

Мусина Гульнара Флюновна, кандидат филологических наук, преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Образование сложных физико-технических терминов в татарском языке путем сложения основ бывает 2-х видов: сложение основ с сочинительным и подчинительным отношением компонентов. Путем сложения

основ с сочинительным отношением компонентов образуются парные термины, а с подчинительным — сложные и составные. Образование сложных терминов с подчинительным отношением компонентов имеет несколько

типов: образование сложных терминов сложением компонентов с атрибутивным, комплетивным и обстоятельственным отношением. В данной статье мы рассмотрим сложные физико-технические термины, образованные сложением компонентов с атрибутивным отношением.

В современном татарском языке образовано большое количество физико-технических терминов на основе атрибутивных отношений компонентов. В данном способе словосложения первый компонент является атрибутом (определением) второго компонента. Однако между компонентами сложного слова не существует живой атрибутивной связи, о ней можно сказать лишь условно.

В тюркологии данное словосложение еще до сих пор не исследовано. По словам лингвиста Ф.А. Ганиева: «... не встречается даже само понятие «словосложение с атрибутивным отношением компонентов. Поэтому фактически история изучения словосложения на основе атрибутивных отношений компонентов только начинается. ... Они в той или иной степени исследованы во всех тюркских языках, но не под углом зрения отношений компонентов» [1, с. 85–86].

При образовании сложных физико-технических терминов первыми компонентами могут являться слова нескольких знаменательных частей речи: существительные: комташ — песчаник, электр лампасы — электролампа; прилагательные: кабарынкы линза — выпуклая линза, ирекле конвекция — свободная конвекция; местоимения: үзбушаткыч — самосвал, үзіндукция — самоиндукция; числительные: дүртполюслык — четырехполюсник, икенчел вал — вторичный вал, причастия: төшүче нур — падающий луч, кайтарылган нур — отраженный луч и т.д. Сложные физико-технические термины с атрибутивным отношением компонентов с точки зрения их лексико-грамматических особенностей имеют следующие типы:

1. Существительное + существительное: известьташ — известняк, радиоүзэк — радиоцентр, фотокагаз — фотобумага, фотоэлемент — фотоэлемент, электрсыешлык — электроемкость, радиофизика — радиофизика, радиоешлык — радиочастота, радиоэлемент — радиосвязь. В данном типе словосложения наблюдаются сложения со связанными или усеченными компонентами, которые в большинстве своем являются интернациональными: телекамера — телекамера, микродонья — микромир. В данных терминах первые компоненты отдельно не употребляются, в татарском языке они появились путем калькирования соответствующих русских сложных терминов.

2. Существительное + существительное в притяжательной форме. Данное сочетание является формой второго и третьего изафетов, образующих свободные словосочетания. Средством связи слов являются суффиксы притяжательности —ы и порядок слов, между словами установлена атрибутивная связь, т.е. первое слово является определителем второго слова в словосочетании, которое в свою очередь уточняется с какой-либо стороны. Данный тип словосложения делится на несколько видов:

А) Суш. + суш. — ы (Изафет II): кисем төше — ядро сечения, тавыш факторы — шум-фактор, бүлем кыйммәте — цена деления (в шкале), якорь мөгезе — рог якоря, май савыты — масленка, кирпеч кабыргасы — лог, мич төбе — лещадь, сал юлы — лесоспуск, магнитофон лентасы — магнитофонная лента.

Б) Суш. — ның + суш. — ы (Изафет III): контурның сыйфатлылыгы — добротность контура, материалның дефектлыгы — дефектность материала, сурәтнең контрастлыгы — контрастность изображения, маятникның тайпылуы — смещение маятника, бинаның кубатурасы — кубатура здания, өслекнең сыйфаты — качество поверхности.

В) Суш. — лар/-ләр + суш. — ы/-е: валлар сызыгы — линия валов, лампалар сынагычы — испытатель ламп, ионнар нуры — ионные лучи, күмерләр блогы — угольный блок, зоналар теориясе — зонная теория, фазалар тәңгәллеге — совпадение фаз.

Г) Суш. — лар/-ләрнең + суш. — ы/-е: температураларның тигезләнеше — выравнивание температур, кисәкчеләрнең бәрелешүе — столкновение частиц, көчләрнең кушылуы — сложение сил.

Д) Суш. — лык/-лек + суш. — ы: тиндәшлелек принцибы — принцип соответствия, куркынычсызлык коэффициенты — коэффициент безопасности, индуктивлык магазины — магазин индуктивности, каршылык моменты — момент сопротивления.

Е) Суш. + суш. — лары/-ләре: катод нурлары — катодные лучи, көч сызыклары — линии сил.

3. Прилагательное + существительное. Многие существительные данного типа образованы переходом свободного словосочетания в сложное слово. По этой причине трудно установить способ образования сложных терминов с атрибутивным отношением компонентов: образованы ли они путем сложения двух основ или перехода словосочетания в сложное слово. Мы же не будем рассматривать термины по данным способам, а возьмем их всех вместе. Примеры: батынкы көзге — вогнутое зеркало, йөзмә затвор — плавающий затвор, куш тамыр — двойная жила, тоташ забой — сплошной забой, даими сыешлык — постоянная емкость.

Стоит отметить, что первыми компонентами сложных физико-технических терминов с атрибутивным отношением компонентов данного типа являются как корневые, так и суффиксальные прилагательные. Типичными суффиксами в данных прилагательных являются —лы/-ле, —ма/-мә и —дагы/-дәге. Также первым компонентом сложных терминов может являться и сложное прилагательное. Рассмотрим данные виды поконкретнее:

А) Суш. — лы/-ле + суш.: валлы ваклагыч — валковая дробилка, винтлы домкрат — винтовой домкрат, калаклы борау — лопастное долото, һавалы деполяризатор — воздушный деполяризатор, чикле донья — конечный мир, кагазлы конденсатор — бумажный конденсатор, тешле тәгәрмәч — зубчатое колесо.

Б) Прилаг. (сложное) + суш.: электромагнитлы демпфер — электромагнитный демпфер, электродинамик

репродуктор — электродинамический громкоговоритель, үзйөрешле гудронатор — самодвижущийся гудронатор, ярымтүгәрәк игәү — полукруглый напильник, газсыман диэлектрик — газообразный диэлектрик.

В) Сущ. — дагы/-дәге + сущ.: атмосферадагы конвекция — конвекция в атмосфере, шуудагы ышкылу — трение скольжения.

Г) Суф. — ма/-мә + сущ.: асылма изолятор — подвесной изолятор, үзгәрмә сыешлык — переменная емкость, әйләнмә хәрәкәт — вращательное движение, каплама гайка — накидная гайка, күчмә винт — перемещающийся винт, жыелма конструкция — сборная конструкция.

4. Местоимение + существительное. В татарском языке сложные физико-технические термины данного типа малочисленны. В основном они возникли в результате калькирования или полукалькирования русских сложных терминов: үзбушаткыч — самосвал, үзтартым — самотяга, үзиндукция — самоиндукция, үздиффузия — самодиффузия. Как видно из приведенных примеров, в данном типе используется лишь одно местоимение — үз (свой, сам).

5. Числительное + существительное: дүртбуын — четырехзвенник, дүртполюслык — четырехполюсник, берешлелек — однородность, икенчел һава — вторичный воздух, унарлы үлчәү — десятичные веса, икенчел вал — вторичный вал. Как видно из примеров, первыми компонентами выступают такие числительные как бер (один, одно), икенчел (второй), дүрт (четыре) и ун (десять).

6. Причастие + существительное: яраштырылган йөкләнмә — согласованная нагрузка, тоташтырылган егәрлек — присоединенная мощность, майлаучы матдә — смазочное масло, бәйләнгән контур — связанный контур, кузгалмас контакт — неподвижный контакт, жимерүче көчәнеш — разрушающее напряжение, әйләндерүче момент — вращающий момент. Первыми компонентами в данных словосочетаниях являются причастия прошедшего, настоящего и будущего времени.

Из всего вышеперечисленного можно сделать следующие выводы: большое количество сложных физико-технических терминов в татарском языке образуется путем сложения основ с атрибутивным отношением компонентов, где первый компонент является атрибутом второго. Первыми компонентами в данном словосочетании могут являться слова нескольких частей речи: существительные, прилагательные, местоимения, числительные и причастия. С точки зрения лексико-грамматических особенностей сложные физико-технические термины с атрибутивным отношением компонентов делятся на несколько типов: существительное + существительное, существительное + существительное в притяжательной форме, прилагательное + существительное, местоимение + существительное, числительное + существительное и причастие + существительное. Каждый из первых 3-х типов в свою очередь делится на несколько видов.

Литература:

1. Ганиев, Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. — Казань: «Печатный двор», 2002. — 192 с.
2. Закиев, М. З. Синтаксический строй татарского языка. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. — 464 с.
3. Русча-татарча техника терминнары сүзлеге. — Казан: Тат. кит. нәшр., 1963. — 213 б.
4. Русча-татарча физика терминнары сүзлеге. Татарча-русча физика терминнары сүзлеге / Төз. Даутов Г. Ю., Галимов Д. Г., Вәгыйзова З. М. Даутов Г. Ю. редакциясендә. — Казан: «Таң-Заря», 1996. — 200 б.
5. Татарская грамматика: в 3 т. / Под ред. М. З. Закиева. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. — Т. 1: Введение. Фонетика. Фонология. Просодика. Графика и орфография. Орфоэпия. — 584 с.
6. Хангилдин, В. Н. Татар теле грамматикасы: (Морфология һәм синтаксис). — Казан: Тат. кит. нәшр., 1959. — 644 б.
7. Фасеев, Ф. С. Татар телендә терминология. — Казан: Тат. кит. нәшр., 1969. — 200 б.

Иностранный язык как предмет приобщения студентов к духовным ценностям

Семчук Елена Владимировна, старший преподаватель;

Найданова Галина Ивановна, старший преподаватель

Санкт-Петербургский государственный технологический университет растительных полимеров

Ключевые слова: современная цивилизация, духовные ценности, нравственность

Значимость нравственного воспитания студентов особенно обозначилась в современный период в связи с утратой людьми нравственных смыслов собственной жизни, что отражается на растущей агрессивности, инфантильности части молодежи, бездуховности. Дефицит

нравственных ценностей и пренебрежение моральными нормами становятся частым явлением. В условиях кризиса нравственных ценностей, переживаемого современной цивилизацией, жестокости и бездуховности человеческих взаимоотношений огромное значение приобретает

возвращение к моральным нормам и правилам, которые на протяжении многих поколений направляли поведение людей. Современный преподаватель находится в поиске таких методов и средств, которые обеспечивали бы проникновение в учебный процесс морали, ее ценностей и вызвали бы их практическое усвоение, совершенствуя нравственный облик студентов. Нравственная личность обладает добродетелями, представляющими собой общественные ценности, закрепленные во внутреннем мире человека в форме знаний, чувств, убеждений, а учебный процесс является «посредником», механизмом, передающим ей эти ценности.

Духовно-практические качества человека не передаются генетически, а вырабатываются в ходе долгой и кропотливой совместной деятельности студента и преподавателя. Первоначальным источником нравственных идеалов для любого человека является семья, далее человек испытывает воздействие среды — детского сада, школы, друзей, знакомых и т.д. Кроме того, «каждый человек обладает индивидуальной предрасположенностью к усвоению нравственной информации и переработке ее в индивидуальные мотивы поведения. Отсюда задача обучения не в том, чтобы «вложить» в сознание как можно больше нравственных ценностей, а в том, чтобы разбудить и активизировать врожденные способности к оценочному восприятию действительности» (И. С. Суханова). Таким образом, с одной стороны от преподавателя требуется стать образцом нравственности для студентов, а с другой стороны, перед ним ставится задача корректировки нравственных убеждений, трансляции общественных ценностей, что является как высокой моральной ответственностью, так и практически трудно реализуемой задачей.

Основой нравственного воспитания должно являться гуманистическое мировоззрение, вбирающее в себя высшие ценности всего рода человеческого (Б. Л. Вульфсон). Право на жизнь, на счастье, на свободу, на беспрепятственное развитие своих способностей получили широкое признание в мире, нашли отражение в документах, где неоднократно подчеркивалось, что гуманистическое поколение — главная задача учебного заведения. В современном мире, где беспрерывно меняющейся технологии, в самом широком смысле этого слова, глубоко пронизывают все сферы жизни, гуманистическое воспитание призвано утверждать такие моральные ценности, которые являются поистине вечными и вместе с тем способны обновляться и возрождаться в каждую новую историческую эпоху.

Наиболее значимыми идеальными основаниями, к которым следует стремиться студентам, следует считать:

- гуманизм, в основе которого заложено уважение и доброжелательность по отношению к другому человеку, доброта как источник чувства, действия и отношения к окружающему миру;
- ответственность как моральная готовность держать ответ за свои мысли и действия, соотносить их с возможными последствиями;

— долг как осознание и готовность к проявлению своих обязанностей перед государством, обществом, людьми и самим собой;

— совестливость как регулятивная основа всей жизнедеятельности человека;

— чувство собственного достоинства как нравственное самоутверждение на основе эмоционально-рефлексивной и позитивно-окрашенной установки на самоуважение и уважение к другому человеку;

— гражданственность как чувство Родины, неразрывной связи с отечеством, причастности к его судьбе.

Акцент на данные характеристики позволяет осмысливать студенту, приобщаться в процессе воспитания и осваивать в соотнесении со своими проявлениями такие собирательные и образные понятия как:

— культура чувств — умение и стремление к эмоциональному самопроявлению в горизонте меры и нравственности;

— способность к нравственному усилию, как основание для самооценки, самоопределения и самосовершенствования;

— чувство эмпатии — эмоциональное «чувствование» другого, соизмерение своего поведения в соответствии с состоянием другого человека. На основе способности к эмпатии развивается толерантность как терпимость к инакомыслию, вероисповеданию и соответствующему в связи с этим проявлению.

Современное обучение предполагает, что человек ставится в центр процесса обучения и формируется как гуманная личность. Гуманизация обучения является частью общего процесса гуманизации системы образования. Она связана с получением необходимого для каждого культурного человека минимума знаний об истории развития человеческого общества и собственного народа, о его литературе, искусстве, т.е. о нравственно-эстетических ценностях, оказывающих влияние на формирование личности студента в целом.

Предмет «иностранный язык» является наиболее гуманным предметом (в смысле направленности на личность студента). Основным психолого-педагогическим подходом к обучению иностранному общению мы считаем личностно-гуманный подход.

Деловые игры на уроке — сильный мотив к изучению языка, они помогают создать языковую среду, приближенную к естественной. Появляется возможность активизировать на этой основе практически весь программный лексико-грамматический материал. Студенты быстро овладевают речевыми конструкциями и формулами, потом автоматически оперируют ими при выполнении коммуникативных заданий другого рода. Такие занятия способствуют эстетическому воспитанию учащихся, приобщению их к культуре страны изучаемого языка.

Расширение языковых связей с зарубежными партнерами ведет к необходимости грамотно и правильно вести беседу в типичных ситуациях: знакомство, разговор по телефону, деловая встреча, заказ билета и номера в гостиницу.

нице, ведение деловых переговоров, обсуждение и подписание контракта, коммерческая корреспонденция (письмо, факс, телекс, электронная почта, запрос, заказ, счет, рекламация и др.). Урок «Устройство на работу» проводится в виде деловой игры, что обеспечивает погружение в языковую среду и приближает к реальным жизненным условиям. Лексический и тематический материал урока соответствуют запросам современности, что требует определенной теоретической и практической подготовки по данной дисциплине. Одной из задач урока является сочетание страноведческой направленности темы с практическими реалиями настоящего дня. Например, написание резюме — одна из актуальных задач при устройстве на работу.

Наряду с необходимостью владения разговорным стилем иностранного языка, требуется владение фразами официального обращения, устойчивыми выражениями, клише и знание определенных грамматических образцов, что и проверяется в ходе деловой игры.

Из вышесказанного следует, проблема обучения иностранному языку студентов учреждений, обеспечивающих получение среднего специального образования, связана сегодня с повышением требований к ним как к конкурентоспособным специалистам, профессионалам. Обществу, государству нужны специалисты с активной гражданской позицией, широким кругозором, умеющие адекватно реагировать на изменяющиеся жизненные условия, социально мобильные, способные к самостоятельному решению производственных (профессиональных) задач.

Один из новых подходов и технологий во взаимодействии преподавателя и студента — проектная деятельность на уроках иностранного языка. Данная деятельность является действенным инструментом преподавания, который активизирует мыслительную деятельность студентов, позволяет сделать учебный процесс привлекательным и интересным.

В проектном исследовании преподаватель выступает в роли консультанта, помощника, рядового участника проекта, задействовал коллег для обсуждения. Подобные формы общения и совместной творческой коммуника-

тивной деятельности способствовали нравственно-эстетическому воспитанию студентов.

Все участники проектов — и преподаватель, и студент — работают с интересом, творчески, инициативно и неформально. Студенты с большой ответственностью относятся к такой работе, поскольку видят ее практическую пользу. По свидетельству преподавателей, студенты, задействованные в проектах, проявляют такие качества, как ответственность, коллективизм, чувство товарищества.

Рассмотрим работу над творческими проектами на примере темы «Наш колледж». Среди возможных видов проектной работы по теме «колледж» можно выделить следующие:

- подготовка и организация экскурсии по колледжу;
- проведение интервью и сообщение его результатов;
- сочинение (индивидуальное);
- оформление плаката или стенгазеты;
- изготовление буклета для абитуриентов;
- разработка викторины;
- написание статьи для журнала;
- дизайн карты с обозначением аудиторий;
- создание рекламы
- подготовка доклада об актуальных проблемах го-

рода.

Залогом успешной презентации проектов стала тщательная подготовка. Преподаватель должен взять на себя роль организатора итоговых выступлений и помочь студентам выбрать форму презентации. Такие уроки способствуют достижению самых разнообразных целей методического, педагогического и психологического характера:

- осуществляется контроль знаний и умений студентов по определенной теме;
- обеспечивается деловая, психологически комфортная атмосфера, серьезное отношение студентов к уроку;
- предусматривается минимальное участие в процессе урока преподавателя.

Таким образом, иностранный язык как предмет может быть действенным фактором приобщения студентов к духовным ценностям.

Литература:

1. Аверкиева, Г. В. Проблема формирования ценностных ориентаций современных школьников. Ребенок и современный мир. — Архангельск, 2001. С. 55–60.
2. Агапов, В. С. Концепция духовно-нравственного воспитания учащейся молодежи А. С. Метелягина, [1950–2001 гг.: Отечеств. ученый-педагог] // Проблемы формирования и развития личности в психологии и педагогике. — М., 2001. — С. 31–35.
3. Арапова, Е. М. Нравственное воспитание на уроках иностранного языка / фестиваль педагогических идей «Открытый урок». — Москва, 2009.
4. Архипова, Ю. В. Особенности визуальной репрезентации учебного материала по иностранному языку в неязыковом вузе // Актуальные проблемы современного международного публичного права: Межвуз. научно — прак. конф. Семинар «Преподавание иностранных языков и обучение переводу в контексте высшего профессионального образования»: Матер. выступл. — М.: Изд. — во РУДН, 2003. — С. 97–98.
5. Власова, Т. И., Духовно ориентированная парадигма воспитания в отечественной педагогике // Педагогика — 2006. — № 10 — с 36–42.

6. Кузовлев, В. П. Учебно-методическое пособие по английскому языку / М.: 2004 — Просвещение, 74 с.
7. Макаренко, А. С. Лекции о воспитании детей Избр. Пед. Соч. — М., 1977. — Т. 2
8. Миролюбов, А. А. Культуроведческая направленность в обучении иностранным языкам. / И. Я. в школе. — 2000. — № 3 с. 38—43

Способы экспликации измененного состояния сознания в художественном произведении

Сидорина Елена Владимировна, аспирант
Волгоградский государственный университет

1. Измененные состояния сознания (ИСС) представляют собой способ приспособления сознания к изменениям внешних условий, адаптивную реакцию человека на такие изменения [1, с. 48]. Ученые разных направлений науки — психологи, психиатры, социологи, лингвисты обращаются к исследованию данного феномена [1, 4, 5, 8 и др.]. Однако в современной науке нет единого подхода к классификации и методологии изучения измененных состояний сознания, поэтому и диапазон их достаточно широк — от переживания каких-либо эмоций (гнев, раздражение и т.д.) до психического заболевания (наиболее полные классификации представлены в: [9, с. 50; 10, с. 2—4].

Разнообразие ИСС, возможности их междисциплинарного изучения порождают и широту проблематики: в частности, в лингвистике сегодня дискутируется статус речи говорящего, находящегося в состоянии измененного сознания, как функциональной разновидности разговорной речи; обсуждаются возможности аффективной речи передавать существенную и дифференцированную информацию о типе ИСС; с помощью различных лингвистических экспериментов активно исследуется синергетика речи в ИСС, выявляются механизмы речеобразования и восприятия речи; устанавливаются особенности интериоризованного дискурса; выявляется гендерная специфика в речи носителей ИСС; анализируются поэтические произведения как свидетельство ИСС его автора.

При этом источником изучения ИСС в лингвистике являются, прежде всего, речь, порожденная носителями таких состояний, а в центре внимания ученых находятся, как правило, особенности ее синтаксического строя. К менее разработанным можно отнести проблемы выявления механизмов семантических и формальных трансформаций в речи носителей ИСС словообразовательных и лексических единиц. Дальнейшее изучение таких проблем позволит выявить отражающие специфику категоризации действительности изменения смысла или значения языковых единиц, а также раскрыть их семантический потенциал. Кроме того, перспективным представляется привлечение в качестве источника изучения ИСС художественных произведений, в которых автор, не являясь носителем ИСС, однако, опираясь на свой жизненный опыт и знания, моделирует речь персонажа с измененным состоянием сознания.

2. Способы экспликации измененного сознания рассмотрим на материале языковых фактов, извлеченных из романа писателя-посмодерниста Саши Соколова «Школа для дураков». Основной единицей наблюдения является словоформа, функционирующая в микротексте, который понимается как «сложное синтаксическое целое, отрезок речи в форме последовательности двух и более самостоятельных предложений, объединенных общностью темы в смысловые блоки» [11, с. 435].

Согласно мнениям ученых, к основным признакам ИСС относятся: а) изменения в мышлении; б) нарушение чувства времени; в) потерю контроля; г) изменения в эмоциональном выражении; д) изменение образа тела; е) искажения восприятия; ё) изменения смысла или значения; ж) чувство невыразимости; з) чувства возрождения; и) гипервнушаемость [см., например: 10, с. 2]. По-видимому, все перечисленные признаки находят выражение в речи человека, пребывающего в измененном состоянии сознания, однако в романе С. Соколова реализованы два из них — нарушение чувства времени и изменения смысла или значения. Остановимся на них подробнее.

3. На речь Нимфеи — главного героя романа — влияют его представления о мире, в частности, представления о времени как о форме и последовательности смены состояний объектов и процессов. Языковым отражением объективного времени является глагольное время — грамматическая категория, «служащая для темпоральной локализации события или состояния. Она заключается в указании посредством противопоставленных друг другу временных форм на одновременность, предшествование или следование события моменту речи или ... какой-то другой точке отсчета» [2, с. 89].

Для Нимфеи характерно целостное восприятие времени, для него стерты представления о темпоральной локализованности событий. Например: Была (есть, будет) очень хорошая погода, а река — тихая и широкая, а на берегу, на одном из берегов, куковала кукушка (кукует, будет куковать), и она, когда я бросил (брошу) весла, чтобы отдохнуть, напела (напоет) мне много лет жизни [7, с. 34].

Отсутствие указания на темпоральную локализованность событий, интерпретируемых в речи героя, также можно проследить на примере следующего контекста:

Пусть та преподаватель совершенно не была похожа на водокачку, — скажешь ты, — зато она необъяснимо напоминает само слово, сочетание букв, из которых оно состоит (состояло, будет состоять), — В, О, Д, О, К, А, Ч, К, А [7, с. 142].

Такое употребление одного глагола в разных временных формах, воспроизведение в одном контексте парадигмы его временных форм (настоящего, прошедшего и будущего), свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в сознании героя и он сам, и объективная действительность существуют вне времени. Нимфея воспринимает весь мир цельно, всеобъемлюще. События для него не разделены на периоды, временные вехи. Для Нимфеи нет последовательности смены событий, они не подчинены каким-либо причинно-следственным связям, все происходящее развивается как бы одновременно, параллельно.

4. Анализ лексических значений словоформ, употребленных во внутренней речи персонажа, позволил выявить, что Нимфея владеет языковыми единицами на уровне их прямого, денотативного значения, отражающего представления о конкретном предмете. Например: Потом мы работали контролерами, кондукторами, сцепщиками, ревизорами железнодорожных почтовых отделений, санитарями, экскаваторщиками, стекольщиками, ночными сторожами, перевозчиками на реке, аптекарями, плотниками в пустыне, откатчиками, истопниками, зачинщиками, вернее — заточниками, а точнее — точильщиками карандашей. Мы работали там и тут, здесь и там — повсюду, где была возможность наложить, то есть приложить руки [7, с. 249–250].

Речь героя в данном случае представляет собой своеобразный комплекс смыслов, порождаемый поиском нужного слова. Перебирая наименования профессий, в которых мог бы реализоваться герой, он находит нужную — точильщик карандашей. Лексема, называющая ее (точильщик), сближается в контексте с существительными зачинщик, заточник.

Слово зачинщик фиксируется в словарях в значении ‘тот, кто начинает что-либо, (обычно что-либо неблагоприятное)’ и дается с пометой неодобрительное, (зачинщик мятежа, зачинщик бунта) [3, с. 228; 6, I, с. 595]. Данное существительное образовано от глагола зачинать — ‘начинать, давать начало чему-нибудь’ и имеет словообразовательное значение ‘лицо, производящее действие, названное мотивирующим глаголом’. В приведенном контексте эти словообразовательные связи производного зачинщик нарушаются, поскольку оно соотносится с глаголом зачинить — ‘заточить карандаш’ [3, с. 220].

Существительное заточник (‘заключенный’, ‘сосланный человек’) образовано от заточить (‘подвергнуть заточению, лишить свободы’) в современном русском языке существует как устаревшее, высокое. Его словообразовательное значение можно сформулировать как ‘лицо, находящееся в определенном функциональном состоянии’. У глагола заточить в современном русском языке существует омоним со значением ‘за-

стричь, сделать острым’, однако производное от него существительное со значением носителя процессуального признака фиксируется только в Словаре русского литературного языка в 17-ти томах, что, по-видимому, свидетельствует о периферийном статусе данной лексемы.

Существительное точильщик в современном языке имеет два значения: ‘рабочий, занимающийся точкой режущих инструментов’, ‘жук, вредитель древесины’ [6, IV, с. 391]. С точки зрения словообразования они мотивированы глаголом точить (‘делать острым’ и ‘делать в чем-нибудь дыры, изъязны’) и выражают словообразовательное значение ‘лицо по роду деятельности, занятию’.

Что касается реализации словообразовательных значений существительных зачинщик, заточник, точильщик в речи Нимфеи, следует отметить, что он сближает их, соотнося с очень конкретным, узким значением глаголов чинить (зачинить), точить — ‘заострять конец карандаша, мелка’, различия словообразовательных значений нивелируются. За своими словами Нимфея не видит вторых смыслов, актуализирует в них только конкретные, максимально приближенные к денотату признаки.

Эта особенность проявляется и по отношению к глагольным единицам. Обратимся к последнему предложению фрагмента: Мы работали там и тут, здесь и там — повсюду, где была возможность наложить, то есть приложить руки. В этом контексте употреблены два однокоренных глагола наложить и приложить.

Нимфея не чувствует различий между формально близкими языковыми единицами, воспринимая только прямые значения глаголов, соотносимые с семантикой корневой морфемы -лож-: ‘поместить что-либо, куда-либо’. Однако в контексте данные глаголы употреблены в составе фразеологизмов: приложить руки (‘принять участие в чем-либо’) и наложить руки (‘завладеть, подчинить своему влиянию’).

То, что сближается на уровне прямых значений, имеет существенные различия в переносном употреблении: глагол наложить и существительное руки входят в состав еще одного фразеологизма — наложить на себя руки (‘покончить жизнь самоубийством’).

Итак, анализ лексических значений словоформ, употребленных в речи персонажа, позволил выявить то, что Нимфея владеет языковыми единицами на уровне их прямого, денотативного значения, отражающего представления о конкретном предмете или действии, что эксплицируется в речи путем изменения (искажения) лексического значения единиц и словообразовательных отношений между ними.

Нимфея смотрит на мир наивно, по-детски, многие смыслы остаются скрытыми от него. Однако следует отметить, что автор романа, воспроизводя те или иные признаки измененного состояния сознания в речи персонажа, решает важные художественные задачи путем создания подтекста, который возникает на основе существующих между Нимфеей и читателем различий в степени освоения языковых ресурсов. Появляющиеся у читателя ас-

социации помогают представить картины жестокой действительности, окружающей героя, понять, почему герой

стремится уйти от внешнего мира в свою, созданную им самим, реальность.

Литература:

1. Кучеренко, В. В. Измененные состояния сознания: психолингвистический аспект / В. В. Кучеренко, В. Ф. Петренко, А. В. Россохин // Вопросы психологии, 1998 — № 3. — с. 70–78.
2. Маслов, Ю. С. Время / Ю. С. Маслов // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — с. 89.
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1994. — 928 с.
4. Погребняк, Ю. В. Интегрированный дискурс в измененных состояниях сознания // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. — 2011. — № 37 (252). — Вып. 61. — с. 99–103.
5. Синеокова, Т. Н. Лингвистика измененных состояний сознания: Учебное пособие. — Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. А. Добролюбова, 2008. — 151 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1999. — Т. I. — 702 с.; т. IV. — 800 с.
7. Соколов, С. Школа для дураков: Роман. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. — 256 с.
8. Спивак, Д. Л. Лингвистика измененных состояний сознания. — Л.: Наука, 1986. — 92 с.
9. Спивак, Л. И. Измененные состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология / Л. И. Спивак, Д. Л. Спивак // Сознание и физическая реальность. — Т. 1, — № 4, 1996. — с. 48–55.
10. Тарт, Ч. Измененные состояния сознания / Пер. с англ. Е. Филиной, Г. Закарян. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 288 с.
11. Шевякова, Е. В. Сверхфразовое единство / Е. В. Шевякова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — с. 435.

Языковые особенности дискурса политического движения «Пяти звезд» (на примере выступления Б. Грилло)

Суханова Анастасия Сергеевна, аспирант
Воронежский государственный университет

В статье рассматриваются основные языковые средства, используемые в дискурсе политического движения «Пяти звезд» (Movimento 5 Stelle) в Италии, исследуются характерные признаки. Автор приходит к выводу, что для политического дискурса этого движения характерно сочетание различных языковых средств выразительности, которые делают выступление более ярким, обращают внимание аудитории на определенные идеи, и, в конечном счете, позволяют легче склонить адресата на свою сторону, убедить их в чем-либо.

Ключевые слова: политический дискурс; языковые средства; риторический вопрос; метафора; методика; антитеза.

В последние годы в Италии появились политические группы, дискурс которых в значительной степени не совпадает с традиционным дискурсом этой страны. Актуальность исследований в этой области состоит в том, что существует недостаточно работ по данной тематике, а имеющиеся носят фрагментарный характер. Системное и целостное осмысление проблем политического дискурса будет способствовать более глубокому пониманию национально-специфических характеристик коммуникации, ее связи с филологической традицией и текущей социально-политической обстановкой.

Неоднократно отмечалось, что политический дискурс представляет собой особую разновидность дискурса. Что

же касается политической коммуникации, то, как справедливо отмечает А. П. Чудинов, главная ее функция — «борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности», «которая призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти и ее использование» [4, с. 6].

Многие языковеды считают, что «текст» — это понятие собственно лингвистическое (высшая единица синтаксиса), а термин «дискурс» имеет лингвосоциальный характер, это предмет исследования лингвокультурологии, социолингвистики, политической лингвистики [2, с. 21].

Следовательно, при изучении политического дискурса необходимо исследовать то, каким образом осуществля-

ется воздействие на адресата. В данной статье мы рассмотрим публичную речь Беппе Грилло в ходе его выступления в г. Палермо (октябрь 2014 г.). Беппе Грилло — политик, один из основателей итальянского политического «Движения пяти звёзд» (итал. Movimento 5 Stelle, M5S). Эта политическая ассоциация появилась в 2009 году и в феврале 2013 года заняла на парламентских выборах третье место, получив поддержку более 25% избирателей. Успехи «Движения пяти звёзд» многие объясняют его нестандартным дискурсом. Рассмотрим эти особенности. В данном исследовании мы использовали метод сплошной выборки образных стилистических единиц с целью проведения анализа выступления Б. Грилло.

А.Г. Алтунян подразделяет формы и приемы, которые используются авторами политических текстов, на явные и неявные [1, с. 32]. Так, к явным, очевидным приемам, помимо способа подачи материала, графических средств и др., относятся и риторические средства, речь о которых пойдет далее.

Как справедливо отмечают многие исследователи, в последние годы на первый план у политиков «выходит стремление к выразительности речи. Яркость и неожиданность способов выражения мысли, удачная языковая игра, индивидуальность стиля во многих случаях ценятся даже в большей степени, чем ясность и политическая корректность содержания текста» [3, с. 84–85].

Исследуя языковые особенности политической речи партии «5 stelle», отдельно обратим внимание на выбор морфологических средств. Отметим, что говорящий прежде всего стремится к обозначению круга своей аудитории, к включению себя в это число, используя для этого местоимения 1 лица множественного числа (*noi* — мы), либо притяжательные прилагательные (*nostro* — наш), либо глаголы в соответствующей личной форме (*abbiamo, dobbiamo* — мы имеем; мы должны); *abbiamo fatto aeroporti attaccati uno all'altro; Siamo sotto un ricatto; Non abbiamo ancora capito che abbiamo già vinto la nostra rivoluzione...; noi dobbiamo fare una cosa* и т.д. (наши аэропорты построены один рядом с другим; нас шантажируют; мы еще не поняли, что уже выиграли нашу революцию...; мы должны сделать одну вещь...).

Использование таких языковых средств приближает к общей проблеме, спланирует аудиторию. В то же время, «мы» выполняет функцию противопоставления «им» и подразумевает разграничение.

Оратор обращается также и от своего имени, речь ведется и от 1-го лица единственного числа, но она тут же тематически соединяется с общими проблемами, переходит на вопросы, касающиеся и говорящего, и слушателей: *Voglio che state tranquilli, dobbiamo dare un senso di pace che proviene da quest'isola ...; Dovete stare su di morale, perché io credo, ... la conosco bene la vostra terra* (Я хочу, чтобы вы были спокойны, мы должны дать овладеть нами чувству спокойствия, которое исходит от этого острова...; Вы должны приободриться, потому что я верю ..., я хорошо знаю вашу землю).

Д. Козенца отмечает, что Б. Грилло предпочитает «не обращаться к аудитории на «вы», свысока, а говорить на равных «ты», независимо от того, обращается ли он к одному человеку или целой толпе» [5]. Более того, исследовательница указывает на то, что Б. Грилло, в отличие от других политиков, «не ограничивается словами: «я — один из вас»; обращаясь на «ты», он как бы строит диалог с каждым (я, как и ты), почти доходит до отождествления себя с другим человеком» [там же].

Отметим также, что речь изобилует риторическими вопросами. Так, с помощью них говорящий приглашает присоединиться к своему негодованию: *Com'è possibile pensare così? Ma quale globalizzazione stiamo parlando?* (Как можно так думать? О какой глобализации мы говорим?). Кроме того, риторические вопросы позволяют привлечь внимание аудитории к существующим проблемам, обратить внимание на определенные понятия, сделать переход от одной темы к другой: *Che cos'è la mafia? Che cosa è l'onestà? Cos'è oggi un'associazione a delinquere? Da chi è formata l'associazione a delinquere? Cosa vogliono dire? Dov'è il Parlamento?* (Что такое мафия? Что такое честность? Что такое преступное сообщество? Кто входит в преступное сообщество? Что они имеют в виду? Где Парламент?)

Также нами было зафиксировано использование метафоры: *... questi coyotes dei mezzi d'informazione sono già pronti a smembrare il significato di questa serata...* (... эти койоты из средств массовой информации уже готовы растерзать значение слов, произнесенных этим вечером.). В данной цитате автор сравнивает представителей средств массовой информации с койотами, которые подобно тому, как разрывают жертву, готовы разорвать смысл произнесенной речи.

Отметим, что исследователи всегда обращали внимание на роль метафор в политическом дискурсе. Так, Н.В. Бугакова, рассматривая метафорическое моделирование политической сферы, отмечает, что человек «часто использует более простые и конкретные образы из тех сфер, которые ему хорошо знакомы. Метафора — это не средство украшения уже готовой мысли, а способ мышления, повседневная реальность языка» [2, с. 244].

Также характерным является использование такой фигуры, как метонимия. В данном случае метонимия основана на смежности, части и целого, но мыслится как единое понятие, как образ боратора края: *Qui c'è tutto e il contrario di tutto, qui ci sono i fichi d'india, ci sono i gelati, le cassate e ci sono i morti ammazzati* (Здесь все противоположность всему: здесь есть инжир, мороженое, кассата, но есть и убийства). Поскольку речь произнесена в Палермо, в данном примере автор призывает жителей обратить внимание на то, что есть на их земле.

Отметим, что анафорические конструкции зачастую могут быть очень эффективны в формировании определенного мнения, мироощущения, имиджа политика. Действительно, это средство служит целям автора, добавляет экспрессии, подчеркивает ключевые моменты: *... quando pensi a Bill Gates, pensi al computer, quando pensi a un movimento 5 stelle, pensi a una comunità, di beni di persone,*

è questo il pensiero (... когда ты думаешь про Билла Гейтса, ты думаешь о компьютере, когда ты думаешь о «Движении пяти звезд», ты думаешь об общности, о благе людей, вот в чем эта мысль...). В данном примере оратор ссылается на знаменитую личность, указывая на ее известную для большинства людей характеристику. Далее политик отмечает, что также неоспоримо соотносится понятие блага для людей и идея о «Движении пяти звезд».

Автор прибегает и к антитезе: *Siete autonomi senza autonomia; Qui c'è tutto e il contrario di tutto, siete ricchi e siete poveri...* (Вы независимы без независимости; здесь все противоположность всему, вы и богаты, и бедны...), с помощью такого контраста оттеняется сложившаяся ситуация, к ней добавляется драматизм.

В ходе нашего исследования мы отметили, что рассмотренному выступлению присуще использование большого количества риторических фигур. Это напрямую связано с целью оратора — выделить важную информацию, установить контакт со слушателями и быть понятным аудитории, привлечь внимание к определенным вопросам.

Обобщая изложенный выше материал, следует подчеркнуть, что использование различных языковых средств направлено на повышение эффективности воздействия политического дискурса. Мы пришли к выводу, что данному политическому выступлению свойственна эмоциональность, употребление риторических вопросов, метафор, метонимии, антитезы. Эти языковые особенности придают речи экспрессивность, темперамент.

Литература:

1. Алтунян, А. Г. Анализ политических текстов: Учебное пособие / А. Г. Алтунян. — М.: Университетская книга; Логос, 2006. — 384 с.
2. Бугакова, Н. В. Политическая метафора в свете когнитивной лингвистики / Н. В. Бугакова // Известия ВГПУ. — № 1 (262). — Воронеж, 2014. — с. 243–246
3. Современная политическая коммуникация: Учебное пособие / Отв. Ред. А. П. Чудинов // Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. — 292 с.
4. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва: Наука, Флинта, 2006. — 255 с.
5. Cosenza, G. Grillo: dal turpiloquio al linguaggio del corpo — URL: http://www.treccani.it/magazine/lingua_italiana/speciali/elezioni_sinistre/Cosenza.html (дата обращения: 20.06.2015)
6. Sfiducia Day Il discorso integrale di Beppe Grillo — URL: www.beppegrillo.it (дата обращения: 20.06.2015)

Проведенный нами анализ выступления Б. Грилло позволяет выделить следующие языковые особенности:

- в его речи много риторических вопросов, есть метонимии, метафоры и т.д.;
- на уровне синтаксических средств встречается анафора, которая задает выступлению ритм и усиливает воздействующий эффект;
- выбор морфологических средств способствует обозначению автором круга «своей» аудитории;
- с помощью сочетания языковых средств автор добивается экспрессивности и эмоциональности своего выступления.

Мы полагаем, что рассмотренные языковые средства выразительности делают выступление более ярким, обращают внимание аудитории на определенные идеи, и, в конечном счете, позволяют легче склонить адресата на свою сторону. В публичном выступлении Б. Грилло языковые средства неразрывно связаны, взаимно дополняют друг друга.

Очевидно, что важно изучать не только специфику языковых средств, но и рассматривать политические тексты с точки зрения теории дискурса. Данный анализ имеет перспективы для проведения дальнейших исследований. Настоящая статья рассматривает политический дискурс на примере одного выступления, однако, возможно более широкое рассмотрение, с привлечением примеров на материале сопоставительных исследований, в разных романских языках.

Феномен улыбки в русской и англоязычной культуре

Сырцова Марина Валерьевна, преподаватель
Камышинский политехнический колледж (Волгоградская область)

Предметом исследования является феномен улыбки в русской и англоязычной культуре.

Объектом исследования настоящей работы выступают письменные тексты русской, английской и американской художественной и публицистической литературы.

Актуальность данной исследовательской работы заключается в объяснении причины существования кон-

фликта культур в зоне употребления невербального знака-улыбки в России и на Западе.

Цель данной работы заключается в выявлении и сопоставлении значения, форм и ситуаций использования мимического жеста — улыбки в системах невербальной коммуникации русской, английской и американской культур.

Поставленная цель определила конкретные задачи исследования:

- определить коммуникативные ситуации использования улыбки в русской, английской и американской культурах с тем, чтобы выявить зоны несовпадения применения данного мимического знака-жеста в национально-специфических моделях поведения;
- описать и сравнить соответствующие поведенческие модели в исследуемых культурах;
- определить семантику знака-жеста улыбки в исследуемых системах невербальной коммуникации;
- исследовать исторические корни сложившихся поведенческих традиций и соответствующего отношения к улыбке в русской и западной культурах.

Научная новизна работы обусловлена многосторонним характером исследования феномена улыбки, а также привлечением данных различных наук, таких как психология, лингвистика и история.

Практическая значимость работы заключается в разработке системы мероприятий по внедрению жеста — улыбки в культуру студентов Камышинского политехнического колледжа.

Данная исследовательская работа посвящена рассмотрению феномена улыбки, оказавшейся одной из причин коммуникативных неудач в ситуациях общения между представителями русской и западной культур. Иностранцев, приезжающих в Россию с Запада, удивляет неулыбчивость русских в общественных местах, которую они расценивают как угрюмость, недоброжелательность, неприязнь. С другой стороны, русские, оказавшись в западной Европе и в Америке, недоумевают, почему им улыбаются совершенно незнакомые люди в ситуации, где они не видят достаточного повода для улыбки.

Международные контакты в современном мире становятся все более массовыми и интенсивными. Главным условием эффективности общения между представителями разных народов является взаимопонимание, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации. Ведь далеко не всегда межкультурная коммуникация бывает успешной даже в случае достаточного владения языками. Непонимание возникает на уровне мироощущения, национальных систем ценностей, национальных традиций и стереотипов поведения. Происходит коммуникативный сбой. Неверная трактовка слов, знаков, поведения иностранцев является результатом так называемого «конфликта культур», когда человек воспринимает окружающий мир через призму своей культуры, не принимая во внимание возможность иных взглядов и традиций. Это затрудняет межкультурную коммуникацию, а иногда приводит к коммуникативному провалу. Очевидной становится необходимость всестороннего изучения процессов и проблем межкультурной коммуникации, а также обучения коммуникативной компетентности.

При сопоставлении значений слов улыбка (улыбаться) и smile (to smile) проявляется разница значений, при-

сущих данным понятиям в русском, английском и американском языковых сознаниях.

В русском языке слово «улыбка» означает:

- смех, обман, насмешка, ирония: «улыбаться, улыбнуть — в значении обмануть (в устар. ф.)». Например, «Мешки со склада улыбнулись».

В английском языке восприятие улыбки выступает как средство активного позитивного воздействия в коммуникации:

- частая, беспричинная навязчивая улыбка: «Смех до добра не доводит», «Где грех, там и смех».

В английском и американском языках слово «smile» обозначает:

- широкая улыбка, демонстрирующая зубы: «оскал, ощериться, скалить зубы»

Анализируя труды научных работ С. Г. Тер-Минасовой, различают следующие виды улыбок:

- «улыбка формальная» — в западных культурах вид приветствия незнакомым людям, предписана правилами поведения;
- «улыбка коммерческая» — требование современного сервиса. Она привнесена в Россию иностранными фирмами;
- «улыбка искренняя» — проявление хороших чувств, хорошего отношения. Именно этот вид улыбки характерен для русских.

Следует различать улыбку как непроизвольное мимическое движение и улыбку как жест, являющийся знаком в коммуникации. Непроизвольная улыбка представляет собой мимическое проявление эмоционального состояния. Она характерна всем людям, независимо от социального статуса, возраста и национальной культурной принадлежности.

Особенности национальной культуры диктуют манеру поведения её представителей. Для понимания различий в манерах поведения, принятых в разных культурах, большое значение имеют такие понятия, как социальная и статусная дистанции между членами общества.

Для западной культуры характерна личная автономия (privacy) выражающаяся в использовании различных формальных знаков.

В русской культуре социальная дистанция короче, и коммуниканты, вступая в контакт, свободнее и легче выражают свои эмоции и отношения.

На Западе формальная улыбка в общественном месте предписана правилами поведения, а в американской невербальной коммуникации является основным мимическим жестом.

С другой стороны, большая, по сравнению с западной, статусная дистанция характерна для русских социально-культурных отношений, так как в общественном месте в России улыбаться не принято и незачем.

Таким образом, русская и американская модели поведения в указанных ситуациях являются полярными по использованию улыбки.

С давних пор существует в Европе традиция установления контакта и доверия между социально разобщёнными людьми на основе смеха и улыбки.

В Англии и Америке стали реже улыбаться незнакомым людям в общественном месте, а улыбки политических лидеров не вызывают доверия у британской аудитории.

Центральное место в лице России занимают глаза, а жест — улыбка всё ещё не является привычным элементом мимики, нормой вежливого поведения.

В России с приходом западных экономических и социальных моделей жест — улыбку всё чаще используют политические лидеры для создания своего публичного образа.

К сожалению, наш Камышинский политехнический колледж не является исключением из тех тенденций, которые существуют в современном обществе. Чтобы убедить студентов нашего колледжа в необходимости создания «силового поля положительного знака» нами была разработана Памятка студенту КПК, которая доказывает, что улыбка это наш коммуникативный капитал.

Чтобы добиться успеха, быть конкурентоспособным уже сейчас и в будущем необходимо развивать различные умения, в том числе и коммуникативные. Всегда приятнее иметь дело с жизнерадостным, оптимистичным партнером.

Для того чтобы студенты нашего колледжа не забывали улыбаться, необходимо об этом постоянно напоминать. Так, при входе в колледж нами были размещены плакаты «Знаки настроения», а также вывешена наглядность в коридорах, в аудиториях, в столовой, в спор-

тивном зале, в учебной части. Это могут быть смайлики, забавные фотографии, мудрые мысли и цитаты, напоминающие о пользе улыбки и поднимающие настроение в течение дня.

Данное научное исследование показало, в последнее время просматривается тенденция сближения поведенческих моделей русской и западной культур в сфере употребления улыбки. В Англии и Америке стали реже улыбаться незнакомым людям в общественном месте, а улыбки политических лидеров не вызывают доверия британской аудитории. В России появляется коммерческая улыбка, всё чаще улыбку используют политические лидеры для создания своего публичного образа. Улыбка в России всё ещё не является привычным элементом мимики, нормой вежливого поведения.

Итак, подводя итоги внедрению системы мероприятий по внедрению жеста-улыбки в культуру студентов КПК необходимо сделать следующий вывод, что улыбаться необходимо, потому что с помощью улыбки вы:

- демонстрируете безопасность;
- создаете комфортные условия для собеседников;
- налаживаете и поддерживаете контакт;
- проявляете дружелюбие и расположение;
- укрепляете здоровье;
- способствуете собственному долголетию.

Если мы осознаем необходимость такого простого и одновременно такого сложного жеста коммуникации как улыбка и будем его применять в жизни, то уважение и позитивный настрой окружающих нас людей будет высокой платой за наши старания.

Литература:

1. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и славянством. — М., 2006
2. Виноградов, В. В. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой / В. В. Виноградов. М.: Наука, 2003. — 390 с.
3. Ладо, Р. Лингвистика поверх границ культур / перевод с англ. В. А. Виноградова // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. — М., 2009, с. 32–62
4. Ларина, Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. — М. Изд-во РУДН, 2003
5. Лотман, Ю. М., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси. (Иная концепция древнерусской с меховой культуры). // Вопросы литературы. — 2005 № 3 с. 167
6. Названия литературных произведений. Опыт классификации // Сборник работ молодых ученых филологического факультета МГУ — М., 2006
7. Крейдлин, Г. Е. Кинесика // Крейдлин Г. Е., Григорьев Н. В., Григорьева С. А., Словарь языка русских жестов. — М., 2008
8. Панченко, А. М. Русская культура в канун петровских реформ. — Л., 2007
9. Стернин, И. А. Улыбка в русском коммуникативном поведении. // Русское и финское коммуникативное поведение. — Воронеж, изд. ВГТУ, 2000
10. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология. — М., 2004
11. Тер — Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2011
12. Ekman, P. "Universal and cultural differences in facial expression of emotion", Lincoln, 2012
13. slovardalja.net

О составном анализе некоторых региональных названий одежд

Тиллаева Миясар Ботировна, кандидат филологических наук, доцент;

Уразбаев Абдулла Дурдибаевич, кандидат филологических наук, зав.кафедрой;

Норбаева Шукуржон Хайитбоевна, ассистент-преподаватель

Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

В данной статье анализируются слова, которые выражают по составу гибридных наименований одежды, относящиеся к различным словарным слоям. В частности, в ней изучены наименования гибридного состава одежд используемые в хорезмском диалекте.

Ключевые слова: наименование гибридного состава, наименование одежды, хорезмский диалект, генетика слов, субстратные слова.

Слова, состоящие из единиц, относящихся, к различным словарным слоям называются, словами гибридного состава. Такие слова могут состоять из двух или более независимых слов или из единиц, которые не являются не зависимыми компонентами (в том числе дополнение). Гибридно-составные наименования дают нам возможность выражающих наименования одежд, определить мотивы их именования, классифицировать составляющие систему слова и дают возможность получить интересные материалы о генетике некоторых слов из лексики диалектов.

Некоторые наименования одежд хорезмского оазиса составляют гибридно-составные слова. Одним из них являются слова чархат//чаркат. Не смотря на то, что по смыслу оно выражает «шелковый пояс» (чэккэ кёлдэн тоққыз арва айланғый, севар йа: ра зэр чаркатла байланғый) [1, с 294], в общем оно по смыслу обозначает платок (в основном дарят в качестве подарка, на свадебных мероприятиях используют в качестве скатертного материала). Приведенный в качестве примера зэр чаркат обозначает золотистый пояс, который специально готовится для свадебных, торжественных мероприятий. Этому основанием может служить наличие среди наименований одежд оазиса названия зэрлидэм пота. Слова зар زر золото исторически относится к иранским языкам, историка этимологическая характеристика этого слова представляет интересные факты, связанные с персонажами устного народного творчества и историей литературы. Слова зар زر золото в настоящем персидском языке обозначает следующие значения: I. Золото. زر خالص зар-е холес чистое золото. II. Состарившиеся: старик, старуха [7, с 758]. В словарях классического персидского языка приведены следующие смысловые пояснения данного слова: 1. Золото и арабы называют их захабам 2. ذهب. Состарившийся человек: либо муж (старик), либо женщина (старуха), в частности, стариков с желтоватым оттенком лица так называют. Так как отец Рустама был такой внешности, его прозвали Золизаром. 3. Зард сокращенная форма слова желтый [11, с 90]. Слова зар в смысле золото было использовано в древнем персидском языке как загпа, в «Авеста» как загепа, на языке пахлавий как zar, zarin, на древнеиндийском языке hári, на сохском языке sup.

Если первая часть названия по персидский чор обозначало слово четыре, то относительно второй части можно высказать несколько соображений. Если одно из смысловых значений арабского слова хат обозначает линию, форму [6, с 72], то это служит объяснением его как четырехстороннего четырехугольника. Но смысл слова хат в народной диалектике не соответствует смысловому значению и то что платок в форме «четырёхстороннего четырехугольника сложенный по углам вдвое используют как платок» [14, с 34], для ношения на голове в персидском языке обозначается как слово чоркад и противоречит его смыслу. Потому что, несмотря на наличие смысла арабского слова хат в персидском языке [7, с 558], можно сделать вывод что, вторая часть слова чоркад не несет в себе смысла слова хат — письма. По нашему мнению вторая составная часть этого наименования состоит из тюркского слова кат. Слова кат произошло от древнего корня ка — и почти на всех тюркских языках означает «ряд», «слог», «слой» [4, с 18]. Э.В. Севортян анализируя образования глагола на азербайджанском языке гатламаг показал, что оно произошло от слов кават — этаж, слой, пласт, қатор — ряд и подчеркивает, что правильно будет его первичное значение искать из киргизского слова катта и хакасского слова хата — что означает «один ряд положить на другой» (по хакасский хат означает раз; ряд; этаж; слой) [10, с 69]. Фонетическое превращение х на қ является очень распространенным в тюркских языках и встречается как в собственной так и заимствованной прослойке: кат — хат (на хакасском языке собственная прослойка), худо (на узбекском языке) — кудай (заимствованная прослойка на каракалпакском языке).

Значит, чаркат//чархат слово состоит из персидско-тюркской основой и обозначает «четырёхугольный; четверосложенный; четырехугольной формы». Если обратить внимание на использование его в персидском языке то можно заметить, что в словарях древнеперсидского языка слова чаркад не встречалось и персидский язык оно вошло как туркиёт — тюркизм (в иранской филологии тюркизм так называется). Несмотря на гибридный состав этого слова, мы его в персидском языке рассматриваем как тюркизм потому что, хотя одна часть этого слова является иранского происхождения, оно широко использовалась народами тюркской языковой группы. В конце концов, название этой одежды относительно субстратных

элементов в определенной степени является основанием для теоретических выводов. Исходя из вышеизложенного данное выражение в смысле «аёллар рӯмоли» (по русский «косынка» [7, с 457], в персидском языке начало использоваться гораздо позже. Персидские писатели начали пользоваться им после XIX века. Например, известный иранский поэт Маликушшуаро Бахор (XX век) писал:

Ришвахора на посбон бошад,
Балки, у шабрав-у аввон бошад.
Рӯзи равшан миёнаи бари зан,
Чорқад бар-кашидан аз сари зан.

Содержание: Взятчик не является постовым, а является разбойником и вором. Он похож на человека, который среди белого дня содрал с головы женщины чорқад (чорқат) косынку.

Исходя из выше изложенных рассуждений, мы высказываем свои возражения, свои соображения по поводу утверждения М. Муъином что вторая часть слова чорқад қаб 5] قف, с 57], является арабского происхождения.

Гэзэн это «треугольный нож для резание кожи». Больше ножи такого рода назывались «қырғы». Қырғы — это большой нож для резание кожи (гэзэнчэ) [1, с 75]. Слова газан по смысловому значению как «железный инструмент для резания кожи и шкуры» используется и в персидском языке [3]. По нашему мнению, этот смысл слова гэзэн означает «беда», «обида», «ограничение» и имеет связь со словом газанд. Основанием для такого рассуждения является и то, что слова vizand на языке пахлавий, слова guzand, gazand на новоперсидском языке, на древнеперсидском языке в форме vi lanti и по мнениям ирановедов древний гап — произошло от глагола бить [12, с 1812]. Хотя в настоящее время в хорезмской диалектике слова гэзэнчэ часто не употребляется, глагол гэнэн сохранился в смысле как угроза острым предметом.

Слова созан иннэ — это пара иголок для пошива голенца. В настоящее время слова сузан [15, с 43] обозначающее на персидском языке иглу в хорезмской диалектике обозначает не только саму иглу, а обозначает целый его вид. Слова сазан в смысле игла использовалась на языке санскрит как sūci, «Авеста» как cūka, еа языке пахлавий как sukan, и на среднеперсидском языке в форме suzan, sozan [12, с 1187]. На хорезмско-кипчакском диалекте крупная игла называется тэмэн и настоящее время используется для штопанья мешков и в литературном языке соответствует слову жуводдиз. Само слово жуводдиз состоит из двух частей: жувол — мешок и -дуз (-дўз) — шьющая часть. Если обратить внимание на этимологию слова тэмэн то увидим, что в древнеиндийском языке слово dāman — имеет одинаковый корень со словами «тузоқ — ловушка», «арқон — верёвка», «занжир — цепь». В «Авеста» домашних животных тоже называли словом dāman [11, с 817]. И по нашему мнению игла, которая использовалась для пошива шкуры и кожи по этой причине тоже называлась словом дэмэн (тэмэн). У персов два вида иглы — сузан и жуводдуз (таман) послужили ос-

новой для появления поговорки «як сузан ба худ бизан, як жуводдуз ба дигарон» (то есть: одной иглой уколи себя, а жуводдузом уколи другого). Отсюда и сформировалась пословица: попробуй нож вонзить в себя, и если не будет больно, то можешь вонзить в другого [2, с 347].

Соппаш (Ходжейли, Мангит) — это тубитейка, которая надевается на ночь [3, с 154]. Это слово приведенном смысле используется как слова соппаш, сопбаш в диалекте Гурлена и Янгибазара. Согласно толкованию А. Ишаева видно, что данное слово состоит из слияния двух независимых иранских слов: шāб и пош. Одна часть данного слова, то есть шāб используется почти во всех иранских языках в смысле «тун — ночь». В частности, это слово использовалась в древнеперсидском языке как xshapa; в «Авеста» (на языке Авеста) как xshap, xshapan shap; на языке пахлавий как shawāk; в древнеиндийском языке kshāp; на курдском языке как shev; на афганском (пахту) языке как sha; на языке балуж как shap; на языке шугнан как shab; на языке сарикий как xab; на языке мунджий как xshāwa; на языке гилоний как shāb; на языке фаризандий как shaw; на языке арний как shaew [12, с 1019]. А также, данное слово в указанном смысле используется в форме в персидском языке как шāб 8] شب, с 90], в таджикском языке шаб [9, с 585]. Вторая часть пош в настоящее время по персидский обозначающее киймоқ — одевать; яширмоқ — прятать является основой глагола пушидан پوشیدن в настоящем времени [7, с 315]. Значить истинный словарный смысл слова соппаш обозначает «одежда, которая одевается ночью». В слове чойшаб — простыня частица шаб в литературном языке обозначает слово «тун — ночь» и по нашему мнению это является фонетически видоизмененная форма слов ночная постель. Так сопоставляя можно обосновать высшее изложенные выводы. Кроме того, в нашем языке часто встречается такие фонетические изменения, как с — ш, б — п.

Одним из гибридно-составных слов является слово аккэрт — «белый ситец» [3, с 68]. Его первая часть «ак» является словом тюркского происхождения, а вторая часть слово «кэрт» является словом иранского происхождения. По нашему мнению вторая составная часть имеет отношение к слову кард — «пичок — нож». Потому что, в современном персидском языке обозначающее по смыслу «пичок — нож» слово корд в «Авеста» kareta (нож), на языке пахлавий имеет форму kart и имеет отнoшений глаголу по санскритский kart, krutēti — «резать» [12, с 1559]. Значит, естественно, что слово кэрт по смыслу обозначает «парча — кусок», «бўлак — часть». Этот смысл просматривается через слова и в Хорезмском диалекте в словах кэртик (поделенный), кэртиш (поделить, оторвать одну часть). По нашему мнению, в составе слова аккэрт сохранилось относительно древний смысл слова кэрт. В составе некоторых слов хорезмского диалекта слово кэрт//карт используется и в смысле «пичок — нож». Например, кэчкэрт обозначает «косой серп», «кичик ўрок — маленький серп» (используется для прополки моркови, лука и т.д.), дукарт обозначает

«икки пичоқ — два ножа» то есть «қайчи — ножницы». Данное толкование показывает, что корень субстратных слов хорезмского диалекта произошёл от слов, использовавшихся ещё до появления хорезмского языка.

Литература:

1. Абдуллаев, Ф. Хоразм шевалари. — Тошкент: Фан, 1960.
2. Абдусаматов, М. Форс тили. — Тошкент: Ўқитувчи, 1976.
3. Ишаев, А. Қорақалпоғистондаги ўзбек шевалари. — Тошкент: Фан, 1977.
4. Кормушин, И. В. Лексико-семантическое развитие корня ца в алтайских языках // Тюркская лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1971.
5. Мухаммад Муъин. Фарҳанги форсий. — Техрон: Амири Кабир, 1997.
6. Носиров, О., Юсупов М. Ан-наъим. — Тошкент: Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти, 2003.
7. Персидско-русский словарь. Том I. — М.: Русский язык, 1983.
8. Персидско-русский словарь. Том II. — М.: Русский язык, 1983.
9. Русско-таджикский словарь. — М.: Русский язык, 1985.
10. Севортян, Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. — М.: Издательство восточной литературы, 1962.
11. Шамсиддин бин халаф Табризий. Бурҳони қотеъ. — Техрон: Амири Кабир, 1997.
12. Шамсиддин бин халаф Табризий. Бурҳони қотеъ. 2-том. — Техрон: Амири Кабир, 1997.
13. Ўзбек халқ шевалари луғати. — Тошкент: Фан, 1971.
14. Dorj, Z. Lughatname. Al — gams // www.mehkrarkham.com.
15. Форсча-ўзбекча ўқув луғати.

Семантические особенности предлога «в» в предложном падеже (на материале русского и персидского языков)

Ханджани Лейла, кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель Гилянский университет (University of Guilan) (г. Решт, Иран)

Эбрагимпур Захра, магистрант
Университет «Тарбият Модарес» (г. Тегеран, Иран)

Данная работа посвящена сопоставительному анализу русского предлога «в» в предложном падеже и способов его передачи на персидский язык. Поскольку в персидском языке отсутствует система падежей, предлоги оказываются функционально более нагруженными по сравнению с предлогами русского языка. В персидском языке отношение между словами в предложении должно быть установлено иным путем, чем с помощью падежей. Персидские предлоги в основном служат средством для выражения значений, передаваемых в русском языке с помощью падежной системы.

Ключевые слова: предлог, предложный падеж, имя существительное, русский язык, персидский язык.

Предлог — это служебная часть речи, используемая как средство синтаксического подчинения существительных (а также местоимений) другими словами в предложении и словосочетании (дом у дороги, перейти через улицу, первый в классе) [1, с. 348].

Грамматические значения аналогичные, тем которые в русском языке выражаются падежной формой или сочетанием падежной формы с предлогом, в персидском языке передаются аналитическими средствами: предложными и послеложными конструкциями, изафетными сочетаниями и другими способами. Русские падежи, как правило, многозначны. Каждой падежной форме обычно присуще не одно, а целый комплекс грамматических зна-

чений. При этом значение падежной формы зависит от того, употреблено ли данное слово отдельно или в составе словосочетания, от какого глагола или имени зависит, с какими предлогами сочетается и т.д. Таким образом, между русской падежной формой и той или иной аналитической конструкцией персидского языка нет полного соответствия. Учесть все значения, присущие косвенным падежам русских существительных, и все адекватные им персидские конструкции практически не возможно. [2, с. 1063]

По мнению Анвари [3, с. 175], предлог — это часть речи, которая относит слово или группу слов к глаголам, прилагательным, собирательным существительным и т.д.

Слова, которые относятся к глаголам, в персидском языке обычно называются «косвенными дополнениями». Например: Я поехал из дома в школу на автобусе. با اتوبوس از خانه به مدرسه رفتیم.

Предлогу «в» свойственна многозначность. Этот предлог в винительном падеже в русском языке связан с широким кругом разнообразных грамматико-синтаксических форм и семантических конструкций. В русском языке предлог «в» в винительном падеже употребляется в пространственном, временном, целевом, количественном, определительном и объектном значениях, а также в значениях орудия, уподобления, превращения, соединения, разделения и эмоционального состояния. [4, с. 159–179] К основным типам значений, выражаемым предлогом «в» в предложном падеже, относятся:

— пространственное значение:

а) при обозначении предмета, места, пространства, внутри или в пределах которого кто-, что-л. находится или что-л. происходит. У меня в портфеле (в моём портфеле) лежит книга. در / درون / داخل کیف من کتاب قرار دارد.

б) при обозначении учреждения, сферы деятельности, в которых кто-л. находится, участвует. Состоять в комиссии. در کمیسیون عضو بودن / عضو کمیسیون بودن.

в) при обозначении области, сферы психической деятельности, в которых протекают какие-л. процессы. Представить в воображении کردن مجسم کردن.

Здесь предлогу «в» соответствуют персидские предлоги, обозначающие нахождение кого-то, чего-то внутри определенного места: داخل, درون, در, и т.п. Как в русском, так и в персидском языке данная конструкция обычно отвечает на вопрос где?

г) В моделях, где указывается на состав какого-либо множества, предлог «в» является приблизительно синонимом слову «среди» — в персидском языке در بین, در میان, از میان, и т.п. Как в русском, так и в персидском языке данная конструкция обычно отвечает на вопрос где? — временное значение

Предлог «в» в таком значении употребляется при обозначении различных временных отрезков:

а) календарных (час, месяц, год, век);

Этот редкий случай был в январе 1853 года. این واقعه نادر است. در ژانویه سال 1853 روی داد.

б) возрастных;

Он и в старости не изменял идеалам своей юности. او در سنین پیری هم آرمان های دوران جوانی اش را تغییر نداده است.

в) фазисно-событийных;

В промежутках между боями در فواصل میان نبردها

Для обозначения временных отрезков в качестве эквивалента русского предлога «в» в персидском языке чаще всего служит предлог «در».

— объектное значение

Для выражения объектного значения русского предлога «в» и в персидском языке, как правило, используются предложные конструкции. Выбор конкретного персидского предлога зависит от управляющего знаме-

нательного слова. Чаще всего предлогу «в» в данном значении соответствуют персидские предлоги «در», «به», «از». Поскольку объектное значение тесно связано с каким-либо действием (в широком смысле этого слова), и следовательно с глаголом, то при процессе обучения вполне уместно перечислять некоторые элементарные глаголы, которые управляют дополнением в предложном падеже для обозначения объекта действия. разбирается в музыке. در موسیقی سر رشته داشتن.

— значение внешнего покрытия лица, тела или предмета:

Когда предлог «в» используется в предложном падеже в сочетаниях с одеждой, украшениями, оболочкой, для его перевода на персидский язык чаще всего употребляются глаголы پوشیدن, به تن داشتن, and т.п. Эти глаголы обычно используются с прямым дополнением и поэтому не используются с предлогом. Он всегда ходит в тёмных очках, даже когда нет солнца. او همیشه عینک دودی به چشم می زند.

Однако, при обозначении предмета, который облекает кого-, что-л. или находится на ком-, чем-л., конструкции с предлогом «в» переводятся на персидский язык, чаще всего, в форме согласованных словосочетаний, и предлог «в» не переводится. Руки в краске دستان رنگی

— значение эмоционального или физического состояния:

а) при указании состояния, в котором кто-, что-л. находится, или состояния, которое сопровождает, вызывает какое-л. действие, в персидском языке лучше передать смысл данной группы обстоятельственными конструкциями. Эквивалентом предлога «в» в данных конструкциях чаще всего являются персидские предлоги «با» и «در» или является без предлога. В гневе он забыл о справедливости. در حالت خشم او عدالت را از یاد برد.

б) с глаголами «быть», «состоять», «находиться» и т.п. при обозначении положения, в котором кто-л. находится, отношений, в которые кто-л. вступает и т.д. Для передачи таких сочетаний на персидский язык в зависимости от конкретного глагола используются или обстоятельства образа действия (دوستانه زندگی کردن) или составные глаголы (قهر بودن).

в) Предлог «в» в значении ситуации, состояния среды, природных условий. В этом значении конструкции с предлогом «в» переводятся на персидский язык обычно:

— в форме обстоятельства. Здесь предлогу «в» чаще всего соответствует персидский предлог «در». Мне не спится в этом шуме. (В. Белов) در این سر و صدا خوابم نمی برد.

В форме согласованных словосочетаний, и в этом случае предлог «в» самостоятельно не переводится. Утро в тумане صبح مه آلود

— значение признака, качества и действия:

а) При указании на область проявления или наличия какого-л. признака, качества, а также на область применения какого-л. действия. Эти конструкции переводятся на персидский язык в форме согласованных словосочетаний, и в этом случае предлог «в» самостоятельно не переводится. Широкий в плечах چهار شانه

Как в русском, так и в персидском языке предлог «в» в предложном падеже в сочетаниях с глаголами применяется в роли косвенного дополнения и переводится на персидский язык обычно через предлог «در». Помочь в ремонте... کمک کردن... در تعمیر

б) В качестве компонента, который относится к квалификативно-оценочному предикату, глагольному или именному, конструкция с предлогом «в» в предложном падеже и их эквиваленты в персидском языке выполняют функцию косвенного дополнения и переводятся на персидский язык, чаще всего, с помощью предлога «در».

С ним не в какой работе не спеться. (Маяковский) با او هیچ کاری نمی توان موفق شد.

— значение вида или формы предмета

Конструкции с предлогом «в» в значении вида или формы предмета переводятся чаще всего на персидский язык в форме подчинительных словосочетаний (обычно согласованных: волосы в завитках موهای فراری, а иногда и изафетных: золото в слитках (شمش طلا) и в этом случае предлог «в» отдельно не переводится. В некоторых случаях при передаче на персидский язык употребляется персидский глагол «داشتن» «лицо его было в морщинах. صورتش چین و چروک داشت».

— значение меры расстояния

Предлог «в» в таком значении указывает на меру расстояния от чего-л. Здесь предлогу «в» чаще всего соответствует персидский предлог «در». Почта — в двух шагах. اداره پست در همین دو قدمی است.

— значение отвлечённого понятия:

В персидском языке, как и в русском, при передаче данного значения используются глаголы связи. Здесь предлог «в» в предложном падеже обычно переводится дословно и ему соответствует персидский предлог «در». Спасение — в дружбе. نجات در دوستی است.

— значение принадлежности субъекта к категории, группе лиц.

В этом значении предлог «в» в предложном падеже обычно переводится дословно и ему соответствует персидский предлог «در». Кроме того, в некоторых случаях в персидском языке необходимо акцентировать значение коллективности с помощью близких по значению предлогов «به عنوان» «в» «در بین» «в» «در زمره» «в» и т.п. Быть в помощниках بودن در زمره معاونان

— предлог «в» в значении вида деятельности, заполненной каким-либо, чьим-либо временем

Такие конструкции с предлогом «в» в предложном падеже переводятся на персидский язык, чаще всего, с по-

мощью предлога «به». Провести время в спорах زمان را به بحث گذراندن

— предлог «в» в значении физического состояния лица:

В этом значении предлог «в» при переводе на персидский язык обычно выпадает. В русском языке это значение передается с помощью безличных конструкций, в то время как в персидском языке чаще употребляются обычные повествовательные предложения, а существительное, которое в русском языке использовалось в предложном падеже с предлогом «в», в персидском языке выступает в качестве подлежащего. Во рту у меня горит. دهانم می سوزد.

Таким образом, предлогу «в» в предложном падеже с разными значениями при передаче на персидский язык часто соответствуют персидские предлоги «از», «به», «در» и их лексические синонимы.

Мало того, глаголы, управляющие предложным падежом с предлогом «в». Их можно разделить на две группы:

1) глаголы, сильным управлением которых является предложный падеж с предлогом «в», и отвечают на вопрос в чём? Здесь предлогу «в» при передаче на персидский язык в большинстве случаев соответствует персидский предлог, т.е. вместе с глаголом используются предложные конструкции в качестве косвенного дополнения, например: признаться в своей ошибке. به اشتباه خود. нуждаться в чем-то داشتن به چیزی نیاز داشتن. нуждаться в чем-то اعتراف کردن.

2) глаголы, которые вместе с предлогом «в» и соответствующим существительным превратились в устойчивые глагольно-именные словосочетания. Для предлога «в» в сочетании с глаголами этой группы в персидском языке нет соответствующего варианта, потому что данные словосочетания обычно имеют переносное значение и переводятся целостно. иметь в распоряжении داشتن در اختیار داشتن.

На основе проведенного нами анализа можно прийти к следующим выводам. Предлоги в русском языке многозначны и для выражения каждого конкретного смысла применяется определённый предлог в сочетании с падежной формой существительного. Поскольку в персидском языке отсутствует категория падежа, предлоги играют более нагруженную роль. В персидском языке иногда для выражения определенного смысла применяется совсем другой предлог, хотя и в некоторых случаях может употребляться точный персидский эквивалент данного русского предлога, т.е. перевод является дословным.

Литература:

1. Современный русский язык / под ред. Леканта П. А. М., 2002. с.
2. Овчинникова, И. К. Фуругян Г. А., Бади. Ш. М. Русско-персидский словарь. Т., 1995. с. 1063
3. Ахмади Гиви Х., Анвари Х., Дастур забан фарси. Том 1. Т., 1998. с.
4. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь. М., Наука, 1988. с. 159—179,

Экспериментальное исследование концептов freedom, law, свобода, закон в английской и русской лингвокультурах

Щепотина Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Курская академия государственной и муниципальной службы

Русская и американская языковые культуры имеют каждая свои специфические черты и определенную общность. Исследование национальной концептосферы, в этом случае, является одним из способов выяснить уникальность и универсальность данной культуры.

Среди различных экспериментальных исследований по выявлению специфики образов сознания носителей той или иной культуры особое место занимают так называемые ассоциативные нормы, которые выявляются в результате обработки массовых экспериментов, проводимых по методике свободного ассоциирования. Массовое сознание, т.е. восприятие и оценка мира в определенный исторический момент неким близким большинством членов общества, складывается хоть и из большого числа, но единичных «сознаний» отдельных индивидуальностей, совокупность которых может быть охарактеризована как «усредненная языковая личность».

Для того чтобы сопоставить особенности русского и американского мировосприятия, проанализируем результаты ассоциативного эксперимента на слова-стимулы: FREEDOM; LAW; СВОБОДА; ЗАКОН в обеих культурах.

В результате ассоциативного эксперимента предполагается выяснить специфическую структуру исследуемых концептов, глубинную модель связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе организации его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова.

В эксперименте с носителями английского языка принимали участие 48 человек в возрасте от 17 до 25 лет, и 32 человека в возрасте от 25 до 60 лет, что позволило разделить респондентов на 2 группы. В группы вошли студенты и представители следующих профессий: официанты, учителя, водители, пожарные, библиотекари, что позволило получить наиболее полное представление об отражении указанных концептов в языковом сознании представителей не юридических профессий американского социума.

На лексему FREEDOM было получено 106 реакций, на лексему LAW соответственно — 82 реакции. Наиболее частотные реакции отражены в Таблице 1.

Реакции на стимул FREEDOM у информантов разнообразны. Свобода у американцев ассоциировалась всегда со свободой личного выбора и свободой предпринимательства, с безграничной верой в успех и удачу: choice 2, life 2, peace 3, free will 2, liberty 2, freedom of speech, freedom from prosecution, pride. Такие ассоциаты как: home, my life, America, representation of the people, eagle, love (1-я группа); freedom of speech 2, choice 2, USA 2, free 2, universal liberty, human rights, America, responsibility, decisions, independence (2-я группа), являются отражением, того, что американцы высоко ценят свой индивидуализм. Последние события, происшедшие в американском обществе, в частности, военные действия в Ираке, в Афганистане, террористические акты отразились на ассоциативном ряде на стимул FREEDOM: military, Iraq, Afghanistan. Эти реакции были даны молодыми американцами, у которых уже сформировались основные принципы свободы: мир и независимость.

Они стараются особо подчеркнуть свои индивидуальные отличия, присутствие большого выбора, право поступать по-своему [2. с.163].

Величайшая гордость, с которой американцы относятся к своей Конституции, их преклонение перед ней объясняется осознанием того факта, что эти идеалы, свободы и права завоёваны в борьбе. Вследствие чего, легко объяснить наличие следующих реакций: Government, Government support, constitution, ideal, citizens, laws, assembly.

Реакции на слово-стимул LAW подтверждают незыблемые установки американцев в области права и морали. Законопослушание осознано и ментально закреплено у всех возрастных категорий американского социума. Респонденты 1-й группы дают следующие ассоциаты: lawyer 4, president 2, freedom 2, judge, order 2, USA, barrister. Молодые люди хорошо ориентируются в области права и закона: rules, court room, indictment, legitimacy, fact.

У испытуемых в возрасте от 25 до 60 лет самые частотные ассоциаты: rules 3, lawyer 4, justice 2, courts 3, constitution 2, equality 2, judge 2, legal 2. Приобретенный жизненный опыт, а также сформировавшиеся взгляды на

Таблица 1

Слово-стимул	Реакции испытуемых в возрасте от 17 до 25 лет	Реакции испытуемых в возрасте от 25 до 60 лет
FREEDOM	USA 3, liberty 3, peace 3, independence 3, life 2, choice 2, free will 2, love 2, justice 2, laws 2, constitution 2, happiness 2	Choice 3, America 3, freedom of speech 2, saying what you want 2, USA 2, free 2
LAW	Lawyer 4, order 3, freedom 2, president 2	Lawyer 4, judge 3, courts 3, rules 3, justice 2, constitution 2, legal 2, equality 2

законы и их функционирование в государстве, указывает на индивидуальность реакций на слово-стимул LAW: control, the rule people should obey, truth, necessary, order.

Полученные результаты в ходе эксперимента с англоговорящими респондентами дают возможность сделать выводы относительно приоритетов у носителей американской культуры в правовой сфере. В пределах данной лингвокультуры знак оценки того или иного явления и поступка обусловлен накопленным социальным опытом. Такая лексема, как LAW американцы ассоциируют с конкретной правовой сферой, отмечается преобладание специальных юридических терминов. Ассоциаты на слово-стимул FREEDOM почти не связаны с областью права и эмоционально окрашены.

В эксперименте с русскоговорящими респондентами принимали участие 125 человек: 37 студентов 1 и 2 курсов факультета сервиса и туризма РОСИ; 43 студента 1 и 2 курсов юридического факультета РОСИ; а также 55 работающих людей в возрасте от 25 до 40 лет. Фиксировался возраст и профессии испытуемых: учителя, юристы, механики, продавцы, экономисты. Участники эксперимента были разделены на 2 группы. Вероятно, возраст и статус участников определяют во многом их реакции на слова-стимулы. В Таблице 2 представлены наиболее частотные реакции на указанные слова-стимулы. На слово-стимул СВОБОДА было получено 143 ассоциата, на лексему ЗАКОН — 143.

Таблица 2

Слово-стимул	Реакции испытуемых в возрасте от 17 до 25 лет	Реакции испытуемых в возрасте от 25 до 40 лет
СВОБОДА	Воля 12, жизнь 9, демократия 6, независимость 5, воздух 5, море 3, отдых 3, природа 2, конституция 2, свобода действий 2	Воля 5, выбор 4, независимость 4, отпуск 2, право 2, передвижение 2, действия 2, свобода слова 3
ЗАКОН	Право 9, обязанности 6, конституция 5, справедливость 5, исполнение 3, равенство 2, государство 2, ограничение 3, порядок 3, нормативно-правовой акт 3, наказание 3, милиция 2, принуждение 2, ответственность 2, статья 2	Порядок 5, конституция 3, государство 3, суд 3, милиция 3, Гос. Дума 2, наказание 2, правосудие 2, ответственность 2, судья 2

Следует отметить, что различия в реакциях между группами испытуемых обнаружили не между студентами юридической и неюридической специальности (как можно было предположить), а между студентами и взрослыми, работающими людьми, в возрасте от 25 до 40 лет.

Лексема СВОБОДА у студентов ассоциируется прежде всего с волей (12 реакций), с жизнью 9, демократией 6, независимостью 5 и воздухом. В силу возраста и отсутствия опыта, они понимают «свободу» как «жизнь на воле», не отягченную обязанностями и рамками закона. Несколько испытуемых связывают «свободу» с морем 3, отдыхом 3, природой 2, конституцией 2, силой, скоростью, спокойствием, лёгкостью. Были отмечены единичные ассоциаты, связанные с законом, с соблюдением обязанностей, с нормами поведения: власть закона, конституция, отсутствие власти, безнаказанность, личное право человека.

В отличие от студентов, в ответах испытуемых в возрасте от 25 до 40 лет отмечается перевес в сторону более конкретных ассоциатов. Диапазон специальностей членов этой группы охватывает следующие профессии: операторы ЭВМ, бухгалтеры, преподаватели, юристы, менеджеры, механики, экономисты, инженеры, продавцы. Для этих испытуемых «свобода» ассоциируется прежде всего с волей 5, независимостью 4 и выбором 4, а затем уже со свободой слова 3, передвижением 2, отпуском 2, правом 2. У обеих категорий опрашиваемых отмечаются схожие приоритеты воли и независимости. Наличие профессионального образования у работающих, а также более широкий круг их общения и при-

сутствие жизненного опыта, накладывают свой отпечаток на ассоциаты со стимулом «свобода»: равенство, братство, свободное пересечение границ, отсутствие ограничений, отсутствие цензуры, свобода мысли, не стеснённость, вольность, гласность, самостоятельность, холостяк, самоутверждение.

Анализируя реакции, данные на слово-стимул ЗАКОН, мы обнаруживаем значительные различия в ассоциатах. Опрашиваемые студенты на 1-е место выносят права 8, справедливость 5, обязанности 5, конституцию 5, равенство 3, ограничения 3, порядок 3. Наличие таких ассоциатов, как справедливость, несправедливость, ответственность, честность, обязательство, строгий, несвобода, важность, позволяет сделать вывод о том, что категория этих участников наделяет лексему «закон» положительным наполнением. Нужно отметить, что это поколение уже знакомо с реальной стороной «закона», это может быть следствием их личного опыта, а также знаний из средств массовой информации. Например: равенство всех перед законом, суд, статья, права человека, нормативно-правовой акт, правовая система, множество кодексов, правосудие, судья, адвокатура. Очевидно большое количество юридических терминов. Ссылки на слабость российской законодательной системы, и на то, что в такой ситуации все вынуждены выполнять законы, звучат в следующих ассоциатах: перечень правил, которым нужно следовать; уклонение; закон как непреодолимая черта, как запрет; нужно исполнять, никуда не денешься; принуждение.

Группа работающих участников эксперимента видит «закон» в порядке 5, конституции 3, государстве 3, суде 3, милиции 3. Сложившееся у них мировоззрение накладывает определенный отпечаток на диапазон их реакций: демократия, власть, гражданское общество, исполнительность, право, императив, правопорядок, охрана личности, уважение прав и свобод. Некоторые ассоциаты не лишены оптимизма: неотвратимость наказания; уверенность в том, что будет завтра; гордость за страну, порядочность. Анализируя ассоциаты на лексему ЗАКОН, можно отметить тенденцию: что и у студентов и у работающих «закон» напрямую связан с юридической областью, редко присутствуют эмоционально-окрашенные реакции.

Анализируя данные, полученные в ходе эксперимента, следует отметить, что русскоязычные испытуемые в возрасте от 17 до 25 лет демонстрируют тенденцию к обобщению. Они общаются в кругу своих сверстников и родителей, получая информацию о таких морально-правовых категориях, как СВОБОДА, ЗАКОН только из средств массовой информации, своего и в процессе обучения. Эти респонденты воспринимают слова-стимулы не так широко, как старшее поколение, часто основывают свои реакции на «цитатах» из учебной литературы, телепрограмм и т.п.

Участники эксперимента в возрасте от 25 до 40 лет дают более конкретные ассоциаты, опираясь на уже сложившиеся взгляды и понятия о правовой сфере. Круг их общения больше, больше количество источников информации, шире свобода действий. Эти выводы доказывают, что существуют различия бытового и научного, профессионального восприятия этих лексем, и что большее количество ассоциатов на слова-стимулы правовой направленности относятся к наивно-бытовой сфере.

Исследуя результаты эксперимента, прослеживается специфика ассоциативных реакций, полученных в условиях различных культур. Относясь к разным культурам, люди с одинаковым уровнем образования и сходными интересами могут иметь много общего с точки зрения выбора ключевых концептов.

Концепт СВОБОДА в понимании русских и американцев имеет ряд существенных отличий. Американский социум с первых шагов своего становления формировался как социум либерально-демократический, на практике доказывающий реальную жизненность идеала свободного развития. Поэтому такие реакции, как: USA 5, peace 3, love 2, free 3, happiness 2, laws 2, america 3, justice 2 не совпадают с ассоциатами у русских респондентов.

Наличие ассоциатов: воля 17, демократия 6, независимость 9, воздух 5, море 3, отдых 3, право 2, отпуск 2, может свидетельствовать о том, что россияне имеют представление об основах государственности социума, в котором

должны быть регламентированы права и свободы личности. Большое количество ассоциатов отражают наивно-бытовую сферу жизни людей, в которой русские люди еще не обеспечены достойной работой и достойным отдыхом.

На слова-стимулы LAW — ЗАКОН и англоговорящие и русскоговорящие опрашиваемые дали две одинаковые реакции: justice 2 — справедливость 6, equality 2 — равенство 2. Очевидно некоторое расхождение в восприятии понятия ЗАКОН: lawyer 8, freedom 2, President 2, rules 3, court 3, judge 3, legal 2; право 10, обязанности 6, конституция 8, исполнение 4, равенство 2, ограничения 3, порядок 3. Ассоциаты россиян несколько возвышенные, идеологизированы. Американцы же напротив уверены в завтрашнем дне, доверяют своему президенту, уважают законы.

В основе американского морального воспитания лежат три принципа: privacy — невмешательство в частную жизнь, trespassing law — защита собственности и voluntary action — участие в общественной жизни [1, с.1995]. Все три принципа становятся основой для выработки норм, принимаемых как изначальные права граждан, обязанность государства эти права защищать. Американский народ построил в своей стране устойчивое законопослушное общество, которое не только пользуется законодательно закрепленными правами и свободами, но и бережно оберегает эти законы и эти права.

Путь к правовому государству и гражданскому обществу с самого начала оказался крайне трудным для российского общества. Попытки демократического обустройства России не могли не отражать той стороны нашей ментальности, которые связаны со стремлением россиян к социальной справедливости, к жизни по совести, в соответствии с нравственными идеалами.

В ходе проведенных экспериментов, обнаружено, что представления о базовых понятиях в правовой сфере, присущие английской и русской лингвокультурной общности существуют в форме мифов, символов и стереотипов поведения. Связь с базовыми представлениями о мире являются общими для носителей двух сопоставляемых лингвокультур, служат основой идентичного восприятия, обозначения и описания, указанных в статье лексем.

Таким образом, ассоциативный эксперимент может служить весьма полезным источником информации о степени актуальности указанных лексем в сознании американцев и россиян, ассоциируют ли респонденты эти понятия с правовой сферой в большей степени, чем с бытовой. Более того, экспериментальные данные такого рода позволят сравнить их с данными ассоциативных словарей, а также корректировать несовпадающие показания словарей, отражая наиболее современные тенденции в лексиконе носителей соответствующего языка.

Литература:

1. Воробьев, Г. Г. Американский характер: Этика — мораль — закон. // Американский характер: очерки культуры США. М. 1995
2. Дуглас, К. Стивенсон. Америка: страна, общество, люди. Штутгарт, 1996

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Приёмы создания художественного образа в поликодовых текстах политической коммуникации (на примере антропоморфизма)

Григорьева Наталья Юрьевна, старший преподаватель
Магнитогорский государственный технический университет

Статья посвящена особенностям функционирования антропоморфных форм в поликодовых текстах массовой коммуникации политической направленности. Рассматриваются условия взаимодействия вербальных и невербальных антропоморфизмов на примере англоязычного политического комикса.

Ключевые слова: троп, антропоморфизм, олицетворение, политическая коммуникация, вербальная составляющая, невербальная составляющая, лингвовизуальный комплекс, комикс.

В настоящее время в средствах массовой коммуникации наблюдается устойчивая тенденция к передаче информации в виде текстов, семиотическая система которых представлена сочетанием знаков разной природы — вербальных и невербальных. Такие тексты в разной терминологии определяются как: креолизованные (Е. А. Анисимова, М. Б. Ворошилова), видеовербальные (Е. А. Артёмова), полимодальные (Е. Д. Некрасова). В нашем исследовании мы используем термин «поликодовый текст». По определению А. Г. Сониной, поликодовым считается «текст, построенный на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих — вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [5, с. 118].

Поликодовый текст принципиально не отличается от монокодового вербального текста, «ему присущи те же характеристики, т.е. текстовые категории, такие, как информативность, модальность, адресованность, целостность, связность, членимость, автосемантия и т. д.» [1, с. 50]. Однако между текстами с разным семиотическим содержанием существуют значительные структурные различия. В лингвистике термин структура «характеризует все сложные смысловые единицы (звуковую и морфемную структуру слова, структуру предложения, структуру текста) а также лексическую, морфологическую и синтаксическую структуру языка на всех его уровнях» [3, с. 286]. Текст функционирует как целое, части которого, взаимодействуя, приобретают специфические характеристики.

Структура текста на этапе его порождения определяется автором индивидуально в зависимости от коммуникативного намерения. В свою очередь коммуникативное намерение задано сферой коммуникации. Традиционно выделяются: сфера бытовой, политической, научной, образовательной, педагогической, юридической, медицин-

ской, религиозной, производственной коммуникации [4, с. 96]. В качестве материала для нашего исследования были отобраны поликодовые тексты политической коммуникации — англоязычные политические комиксы.

Современные научные работы в области текстообразования (А. В. Буйко, Е. Н. Кисловская, А. В. Свешников и др.) содержат данные о том, что в зависимости от сферы коммуникации различные элементы структуры текста могут подвергаться специфическим трансформациям. Преобразование элементов структуры текста обусловлено также и его семиотическим содержанием (К. А. Габдрашитова, Ю. М. Лотман, Н. О. Осипова и др.) В соответствии с данными положениями мы считаем, что такие элементы структуры текста как приёмы создания художественного образа также варьируются и приобретают специфические характеристики в поликодовых текстах политической коммуникации (комиксах).

Одной из разновидностей приёмов создания художественного образа персонажа комикса являются тропы — обороты речи, состоящие в употреблении слов или выражений в переносном значении, смысле. Олицетворение (антропоморфизм) представляет собой троп, в основе которого лежит перенесение свойств одушевлённых предметов на неодушевлённые, а в отдельных случаях — уподобление человеку, наделение человеческими психическими и свойствами и внешностью животных и мифических существ (бог, дьявол, ангелы, инопланетяне и т. п.).

Поликодовая структура комикса, в отличие от структуры монокодового текста, позволяет его автору реализовать приём олицетворения одновременно на двух уровнях — вербальном и невербальном (изобразительном), создать лингвовизуальный комплекс, компоненты которого взаимодополняют друг друга и образуют единое смысловое целое. Так, например, в комиксе

на рис.1 изображение говорящей руки сопровождается словами: «Invisible hand of free market» — «Невидимая рука свободного рынка». На рис.2 изображение самолёта также имеет человеческую внешность и обладает способностью говорить. При этом другой персонаж того же комикса — президент США Обама ласково называет его «droney» (производное слово от «drone» — «беспилотник»), спрашивает его мнение, отдаёт ему приказ.

В невербальной составляющей данных комиксов присутствует «неполное» олицетворение: наряду с антропоморфными изображениями присутствуют и реальные изображения людей. Примером «полного» олицетворения невербальной составляющей является комикс на рис.3, в котором все персонажи являются мифическими существами (инопланетянами), наделенными антропоморфными чертами.

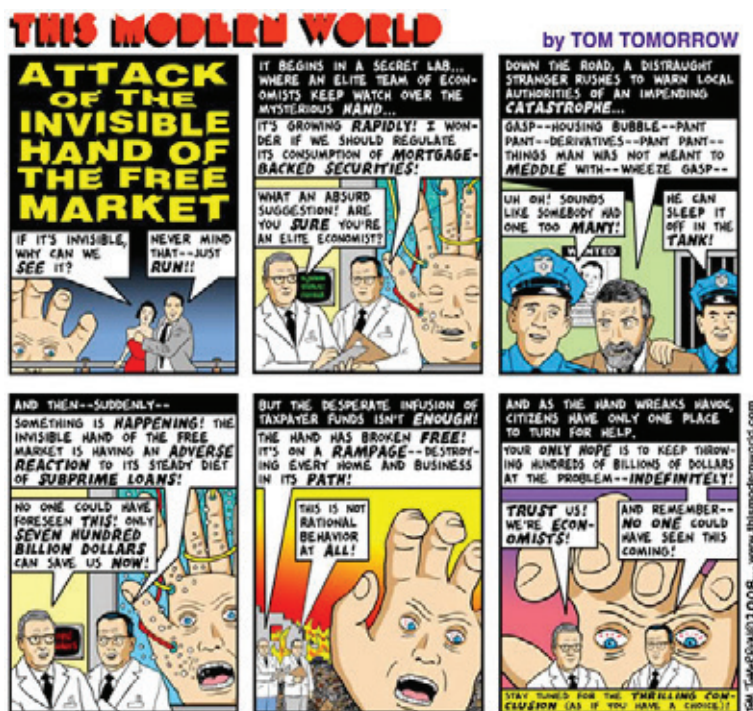

Рис.1

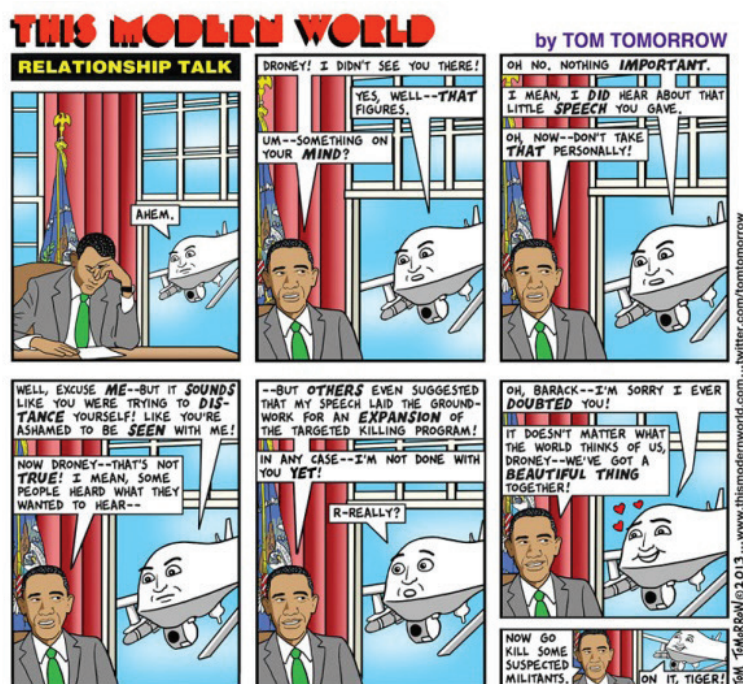

Рис.2

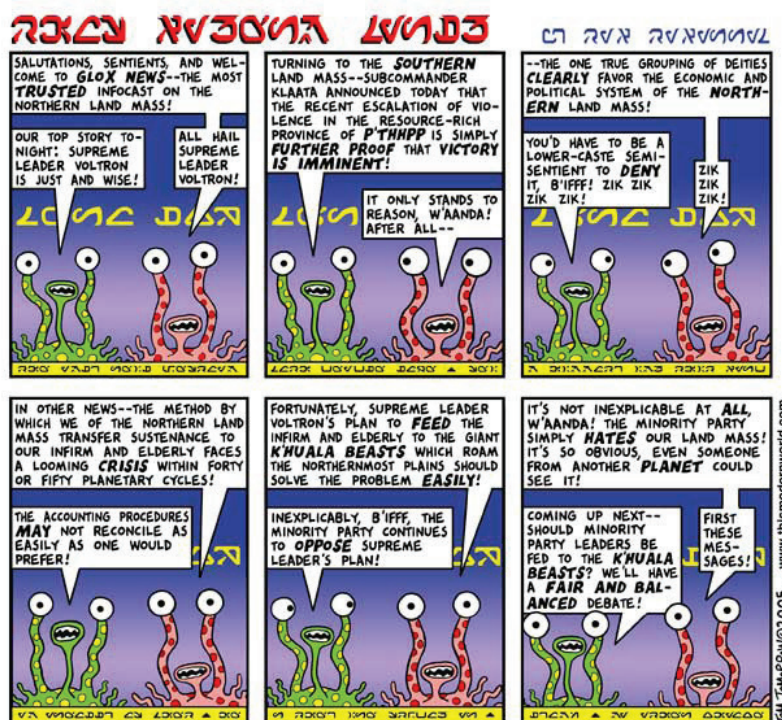

Рис. 3

Во всех приведённых примерах олицетворение присутствует как на вербальном, так и на невербальном уровне. По нашему мнению, такая «двойная реализация» данного приёма создания художественного образа способствует усилению следующих факторов:

1) речевого воздействия комикса, так как «составляющая его вербального ряда, дополненная графическими средствами, обладает повышенной иллюкутивной силой» [2, с.120],

2) манипулятивного воздействия комикса. По мнению современных исследователей, манипулятивность является неотъемлемым признаком политического текста (С.Г. Кара-Мурза, В.А. Марьянчик, Е.А. Симанова, А.П. Чудинов и др.). В комиксе использование вер-

бальных манипулятивных способов воздействия дополняется изобразительными средствами,

3) эмоционального воздействия комикса. Комикс обеспечивает реализацию эмоциональной составляющей политической коммуникации за счёт использования разного рода эмотивов, в том числе и антропоморфных. Так, в приведённых выше рисунках самолёт «улыбается», рука «хмурится» и «кричит», неодушевлённые персонажи используют в своих репликах междометия, выражающие радость или возмущение.

Все перечисленные факторы способствуют реализации основной функции коммуникации в политической сфере — построению в сознании индивида определённой политической картины мира.

Литература:

1. Большакова, Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» / Л. С. Большакова // Вестник Новгородского государственного университета. — Нижний Новгород, 2008. — № 49. — С.48–51
2. Григорьева, Н. Ю. Инструменты речевого воздействия в политическом комиксе / Н. Ю. Григорьева. — Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников 5-й Международной науч. конф. (Челябинск, 26–27 апреля 2010 г.). Т. 2 / редколл. д.филол.н., проф. Е. В. Азнавеева и др. — Челябинск: Энциклопедия, 2010. — с. 118–121
3. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. — Москва: Флинта: Наука, 2003. — 432 с.
4. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации [Электронный ресурс]: учеб. пособие / В. Б. Кашкин. — М.: ФЛИНТА, 2013. — 224 с.
5. Сонин, А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления / А. Г. Сонин // Вопросы языкознания. — М., 2005. — № 6. — с. 115–123.

Прагматический потенциал иронии в англоязычных средствах массовой информации

Журавлева Екатерина Владимировна, магистрант;
Каменский Михаил Васильевич, кандидат филологических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье рассмотрен прагматический потенциал иронии в англоязычных средствах массовой информации. Изучены особенности иронии как аспекта проявления комического. Проведен анализ примеров с использованием иронии в средствах массовой информации, а также способов ее реализации.

Ключевые слова: прагматический потенциал; ирония; комическое; англоязычные средства массовой информации; антономазия; аллюзия.

Pragmatic potential of irony in English-speaking media

Zhuravleva Ekaterina Vladimirovna, M.A. program student (first year);
Kamensky Mikhail Vasilyevich, Associate Professor, Assistant
North-Caucasus Federal University, Stavropol

The article describes the pragmatic potential of irony in English-speaking media. Features of irony as one of the aspects of comic effect are considered. The authors analyze examples of irony in English-speaking media and some means of expressing irony.

Keywords: pragmatic potential; irony; comic effect; English-speaking media; antonomasia, allusion.

В современном обществе, отличительной чертой которого являются процессы глобализации и интеграции, существует огромное количество каналов передачи информации. В частности, можно выделить печатные издания, телепрограммы, электронные средства массовой информации.

Средства массовой информации представляют собой гибкую систему, состоящую из множества компонентов. Важнейшей задачей средств массовой информации является привлечение внимания читателя, для чего используется широкий спектр лингвистических средств, обладающих эмоциональной окрашенностью. Отличительной чертой языка средств массовой информации является его гибкость и вариативность.

К примеру, А. П. Короченский отмечает, что в газетных текстах журналисты, как правило, стремятся к варьированию и трансформации имеющегося в их распоряжении языкового материала. Это напрямую связано с желанием заинтересовать аудиторию [1].

В связи с этим, очевидным является учет прагматического потенциала сообщения, иначе говоря, того, какой эффект оно оказывает на адресата, насколько оно способно завладеть вниманием и создать определенное впечатление от затрагиваемых тем.

Необходимо отметить, что с позиций прагматики комический эффект — один из наиболее действенных способов формирования запоминающегося образа в средствах массовой информации.

В свою очередь, ирония, являясь одним из аспектов проявления комического, способствует созданию яркой окрашенности тех или иных событий, освещаемых средствами массовой информации.

Ирония (с греческого «εἰρωνεία», буквально — притворство) выражается в отрицании или осмеянии, притворно облакаемых в форму согласия или одобрения. Как стилистическая фигура ирония подразумевает выражение насмешки или лукавства посредством иносказания, когда слово или высказывание обретает в контексте речи смысл, противоположный их буквальному значению или отрицающий его.

Ирония, являясь видом комического, отражает ситуацию, когда смешное скрывается под маской серьезного (в противоположность юмору) и таит в себе чувство превосходства или скептицизма [2].

В англоязычных средствах массовой информации ирония реализуется с помощью использования широкого спектра фигур речи. Одним из наиболее ярких способов создания ироничного оттенка в текстах средств массовой информации можно назвать антономазию.

Антономазия (Antonomasia) представляет собой стилистический приём обозначения присущих или приписываемых свойств в замене нарицания именем исторического лица, литературного персонажа и т.п. или другим нарицательным существительным. Основывается она на взаимодействии логического и назывного значений слова, выделяя при этом главную черту лица/явления. Как пра-

вило, антономазия наиболее широко используется в беллетристике и публицистике [3].

Примером антономазии может служить следующий заголовок, опубликованный в «The Wall Street Journal»: «Captain Error Given as Cause in Capsizing of Migrant Ship» («Капитан Оплошность послужил причиной крушения лодки, перевозившей мигрантов»). В статье идет речь о нелегальной деятельности капитана, переправлявшего группы мигрантов [4].

Существительное «еггог» («заблуждение, оплошность, ошибка»), перешедшее в данном случае из разряда нарицательных в имена собственные, имеет негативную коннотацию, подчеркивающую ироничное отношение к поступку капитана, преступившего закон. Также словосочетание «Captain Egrog» может быть рассмотрено как ироничная аллюзия к общеизвестному «Captain Obvious» («Капитан Очевидность»), которое используется, чтобы охарактеризовать человека, занимающегося ненужной трактовкой очевидного, не требующего разъяснений факта.

Также примером иронии, представленной посредством антономазии, является заголовок, размещенный в «The Telegraph»: «Russia has a new mission for General Winter» («У России есть новое задание/миссия для Генерала Зимы»). В статье идет речь о событиях на Украине. Как утверждает автор, в борьбе, развернувшейся между Россией и Украиной за восточные районы Украины, немаловажную роль может сыграть «Генерал Зима» [5].

Само по себе выражение «General Winter» («Генерал Зима»), использованное в данном случае в ироничном контексте, можно отнести к клише. Это связано с тем, что оно и близкое ему по значению «General Frost» («Генерал Мороз») зачастую используются иронически в качестве синонима попыток бывших агрессоров оправдать свое поражение в России «объективными» причинами.

Словосочетание «General Frost» («Генерал Мороз») появилось в 1812 году в Англии, когда из России отступала наполеоновская армия, сложенная положением дел и наступившими холодами. 1 декабря 1812 г. в Лондоне был выпущен сатирический листок-кариатура под названием «Генерал Мороз, бреющий маленького Бонни» («General Frost shaving little Boney» Бонни — уничижительное прозвище Наполеона Бонапарта в Англии) [6].

Таким образом автор статьи создает красочный клишированный образ, коррелирующий с мифологизированным представлением некоторых иностранцев о том, что в России всегда идет снег.

Другим выразительным средством передачи ироничного отношения к происходящему является применение аллюзий. Аллюзия (от фр. *allusion* — намек) представ-

ляет собой художественный прием, заключающийся в сознательном авторском намеке на общеизвестный литературный или исторический факт или же на известное художественное произведение [7].

Употребление аллюзии с целью привлечения внимания иллюстрирует заголовок статьи, опубликованной в «The Guardian»: «Pop, glamour and gangsters: Boris Yeltsin's new gave Russia». На русский язык данный пример может быть переведен следующим образом: «Попса, гламур и гангстеры: новая неистовая Россия Бориса Ельцина» [8].

В данной статье автор говорит о том, как распад СССР повлиял на дальнейшее становление культурных ценностей, а также приоритетов жителей России. По мнению автора, на первое место в описываемый период вышли идеи гедонизма. В ключе описываемых событий, бесспорной является отсылка к общеизвестной фразе «Sex & Drugs & Rock & Roll» («Секс, наркотики и рок-н-ролл»), характеризующей в иносказательном смысле раскрепощенность нравов, отсутствие обязательств, разрушение и нарушение существовавших долгое время канонов.

Безусловно, подобная аллюзия в англоязычной статье не может не заинтересовать читателя. Она привлекает его к изучению статьи и выяснению того, что же происходило в «безумствующей» России после падения «железного занавеса».

Для бывших советских граждан активные темпы роста поп-музыки, популяризация гламурной жизни и повышение уровня преступности озаменовали коренную ломку традиционных устоев.

С приходом к власти Бориса Ельцина во всех сферах общества произошло формирование новых тенденций, которые по своей провокационности могли быть соотнесены с приведенной выше фразой, характеризующей бунтарское поведение субкультур.

Подводя итоги всему вышесказанному, следует отметить, что прагматический потенциал иронии достаточно высок, поскольку данный аспект комического является результативным способом привлечения внимания широкой аудитории. Активное использование иронии в англоязычных средствах массовой информации объясняется высокой степенью ее образности и выразительности.

Выражение иронии посредством таких приемов, как антономазия и аллюзия делает сообщение броским, запоминающимся. Яркие ассоциативные ряды, возникающие под воздействием создаваемых автором иронических образов, повышают заинтересованность потенциальных адресатов и, как следствие, повышенное внимание к вопросам, поднимаемым средствами массовой информации.

Литература:

1. А. П. Короченский «Журналистика и медиаобразование в XXI веке», Изд-во БелГУ, 368 с., 2006 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://uchebnikfree.com/uchebniki-jurnalistika/leksicheskie-osobennosti-angloyazychnoy-5042.html>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 25.05.2015).

2. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/20230>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 27.05.2015).
3. Lovely language (сайт, посвященный английскому языку) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.lovelylanguage.ru/grammar/stylistics/968-antonomasia>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 27.05.2015).
4. The Wall Street Journal [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.wsj.com/articles/captain-error-caused-migrant-ship-to-capsize-investigators-say-1429614614>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 1.06.2015).
5. The Telegraph [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/russia/11189120/Russia-has-a-new-mission-for-General-Winter.html>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 5.06.2015).
6. «Библиотекарь. Ру»: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений (Вадим Серов): [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/encSlov/4/23.htm>. — Загл. с экрана (дата обращения: 7.06.2015).
7. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] Режим доступа: http://literary_criticism.academic.ru/14/%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D1%8E%D0%B7%D0%B8%D1%8F, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 7.06.2015).
8. The Guardian [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.theguardian.com/world/2015/apr/21/pop-glamour-gangster-boris-yeltsin-new-russia-1990s>, свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 7.06.2015).

MS Word: Тестирование проверщика правописания и причины пропуска ошибок

Лавошников Элина Константиновна, литературный редактор журнала «Вычислительные методы и программирование» Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Научно-исследовательский вычислительный центр (г. Москва)

Рассматривается проблематика компьютерных систем проверки правописания. Работа автокорректоров разбирается на примере текстового редактора MICROSOFT WORD (версии 2013 и 2003 гг.). На конкретных примерах показано, что перегруженность системных словарей устаревшей и низкочастотной лексикой при компьютерной проверке орфографии во многих случаях приводит к пропуску ошибок и опечаток. Даются рекомендации по совершенствованию работы программы-«подсказки».

Ключевые слова: проверка правописания; русский язык; орфографические ошибки; опечатки; орфографический словарь; спеллер; автокорректор; MS Word 2003; Word 2013.

Программы, проверяющие правописание, называют автокорректорами, а также спеллерами или спел-чекерами. При компьютерной проверке текстов слова обычно сравниваются со словоформами, имеющимися или порождаемыми (из квазиоснов и квазиокончаний) в системных словарях [3]. Если слово в компьютерных словарях не найдено, то оно либо «новое», т.е. по каким-то причинам не включенное в словари текстового редактора, либо содержит ошибку. В обоих случаях спеллер предлагает пользователю обратить на такое слово свое внимание (например, подчеркивает красной волнистой линией).

Word 2003 неожиданно вдруг перестал (в отличие от предыдущих версий) «узнавать» слова *голубой, розовый, дурак, идиот, стерва, негр* и другие «нехорошие» слова, даже глагольную форму *осел* (заодно подчеркивались красным словоформы *осела, осели* и т.п.). Но Word 2013 года вернул эти лексемы в свой системный словарь и пропускает их в тексте без возражений.

В «Грамматическом словаре» академика РАН Андрея Анатольевича Зализняка [1] особыми символами отме-

чены прилагательные, краткие формы от которых почти никогда не употребляются (предположительно или затруднительны). Однако в MS Word (2003 и 2013) такие краткие формы образуются и пропускаются без замечаний: *дальне, дочерня, зелененьки, легонька, остороженька, прежни, свеженьки, тихонька* и т.п. Очевидно, что эти слова в современных текстах с большей вероятностью могут быть получены в результате обрезания «по техническим причинам» последней буквы (например, при недостаточно сильном нажатии клавиши, нечаянной вставке пробела или при сканировании со сгиба книги).

В основном системном словаре автокорректора, встроенного в текстовый редактор Word (2003 и 2013), имеются следующие лексемы, пропускаемые спеллером без замечаний: *ас* и *асс* (некорректное образование *летчик-асс* пропускается без подчеркивания, хотя низкочастотное существительное *асс* имеет значение «древнеримская монета» [1]), *достигать* и *достегать* («закончить шитье стеганого одеяла», от глагола *стегать*), *кортеж* и *картеж* (*картёж* — игра в карты), *наживаться* и *нажеваться* (от глагола *жевать*), *пародировать*

и *парадировать* (от существительного *парад*), *подражать* и *подрожать* (от глагола *дрожать*).

Этот список может быть продолжен. В текстах пользователей такие низкочастотные слова, как вторые члены этих пар, с большей вероятностью могут возникнуть в результате ошибки или опечатки. Однако при проверке текстов Word'овским спеллером они пропускаются без замечаний (никак не подчеркиваются), так как без каких-либо особых помет имеются в его основном системном словаре.

С целью проиллюстрировать, в какой степени можно полагаться на спеллеры, ниже приводятся *специально придуманные* фразы со «склеиванием» соседних словоформ, с «разрезанием» слов и другими ошибками (опечатками). Автокорректор текстового редактора Word'2013 (как и Word'2003) не выдает никаких замечаний к таким «высказываниям». Нет подчеркивания красной волнистой линией — предупреждений о возможных орфографических ошибках, так как все эти словоформы имеются или порождаются в основном словаре спеллера, нет и зеленой волнистой линии — предупреждения о синтаксических или стилистических ошибках. В пояснениях к этим проверочным фразам-тестам даны фрагменты словарных статей из «Русского орфографического словаря» [6].

1. *В оологическом саду жил ежъ, всех поте шал. Его после уро ков принес од ин ни онер.*

Ср.: *оологический*, *ёжить* (ся), *пот*, *шала* (неочищенный рис), *уро* (?), *ковы*, *ода*, «ин, *частица*», «пи, *нескл.*, с. (название буквы, матем.)», «онёр: со всеми онёрами». При ошибочном написании слова *еж* с мягким знаком получился императив («*Ёжь!*») от неупотребительного глагола *ёжить*. Частица *ин* в современном языке почти не употребляется, о чем спеллер мог бы предупреждать пользователя. Эта частица может быть получена при нечаянной вставке пробела: *карт ин*, *крестьян ин*, *ин вариант*, *ин станция*. Слово *онер* употребляется только в выражении «со всеми онёрами», о чем сигнализирует двоеточие в соответствующей словарной статье в словаре А.А. Зализняка [1], но Word, как и для некоторых других фразеологизмов (*с лихвой*, *не к спеху*), порождает полную его парадигму (*онера*, *онеру* и т.д.), которая мешает спеллеру обнаруживать опечатки (например, в словоформе *онер*) или разбиения некоторых слов (*рез онер*, *т онер* и др.).

2. *Контроллеры вы проси ли нашестъ уловных единиц больше запродажу фото графий. Вы сточки зрения вашей рол и неправильно мыслете. Вышвыряете ку чу де нег.*

Ср.: *контроллер* (аппарат), *нашестъ* (вариант слова *нашест* [1]), *запродажа*, *графия*, *сточка*, *рол*, «*мыслете*, *нескл.*, с. (название буквы)», *вышвырять*, *ку* (название буквы), *чу* (междометие), *нега*. Слова *де* как такового нет в словарях [1, 6], есть словарная статья «-де (без удар.) част», где имеется предшествующий дефис. Из-за присутствия *де* в системных словарях Word'2013 спеллер пропускает разбиения: *арен де*, *де юре* (нормативное написание: *де-юре*), *де градация*.

3. *Закраем села и вокруг нетям и ко чек, ничтоже тебе не мешает ка тать коляску!*

Ср.: «закрай, -я, (*закраек*)», «вкруг, *нареч.* (*устар.* к *вокруг*)», «*нети*: в *нетях*» (фразеологизм), *яма*, *ко* (предлог), *чек*, *ничтоже* — из фразеологизма «ничтоже сумняшеся», *ка* (название буквы), устаревшее *тать*.

Приведем еще в качестве примера такую фразу: «Кеш можно не тратить, кеш нам еще пригодится». В первом вхождении слова «кеш» (с прописной буквы) автокорректор текстового редактора Word'2013 «распознает» уменьшительное имя *Кеша* — его родительный падеж мн. числа или сокращенную звательную форму (пример: «Тань, береги свою гор тань!» — Word'2013 пропускает звательные формы некоторых личных имен и в этой фразе подчеркивает красным только последнее «тань»). «Кеш» никак спеллером не подчеркивается. При втором вхождении слова («кеш» со строчной буквы) спеллер предупреждает о якобы ошибке, считая правильным написание «кэш», что противоречит рекомендациям академических словарей [6].

В лексической базе текстового редактора MS WORD представлены и никак не маркируются низкочастотные глаголы: *вмесить*, *впить*, *вскользнуть*, *выбросать*, *вымешать*, *вытроить*, *густить*, *досажать*, *избавиться*, *кориться*, *маять*, *небречь*, *обзнакомиться*, *окорять*, *повестить*, *помститься*, *послышать*, *прашивать*, *примститься*, *ристать*, *сбирать* (и *сбираться*: «Как ныне собирается вещий Олег...»), *сroitь*, *ссунуть*, *сытить*, *тропить*, *узиться*, *утонить*, *уточить*, *учувствовать*, *хвостать* и др. Это далеко не полный список. Подобные глаголы и образуемые от них причастия в реальных текстах пользователя могут появиться в результате опечаток в более употребительных словах. Почти никогда не встречающиеся в современных текстах слова можно было бы убрать из основного системного словаря текстового редактора. При этом низкочастотные слова будут подчеркиваться либо как не найденные в словарях спеллера, либо (в случае их перевода с пометами в особые словари) как имеющие ограниченную область употребления — с выдачей по желанию пользователя толкований и разъяснений.

Не все слова с пометами даже из первого издания словаря А.А. Зализняка, положенного в основу при создании системного словаря первого Word'овского автокорректора ОРФО [2, 3], учтены в системе Word'2013. Например, у глагола *спотыкнуться* в словаре Зализняка есть ссылка на глагол *споткнуться*, где к его варианту *спотыкнуться* дается помета *простореч.*, однако система Word'2013 глагол *спотыкнуться* во всех его формах пропускает без каких-либо подчеркиваний. Маловероятно также встретить в текстах употребление форм множественного числа от некоторых существительных (*верам*, *мглами*), а также отдельных глагольных форм (*окислишься*, *удаюсь*). Часто в тех случаях, когда в словаре Зализняка даются указания, что какие-либо формы из парадигмы слова затруднены или избегаются, проверщик правописания Word'2013 пропускает их без замечаний. Например: от слов *часок*, *роток*, *кусток* — *часку*, *часков*, *ротки*, *роткам*, *кустком*, *кустками* и т.п.

Из всего вышеизложенного главные выводы таковы. Чем «богаче» основной системный словарь автокорректора, тем больше ошибок пропускается; чем он беднее, тем больше «ложных тревог». С одной стороны, желательно, чтобы системные словари текстовых редакторов как можно больше пополнялись новыми словами. При этом могли бы использоваться и механизмы словообразования, создания «словарных гнезд». С другой стороны, в основных системных словарях должны быть выявлены малоупотребительные слова и словоформы, которые могут *совпасть с искажениями* (в результате наиболее вероятных ошибок и опечаток) достаточно употребительных словоформ. Такие «подводные камни», которые «вылезают» в списках рекомендуемых вариантов исправления, могли бы снабжаться особыми пометами или выноситься в дополнительные компьютерные словари [4, 5].

Наиболее вероятные варианты исправления целесообразно было бы выдавать пользователю в начале списка. Это особенно актуально для коротких слов, когда число предлагаемых программой-подсказкой словоформ доходит до нескольких десятков.

В новых версиях автокорректоров желательно учитывать технические и психологические причины возникновения опечаток и ошибок. Мы предлагаем дополнять

компьютерные системные словари spellера списками наиболее вероятных искажений — для некоторых слов. Такие сведения о типичных ошибках будут способствовать более эффективной работе текстового редактора, его программы-подсказки, а также минимизации числа отказов в выдаче вариантов исправления при компьютерной коррекции текстов.

Игорь Станиславович Ашманов полемике на goet.ru пишет:

«Я своими руками сделал русскую морфологию в ОРФО много лет назад... Устаревшие слова немногочисленны и обычно в словарь spellера попадают изначально, поскольку входят в ядро любого словаря русского языка, в том числе в главный источник — словаре Зализняка. И включение их или выключение — это вопрос чистки словаря с целью повышения соотношения полнота/точность. С объёмом словаря это соотношение не связано. <...> Короче говоря, улучшать spellеры можно. Но это вряд ли окупится, если не будет гранта или госфинансирования. Потому что продать пользователям следующую версию spellера, если в нём есть тончайшие улучшения типа «меньше стали путаться редкие слова и ошибки» — нельзя» (<https://roem.ru/27-03-2009/128340/yandeks-poka-ne-budet-delat-brauzer/>). Увы!..

Литература:

1. Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: «Русские словари», 2003. — 800 с.
2. Лавошникова, Э. К. Компьютерная коррекция орфографии и разночтения в словарях: Возможны варианты? // *Филологос*. — 2015. — № 24 (1). — с. 49–54.
3. Лавошникова, Э. К. Компьютерная проверка орфографии: вчера, сегодня, завтра // *Вестник Московского ун-та. Серия 9: «Филология»*. — 2003. — № 5. — с. 53–68.
4. Лавошникова, Э. К. О «подводных камнях» в компьютерных системах проверки правописания // *Вестник Московского ун-та. Серия 9: Филология*. — 2002. — № 6. — с. 151–163.
5. Лавошникова, Э. К. О компьютерной коррекции «популярных» ошибок в текстах на русском языке // *Научно-техническая информация. Серия 2. «Информационные процессы и системы»*. — 2003. — № 9. — с. 28–34.
6. Русский орфографический словарь (РОС): ок. 200 000 слов / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. — Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. — 896 с.

Программы о страноведении на центральном телевидении: исторический аспект

Ревенко Анастасия Андреевна, аспирант

Балтийская академия туризма и предпринимательства (г. Санкт-Петербург)

Процесс становления и развития программ о путешествиях и страноведении начал свое формирование на отечественном телевидении в 1960-е годы с открытием на Центральном телевидении третьей (образовательной) программы и появлением таких телевизионных передач как «Альманах кинопутешествий» и «Клуб кинопутешествий». Научные исследования телевизионных передач о страноведении проводились в большей степени в рамках развлекательных жанров журналистики. Но стоит отме-

тить, что на отечественном телевидении они формировались в научно-популярном, а не в развлекательном, аспекте. Существует ряд работ, посвященных телепрограммам географической тематики, но попытки обобщить опыт отечественных программ (включая советский период) и выявить их закономерности и тенденции развития предпринято не было. Чтобы в полной мере изучить и проанализировать современное состояние телевизионных программ о путешествиях и страноведении необ-

ходимо обратиться к истории их развития посредством изучения этапов становления данных программ на отечественном телевидении.

Современная телевизионная передача о путешествиях и страноведении сочетает в себе элементы образовательной программы, документального фильма, шоу (ток-шоу, реалити-шоу, кулинарное шоу и пр.), сериала, рекламного ролика и т.д. Преобладание одного или нескольких элементов зависит от конкретных целей создателей программы о страноведении.

Обращение к истории отечественного научно-популярного и образовательного телевидения дает возможность проследить этапы становления и развития передач о путешествиях и страноведении.

И.В. Показаньева предлагает классифицировать историю передач географической тематики следующим образом:

- Первый этап (1950–1980 гг.),
- Второй этап (конец 1980–2000 гг.),
- Современные программы о путешествиях (2000–2014 гг.). [1]

За основу нашей классификации этапов становления и развития передач о путешествиях и страноведении возьмем периодизацию, предложенную И.В. Показаньевой, внося в нее некоторые изменения:

- 1960–1980 гг. — Становление и развитие научно-популярных передач о путешествиях и страноведении («Альманах путешествий», «Десять минут по СССР», «Клуб кинопутешествия»),
- 1980–2000 гг. — Становление и развитие развлекательных, просветительских и рекламных передач о путешествиях и страноведении («Непутевые заметки», «Вояж, Вояж», «Неизвестная планета» и пр.),
- 2000 г. — настоящее время — Становление и развитие современных передач о путешествиях и страноведении («Диалог со всем миром», «Вокруг света», «В поисках приключений», «Охота к перемене мест», «Далеко и еще дальше», «Их нравы», «Шнур вокруг света», «Одноэтажная Америка», «Орел и решка», «Ревизорро», «Мир наизнанку», «С миру по нитке», «Россия. Гений места» и пр.).

Этапы становления и развития телевизионных передач о путешествиях и страноведении на отечественном телевидении.

Первый этап. Становление и развитие научно-популярных передач о путешествиях и страноведении (1960–1980 гг.).

В марте 1965 года на Центральном телевидении был открыт специализированный канал, названный третьей (учебной) программой. «Программы образовательного телевидения подразделялись на учебные для школ и вузов (предназначенные для приема непосредственно во время уроков в соответствии с учебным планом или дома в дополнение к нему) и культурно-просветительные, рассчитанные на разнообразную аудиторию, желающую разнообразить свой кругозор». [2]

Рост числа зрителей, увлекавшихся географической тематикой, привел к возникновению новой формы работы с документальными фильмами, снятыми путешественниками в экспедициях. Фильмы систематизировались по темам и транслировались в лекториях общества «Знание», в домах культуры и клубах. В 1958 году при Доме Союзов ВЦСПС был организован первый в стране «Клуб кинопутешествий», который сопровождал свои заседания просмотром географических фильмов. Огромный успех клуба породил идею создания при Центральном телевидении программы о страноведении, выстроенной по тем же канонам.

18 марта 1960 года в эфире Центрального телевидения впервые транслировалась передача «Клуб кинопутешествий», которая в дальнейшем выходила каждое воскресенье.

«Клуб кинопутешествий» в течение 30 лет вел Владимир Шнейдеров — автор многочисленных географических фильмов и путешественник. Используя документальные и хроникальные фильмы, «Клуб кинопутешествий» «знакомил зрителей с такими местами, в которых они не только никогда не бывали, но о которых подчас даже не слышали. И «действительным членом» этого клуба мог стать любой, кто включал телевизор в воскресный вечер». [3] Совет клуба состоял из крупнейших ученых и путешественников. Показывая новый фильм-путешествие, клуб сопровождал его выступлениями исследователей и журналистов.

В январе 1973 года Шнейдеров скончался. Новым ведущим «Клуба кинопутешествий» стал Юрий Сенкевич — молодой врач, которому «посчастливилось побывать в удивительных, требовавших мужества и разнообразных практических навыков путешествиях, в том числе морских под руководством прославленного Тура Хейердала. Репутация Сенкевича помогла противостоять сокращению диапазона путешествий по свету до «панорамы СССР», а позднее — сохранить познавательную направленность рубрики, успешно конкурируя с «Непутевыми заметками» Дмитрия Крылова, фильмами-путешествиями популярного певца Андрея Макаревича и другими передачами постсоветского периода, скрыто или откровенно рекламирующими зарубежный туризм». [4] Сенкевич стал «окном в мир» для миллионов советских зрителей. Появилось выражение «страна смотрит на мир глазами Сенкевича».

При Юрии Сенкевиче гостями и участниками передачи были исследователи-географы, археологи, мореходы, полярники, журналисты, среди которых Жак Кусто, Тур Хейердал, Гарун Тагиев, Жак Майоль и многие другие. «Клуб путешественников» этого периода состоял из трех частей по 10–12 минут каждая. Первая часть была посвящена городам и республикам СССР, вторая — социалистическим странам, третья — странам капиталистическим. В 1988–1990 годы программа «Клуб путешественников» сопровождалась показом киноальманаха «Вокруг света».

В 1997 году передача «Клуб путешественников» была занесена в Книгу рекордов Гиннеса как самый продолжи-

тельный телевизионный проект, имя Юрия Сенкевича — как обладателя самой продолжительной карьеры на телевидении.

«Тогда отечественное телевидение еще не знало конкуренции между каналами, научно-популярные передачи могли рассчитывать на большую и лояльную аудиторию, особенно если их возглавляли яркие и интересные ведущие». [5] Программа «Клуб кинопутешествий» до нынешнего момента остается идеальным примером научно-популярной передачи о страноведении.

Второй этап. Становление и развитие развлекательных, просветительских и рекламных передач о путешествиях и страноведении (1980—2000 гг.).

В этот период радикальные перемены в общественной жизни существенно изменили условия и среду функционирования отечественной журналистики, в том числе — телевизионного вещания и научно-популярных передач. «Развал Советского Союза, перестройка и перераспределение собственности на телевидении привели к глубокому кризису в сфере научно-популярного телевидения». [6] Разгосударствление и децентрализация СМИ, а также появление частных телевизионных компаний отозвались переменах в содержании программ о путешествиях и страноведении — научно-популярный элемент уступил место развлекательному и рекламному.

В 1991 году на ОРТ начала выходить авторская передача Дмитрия Крылова «Непутевые заметки». До 2002 года производителем передачи выступала компания «ВИД», после — собственное туристическое агентство Дмитрия Крылова ООО «Непутевые заметки». Как вспоминает сам Крылов: «ОРТ с удовольствием приняло программу «Непутевые заметки», поскольку она была, что называется «в струю». В капиталистической России надо было увлечь широкие массы заграничными «кисельными берегами и молочными реками», дабы у людей появилось желание поскорее забыть про «тоталитарный СССР»». [7]

С 1991 по 2002 год передача «Непутевые заметки» строилась следующим образом: турист-любитель в лице ведущего Дмитрия Крылова путешествовал по миру и в иронической форме рассказывал о той или иной стране (городе), иллюстрируя свой рассказ фактами из истории, забавными случаями и легендами, связанными с местом пребывания. Он рекомендовал, какие места посетить, где перекусить, где остановиться. Эта информация чаще всего была представлена на правах коммерческой. После 2002 года, когда выпуск программы был полностью под управлением туристического агентства «Непутевые заметки», рекламной информации стало значительно меньше (можно сказать, она совсем исчезла), лишь по завершению передачи ведущий Дмитрий Крылов предлагал обратиться в вышеназванное агентство. Своим гармоничным построением и мастерством ведущего «Непутевые заметки» заслужили любовь телезрителей и остаются одной из самых популярных передач о страноведении на отечественном телевидении.

В 1999 году на телеканале СТС выходила 30-минутная программа «Вояж, вояж», спонсорами которой выступали различные туристические фирмы. «Турфирмам предлагалось размещать свои видеоматериалы по цене 500 долларов за показ. За недолгое время своего существования программа сумела познакомить аудиторию с выдающимися произведениями операторского искусства работников туриндустрии, после чего руководство СТС приняло единственно разумное решение закрыть проект». [8] В отличие от «Непутевых заметок» Дмитрия Крылова передача «Вояж, вояж» носила явный рекламный характер без информативного и просветительского элементов.

«На втором этапе происходит приобщение российской телеаудитории к общемировому информационному обмену: российские каналы начинают транслировать передачи иностранного производства телеканалов «ВВС», «Discovery», «National Geographic» и других. У телезрителей появляется возможность выбора: теперь почти каждый телеканал имеет свою программу о путешествиях. Число российских телевизионных каналов растет, также происходит профилирование», [9] которое в будущем приведет к появлению специализированных телеканалов, контент которых будет в полной мере посвящен темам путешествий, туризма и страноведения.

Третий этап. Становление и развитие современных передач о путешествиях и страноведении (2000 г. — настоящее время).

Начиная с 2000-го года сокращается число научно-познавательных и научно-популярных программ. Со смертью Юрия Сенкевича прекращает свое существование программа-долгожитель «Клуб путешественников». Если предыдущие этапы характеризуются небольшим числом программ о путешествиях и страноведении, то в этот период телевизионная тревел-журналистика достигает своего расцвета. Появляются географические передачи различных форматов, возрастает спрос на них среди зрительской аудитории, а следовательно и рекламодателей.

В 1998 году на телеканале ОРТ и в 2000—2008 годы на телеканале «Россия» выходила программа «Вокруг света» (с 2000 по 2001 годы — «Планета Земля»). У современного телезрителя эта передача ассоциируется в первую очередь с ведущим Михаилом Кожуховым. Он прогуливался по улицам города, беседовал с местным населением, иронизировал, давал исторические справки, пробовал местную кухню, изучал реальность методом включенного наблюдения то переодеваясь в необычные национальные костюмы, то пробуя себя в разнообразных профессиях, характеризующих культуру и быт страны пребывания.

Позднее Михаил Кожухов был ведущим еще нескольких передач о путешествиях и страноведении — «В поисках приключений» (с 16 ноября 2002 года по 12 августа 2006 года, телеканал «Россия»), «Охота к перемене мест» (2010 год, телеканал «Моя планета») и «Далеко и еще дальше» (с сентября 2010 по 2011 год, телеканал ТВ3). В телевизионном проекте «В поисках приключений» Михаил Кожухов рассказывал об уни-

кальной или популярной профессии в стране прибывания, обучался ей и участвовал в рабочем процессе. Два других проекта были схожи с передачей «Вокруг света».

Все телевизионные программы о страноведении, ведущими которых был Михаил Кожухов, пользовались популярностью у зрителей, из чего следует, что составляющей успеха является не только удачно выбранное место и грамотный рассказ о нем, но и образ ведущего.

С 17 сентября по 24 декабря 2006 года по воскресеньям на телеканале НТВ выходила передача «Шнур вокруг света», ведущим которой был Сергей Шнуров. По мнению продюсера Данила Шарапова, передача представляла собой «взгляд человека, способного понять по своему страну, где он оказался. Не зная языка, не вдаваясь в подробности профессии». Всего было снято 15 выпусков. «Неординарный человек Сергей Шнуров оказался весьма ординарным путешественником, идущим проторенными тропами и отвечающий на банальные вопросы. И программа была закрыта из-за низких рейтингов» [10]. Передача представляла собой нарезку несвязных сюжетов из различных мест определенной страны или города, сопровождающихся сарказмом и пренебрежительным отношением ведущего к чужой культуре, её отличиям от нашей. Передача «Шнур вокруг света» наглядно демонстрирует необходимость грамотного и тщательно продуманного выбора ведущего для передачи географической тематики. Ведущий телевизионной программы о путешествиях должен обладать необходимым набором качеств: любознательностью, уважением к чужой культуре, умением вникнуть и разобраться, а также обладать способностью увлекать, информировать и просвещать.

С 11 февраля по 26 мая 2008 г. на «Первом» канале выходила программа «Одноэтажная Америка», которую вели Владимир Познер и Иван Ургант. Шестьдесят дней они путешествовали по Соединенным Штатам Америки. Владимир Познер и Иван Ургант повторяли автомобильное путешествие советских авторов Ильи Ильфа и Евгения Петрова от Восточного до Западного побережья США и обратно, которое они совершили в 1935 году в сопровождении семьи Адамс и описали в книге «Одноэтажная Америка». Познер выступал в роли Ильфа, Ургант — в роли Петрова, а их американский гид радиожурналист и писатель из штата Монтана Брайан Ган был прототипом мистера Адамса. В первой серии ведущие рассказывают о цели создания программы «Одноэтажная Америка»: «следуя маршруту Ильфа и Петрова пересечь всю страну, увидеть своими глазами, что из себя представляет эта огромная страна, и попытаться понять, какая же она на самом деле Одноэтажная Америка XXI века». В своей передаче они сравнивали современную Америку с Америкой времен Ильфа и Петрова. Каждая серия программы — это путешествие по определенному штату. В передаче ведущие дают исторические справки, сопровождаемые фотографиями, видео и песнями из архивов, цитируют авторов одноименной книги. Познер и Ургант преследовали цель показать Америку объективно, рассказать

об образе жизни среднего американца, его взглядах на жизнь, на культуру, на историю и политику своей страны, выявить особенности американского характера. В конце каждой серии Познер задавал её герою один и тот же вопрос «Что значит быть американцем?». Программа «Одноэтажная Америка» является примером качественной тревел-передачи, что подтверждают грамотная работа ведущих, обращение к источникам и историческим справкам, логически выстроенное построение каждого сюжета и взаимосвязь между ними.

С 2013 года по настоящее время на телеканале «Мир» по четвергам выходит программа «С миру по нитке», которую ведут две молодые активные путешественницы Людмила Горчакова и Виктория Заволжская. «С миру по нитке» — это программа о бэкпекинге (туризм с рюкзаками за спиной) и лоукост (недорогих) путешествиях, раскрывающая все тонкости самостоятельного недорого туризма. Каждый сезон передачи посвящен определенной стране. Ведущие беседуют с местным населением, останавливаются у них на ночлег, пробуют блюда национальной кухни, изучают достопримечательности, традиции, образ жизни, рассказывают, где можно остановиться и перекусить за небольшие деньги, когда выгоднее всего посещать те или иные места, как добраться из одного конца в другой и многое-многое другое. Программа «С миру по нитке» представляет собой своеобразное реалити-шоу о путешествиях, в котором перед его героинями (ведущими) стоит задача прожить в стране, не потратив много денег, посмотреть её и рассказать о своем приключении телезрителям. Такой формат передачи о страноведении является одним из самых популярных и востребованных в настоящее время.

На телеканале «Пятница» выходит две передачи туристской тематики — «Орел и решка» и «Мир наизнанку».

«Орел и решка» транслируется в эфире телеканала «Пятница» с 13 февраля 2011 года. Замысел передачи принадлежит Жанне Бадоевой, которая вместе со своим мужем Аланом вела её первый сезон. Два ведущих в начале каждого выпуска подкидывают моменту, чтобы определить, кто отправиться путешествовать по выбранному городу с золотой картой (богатый), а кто со 100 долларами (бедный). Программе присущи элементы реалити-шоу. В легкой и непринужденной форме ведущие знакомят зрителей со страной пребывания, показывая, как прожить на 100 долларов или что посетить обеспеченному туристу. На данный момент «Орел и решка» — одна из самых популярных программ о путешествиях на отечественном телевидении. Это обеспечивают удачное сочетание образов ведущих, легкая непринужденная манера повествования, красочные съемки, использование элементов реалити-шоу, которые помогают удерживать внимание зрителя и предполагают неожиданные повороты событий, а также сопровождение повествования прикладной информацией.

Познавательная телепрограмма о путешествиях «Мир наизнанку» на телеканале «Пятница» выходит с 11 декабря 2010 года по настоящий момент. Передача является авторским проектом Дмитрия Комарова, который вместе с опе-

ратором путешествует по различным уголкам мира. Каждый сезон представляет собой серию программ, посвященных одной определенной стране или географическому региону. Передача рассказывает о жизни, отдыхе, работе, быте, привычках, традициях, обрядах и национальных особенностях населения различных стран. Путешествуя по миру Дмитрий Комаров старается показать зрителям не туристическую составляющую региона, а его самобытную культуру, познакомиться с местным населением и рассказать об особенностях их жизни и культуры. Данный элемент отличает программу от других существующих на отечественном телевидении в настоящее время. «Мир наизнанку» — это «телепроект о не туристических путешествиях». Передаче присущи позитивный тон повествования и рассказ о населении через беседу с его представителями. Дмитрий Комаров обучается местной профессии и принимает участие в рабочем процессе, приближая себя и телезрителей к быту местных. Подобным образом рассказывал о странах Михаил Кожухов в своих географических телевизионных проектах.

В 2014 году на телеканале «Россия» вышла передача «Россия. Гений места» при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации. Ведущим передачи стал министр культуры РФ Владимир Мединский. Из своей интерактивной студии Владимир Мединский рассказывает о выбранном городе и делает подводку к сюжетам, снятым путешественницей Екатериной Федоровой. В начале первой серии создатели рассказывают о цели программы: «Два года мы будем путешествовать по нашей стране, по самым значимым и красивым местам, сыгравшим исключительную роль в российской истории и культуре». Передача «Гений места. Россия» выполнена на достаточно высоком уровне и рассчитана на интеллектуального зрителя, стремящегося к развитию и познанию: факты истории, рассказы о персоналиях, связанных с освещаемым местом, интервью, взятые у экспертов, рассказы о достопримечательностях, сопровождающиеся прикладной информацией (как добраться, сколько стоит билеты на общественный транспорт или в музей и пр.), позитивный характер повествования. Передача «Россия. Гений места» служит примером высококачественного телевизионного продукта о страноведении на отечественном телевидении и задает высокую планку для дальнейшего развития данного феномена.

Последний этап характеризуется активным развитием телевизионных передач о путешествиях и страноведении, дает возможность проследить основополагающие черты их построения (формат, личность ведущего, прикладная информация и пр.), выявить основные тенденции развития и дать прогноз. Начало 2000-х годов характеризуется появлением большого числа географических передач,

что говорит о растущем интересе аудитории к тематике путешествий, страноведения и туризма среди зрителей отечественного телевидения. Практически каждый канал имеет собственную программу о путешествиях и страноведении. С момента становления и до настоящего времени географические программы претерпели ряд изменений:

- Произошел переход от научно-популярного формата программы о страноведении к развлекательному.

- Можно проследить доминирование одних и тех же направлений в различных программах о страноведении, что объясняется открытостью и популярностью определенных тем, а также их заинтересованностью в собственном продвижении путем сотрудничества с российскими телеканалами.

- Создание определенных стереотипов о культуре, быте, традициях, обычаях и прочем определенной страны в передачах о путешествиях или, наоборот, их развенчивание.

- Драматизация сюжета, выражающаяся в стремлении съемочной группы и режиссеров программы превратить её в шоу. Например, появление программ, снятых в формате реалити-шоу («С миру по нитке», «Орел и решка», «Ревизорро»).

- Подмена реальности, заключающаяся в создании программы формата «лайф», когда на самом деле весь сценарий и тексты прописаны заранее («Орел и решка»).

- Многие программы о путешествиях и страноведении ассоциируются с конкретным ведущим или ведущими, что может влиять на выбор аудитории и узнаваемость передачи (программы Михаила Кожухова, Андрей Бедняков и Жанна Бадоева в «Орел и Решка»). В некоторых случаях на первый план может выходить сама личность ведущего программы, а не его профессионализм как путешественника, ученого, журналиста и т.п. (Сергей Шнуров в «Шнур вокруг света»).

- Создатели программ о путешествиях и страноведении стремятся не только рассказать о стране, её культуре, традициях, достопримечательностях и пр., но также насыщают программу прикладной информацией («Россия. Гений места», «Орел и Решка», «С миру по нитке»).

Перечисленные изменения можно отнести к элементам, составляющим современные программы о страноведении на отечественном телевидении. В одной программе может быть синтезировано несколько элементов одновременно, в следствии чего она становится высококачественной и начинает носить прикладной характер. Стоит отметить, что современные передачи о страноведении не только информируют и развлекают зрителя, но и просвещают его, тем самым формируя его эстетический вкус и повышая уровень развития.

Литература:

1. Показаньева, И. В. Генезис отечественного научно-популярного телевидения географической тематики: возникновение телевизионной трэвел-журналистики. // Вопросы теории и практики журналистики. — 2014. — № 5. — с. 74–82.

2. Очерки по истории Российского телевидения — М.: Воскресенье, 1999. — с. 182–188. — 416 с.
3. Очерки по истории Российского телевидения — М.: Воскресенье, 1999. — с. 189. — 416 с.
4. Очерки по истории Российского телевидения — М.: Воскресенье, 1999. — с. 189. — 416 с.
5. Очерки по истории Российского телевидения — М.: Воскресенье, 1999. — с. 193. — 416 с.
6. Константинова, Е. Г. Популяризация науки на современном российском экране: кризис направления и пути преодоления / Е. Г. Константинова // Медиаскоп. — 2009. — № 1. — URL: <http://www.mediascope.ru/node/290>.
7. Раззаков, Ф. И. Гибель советского ТВ. — М.: Эксмо, 2009. — с. 454. — 528 с. — (Книги Раззакова о великих артистах).
8. Баландинский, Н. Географические проекты российского ТВ: кто есть кто и что есть что? URL: <http://www.geografia.ru/npprogr.html>
9. Показаньева, И. В. Генезис отечественного научно-популярного телевидения географической тематики: возникновение телевизионной трэвел-журналистики. // Вопросы теории и практики журналистики. — 2014. — № 5. — с. 74–82.
10. Беднов, С. На телегида надейся, а сам не плошай // Труд. — 2013. — № 51. — URL: http://www.trud.ru/article/11-04-2013/1292102_na_telegida_nadejsja_a_sam_ne_ploshaj.html

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Проблемы перевода метафор и влияние индивидуальных особенностей переводчиков в романе Дж. Р.Р. Толкиена «Хоббит, или Туда и обратно» в переводах Королева К.М., Маториной В.А., Рахмановой Н.Л.

Аверкова Ольга Владимировна, старший преподаватель;

Козикова Наталья Юрьевна, студент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Данная статья посвящена проблеме перевода метафор в романе Дж. Р.Р. Толкиена «Хоббит, или Туда и обратно» в трудах известных переводчиков: Королева К.М., Маториной В.А., Рахмановой Н.Л. В статье раскрывается актуальность произведения для современного читателя, а также проводится сопоставительный анализ исследования метафор, учеными рассматриваются и особенности стиля романа.

Ключевые слова: метафора, сопоставление и анализ, трансформация.

Жанр фэнтези в настоящее время является весьма популярным. Интерес к новым мирам, необычным героям, удивительным приключениям, поиски истины и борьба добра над злом сделали этот роман шедевром мирового уровня. Изучение и анализ выразительных средств романа Дж. Р.Р. Толкиена, его своеобразие становится важной задачей лингвистики. Дж. Р.Р. Толкиен был преподавателем в университете и ученым-филологом. Ещё с детства он играючи изучал такие языки, как французский, немецкий, латынь, греческий, а к восемнадцати — испанский, среднеанглийский, англосаксонский, древнеисландский, готский, финский. Его язык выразителен и метафоричен, его интересно изучать, так можно понять англичан. Интересны его архаизмы, например, «brethren». [8, с. 25] Это слово употребляется в значении «собратья», сейчас оно встречается только в религиозном контексте. Дж. Р. Р. Толкиен в своих выдуманных языках использовал много основ из реальных. Это расширяет лингвистический и культурный кругозор.

Первое издание книги «Хоббит» опубликовано в 1937 г. на лондонском аукционе «Бонэмс». Вся трилогия Дж. Р.Р. Толкиена переведена на 25 языков мира, общий тираж составляет 100 миллионов экземпляров.

Дж. Р.Р. Толкиен получил большую популярность не только во всем мире, но и в России. Впервые отрывки из его произведения были переведены в журнале «Англия» в 1969 г. Первый полноценный перевод был осуществлен в 1975 г. Семеном Уманским. С тех пор до 2005 года 19 переводчиков (А. Андреев, З. Бобырь, А. Грузберг, М. Каменкович, Л. Каминская, А. Конаныхин, К. Королев, С. Лихачева, В. Маторина, Н. Прохорова, Н. Рахманова, С. Седов, С. Степанов, В. Тихомиров, И. Тогоева, С. Уманский, А. Щуров, Л. Яковлев, Л. Яхин) сделали

свой вариант перевода известного романа «Хоббит, или туда и обратно». Имея различные версии переводов, переводчики сталкиваются с проблемой передачи метафор при переводе английского художественного произведения на русский язык.

Объектом исследования статьи стали метафоры из романа Дж. Р.Р. Толкиена «The Hobbit, or There and Back again» и их перевод на русский язык.

В статье предпринята попытка сопоставить метафоры оригинального текста романа Дж. Р.Р. Толкиена и его переводов и выявить индивидуальные черты переводчика в передаче метафор на русский язык.

При переводе художественного произведения на русский язык встает вопрос передачи встречающихся в тексте метафор. При этом необходимо решить, как передать этот троп: опустить совсем, перевести дословно и точно или внести свой эквивалент. От этого может зависеть ценность художественного произведения, его идея, смысл. Приведем пример:

Оригинал текста: «They used to go up like great lilies and snapdragons and laburnums of fire and hang in the twilight all evening!» [8, с. 15]. В оригинале «laburnums of fire» дословно переводится «ракитник золотой дождь». В переводе Маториной В.А. («Огненные звезды, лилии и ромашки взлетали в небо и висели там весь вечер или падали золотым дождем!») метафора преобразовалась и получился новый метафорический образ. [5, с. 2].

Перевод Королева К.М.: «Это было замечательно! Шутихи в сумерках взлетали в небо и распускались там желтыми лилиями, рдяными маками, белоснежными цветками ракитника...» [4, с. 2]. Как видно из перевода Королева К.М. рассматриваемая метафора опущена совсем.

В современной теории перевода существует «закон сохранения метафоры», в соответствии с которым принято для перевода метафоры использовать именно метафору. Нарушение указанного закона может привести к существенному обеднению смысла и эстетического потенциала текста.

Прокофьева А. А. в работе «Особенности передачи метафор при переводе произведений В. В. Набокова» различает деление метафор на конвенциональные (общеупотребительные) и авторские (креативные).

По мнению Прокофьевой А. А., конвенциональная метафора чаще используется носителями языка и бывает фразеологическим оборотом или идиомой. Тогда русский эквивалент для них будет использовать один и тот же образ.

Передача индивидуальных (креативных) метафор автора является более сложной для переводчика. Язык оригинала обычно передается дословно и метафоры в тексте должны сохранить авторский стиль и передать язык оригинала дословно.

Но иногда в авторском тексте можно встретить такие оригинальные метафоры, к которым невозможно найти точное соответствие, тогда переводчик вынужден искать подходящий эквивалент:

Оригинал текста: ««Dear me!» he went on». [8, с. 15].

Перевод Рахмановой Н. Л.: «Бог ты мой, до чего тогда было инте... я хочу сказать». [6, с. 2].

Перевод Маториной В. А.: ««— Ах ты, батюшки!» — продолжал он». [5, с. 2].

Перевод Королева К. М.: «— Вот чудеса!» [4, с. 2].

Рассмотрим случай, когда при переводе появляется иной образ или метафора может вовсе исчезнуть.

Оригинал текста: «Seems to know as much about the inside of my larders as I do myself!» thought Mr. Baggins, who was feeling positively flummoxed, and was beginning to wonder whether a most wretched adventure had not come right into his house». [8, с. 18].

Перевод Рахмановой Н. Л.: «Можно подумать, что он не хуже моего знает, какие у меня припасы в доме!» — пробормотал мистер Бэггинс, который решительно потерял голову и начал опасаться, не свалилось ли на него нежданно-негаданно самое что ни на есть скверное приключение» [6, с. 3].

Метафора лаконична и не соответствует дословному переводу, переведена с изменениями. В английском feeling positively flummoxed, а в переводе: «решительно потерял голову».. Из нее ясно, что герой не знает, что делать в этой ситуации. Автор использовала для усиления состояния русский фразеологизм «Потерял голову».

Перевод Маториной В. А.: «Похоже, он лучше меня знает, что лежит у меня в кладовых», — подумал господин Торбинс, у которого уже голова кругом пошла и который начинал думать, что вот это и есть самое огорчительное Приключение, причем явившееся к нему в дом». [5, с. 3].

Автор использовала разговорную форму русского фразеологизма «голова кругом пошла», которая указывает

на то, что герой потерял способность ясно мыслить и метафора добавляет новую характеристику герою. Перевод не дословный, так оригинал «ставить в затруднительное положение» переводится по-другому «голова кругом пошла».

Перевод Королева К. М.: «Похоже, он знает содержание моих кладовых не хуже меня самого!» — подумал окончательно сбитый с толку господин Торбинс. Неужели это и есть то приключение, о котором говорил чародей?» [4, с. 4].

Перевод предложения выполнен ближе к оригиналу, но использует русское устойчивое словосочетание «сбитый с толку». Это устойчивое словосочетание означает «быть в состоянии растерянности». Автор говорит о том, что герой запутался и находится в состоянии замешательства. Метафора подчеркивает его эмоциональное состояние и создает живой образ.

Оригинал текста: «Dear me!» he went on. «Not the Gandalf who was responsible for so many quiet lads and lasses going off into the Blue for mad adventures». [8, с. 15].

Перевод Рахмановой Н. Л.: «Бог ты мой, до чего тогда было инте... я хочу сказать, умели вы тогда перевернуть все вверх дном в наших краях!» [6, с. 2].

В этом предложении метафора переведена на русский язык иначе. Перевод метафоры имеет разговорный оттенок «вверх дном». Метафора несет новый смысл предложения. Буквальный перевод «Уходить в синеву за безумными приключениями» заменен на «перевернуть все вверх дном», что позволяет читателю представить картину полного беспорядка.

Перевод Маториной В. А.: «— Ах ты, батюшки! — продолжал он. — Тот самый Гэндальф, из-за которого столько благонравных молодых хоббитов вдруг кидались в неизвестность за странными приключениями!» [5, с. 2].

Перевод выполнен не дословно, наблюдается отход от оригинала. В Метафоре заложен беспокойный и стремительный характер, имеет оттенок неожиданности «вдруг кидаться» и выполняет экспрессивную функцию.

Перевод Королева К. М.: «— Вот чудеса! Вы — тот самый Гэндальф, из-за которого столько хоббитов бросило дом и отправилось невесть куда!» [4, с. 2].

Метафора в этом переводе имеет наиболее яркую экспрессивную характеристику. Для читателя полностью меняется смысл, наблюдается отход от оригинала. Появляется образ дома, для русского человека дом имеет большое значение как что-то родное и дорогое. А в этом переводе дом бросили. Метафора содержит разговорный оттенок «невесть куда» и несет негативную окраску. Такая метафора имеет сильное эмоциональное воздействие. Прослеживается и личное отношение переводчика к событиям, и оно звучит как негативное и осуждающее.

Данные примеры представляются особенно интересными, так как все переводчики использовали свой вариант оригинальной метафоры для передачи образа, усиливая ее эмоциональное воздействие на русского читателя, при этом ее основной смысл донесен достаточно точно.

При переводе художественного произведения индивидуальная личность переводчика оказывает определенный смысл на перевод текста. Не всегда метафоры совпадают с оригиналом текста, а у разных переводчиков отличаются друг от друга построением метафор их образами. Иногда могут изменять смысл. В результате всё это отражается на восприятии произведения.

Существует и полное преобразование метафоры, которое применяется переводчиками для замены фрагмента метафоры оригинального текста.

Оригинал текста: «It was a beautiful golden harp, and when Thorin struck it the music began all at once, so sudden and sweet that Bilbo forgot everything else, and was swept away into dark lands under strange moons, far over The Water and very far from his hobbit-hole under The Hill». [8, с. 21].

Перевод Рахмановой Н. Л.: «... арфа была золотая и красивая; и когда Торин ударил по струнам, все заиграли тоже, полилась такая неожиданная, такая сладостная, мелодичная музыка, что Бильбо позабыл обо всем и унесся душой в неведомые края, туда, где в небе стояла чужая луна — далеко По Ту Сторону Реки и совсем далеко от хоббичьей норки под Холмом». [6, с. 4].

Метафора «forgot everything else, and was swept away into dark lands under strange moons» передана с добавлением других слов «унесся душой в неведомые края, туда, где в небе стояла чужая луна», что наиболее ярко характеризует данный перевод, чем оригинал. Она усиливает выразительность речи и рассчитана на воображение адресата.

Перевод Маториной В. А.: «Это была красивая золотая арфа, и стоило Торину коснуться ее, как зазвучала дивная музыка, такая странная и нежная, что Бильбо сразу забыл обо всем на свете и оказался в своем воображении далеко за Рекой, в туманных краях под незнакомыми лунами, отсюда даже не было видно хоббичью нору в Круче». [5, с. 2].

К содержанию метафоры «оказался в своем воображении далеко за Рекой, в туманных краях под незнакомыми лунами» добавляется эмоциональный оттенок, который усиливает описание и углубляет понимание воображаемой действительности.

Перевод Королева К. М.: «Это была чудесная золотая арфа; едва Торин тронул ее струны, зазвучала музыка, неожиданно столь прекрасная, что Бильбо забыл обо всем на свете и будто очутился в диковинных землях под неведомым светилом, далеко-далеко от Приречья и от своей драгоценной Торбы-на-Круче». [4, с. 5].

Произошла замена элементов метафоры «очутился в диковинных землях под неведомым светилом» в исходном языке и языка перевода. Добавлены новые оттенки в перевод: появился признак таинственности, нерелативности, но авторский смысл в целом не нарушен.

Рассмотрим ещё один пример перевода метафоры.

Оригинал текста: «Throng!» thought Mr. Baggins. «I don't like the sound of that. I really must sit down for a minute and collect my wits, and have a drink». [8, с. 16].

Перевод Рахмановой Н. Л.: «Компания! — подумал мистер Бильбо. — Что-то не нравится мне это слово. Присяду-ка я на минутку, соберусь с мыслями и глотну чайку». [6, с. 3].

Дословный перевод метафоры «collect my wits, and have a drink» на русский язык звучит как «собрать мой ум и выпить». Предложенный Н. Л. Рахмановой перевод сохранил порядок слов и оригинальный смысл. В исходном и переводящем языке совпадает и эмоционально-оценочная информация.

Перевод Маториной В. А.: «Ох, как мне это не нравится. Надо посидеть, собраться с мыслями и чего-нибудь выпить». [5, с. 2].

Перевод Королева К. М.: «Ох, что-то мне это совсем не нравится. Пожалуй, стоит посидеть в уголке, чего-нибудь выпить и поразмыслить». [4, с. 3].

Метафора «выпить и поразмыслить» переведена без изменений, имеет более лаконичную форму, но изменен порядок действий: сначала выпить, а потом поразмыслить. Возможно, что в женском переводе сначала мыслят, а потом пьют; а мужской перевод предполагает обратные действия. Метафора имеет некоторое оценочное значение «как бы сделать одолжение», «выпить и поразмыслить».

Проанализировав метафоры в романе Дж. Р. Р. Толкиена «Хоббит, или туда и обратно», можно сделать вывод, что метафоры не только дублируют оригинал, но и подвергнуты разной степени трансформации — от небольших изменений до полного расхождения с оригиналом текста. Н. Рахманова, В. Маторина и К. Королев, в основном сохраняют метафору, хотя в отдельных переводах она подверглась изменению. Перевод Н. Рахмановой более классический, сдержанный, доступен для разного возраста. У нее на наш взгляд наиболее точно осуществлен перевод метафор. У К. Королева метафоры подверглись более свободному переводу и расходятся с оригинальным текстом. Его язык более живой и юмористичный. Он использует больше русских идиом и устойчивых словосочетаний, которые делают текст более русским и выразительным, например: чего-нибудь выпить и поразмыслить, бестолкового дня, устроив кучу малу, чудесным образом, сбивый с толку, забыл обо всем на свете. Перевод Маториной В. А. близок к оригиналу произведения, более выразительный. Переводчица владеет глубокими знаниями языковых средств родного языка и хорошо разбирается в языке оригинала. Изучив шесть авторских оригинальных метафор в переводе трех известных переводчиков, можно прийти к выводу, что сильному изменению подверглись 10 метафор или 58% от общего числа, рассмотренного нами. На второе место по частотности приходится дословный перевод метафор — 4 или 23%, и на третьем месте за ними следует частичное изменение метафор 3—17%. Таким образом, метафоры со значительными изменениями являются главными и основными при переводе оригинала художественного произведения.

Литература:

1. Гайдаржи, П. Переводы «Хоббита» [Электронный ресурс]. // URL: <http://tolkien.ru/wiki>.
2. Популярность и финансовый успех наследия Толкиена. Цифры и факты [Электронный ресурс]. // URL: <http://gia.ru/spravka/20080318/101558183.html>.
3. Прокопьева, А. А. Особенности передачи метафор при переводе произведений В. В. Набокова // Журнал Политическая лингвистика. — 2006 г. — № 18 — с. 206–212.
4. Толкиен Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно» Перевод книги: Кирилла Королева М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2000. — 300 с.
5. Толкиен Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно. Перевод книги: А. Валерия Маторина. Москва.: Эксмо-Пресс, 2000. — 300 с.
6. Толкиен Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно. Перевод книги: Наталия Леонидовна Рахманова. СПб: Изд. Азбука, 2000. — 324 с.
7. Шанский, Н. М., Быстрова Е. А. и Зимин В. И. Фразеологич. обороты рус. яз.. М., 1988. — 389 с.
8. Tolkien, J. R. R. The Hobbit, or There and Back again. 1937. — 226 p.

Армянская поэзия в творческом наследии Михаила Дудина

Айрян Заруи Геворковна

Статья посвящена поэту-переводчику М. Дудину, внесшему большой вклад в развитие русско — армянских литературных взаимосвязей. Дудину принадлежат переводы из поэзии Ав. Исаакяна, Е. Чаренца, А. Сагянца, Г. Эмина, С. Капутикян и др. Лучшие переводы Дудина вошли в его антологию “5 сестер и 32 брата — все вместе” (1965), куда были помещены его работы не только из армянской поэзии, но и из грузинской, еврейской, латышской, кабардинской, а также из поэзий других народов.

Ключевые слова: поэзия, перевод, оригинал, литературные связи, антология, мастерство переводчика.

В созвездии русских поэтов-переводчиков свое почетное место занимает Михаил Дудин, который хорошо известен и популярен не только в России, но и за ее пределами. Своей поэзией он продолжил те литературные традиции, которые были заложены Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Некрасовым, обогатив при этом русскую литературу новым словом, наполненным светом и добром беспокойной и чуткой души поэта. Первые поэтические сборники Дудина вышли в годы войны, среди которых выделим “Фляга» (1943), “Костер на перекрестке” (1944). В послевоенные годы поэт публикует сборники “Считайте меня коммунистом” (1950), “Мосты. Стихи из Европы” (1958), “До востребования” (1963). В 1970-е Дудин много и успешно работал.

Это сборники стихотворений “Татарник”, “Поэмы”, “Рубежи”, “Клубок” и др. В 1977 вышла книга очерков — “Право на ответственность”. В 1986 он публикует книгу стихов и поэм “Песни моему времени”. В 1987 — поэма “Зерна”, в 1989 — “Заканчивается двадцатый век” и книгу, вышедшую в Ереване, — “Земля обетованная” (Посвящения. Переводы. Эссе. Стихи); в 1991 — стихи и поэмы “Судьба”; в 1995 — “Дорогой крови по дороге к Богу” (стихотворения 1986—1993) и др. Как поэт, Дудин считал, что человек должен входить в мир хозяином, согревать его и вносить в него “добро и свет”. Думая об “ответственности действия и слова”, поэт постоянно возвращался к вопросу

о значении и смысле поэзии, о том, что такое поэт. В своей статье, посвященной А. Ахматовой, М. Дудин, вспоминая слова французского поэта Поля Элюара, писал: “Пока на земле все еще есть насильственная смерть, первыми должны умирать поэты...”. [3, с.200]

Дудин признавал, что именно так поступали и жили русские поэты, “... сердце отдав временам на разрыв...”, [1, с.15] Пушкин и Лермонтов, Некрасов и Блок, Есенин и Маяковский и др. В этом и есть, в понимании Дудина, святая правда поэзии, без которой человеческая жизнь зашла бы в тупик. Именно этой святой правде поэт посвятил всего себя, верно служа ей до конца своей жизни.

Поэзия Дудина — отклик и переживание, в которой сосредоточены раздумья о жизни, времени, человечестве. Его лирика восьмидесятых тревожна и драматична, в ней поэтом затронуты вопросы, касающиеся мира, бережного отношения к природе и др., от решения которых зависит будущее человечества. Поэт был убежден, что необходимо “... сердцем слышать боль времен...», [1, с.15] и мгновенно откликался на все трагические события, связанные с человечеством.

В статье о Жуковском он писал: “У подлинной поэзии нет старости, нет страха перед будущим и подобострастия перед прошедшим”. [3, с.223]

Именно такова и поэзия самого Дудина, которая была посвящена служению правде и человечеству, которая

своей актуальностью перешла и в XXI век, где слова и мысли поэта звучат с той же силой и значимостью.

Дудин известен также как талантливый переводчик, посвятивший свое поэтическое дарование сближению литератур и культур разных стран и национальностей. Его перу принадлежат переводы из английской поэзии, сонеты В. Шекспира, стихотворения Р. Киплинга, из армянской поэзии — стихотворения Ав. Исаакяна, А. Сагияна, из балкарской — К. Кулиева, из башкирской — М. Карима, из грузинской — Н. Бараташвили, М. Квиллидзе, из украинской — М. Бажана, С. Головановского, Д. Павлычко, И. Драча, Н. Белоцерковец, из финской — Т. Гуттари, из чешской — М. Флориана и многих других.

Лучшие переводы М. Дудина вошли в его антологию “5 сестер и 32 брата — все вместе” (1965), куда были помещены его переводы не только из армянской поэзии, но и из грузинской, еврейской, латышской, кабардинской, а также из поэзий других народов.

В своем предисловии к этому сборнику Кайсын Кулиев, высоко оценивая переводческую деятельность русских поэтов-переводчиков, отметил, что русская поэзия всегда была чуткой к другим народам, к их культуре. Большая река щедро принимает все притоки, и Россия давно признана родиной лучших поэтических переводов. Указывая на заслуги Дудина в области поэтического перевода, он писал: “... Эта книга рождена любовью русского поэта к культуре других народов. Поэтому всегда дороги добрые дела. Их светом озарены его помыслы. В нем живут доброта хлеба и мудрость строителя. Такие же хорошие чувства руководили Дудиным, когда он переводил своих иноязычных собратьев. Мне известны его любовь и дружеское отношение ко многим поэтам, живущим в разных республиках нашей страны и за ее рубежом.

Думается, что надо хорошо чувствовать аромат той земли, поэтов которой переводишь, любить ее. Видимо, отсюда все и начинается”. [2, с.7]

Армянская поэзия явилась для Дудина своеобразным ключом познания одной из древнейших стран мира, которая на протяжении веков славилась своей культурой, в частности, литературой.

Армянская литература навсегда связала Дудина с Арменией, который нашел там истинных, верных друзей, которым он не раз посвящал свои стихотворения, дружеские эпиграммы. Неразрывная дружба и литературное сотрудничество сложились между М. Дудиным и С. Капутикян, А. Сагияном, М. Маркарян, Г. Эмином и другими, в поэзии которых он нашел много общего со своей.

Лучшие стихи, переводы, эссе, послания поэта вошли в книгу “Земля обетованная” (1989), которая была посвящена Армении. Гонорар за ее издание поэт передал в фонд помощи пострадавшим от землетрясения. Эпиграфом к книге послужили слова М. Дудина: “Армения стала моей необходимостью...”. [1, с.3]

В предисловии к книге “Стань даром для людей” поэт Амо Сагиян, высоко оценивая литературную связь Ду-

дина с Арменией, писал: “Наш народ любил и любит всех любящих его — независимо от их требований и великодушия. Любит так же, как и своих родных, единокровных мучеников и подвижников.

Это, наверное, оттого, что до ноябрьского нашего возрождения мало было у армянского народа истинно любивших его, зато ярких ненавистников — и не счесть, мало было у него подлинных друзей, зато злобных недругов — сколько угодно. И потому народ наш освещал и боготворил немногих друзей, кто познал его душу и способствовал спасению и процветанию ее. Байрон, Брюсов, Блок, Горький, Тихонов, Мандельштам, Тычина, Гришашвили, Нансен, Верфель — без поминания этих имен наш народ, как говорится, хлеба не переломит. И в ряду этих истинных друзей свое достойное место занимает и Михаил Дудин”. [1, с.23]

Литература, переводческое искусство объединили М. Дудина с литературоведом Л. Мкртчяном, с которым они часто встречались и в Армении, и в России. Он не раз посвящал Мкртчяну свои наполненные теплотой и большим юмором эпиграммы, в которых ощущается искреннее уважение русского поэта к своему армянскому другу. Высоко оценивая заслуги Мкртчяна в деле развития русско-армянских литературных взаимосвязей, Дудин по поводу пятидесятилетия друга, в напечатанной в “Литературной газете” статье отметил: “Он любит свою Армению и умеет влюблять души людей в ее историю, в ее сегодняшний день и завтрашнее утро. Он великий мастер по классической подготовке друзей Армении. Он делает это с поразительным искусством”. [4, с.6]

С большим восхищением Дудин относился и к личности Амо Сагияна, поэзию которого он переводил целыми циклами. Армянскому поэту М. Дудин также посвятил стихотворение, которое впервые было напечатано в журнале “Дружба народов”, где он выразил свое отношение к его лирике: [4, с.7]

Поэт, воспевавший Зангезур,
Мне по душе твоя натура
И взгляд бездонный, как прищур
Пещер в ущелье Зангезура...

Дудин был большим поклонником поэзии П. Севака, в которой русский поэт, в первую очередь, оценил его веру и правду души, осознавая, что чужого горя не бывает, умеющего сочувствовать всему миру словом и делом. Характеризуя поэта, в лице которого он видел верного сына армянского народа, истинного поэта по таланту и убеждению, Дудин писал: “Он взял в свою душу, пронзенную безумием, искушенную горем своего народа, страдальческую жизнь Комитаса и сделал из нее неумолкаемую колокольню любви и предупреждения. Он очень рано ушел из жизни, но сделал очень много для радости жизни, для нас с вами и для тех, кто придет после нас, для наследников наших песен и нашей любви.

Слушайте колокола Паруйра Севака!” [2, с.165]

Помимо литературы новейшего времени, Дудин был большим знатоком и поклонником средневековой армян-

ской лирики. Так, восхищаясь поэзией Григора Нарекаци, он писал: “Когда читаешь “Книгу скорби”, поражаешься титанической силе Григора Нарекаци, ворочающего каменные глыбы вековых устоев человеческой морали, и начинаешь понимать, что на этих камнях сомнений только и может расти зеленая трава истин человеческой жизни...”

Григор Нарекаци — поэт из храмовой библиотеки общечеловеческой культуры. Он есть хвала и честь армянского народа, его глубоких корней в прошлом, его ветвистой кроны в будущем...” [2, с.168]

Дудин остро реагировал на все события, связанные с Арменией, с ее достижениями и трагедиями. С большой болью русский поэт воспринял весть о землетрясении в Армении, с чувством трагедии он пережил кровавые события Сумгаита, откликаясь на них своими душевными стихотворениями, призывая при этом русский и армянский народы быть ближе друг к другу: [2, с.170]

То геноцид, то сумгаит,
То гром землетрясения.
Все кровь и кровь. И все боли
В твоей судьбе, Армения.

Но достает тебе равно
На хлеб и песню рвения.
И я люблю тебя давно
За веру в жизнь, Армения...

Дудин написал также блестящее предисловие к роману Франца Верфеля “Сорок дней Муса-дага”, который посвящен событиям 1915 года в Западной Армении. Указывая на значимость этой книги, русский поэт отмечал, что горизонты действия этой книги безграничны, и она раскрывает читателям страшную действительность геноцида.

На протяжении целого десятилетия Дудин с большим переводческим мастерством переводил лучшие достижения армянской поэзии, в частности, поэзию Ав. Исаакяна, Е. Чаренца, А. Сагияна, Г. Эмина, С. Капутикян и др.

Дудин переводил поэтов, близких его духовному миру и, не случайно, по этому поводу литературовед Л. Мкртчян отмечал, что для того, чтобы перевести стихотворение, ему надо написать это стихотворение. Поэтому у него не

все получается. Не получился и “роман” с такой замечательной поэтессой, как Маро Маркарян. По этому поводу М. Дудин вспоминал: “Я сам у нее попросил подстрочники. Раз десять садился переводить, но у меня не выходит. Очень уж для меня она армянская и женская. Тогда я отдал эти подстрочники моей хорошей знакомой — Наташе Галкиной (она поэт истинный и интересный). Вот она перевела стихи Маро, и как мне показалось, что-то в ней проглядывает, истинно принадлежащее Маро Маркарян...” [1, с.14]

Дудину было дорого и любимо все, что было связано с Арменией, которую он называл сказочной и прекрасной страной. Изумленный ее историей, традициями, поэзией, музыкой танцами и людьми, в своем эссе “Чаша жизни” он писал: “Но нет и не может быть Армении без армян, древнейшего на земле народа, трудом и мудростью прославившего эту каменистую землю и сделавшего ее почвой своего бессмертия.

Я прикасался к великой поэзии армянского народа и понимал, что все высокое в его духовном мире рождалось на перекрестках истории и было замешано на крови трагедий, на упорстве и мужестве.

Я смотрел на древние фолианты армянских поэтов, и века разговаривали со мной языком преодоления страданий, а пространство истории зацветало маками, как пустыня после дождя...” [2с.182]

Высоко оценивая переводческую деятельность русских поэтов, литературовед Л. Мкртчян писал: “Мы хотим, чтобы наши замыслы, наши дела и наша жизнь были правильно поняты. Мы выражаем себя в книгах, и мы хотим, чтобы книги наших писателей читали в переводах. Нами движет не честолюбие, а жажда быть понятыми. Перевод художественной литературы — это диалог между народами, диалог лучших сыновей народа, ведущий к взаимопониманию, к взаимонеобходимому сотрудничеству. Можно сказать, что основы диалогического мира гораздо более прочны, чем мира монополистического” [5, с.9].

Именно поэтому Армения свято чтит память М. Дудина, посвятившего свою музу и силу своего таланта переводческому искусству. Его переводы из армянской поэзии навечно увековечили себя несмолкающими памятниками поэзии, которые будут вдохновлять и восхищать читателей последующих поколений.

Литература:

1. Дудин, М. Земля обетованная. Ереван. 1989. 150 с.
2. Дудин, М. 5 сестер и 32 брата — все вместе. Ленинград. 1965. 370 с.
3. Лавров, В. Михаил Дудин. Ленинград. 1988. 300 с.
4. Мкртчян, Л. Для человека ход времени печален... Штрихи к портрету М. Дудина. Ереван. 1992. 120 с.
5. Мкртчян, Л. Если бы в Вавилоне были переводчики. Ереван. 1987. 420 с.

Машинный перевод: история, классификация, методы

Дроздова Ксения Андреевна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)

В данной работе описываются основные достижения за историю существования машинного перевода. Статья раскрывает суть работы двух современных систем машинного перевода, использующихся на практике — система статистического перевода и перевода, основанного на правилах. Особое внимание уделяется анализу и сравнению этих систем, а также выделению достоинств и недостатков каждой из них. Кроме того, автором описаны некоторые нерешенные проблемы автоматического понимания и перевода текстов.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, машинный перевод, обработка естественного языка, автоматическое понимание текстов, статистический перевод, перевод «по правилам».

В середине прошлого века родилась идея о том, чтобы переводить тексты с одного языка на другой автоматическим способом без помощи человека. Несмотря на то, что эта задача до сих пор не имеет удовлетворительного решения, за последнее время в этой области достигнут существенный прогресс, а сама постановка проблемы дала почву для развития новых лингвистических теорий.

Датой рождения машинного перевода можно считать 1954 год: именно в этот год произошла публичная демонстрация перевода с помощью вычислительной техники. В истории это событие носит название «Джорджтаунский эксперимент» по имени университета, который совместно с компанией IBM участвовал в его подготовке.

Эксперимент заключался в следующем: машине на вход подавалось около 60 предложений на русском языке, записанных на перфокартах, а машина в свою очередь выдавала перевод этих предложений на английский язык. Выбор языка, с которого осуществлялся перевод, был обусловлен начинающейся холодной войной, и необходимостью в связи с этим анализировать огромные объемы информации, поступающие на русском языке. В качестве предложений для перевода была выбрана достаточно узкая тематика нефтехимии, и все вводимые предложения были очень простыми: «Обработка повышает качество нефти», «Командир получает сведения по телеграфу». При таких условиях эксперимент оказался вполне успешным и получил широкую огласку, несмотря на то, что был задействован довольно маленький словарь (250 слов), а система перевода основывалась только на шести грамматических правилах. Более того, в то время появилось мнение, что задача машинного перевода полностью решится в течении ближайших пяти лет. Однако дальнейшие годы исследований показали, что проблема машинного перевода гораздо сложнее и многограннее, чем ожидалось.

Системы машинного перевода за долгие годы своей разработки претерпевали значительные изменения. Так, первое поколение таких систем, которое принято датировать до середины 1960-х гг., приближено по своей технике к пословному переводу: каждому слову или речевому обороту в исходном тексте подбирается эквивалент на вы-

ходном языке, найденный в словаре. Системы первого поколения не обладали возможностями решения проблем многозначности, не проводили никакого лингвистического анализа, в связи с чем выдавали довольно низкое качество перевода.

Следующий период систем машинного перевода (середина 1960–1970-х гг.) называют вторым поколением. Их внутреннее устройство несколько сложнее, чем у первого поколения: вместо пословного перевода для каждого предложения строится своя синтаксическая структура, основанная на правилах грамматики входного языка. После этого такая структура преобразовывается в синтаксическую структуру выходного языка, а затем выполняется подстановка слов из словаря, то есть синтез предложения на выходном языке.

На этом этапе в технике машинного перевода уже широко применялись как методы морфологического, так и синтаксического анализа, что существенно улучшило качество выходных текстов, однако оставались трудности, связанные с семантикой. В связи с этим следующим этапом в развитии машинного перевода можно считать 1980-е года, когда впервые появляются системы семантического типа. К этому классу относятся системы машинного перевода, в основу которых легла теория «Смысл ↔ Текст».

Теория «Смысл ↔ Текст» была создана прежде всего И. А. Мельчуком в 60–70-е гг. прошлого века. Активное участие в разработке также принимали два других советских лингвиста — Ю. Д. Апресян и А. К. Жолковский. Данная теория представляет собой многоуровневую модель, позволяющую перейти от текста к его смысловой структуре, записанной на некотором универсальном языке, после чего совершить обратный переход от записанной смысловой структуры к любому естественному языку. Переход от текста к смыслу и обратно происходит не непосредственно, а в несколько этапов. Выделяют шесть уровней этого перехода. Предельные уровни: фонологический и семантический; промежуточные уровни: поверхностно-морфологический, глубинно-морфологический, поверхностно-синтаксический и глубинно-синтаксический. Семантический уровень описывается

графом, синтаксические уровни описываются в виде дерева зависимостей, а морфологический и фонологический уровни описываются линейно.

Несмотря на универсальность и весь потенциал данной теории, ее применение в системах машинного перевода пока не дало качественного прорыва. Десятилетия работ по машинному переводу показали, насколько на самом деле велики трудности перехода от естественного языка к универсальному метаязыку, хранящему в себе смысл текста. Однако, на данный момент на основе теории “Смысл ↔ Текст” в институте проблем передачи информации РАН создан лингвистический процессор ЭТАП-3, который занимается переводом между английским и русским языками.

В дополнение к сказанному стоит упомянуть появление интерактивных систем машинного перевода, в которых на разных стадиях перевода привлекается участие человека. Такое участие может быть выражено в разных формах:

- Постредактирование: человек редактирует уже переведенный машиной текст.
- Предредактирование: человек редактирует входной текст, приспособляя его для более легкого понимания машиной.
- Частично автоматизированный перевод: человек и машина взаимодействуют в процессе перевода. Например, использование человеком электронных словарей при переводе; участие человека в процессе машинного перевода для разрешения трудностей.
- Смешанные системы: например, с пост- и предредактированием.

Из всех разработанных ранее систем машинного перевода на сегодняшний день существует два основных самых распространенных типа: основанный на правилах и основанный на статистике. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Системы, основанные на правилах, по сути являются системами второго поколения. Среди них можно выделить два подтипа: трансферные и интерлингвистические, которые в своем фундаменте имеют общую идею — связь структуры входного и выходного предложения.

Трансферные системы включают в себя три этапа: анализ, трансфер и синтез. Для создания внутреннего представления сначала производится морфологический, лексический и семантико-синтаксический анализ входного текста. Затем для каждого предложения строится дерево разбора и производится так называемый трансфер: преобразование структуры входного предложения с учетом требований языка перевода. Последним этапом является синтез, то есть формирование выходного предложения. Классическим примером трансферной системы перевода может служить распространенная система PROMT.

В основе интерлингвистических систем лежит идея существования универсального метаязыка, представляющего смысл предложения на любом естественном языке. Такие системы включают в себя два этапа: анализ и синтез. На этапе анализа входной текст трансформи-

руется при помощи словаря и грамматических правил исходного языка в представление на универсальном метаязыке. На втором этапе это представление преобразуется в предложение выходного языка при помощи словаря и грамматических правил языка перевода. Основным недостатком такого типа систем является до сих пор неразрешенная проблема нахождения универсального для всех естественных языков смыслового представления.

Основными преимуществами систем, основанных на правилах, является высокая точность перевода. Однако, вместе с ней нередко появляется некоторый “машинный” акцент, неестественность выходного текста.

В конце двадцатого века стал доминировать статистический подход машинного перевода. Как можно догадаться, статистический перевод основывается не на правилах, а на статистике. Основной метод такого перевода — обучение машины посредством предоставления достаточно большого (сотни тысяч) количества параллельных текстов — содержащих одинаковую информацию на разных языках.

Рассмотрим методы статистического перевода на примере тех, что использует Яндекс в системе Яндекс.Перевод. Она состоит из трех этапов: модель перевода, модель языка и декодер. Модель перевода для пары языков представляет из себя таблицу, состоящую из всех известных машине слов и фраз входного языка и их переводов на выходной язык с указанием вероятности такого перевода. Система учитывает не только отдельные слова, но и речевые обороты, состоящие из нескольких слов. Далее идет модель языка, а именно модель языка, на который необходимо перевести текст. Она представляет из себя список, состоящий из всех встречаемых в предоставленных текстах слов и словосочетаний вместе с частотой их использования. Перейдем непосредственно к процессу перевода, которым занимается декодер. Каждому предложению исходного текста подбираются все варианты перевода, комбинируя между собой фразы из модели перевода, и располагая их в порядке убывания вероятности. Таким образом модель языка подсказывает декодеру, какой вариант перевода больше подходит данной фразе, основываясь на статистических данных.

Основным преимуществом статистических систем является их качество не отставать от развития и подвижности языка: если в языке происходят какие-либо изменения, система сразу это распознает и самостоятельно обучается. Статистические системы также обладают высокой гладкостью, то есть выдаваемый текст похож на речь, произнесенную человеком. Однако, для существования такой системы необходимы серьезные технические ресурсы, качественные параллельные тексты большого объема. Еще одним существенным недостатком такой системы является отсутствие чувствительности к тонкой структуре текста, из-за чего в выходном тексте может содержаться большое количество грамматических ошибок.

В настоящее время существуют и развиваются высококачественные системы машинного перевода, на помощь которым приходят новые информационные технологии и корпусная лингвистика. Не смотря на это до сих пор существует ряд проблем для осуществления задач машинного перевода. Например, одной из главных сложностей машинного перевода является принципиальная неоднозначность языка. При переводе на английский язык выражения «партия рабов», возникает проблема с определением того, какой смысл имеет это высказывание. Это может быть политическая партия, которую создали рабы, тогда выражение нужно переводить, как «party of slaves». Либо это выражение можно трактовать, как партию рабов, выставленную на продажу или привезенную на континент, тогда правильным переводом будет «consignment of slaves». Эта проблема делает необходимым пони-

мание контекста предложения автоматическим переводчиком, что, конечно, на порядок усложняет задачу.

Еще одна задача для улучшения качества перевода — обучить машину понимать текст как единое целое образование. Это необходимо при переводе машиной заголовков, подписей и других изолированных от контекста частей текста. Существует также необходимость подключения компонента специальных знаний в лингвистические процессоры.

Полное решение задачи машинного перевода до сих пор не реализовано ни в одном проекте, однако, развитие новых лингвистических теорий, современные достижения в области машинного обучения, развитие электронных словарей, тезаурусов, прогресс вычислительной техники оставляют надежду на то, что в будущем удастся получить удовлетворительное решение этой задачи.

Литература:

1. Кузнецов, П. С., Ляпунов А. А., Реформатский А. А. Основные проблемы машинного перевода. Вопросы языкознания, 1956, № 5. — 107 с.
2. Леонтьева, Н. Н. Автоматическое понимание текстов: Системы, модели, ресурсы: Учебное пособие — М.: Академия, 2006. — 304 с.
3. Марчук, Ю. Н. Проблемы машинного перевода / Ю. Н. Марчук. — М.: Наука, 1983. — 112 с.

Фраземы-афоризмы репрезентирующего концепта «Сердце» в англо-руско-грузинских лингвокультурах в вузе (на материале бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»)

Инасаридзе Тамара Павловна, доктор педагогических наук;
Наскидашвили Натия Давыдовна, доктор филологических наук
Горийский государственный учебный университет (Грузия)

Глобализация, протекающая межкультурными и межъязыковыми контактами, актуальна для достижения эффективного диалога и взаимопонимания между народами разных культур.

Культура наивысший уровень языка, язык же воплощение культурных ценностей народа.

Мысль о тесном взаимодействии языка и культуры чётко сформирован В. Н. Телия: «Культура и язык существуют в диалоге между собой».

«Культура — это своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит её, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и настоящего в будущее.» [1., с.225–226].

Цель нашего исследования состоит в изучении, описании и анализе репрезентирующего концепта «Сердце» переосмысляющихся фразем-афоризмов в трёх англо-руско-грузинских лингвокультурах, по поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Выявить сравнительно — сопоставительным анализом ценност-

но-смысловое содержание, идею, понятия, образ, универсалии, эксплицит и имплицит, семантику и прагматику, также национально — специфические особенности репрезентирующего концепта «Сердце», во всех трёх лингвокультурах, т.е. показать особенности языковой картины мира в ментальном пространстве.

«Ведь язык — единственное средство, способную проникать в подсознательную сферу ментальности, так как именно в языке проявляется алгоритм деления мира, заложенный в той или иной культуре.» [2, с. 286].

Языковая картина мира формируется под влиянием ментальных воззрений и культуры носителей языка.

На наш взгляд, именно во фразеологии и афористике, наиболее полно отражается национальное видение мира, проявляются стороны самобытности, менталитета народа.

Фразеологическая картина мира — это особая форма выражения мировосприятия и миропонимания народа, где ценностное, идейное, образное, оценочное познание реалий окружающей действительности получает отражение во фразеологизмах и афоризмах.

Итак, фраземы и афоризмы каждого языка отображают образную картину мира в призме мировосприятия того или иного народа, в котором проявляются особенности национального мышления, мировидения, осмысления, ментальности.

«Фразеология любого языка показывает способ восприятия окружающей действительности через призму национального мировидения.» [3., с. 323].

Каждый язык отражает определённый способ восприятия и концептуализации мира.

Концепт представляет совокупность знания как к языку, так и к ментальному миру человека, концепт — культурное познание, культурные ценности.

Концептуальный подход, позволяет осуществить сопоставительно-контрастивный анализ фразем-афоризмов в трёх англо-русско-грузинских лингвокультурах, которые дают возможность выделить во всём смысловом содержании отдельные, ценностные приоритеты сравниваемых культур, в которых концепт воплощается в обобщённо-образном значении.

Таким образом, концепт существует в сознании и детерминируется в языке.

Тройное сопоставление фразем-афоризмов репрезентирующего концепта «Сердце» показало, что «Сердце» — это символ сосредоточения чувств, эмоциональных переживаний во всех трёх лингвокультурах:

В русском	В грузинском	В английском
с чистым сердцем	სუფთა გულით	with a pure heart
принимать близко к сердцу	მიიტანო გულთან ახლოს	to lay smth to heart
любовь идёт от сердца	სიყვარული მოდის გულიდან	love comes from the heart
предложение руки и сердца	ხელისა და გულის თხოვნა	a marriage proposal

Данные, переосмысленные высказывания репрезентирующего концепта «Сердце» могут приблизиться к культуре и миропонимания в трёх лингвокультурах, в которых отражается взгляд человека на собственный внутренний мир, к его настроению, эмоциям, чувствам, характеру у представителей русских, англичан, грузин, ассоциирующихся с сердцем, основного ориентира — органа человека.

Репрезентирующий концепт «Сердце» «активен во всех трёх лингвокультурах, где различные мыслительные познания проходят через сердце.

Во всех трёх лингвокультурах чувства и эмоции влияют на сердце, и каждому из них свойственно деление сердца. Так, для русских и грузин сердце — это глубина сердца, для англичан дно сердца — bottom of the heart;

Чем глубже чувства, ближе к центру сердца, тем они сокровеннее, таинственнее, сильнее, глубина сердца — это красота, которое очищает человеческое сердце, душу, сознание, и всё это делает человека прекрасным — считают русские и грузины.

Считаем, что «русское сердце», и «грузинское сердце» «дополняют друг друга.

Исследуем репрезентирующий концепт «Сердце» в трёх англо-русско-грузинских лингвокультурах на материале поэмы «Витязя в тигровой шкуре», в котором ярко и разносторонне представлены фраземы-афоризмы, характеризующиеся многочисленными признаками, выражающие эмоции, настроение, характер, глубокие чувства, переживания, способность к любви и состраданию, отражающие мировидения трёх народов.

В поэме концепт «Сердце» упоминается 305 раз с разными нюансами, признаками: пронзить сердце, разбить сердце, чувства и желания сердца, губящее сердце, утраченное сердце, сердечный недуг, плачь сердца, таяние сердца, светящее сердце, сердце добродетель, тоска

сердца, сердечное признание, огненное сердце, сердце — дорога, мост, сердце — радуется, терзается, скорбь сердца, встревоженное сердце, пылающее сердце, преданное сердце, бессердечность, трепетное сердце, смерть сердца, твёрдое сердце...

Рассмотрим из поэмы фраземы-афоризмы репрезентирующего концепта «Сердце», отображающие вышеуказанные разные признаки, трансформируя их с грузинского языка, на русский и английский:

ერთგულება, преданное сердце, devoted heart; [4.]

«გული ერთსა დააჯეროს, კუმბი მიხედეს, თუნდა ქუში;»

«Лишь одной он предан сердцем,

Как бы ни был грозен рок»

«Only he is devoted one by a heart,
As not a fate was threatening.”

უგულო გული, утраченное сердце,

«უგულო კაცი ვერ კაცობს,

კაცთაგან განაკიდიან»

«Человек, утратив сердце,

Жизнью брезгает людской».

«Man, losing a heart,

A still human disdains life.”

უგულოლობა, бессердечность, heartless;

«მძულს უგულო სიყვარული,

ხვევნა, კოცნა, მტლამა — მტლუმი.»

«Бессердечных поцелуев звон весёлый мерзок мне.”

«Heartless kisses, ringing the merry is impertinent to me”.

გული — გზად და ხიდად, сердце — дорога, мост, heart — roads, bridges;

«ხამს მოყვარე მოყვრისათვის

თავი ჭირსა არ დამრიოლად,

გული მისცეს გულისათვის, სიყვარული გზად და ხიდად».

«Друг пусть другу верно служит,
 Не щадя себя ни в чём,
 Должно сердцу быть для сердца и дорогой, и мостом.»
 «Let each other is true,
 Not sparing himself in anything,
 Should be the heart to heart —
 and the road and bridge.»
 გულ — მოკლული, пронзить сердце, pierce the heart;
 «და საბრალა სიყვარული,
 კაცსა შეიქმს გულ — მოკლულად.»
 «Любовь вызывает страдания,
 Пронзает сердца людей.»
 «Love is compassion pierces the
 Hearts of the people.» [4]

Сопоставительный анализ, трансформированных фразем-афоризмов репрезентирующего концепта «Сердце» в трёх лингвокультурах, выявило много общего универсального, уникального, идентичного, как в ценностно-смысловом содержании, так и с точки зрения семантики, и прагматики.

В сравниваемых трёх языках, несмотря на то, что эти языки неродственные обнаруживается ряд общих универсалий и специфических особенностей. Здесь эксплицитное и имплицитное значения грузинского точно совпадают с русским, и с английским. Исследование показало, что во всех трёх лингвокультурах познание «Сердце» универсальна, идентична, уникальна, что и представляет мировидение.

Итак, в данных фраземах-афоризмах репрезентирующего концепта «Сердце» семантическое видоизменение, происходящее в процессе переосмысления, есть отражение универсального познания человека.

В трёх данных лингвокультурах семантические корреляции «Сердца» представляют внутренний, духовный, эмоциональный мир человека.

«Именно во фразеоло-афористике наиболее полно отражается национальное видение мира, проявляются стороны самобытности, менталитета.» [5, с.2]

Исследуя, мы установили, что все три лингвокультуры выражают полную смысловую корреляцию, что ещё раз и указывает на общую культуру универсального мировидения.

Общей семантикой в трёх лингвокультурах репрезентирующего концепта «Сердце» является единая логика мышления, общая картина мира, в основе которой единство представлений и образов.

Образное выражение репрезентирующего концепта «Сердце» и есть результат творческого познания реального мира, и так образное мышление во всех лингвокультурах интерпретирует общее и специфическое в образной картине мира.

«В фокусе концепта оказывается пересечение мира культуры с миром индивидуальных смыслов, концепт — воплощается в обобщённо-образном значении фразеологических единиц.» [6, с.3]

Специфическая характеристика, в исследуемых языках проявляется в структурно-грамматическом строе фразем данных языков, в котором специфические черты заключены в культурно-национальных коннотациях.

Репрезентирующий концепт «Сердце» отображает ценности, смыслы — глубокие чувства, любовь, радость, ... передаваемые в фраземах, которые и являются универсальными во всех лингвокультурах.

Являясь универсальным явлением, понятие «Сердце» универсальна для грузинского, русского и английского языковых сознаний.

Ру斯塔велевское, грузинское сердце — есть символ ощущения, чувственного восприятия мира.

Гениальность Ру斯塔вели и вечная слава его поэмы, её общечеловеческое значение заключается в том, что ещё в 12 веке, он во весь голос воспел «Сердце» — человеколюбия, облагораживающие глубокие сердечные чувства, гуманизм, милосердие, идеальную сердечную любовь, сопровождающаяся сердцебиением, одарённостями, эмоциями.

Руствавелевское, грузинское сердце, как и русское и английское — это символ, хранилище любви и ненависти, которое легко поддаётся нашим желаниям, эмоциям только, то сердце способна любить, которое праведное, желанное, спокойное сердце никогда не ошибается.

Руствавелевское сердце, как и русское, и английское — это выражение глубокого чувства, познания, воспитания, созерцание красоты, мысли, идеи, объединённые в единое целое — сердечность.

Руствавелевское, грузинское сердце — как и русское, и английское — это нечто непроницаемое, иногда непонятное, таинственное: пронзить сердце, ранить сердце, предать сердце, убить сердце, терзать сердце, радость сердца, огненное сердце...

Руствавелевское, грузинское сердце, как и русское, и английское показывает, что сердце не только сознание, но, и основа сосредоточения всех эмоций, главный источник чувств, мышления и воли, желаний, предчувствий, это умное видение, умное деление, мысли, суждения, чисто-сердечности во всех трёх сознаниях.

Результаты исследования репрезентирующего концепта «Сердце» в трёх лингвокультурах дал возможность установить:

- понятийный, образный, ценностно-смысловое содержание;
- наличие схожих значений слов;
- существование общих признаков, характеризующих сердце;
- этимологическую общность и схожее употребление концепта «Сердце».

Общими интерпретациями концепта «Сердце» для трёх исследуемых языков является связь сердца и любви, сердца — чувства, сердце — желания, сердца — печали, сердца — прекрасного, сердца — утраченного, сердца — пронзающего...

В качестве уникальных для восприятия репрезентирующего концепта «Сердце» в трёх лингвокультурах,

мы выделяем идеи: сердце — мышление, сердце — дар, сердце — вера, сердце-разум, сердце — сознание, сердце — душа...

Итак, сердечность в трёх лингвокультурах — есть качество высшей одарённости благородного человека, интегрирующего различные способности в дар служения человечеству.

Можно сказать, что сердце — это средство отображения одного из сильных мировосприятия действительности.

Итак, универсальность репрезентирующего концепта «Сердце» подтверждается существованием и определённой взаимосвязью во всех англо-русско-грузинских лингвокультурах.

Литература:

1. Алефиренко, Н. Ф. «Проблемы фразеологического значения и смысла.» Астрахань. 2000. с. 4.
2. Телия, В. Н. «Фразеология в контексте культуры». Москва. 1996 с. 286.
3. Телия, В. Н. «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты.» Москва 1998 с. 225—226.
4. Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре.» Тбилиси 1984.
5. Фаткулина, Ф. Г. «Категория деструктивности в современном русском языке» Уфа, 2002 с. 323.
6. Inasaridze, T. P. Naskidashvili N. D. «Фразеолы-афоризмы концепта «Любовь» в обучении англо-русско-грузинским языкам, сквозь призму культур.» (На материале поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре.») [5, 7].
7. USA. Chicago. 2015 International Conference «Global Science and Innovation.»

Словарь как предмет лексикографии

Кузнецова Евгения Павловна, кандидат филологических наук, доцент;

Титаренко Валентина Ивановна, студент

Славянский-на-Кубани филиал Кубанского государственного университета (Краснодарский край)

Формирование необходимого уровня учебной самостоятельности школьников и студентов невозможно без формирования навыков использования словарей. Мы полагаем, что в школе и ВУЗе необходимо обучать навыкам работы со словарями разных типов, чтобы владеть методикой пользования словарями на занятиях по иностранному языку, а также в процессе самостоятельной работы.

Для того чтобы разобраться, что же такое словарь и какое место он занимает в науке «лексикография», рассмотрим несколько определений термина «словарь».

Рассмотрим термин «словарь», взятый из Википедии: «Словарь — это книга, информация в которой упорядочена с помощью разбивки на небольшие статьи, отсортированные по названию или тематике» [4]. Более широкое пояснение дано в словаре С. И. Ожегова: «Словарь — собрание слов (обычно в алфавитном порядке), устойчивых выражений с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык (толковый словарь, энциклопедический словарь, фразеологический словарь, двуязычный словарь, терминологический словарь, словарь синонимов, омонимов, антонимов, словарь морфем

Таким образом, трансформируя с одного грузинского языка на русский и английский языки фразем — афоризмов из поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», репрезентирующего концепта «Сердце» показало, «... как универсалия преломляется и интерпретируется в том или ином языке, отражающий взгляд на мир, на призму культур с уникальной сочетаемостью в трёх лингвокультурах» [7, с. 3].

Репрезентирующий концепт «сердце» выявляет особенность менталитета трёх народов, которые отражают мировидение как зеркало, и перерабатывают его в сознании человека. т.е. через трёх англо-русско-грузинских лингвокультурах можно познать и эксплицировать концептуальное содержание сознания.

(толкующий значимые части слов)». Или «Совокупность слов какого-н. языка, а также слов, употребленных в каком-нибудь одном произведении, в произведениях какого-нибудь писателя или вообще употребляемых кем-нибудь» [2, с. 730]. Для сравнения рассмотрим расшифровку этого понятия в оксфордском словаре: «A book dealing with the individual words of a language (or certain specified classes of them), so as to set forth their orthography, pronunciation, signification and use, their synonyms, derivation and history...» (Книга, представляющая отдельные слова языка (или отдельные классы слов), а именно их орфографию, произношение, значение и использование в языке речи. Кроме того, книга может содержать информацию о синонимах, дериватах и этимологии слов в языке...) [3].

Итак, на основе трактовок, взятых из разных источников можно сделать вывод, что словарь — это книга, вбирающая в себя большое количество лексических единиц и информацию о них.

Существуют различные типы словарей. Типология зависит от цели словаря, его объема, языка описания. Не-

словарь словообразовательных элементов немецкого языка» М.Д. Степановой, А.Н. Зуева, И.Д. Молчанова; «Орфографический словарь английского языка / English Spelling Dictionary» И.Ф. Ждановой.

Согласно точке зрения П.Н. Денисова, учебный словарь рассматривается как содержащая упорядоченный по тому или иному принципу перечень слов, отвечающая методическим требованиям и обеспечивающая быстроту и легкость наведения справок [1].

Отметим, что основное назначение учебных словарей — обучение языку. Учебным словарям свойственно методически направлять на определенный этап обучения, возраст обучающихся, уровень знаний учащихся. Определяя функции такого типа словарей, П.Н. Денисов подчеркивает, что учебным словарем считается такой словарь, в котором минимальная лексическая система, составляющая его словник, в состоянии выполнить четыре функции: учебную, систематизирующую, спра-

вочную и нормативную [1]. («Немецко-русский учебный словарь» Е.А. Ивановой.) А.К. Сулейманова, считает, что в некоторых учебных словарях можно заметить также черты энциклопедических словарей. Например, словарь «Longman Dictionary of English Language and Culture» представляет не только лингвистическую, но и культурологическую информацию [6].

Следовательно, учебный словарь может быть использован не просто как справочный материал, но и как самостоятельное учебное пособие по развитию всех видов речевой деятельности и формированию коммуникативной компетентности.

Методист Е.Н. Соловова отмечает, что в лексикографии нет общепринятой типологии словарей. Каждый исследователь выдвигает свои положения и параметры, по которым можно так или иначе сгруппировать существующие словари или, наоборот, априорно экстраполировать возможные их типы [5].

Литература:

1. Денисов, П.Н. Проблемы учебной лексикографии [Текст] / П.Н. Денисов, В.В. Морковкин. — М.: Изд-во МГУ, 1977. — 192 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов. — 4 — е изд., доп. — М.: ИТИ Технологии, 2003. — 944 с.
3. Оксфордский русско-английский словарь = The Oxford Russian — English Dictionary [Текст] / сост. Маркус Уилер. — М.: Локид, 2000: Локид, 2003. — 920 с.
4. Определение слова «словарь» [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия [Официальный сайт]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C> (дата обращения: 9.12.2014).
5. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Продвинутый курс [Текст]: пособие для студ. пед. вузов и учителей / Е.Н. Соловова. — 2 — е изд. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 271 с.
6. Сулейманова, А.К. Общеобразовательные принципы отбора специальной лексики в учебный терминологический словарь [Текст] / А.К. Сулейманова // Квантитативная лингвистика и семантика: сб. науч. тр. Вып. 3. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001.

О принципах перевода трудов французских историков эпохи Просвещения (на примере П. — Ш. Левека)

Кучумов Игорь Вильсович, кандидат исторических наук, доцент

Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН

Сахибгареева Лилия Фанилевна, кандидат филологических наук, доцент

Башкирский институт физической культуры (филиал) Уральского государственного университета физической культуры

В настоящее время нами ведется подготовка русского перевода книги крупного французского историка России Пьера-Шарля Левека (1736—1812) «Histoire des différents peuples soumis a la domination des Russes» («История народов, подвластных России») (далее ИНР). При этом мы опирались на вывод о том, что издания произведений XVIII века «требуют в каждом конкретном случае поисков оптимальных именно для данного текста решений» [1, с. 321—323]. Поэтому мы отказались от до-

словного перевода сочинения П. — Ш. Левека на русский язык, пойдя более сложным путем. Поскольку нормативная документация требует, чтобы «перевод иноязычного текста в публикации должен передавать все характерные особенности содержания и стиля оригинала» [2, с. 62], мы попытались продемонстрировать многослойность ИНР, в которой сочетаются как тексты самого автора, так и другие источники. Для этого перевод по мере возможности был стилизован под язык первого русского

издания «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей» (далее — ОВН), вышедшего в трех томах в 1776—1780 гг. и легшего в основу книги Левека, что, по нашему мнению, позволит читателю увидеть происхождение ИНР. В тех случаях, когда П. — Ш. Левек воспроизводит фразы ОВН практически дословно, они заимствуются оттуда. Во многих случаях этнографические реалии, описываемые французским автором, передаются в терминах и в словопотреблении русского перевода ОВН (поэтому мы, например, в нашем переводе, как и в ОВН, равноценно пользуемся словами «женщина» и «баба», но всегда, как в русских сочинениях того времени, и в том числе в ОВН, «девка» вместо «девушка»). Если же различия между текстом ИНР и текстами ОВН и др. авторов были существенными, то есть билингва отсутствовала, стилизация текста перевода под русский язык того времени не проводилась.

Описывая этнографию монголов, П. — Ш. Левек в основном опирается на знаменитый отчет Д. Плано Карпини. Чтобы показать в этом случае источник ИНР, мы частично приблизили отдельные фрагменты соответствующей главы к тексту «Истории монголов, которых мы называем татарами». При этом нами использовался не ставший фактически каноническим и переиздающийся до сих пор русский перевод А. И. Малеина 1911 г., а вариант Д. Языкова, опубликованный им в «Собрании путешествий к татарам и другим восточным народам, в XIII, XIV и XV столетиях. I. Плано Карпини. II. Асцелин» (СПб., 1825), которое хотя и не считается сегодня удовлетворительным, тем не менее по стилю стоит ближе к русской литературе XVIII в.

В итоге нами был выполнен не дословный перевод ИНР с французского, а создан синтетический текст, сочетающий оригинал с упомянутыми русскими изданиями XVIII в. и в определенной мере приближенный к текстам и стилистике ОВН и других источников, если они имеются в русском переводе. Этот прием, который как мы полагаем, необходим в контексте нашей попытки текстуально показать научную основу ИНР, не имеет никакого отношения к искусственной контаминации фрагментов, взятых из разных источников, и к нарушению нормативных издательских требований. Поскольку целью этих вставок было не переиздание их как исторического и тем более лингвистического памятника, текстологические принципы передачи этих текстов строго не соблюдались. Неустойчивая орфография, характерная для текстов XVIII в., была нами унифицирована и приближена к современной (в частности, все слова, которые в то время писались с прописной, а ныне со строчной буквы мы даем в современном написании; полагаем, что в нашем конкретном случае это не нарушает понимание соответствующих текстов), причем индивидуальные языковые навыки авторов игнорировались.

С учетом синтетического характера представляемого нами текста ИНР его пунктуация сочетается, насколько это возможно, с одной стороны, нормы русской письменной речи XVIII в. и близкие ей французские правила того времени, а с другой — современного русского языка (в тех случаях, где наблюдается отход автора от следования тексту ОВН). При воспроизведении фрагментов текстов XVIII в. были устранены несообразности пунктуации, искажающие для сегодняшнего читателя прямой смысл фразы. Курсив, использовавшийся в XVIII в. в России и в Европе для передачи цитат, терминов и некоторых видов имен собственных (например, этнонимов), и встречающийся как в ИНР, так и у включенных нами в текст ее перевода фрагментов сочинений русских авторов XVIII в., был заменен на современные кавычки. Мы полагаем, что все это не привело к искажениям в семантике и прагматике текстов и не лишило их исторической достоверности.

Имена и фамилии, а также географические названия даются нами в основном в современном написании. Однако географическая терминология приводится нами в соответствии с оригиналом: Ледовитый океан — море (mer), как в русских источниках XVIII в. и в ИРН, а Пенжинская губа — залив (golfe), хотя в синхронной П. — Ш. Левеку русской литературе она тоже именуется морем (о тождестве в ряде случаев моря и залива в русской географической номенклатуре XVIII в. см. [3, с. 162]. Прочие имена собственные в подавляющем большинстве случаев приводятся так, как в русском издании ОВН.

«Специфические понятия, обозначающие наименования должностей, сословий, налогов, юридических терминов и т. д». в основном передаются нами не в соответствии с нормативными предписаниями [2, с. 62], а с ориентацией на текст русского издания ОВН, хотя иногда используется и лексика французского оригинала с ее понятной европейскому читателю XVIII в. терминологией. Как известно, адекватный перевод на другой язык понятий представляет большую сложность. Например, определенную трудность при переводе текстов XVIII в. может представлять французский термин *гасе*. Для правильной передачи его значения по-русски необходимо учитывать, что П. — Ш. Левек и его современники в классификации этносов придерживались трактовки расы, предложенной К. Линнеем в десятом издании своего труда «Система природы» (1758). Этот крупнейший систематик того времени вкладывал в понятие *гасе* не только физические характеристики населения, но и особенности его этнопсихологии и материальной культуры. Основываясь на этом, а также опираясь на русские переводы XVIII в. трудов французских просветителей и анализ осмысления этого термина в России того времени [4, с. 362], мы передаем *гасе* словом «порода». Кстати, именно так *гасе* переводится в русском издании ОВН.

Гораздо большей проблемой была передача французских слов *peuple* и *nation*. Во французской традиции того времени эти термины имели как политическое, так и со-

циальное и культурное значение. Понятие *peuple* во французских академических словарях XVIII в. означало либо «совокупность людей той или иной страны», либо «наименее достойная часть населения». Согласно же «Энциклопедии», «люди», составляющие содержание термина *peuple*, стали означать подлинных тружеников, оказались «земледельцами и рабочими», не только не делаясь от этого «менее достойными», но, напротив, возвышались в ранг «лучших друзей короля» [5, с. 153–154]. Согласно «Словарю Треву» (1771 г.), «несколько народов образуют одну нацию» [6, с. 138].

Понятие *nation* во Франции Старого порядка было многозначным и у разных авторов интерпретировалось по-разному. Нация могла быть либо государственно-политической, либо политико-моральной, либо культурно-исторической категорией. Применительно к ИНР первый вариант трактовки *nation* вряд ли допустим, ибо в интерпретации П. — Ш. Левека у большинства этносов (по современной российской терминологии) связь с государством и монархом либо почти отсутствовала, либо была весьма условной. Нельзя применить к изученным автором этносам и политико-моральную интерпретацию нации, которая у просветителей подразумевала идеальную модель свободного общества-нации. Поэтому мы остановимся на культурно-историческом толковании термина *nation*.

В «Словаре Академии» (издания 1694, 1740 и 1762 гг.) признаками нации названы общая территория, государственность и законы, обычаи и нравы: «Все обитатели одного государства, страны, живущие под одними законами, говорящие на одном языке и т.д... Каждая нация имеет свои обычаи и нравы» [6, 137]. «Словарь Треву» (1771 г.) определяет нацию как «собирательное имя существительное, которое обозначает многочисленный народ, живущий на определенном пространстве земли, заключенном в определенных границах и подчиненном одному правителю... Каждая нация имеет свой особый характер» [6, с. 138]. Вольтер выделял в числе факторов, необходимых для формирования нации, общность законов и языка [6, с. 144]. Руссо отмечал, что «каждая нация обладает особым, своеобычным характером, каковой можно определить, наблюдая не какого-нибудь единичного ее представителя, но целый ряд таковых» [6, с. 146].

Поскольку этническая идентичность в то время была в процессе становления, перечисленные термины обозначали разные реалии и нередко являлись синонимичными.

Столь же многозначной и неустоявшейся семантикой (государственно-политической и культурно-исторической) обладало понятие «нация» и в русском языке [7, с. 8–14]. Однако адекватно перенести на местную почву всю многозначность французского *nation* общественно-политическая мысль екатерининской России не могла — этому препятствовали не только реалии социально-политического устройства страны, но и строгий запрет ее властей на трансфер передовых европейских идей, в конечном итоге подготовивших Французскую революцию. *Nation* в русском переводе французского «Словаря Академии» и в ОВН передается термином «народ» [4, с. 148–149]. Но одновременно в данном контексте можно ощутить и культурно-исторические коннотации, то есть примерно то, что часто имеет место и в современной практике [8, р. 75–105].

Что касается ИНР, то в ней употребляются как *nation*, так и *peuple*, причем в одних случаях автор вкладывает в них разные значения, а в других использует эти слова как синонимы, что было вполне нормальным явлением для того времени. Мы не стали унифицировать их перевод, сводя его, как это сделано в ОВН, только к «народу». Дело в том, что там, где у П. — Ш. Левека семантика *nation* и *peuple* различается, эти слова обозначают таксономические уровни этнических общностей. В основе этнической таксономии ИНР, как и большинства научных сочинений того времени, описывавших население земного шара, лежали идеи К. Линнея. Как и у других «протоэтнографов» эпохи Просвещения, корневым таксоном у него является *гасе*, которую мы, как было сказано, переводим словом «порода». Ниже нее стоит *nation*, что примерно соответствует современным языковым классификациям. Еще ниже — *народ* (нередко автор использует в качестве его синонима слово «нация»), или, говоря современным языком, *этнос*. Если необходимо спуститься еще на одну ступень ниже, то для этого мы позаимствовали из ОВН и синхронной ему литературы термин «колено», которое современный «Словарь русского языка XVIII века» определяет как «род, племя» [9, с. 89–90]. В ОВН под ним подразумевается то, что сегодня в российской этнологии означает этническую или этнотерриториальную группу, являющуюся подразделением этноса.

Полагаем, что изложенные выше принципы перевода могут послужить основой для дискуссии о способах перевода произведений ученых-гуманитариев европейского Просвещения на русский язык.

Литература:

1. Лотман, Ю. М., Толстой Н. И., Успенский Б. А. Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4.
2. Правила издания исторических документов в СССР. 2-е перераб. и доп. изд. М., 1990.
3. Кутина, Л. Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.; Л., 1964.
4. Полный французский и российский лексикон, с последнего издания лексикона французской академии на российский язык переведенный собранием ученых людей. СПб., 1786. Ч. II.

5. Будагов, Р. А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. 2-е изд. М., 2002.
6. Национальная идея в Западной Европе в Новое время: очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М., 2005.
7. Миллер, А. И. История понятия *нация* в России // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. II.
8. Fehrenbach, E. Nation // R. Reichart, E. Schmitt (eds.). Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680–1820. Munich, 1986. Vol. VII.
9. Словарь русского языка XVIII века. Л., 1998. Вып. 10.

Модуляция и антонимический перевод как способы перевода контекстов с ФЕ невербального поведения человека из сказок братьев Grimm с немецкого языка на русский и белорусский языки

Пархомик Владимир Владимирович, магистр филологических наук, аспирант
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка (г. Минск, Беларусь)

Фразеологизмы разных языков сегодня являются востребованными объектами современных антропоцентрических исследований. Перевод фразеологизмов представляет собой непростую задачу, потому что очень часто фразеология содержит особенность несоответствия плана содержания плану выражения, что определяет специфику фразеологической единицы, придает гибкость и глубину ее значению.

Актуальность исследования определяется также недостаточной изученностью переводов контекстов с ФЕ невербального поведения человека, выбранных из сказок братьев Grimm с немецкого языка на русский и белорусский языки.

Цель исследования — проанализировать переводы контекстов с ФЕ, выражающих невербальное поведение человека с немецкого языка на русский и белорусский языки, осуществлённые такими трансформационными способами, как модуляция и антонимический перевод.

Средством достижения эквивалентности перевода служат переводческие трансформации. Все переводческие трансформации чем-то мотивированы. Но это не означает, что переводчик, применяя трансформации, абсолютно точно осознает, для чего он это делает. Многие преобразования выполняются интуитивно и автоматически, но все же любая трансформация чем-то вызвана, определенной необходимостью.

Л. С. Бархударов выделил четыре типа трансформаций:

- перестановки
- замены
- опущения
- добавления

«Переводческая трансформация — это творческий процесс, связанный с глубинным пониманием смысла текста на одном языке и свободное владение выразительными средствами другого языка» [7, с. 61].

Н. И. Дзенис рассматривает переводческие трансформации, выделяя объективные и субъективные переводческие трансформации. Если отметить, что перевод в не-

которой мере субъективен, то Н. И. Дзенис отмечает, что субъективность перевода ограничена рамками ИТ. Субъективность перевода обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: различием в языковых и речевых нормах ИЯ и ПЯ, стилистическими особенностями оригинального текста, индивидуальным стилем автора и т. д.

Перевод фразеологизмов зачастую вызывают затруднения, т. к. «основная трудность заключается в том, что никакой словарь не в состоянии предусмотреть всех возможностей использования фразеологизма в контексте. Фразеологическим единицам так же, как и словам, свойственна многозначность и омонимия» [5, с. 25].

Учёные-лингвисты пришли сегодня к выводу, что фразеологические единицы переводят либо фразеологизмом, в таком случае это называется фразеологическим переводом или же иными средствами (за отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов) — это будет нефразеологический перевод.

Основоположниками немецкого языкознания XIX века были братья Якоб и Вильгельм Grimm, издавшие Немецкий словарь, который был закончен в 1960 году. Братья Grimm создали ряд других научных работ в области грамматики языка. Братья Grimm стояли у истоков немецкой фразеологии, т. к. они были знаменитыми путешественниками, и, путешествуя, Братья Grimm начали вести регулярные записи сказок с 1807 года, во время своего путешествия по Гессену, затем продолжили в Вестфалии. Они много слышали народных выражений, устойчивых фраз, которые затем были отражены в словаре.

Модуляция — лексико — семантическая замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы [8].

Рассмотрим следующие переводные варианты, осуществлённые способом модуляции:

1) нем. *Als bald fuhr das Knüppelchen heraus, dem Wirth auf den Leib, und rieb ihm die Nähte daß es eine*

Art hatte. Der Wirth schrie zum Erbarmen, aber je lauter er schrie, desto kräftiger schlug der Knüppel ihm den Tact dazu auf dem Rücken, bis er endlich erschöpft zur Erde fiel. (Tischchen deck dich, Goldesel, und Knüppel aus dem Sack.) / рус. И как выскочит дубинка, да прямо на хозяина и здорово-таки намяла ему бока. Стал хозяин просить пощады, но чем громче кричал он, тем сильнее, да ещё в такт, колотила дубинка по его спине, пока наконец не упал он без чувств наземь (Столик накройся, золотой осёл и дубинка из мешка) / бел. Як жа выскачыла дубінка, як надавала гаспадару пад бакі, той аж пачаў прасіць літасці. Але чым гучней ён крычаў, тым мацней дубінка трэсла яго (Столік — накройся, залаты асёл і дубінка з мяшка). Так, немецкий контекст dem Wirth auf den Leib, und rieb ihm die Nähte daß es eine Art hatte 'досл. хозяину по телу и натёрла ему швы, что он потерял свой вид'. В данном контексте переводчики соответственно подходяще заменили: рус. здорово-таки намяла ему бока и бел. як надавала гаспадару пад бакі.

2) нем. Da fiel sie ihm um den Hals, als wenn sie ihn küssen wollte, nahm ihm aber mit Behendigkeit den Ranzen von der Schulter und lief damit fort (Der Ranzen, das Hütlein und das Hörnlein) / рус. Тогда она бросилась к нему на шею, как будто для того, чтобы обнять и расцеловать его, а между тем проворно отвязала у него котомку и пустилась бежать (Котомка, шляпа и рожок) / бел. Тут кінулася яна яму на шыю, быццам хочучы яго расцалаваць, а ў гэты час спрытна зняла ў яго з плячэй ранец і, схапіўшы яго, уцякла (Ранец, шапачка і ражок). Так, вторая часть немецкого предложения nahm ihm aber mit Behendigkeit den Ranzen von der Schulter und lief damit fort 'досл. но взял у него с проворством рюкзак с плеч и убежал прочь': рус. а между тем проворно отвязала у него котомку и пустилась бежать, бел. а ў гэты час спрытна зняла ў яго з плячэй ранец і, схапіўшы яго, уцякла, но, как видно, в переводах применённые эквиваленты имеют широкий характер, но логическая связь между двумя наименованиями сохраняется.

3) нем. «Das hast du dumm gemacht, Hans, musstest ihr freundliche Augen zuwerfen» (Der gescheite Hans) / рус. — Это ты, Ганс, глупо сделал, надо было на нее ласково глазами вскинуть (Смышленный Ганс). В данном случае важная лексико-семантическая замена слова произошла в жестовой ФЕ: немецкое прилагательное freundliche 'досл. дружелюбный' на наречие ласково.

4) Нем. Endlich ward ihr von der Arbeit heiss und sie bekam Durst: da blieb sie stehen, drehte den Kopf in die Höhe und schrie ‚miau, miau.‘ (Die drei Glückskinder) / бел. Яна вельмі стомілася, у яе нават у горле перасохла, і захацелася піць. Падняла яна ўверх мордачку і замяўкала: «Мяў, мяў!» (Тры Шчасліўцы). Вместо выражения Endlich ward ihr von der Arbeit heiss, переводчик приводит подходящее по смыслу яна вельмі стомілася и вместо компонента Kopf голова с глаголом поднять было применено слово мордачку. Ср. русский перевод: Наконец стало ей

от такой работы жарко и захотелось ей пить; остановилась она, головой повертела и закричала: «мяу-мяу» (Три счастлильца).

Антонимический перевод — это лексико — грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением [9]. Примером антонимического перевода могут послужить следующие фразеологические единицы:

1) нем. Der andere zahlte mit gleicher Münze, und sie gerieten in solche Wut, dass sie Bäume ausrissen, aufeinander losschlugen, so lang, bis sie endlich beide zugleich tot auf die Erde fielen (Das tapfere Schneiderlein) / рус. Второй отплатил ему той же монетой, и они так разъярились, что стали вырывать ногами с корнем деревья и бить ими друг друга, пока наконец оба не упали за смертью наземь (Храбрый портняжка) / бел. Другі велікан адказаў тым жа, і яны абодва так раззлаваліся, што пачалі вырываць дрэвы ды біць імі адзін аднаго, пакуль не пападалі мёртвымі на зямлю (Храбры кравец). Проследим, как переводчики передали конец немецкого предложения: bis sie endlich beide zugleich tot auf die Erde fielen 'досл. до тех пор пока оба наконец упали на землю', русский и белорусский переводчики представили предложения в виде отрицательной формы: рус. пока наконец оба не упали за смертью наземь, а белорусский — пакуль не пападалі мёртвымі на зямлю.

2) Нем. Als er zum Wirth kam, da machte der große Augen (Mährchen von einem, der auszog das Fürchten zu lernen) / бел. Вярнуўся хлопец да карчмара, а той вачам сваім не верыць. Белорусский переводчик, применив ФЕ вачам сваім не верыць сделал предложение ФЕ отрицательным, в то время как немецкая ФЕ machte der große Augen 'выпучил глаза'.

3) Нем. Nun nahm er ihn heraus, setzte sich ans Feuer und legte ihn auf seinen Schooß, und rieb ihm die Arme, damit das Blut wieder in Bewegung kommen sollte (Mährchen von einem, der auszog das Fürchten zu lernen) / бел. Юнак узяў нябожчыка на рукі, падсеў з ім да агню, пачаў расціраць халодныя рукі. Нічога не дапамагло, кроў не разыходзілася па жыхах. Если придаточное немецкое предложение damit das Blut wieder in Bewegung kommen sollte досл. 'чтобы кровь пришла в движение' не имеет отрицания, то переводчик использовал полное предложение с отрицанием: Нічога не дапамагло, кроў не разыходзілася па жыхах.

4) Нем. Der Königssohn dachte: Der Bund ist leicht, ich will wohl meine Augen offen behalten, doch rief er seine Diener, erzählte ihnen, was die Alte gesagt hatte, und sprach: «Wer weiss, was für eine List dahintersteckt, Vorsicht ist gut, haltet Wache und sorgt, dass die Jungfrau nicht wieder aus meiner Kammer kommt». (Die sechs Diener) / рус. Подумал королевич: «Это задача легкая, уж я и глаз не сомкну», но он все-таки кликнул своих слуг, рассказал

им, что задала старуха, и говорит: — Кто знает, какая за этим хитрость кроется; нужна осторожность, — вы стойте на страже и следите, чтоб девушка из моей спальни не вышла (Шестеро слуг). Элемент антонимического пере-

вода заключается в переводе жестовой ФЕ *will wohl meine Augen offen behalten* 'досл. буду держать глаза открытыми', получив в переводе отрицательную форму ФЕ, уж я и глаз не сомкну.

Литература:

1. Жуков, В. П. Русская фразеология. — М.: Высшая школа, 1986. — с. 221–242.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Издательство Союз, 2000. — С.123.
3. Горденко, Н. В. Сложности перевода английских фразеологизмов на русский язык // Успехи современного естествознания. — 2008. — № 3 — стр. 77–78.
4. Дзенис, Н. И., Перевышина И. Р., Кошкарров В. А. Теория и практика перевода: учебное пособие. — М.: Высшая школа, 2007. — с. 324.
5. Кунин, А. В. Английская фразеология. — М.: Высшая школа, 1970. — с. 24.
6. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М.: Международные отношения, 1974. — с. 149.
7. Семенов, А. Л. Современные информационные технологии и перевод. — М.: Академия Год, 2008. — с. 61.
8. <http://www.studfiles.ru/preview/3066572/page:3/>
9. http://studopedia.ru/7_24112_leksicheskie-i-leksiko-grammaticheskie-transformatsii.html

Лингвистические особенности речевых оборотов, распространенных в различных культурах

Шустова Дарья Сергеевна, студент

Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье рассматриваются различные речевые обороты, используемые в России и англоязычных странах. Показано, что в системе языка номинируется все то, что является или становится предметом обсуждения в обществе. Особое внимание уделено лингвистической стороне языка, использующей обозначения животных для усиления значения выражений.

Ключевые слова: речевые обороты, культура, английский и русский языки.

Каждое общество транслирует свою самобытность посредством системы различных знаков. Язык, являясь универсальным средством передачи накопленного опыта и отражения происходящих событий, позволяет раскрыть лингвистическую специфику представителей различных культур, а также имеющиеся аналоги языковых оборотов в разных странах.

Так, актуальность рассмотрения идиоматических выражений заключается в том, что фразеологические единицы, в состав которых входят зоонимы, представляют собой достаточно большой слой лексики и обладают высокой употребляемостью. Например, выражение «It's raining cats and dogs...» означает сильный ливень, под которым англичане подразумевают конфликт небес, ассоциируя его с вечным противостоянием кошек и собак. «To let the cat out of the bag» имеет значение пробалтаться, нечаянно раскрыть тайну (эта идиома является синонимом лексем *blab (out), blurt*). Идиому «(to have) other fish to fry» люди используют, когда говорят, что они сильно заняты и у них есть другие дела, или более

важные дела. Близка по смыслу идиома «as busy as a bee», характеризующая сильно занятого человека. Выражение «a cock-and-bull story (tale, yarn)» означает фантастическую или невероятную историю, что-то неправдоподобное [7].

Некоторые англоязычные фразеологизмы с зоонимами имеют аналоги в русском языке. А. В. Кунин в «Большом англо-русском фразеологическом словаре» приводит примеры подобных выражений. Под аналогом автор понимает русский устойчивый оборот, который по значению адекватен английскому, но по образной основе отличается от него полностью или частично [4]. К подобным аналогам А. В. Кунин относит такое выражение как «a fly in the ointment», что в русском языке соответствует фразеологизму «ложка дегтя в бочке меда».

В. Н. Комиссаров находит соответствия таким фразеологизмам как *when pigs fly*, («когда рак на горе свистнет» или «после дождика в четверг») [5]. Другое выражение *he that sleeps with dogs must rise up with fleas*, имеет в своем составе зооним, но в русском фразеологизме

с аналогичным значением лексема, обозначающая животное, отсутствует: «с кем поведешься от того и наберешься». Сюда же относится фразеологизм *all is fish that comes to his net*, означающий «доброму вору все в пору». В другом случае в обоих языках используется обозначение животного, но при сходстве значений различна ситуация, представленная во фразеологизме *put the cat near the goldfish bowl* — «пусти козла в огород».

В сопоставлении фразеологизмов английского языка и русского немаловажную роль играет явление калькирования. Калька — заимствование иноязычных слов, выражений, фраз буквальным переводом соответствующей языковой единицы. Дословный перевод фразеологизмов необходим, когда образ, о котором идет речь во фразеологизме, важен для понимания текста, а замена этого образа невозможна из-за недостаточности эффекта. Примером служит фразеологизм «*love me — love my dog*» — «любишь меня — люби и мою собаку», то есть подразумевается все, что связано с человеком.

Здесь важным является факт, описанный С. Влаховым и С. Флориным. Исследователи отмечают, что калькирование возможно только в том случае, если точный перевод может довести до читателя истинное значение фразеологизма [2]. В истинных идиомах — фразеологических сращениях — образная основа почти не воспринимается, из-за чего кальки с них кажутся бессмыслицами. Примером служит выражение «*wait for cat to jump*», которое переводится не дословно — «занимать выжидательную позицию».

Безусловно, для идиом с зоонимами, так же как и для других компонентов лексической системы, характерно такое явление как лакуны. Говоря о самом понятии лакуна, будет уместным привести формулировку З.Д. Попова и И.А. Стернина: «В результате неполной эквивалентности денотативных семем разных языков создается такое явление, как лакуна: отсутствие в одном из языков, сопоставляемых между собой, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке» [5].

На важность разграничения понятия лакуны и лакунарных единиц указывает и Л.К. Байрамова [1]. Она подчеркивает, что лакунарная единица является принадлежностью одного языка, а лакуна — принадлежностью другого языка. Появление лакунарных единиц может быть обусловлено специфическими реалиями, социальными процессами, образом жизни того или иного народа, от-

сутствующими у другого. Как пример, автор статьи приводит английское слово *drive in* — кино для автомобилистов (фильм смотрят на открытом воздухе из машин), ресторан для автомобилистов (еду подают прямо в автомобиль), магазин или банк автомобилистов, где клиентов обслуживают в автомобилях.

М.А. Стернина и А.А. Махонина акцентируют внимание на том, что национальная специфика концептосферы обусловлена национальной действительностью, а не национальным языком. В системе языка номинируется все то, что является или становится предметом обсуждения в обществе.

В научном сообществе выделяют несколько тематических групп лакунов. Обратим внимание на некоторые из них. Так, исследователи выявили 80 лакун группы «Флора и Фауна». Приведем некоторые в качестве примера:

- Вспугнутая стая птиц — *flush*
- Заблудившееся домашнее животное — *waif*
- Собака, побежденная в драке — *underdog*
- Голубь, служащий для приманки других голубей — *stool pigeon* [6].

Очевидно, что наличие или отсутствие концепта никак не связано с наличием или отсутствием в языке номинирующих его единиц. Концепты появляются в результате отражения действительности сознанием человека, а не в зависимости от языка. Именно поэтому в английском языке встречаются лексические единицы, связанные с названиями животных, но не имеющие эквивалента в русском языке. Само слово *pet*, которое на русский язык переводят как домашнее животное, представляют собой лакунарную единицу. *Pet* — это не любое домашнее животное, а питомец, животное, которое держат дома для себя, для развлечения и любви. В то время как в русском языке к понятию «домашнее животное» относятся куры, овцы, коровы, козы и т.д.

Таким образом, между картиной мира как отражением действительности и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения. Носителем, как картины мира, так и языковой картины мира является человек. В рамках языковой картины мира осуществляется связь языка с мышлением, окружающим миром, культурными и этническими явлениями, а также явлениями внутри самого языка. Ведущую роль в создании языковой картины мира играет лексика.

Литература:

1. Байрамова, Л.К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны / Л.К. Байрамова // Вестник Челябинского государственного университета. — Филология. Искусствоведение. — № 25 (240). — Вып. 58. — 2011. — с. 22–28.
2. Влахов, С. Непереводимое в переводе. / С. Влахов, С. Флорин. — М.: Международные отношения, 1980. — 416 с.
3. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
4. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. — М.: Русский язык, 1984. — 944 с.
5. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. — 314 с.

6. Стернина, М. А. Межъязыковые лакуны и национальная концептосфер / М. А. Стернина, А. А. Махонина // Язык и национальное сознание. Вып. 3. — Воронеж, 2002. — с. 74—100.
7. Сытель, В. В. Разговорные английские идиомы / В. В. Сытель. — М.: Просвещение, 1971. — 128 с.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

III Международная научная конференция
Санкт-Петербург, июль 2015 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Подписано в печать 24.07.2015. Формат 60х90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,11. Уч.-изд. л. 19,64. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии Издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 26